

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

А.С. ДАВЫДОВ

ПЕКИН
ВАШИНГТОН
МОСКВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ
АРХИТЕКТониКИ

Москва
ИДВ РАН
2015

УДК 327(510:73:470+571)
ББК 66.4(5Кит)(7Сое)(2Рос)
Д13

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д.и.н. Бергер Я.М., д.воен.н. Болятко А.В., к.э.н. Матвеев В.А.

Д13 **Давыдов А.С.**
Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектуры: монография / А.С. Давыдов. — М. : ИДВ РАН, 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-8381-0298-0

Предлагаемое исследование нацелено на выявление характера причин и факторов, которые, приведя к изменениям во взаимоотношениях между США, КНР и СССР на рубеже 1970-х годов, способствовали возникновению последующих глобальных геополитических трансформаций. Его задачами являются также определение степени воздействия этих изменений на процесс демонтажа биполярной системы мира; установление закономерностей складывания в новых геополитических условиях основ нарождающейся глобальной архитектуры; уточнение конкретной роли каждой из упомянутых стран и их совокупного «тройственного формата» в формировании модели будущего мироустройства; уяснение того, каким образом характер взаимоотношений между США, КНР и Россией в формате так называемой тройки, а также на региональном и глобальном уровнях может влиять на становление нового мирового экономического и политического порядка.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, стратегический треугольник, китайско-американские отношения, взаимоотношения США и России.

УДК 327(510:73:470+571)
ББК 66.4(5Кит)(7Сое)(2Рос)

ISBN 978-5-8381-0298-0

© Давыдов А.С., 2015
© ИДВ РАН, 2015

Содержание

Введение	6
Часть 1. СССР—США: СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА КИТАЙ	23
1.1. Выбор альтернативы для партнерства во второй половине 1940-х годов	23
1.1.1. Маневры США между Гоминьданом и КПК	28
1.1.2. СССР в поисках «опорной силы» в Китае	65
1.2. Советско-китайский раскол и сближение КНР с США как факторы геополитической трансформации в 1970-х годах	94
1.2.1. Подготовка Вашингтона к пересмотру основ китайской политики	98
1.2.2. КНР—США: шаги навстречу друг другу	111
Часть 2. ОТ «ТРЕУГОЛЬНИКА» К МОНОПОЛЯРНОМУ МИРУ	133
2.1. Место и роль Китая в американской стратегии сдерживания СССР на основе «баланса сил»	133
2.1.1. Провал «союзнических иллюзий»	137
2.1.2. Между реализмом и идеологией	154
2.2. Крах «биполярного мира» и модификация взаимоотношений в «треугольнике» США—КНР—Россия	183
2.3. США, КНР и Россия на путях глобализации: монополярность или полицентричность	199

Часть 3. ОТ МОНОПОЛЯРНОСТИ — К МУЛЬТИВАРИАНТНОСТИ	224
3.1. Региональные и глобальные аспекты отношений США, КНР и России в начале XXI века	224
3.1.1. 11 сентября 2001 г. и перемены во внешнем курсе США	233
3.1.2. Гегемонизм и «обретение державности»: игра «на встречных курсах»	242
3.1.3. Россия — сателлит или враг?	269
3.2. КНР: от регионального лидерства к сверхдержавному статусу	275
3.3. Россия: проблема самоидентификации в глобализующемся мире	320
3.4. Формулы грядущего мироустройства: прогнозы и перспективы	338
Заключение	363
Примечания	382
Summary	397

ПЕКИН, ВАШИНГТОН, МОСКВА: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ

Давыдов Андрей Сергеевич — ведущий научный сотрудник ИДВ РАН,
заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».
E-mail: davydov@ifes-ras.ru

Ключевые слова: Китай, США, Россия, стратегический треугольник,
китайско-американские отношения, взаимоотношения США и России

В мире, как известно, нет ничего навечно застывшего и неизменного. Поэтому мировая архитектура, представляющая, по определению, «органическое соединение образующих современный мир отдельных стран, регионов, частей света в композиционно целостное мировое пространство», также находится в процессе постоянной трансформации. Процесс этот — объективный, хотя некоторыми движителями его, безусловно, являются субъективные импульсы или действия его отдельных участников.

На протяжении трех последних четвертей столетия важнейшими участниками и в определенном смысле движущими силами такого процесса выступали Китай, США и СССР (впоследствии Россия). Именно их шаги на мировой арене и взаимоотношения между ними породили целый ряд событий, свидетелями которых нам довелось стать.

Китай не случайно именует себя «срединным государством», фактическим «центром мира». И суть не столько в возвеличивании им собственной исключительности, обусловленной якобы цивилизационным превосходством и достижениями пяти тысячелетий его существования, сколько в том геополитическом положении, которое он занял и продолжает занимать в сегодняшнем мире, благодаря чему с ним не могут не считаться остальные субъекты современных международных отношений. Именно поэтому борьба за Китай, за влияние на него и завоевание его расположения стала составным элементом внешней политики двух извечных соперников на мировой арене — России и США.

Введение

XX век запомнился нам как век научно-технического и общественно-политического прогресса, но одновременно он принес человечеству неисчислимые бедствия и трагические испытания: две разрушительные мировые войны, череду социальных потрясений и национальных революций, гражданских противоборств и внутренних конфликтов, глобальное противостояние двух общественно-политических систем.

На рубеже 1980—1990-х годов настало переломное для международного сообщества время. Крах мировой системы социализма, серьезнейший политический и экономический кризис в СССР, фактически приведший к его распаду, лишили нашу страну статуса «лидирующего глобального игрока». Советское руководство не смогло отстоять позиции супердержавы. Стратегическое отступление, «сдача» бывших друзей и союзников, потеря координат и векторов геополитического развития явились внешними проявлениями тяжелого поражения СССР в холодной войне.

Окончание XX века ознаменовалось также завершением эпохи идеологической конфронтации в сфере международных отношений, которые после распада СССР перестали быть ареной противоборства двух мировых антагонистов — социализма и капитализма. Таким образом, в наступившем новом столетии классово-идеологический фактор, по существу, утратил ведущую роль в международной жизни, уступив приоритетное место экономическим, геополитическим, военным, экологическим, религиозным и другим существенным факторам. При этом в качестве главного стимулятора глобального развития заметно усилилось воздействие экономического интереса, определившего содержание, форму и качество процессов, которые

ключевым образом влияют на формирование современной международной архитектуры. Однако первые признаки грядущих изменений в ней проявились задолго до этого, еще на рубеже 1970-х годов, когда в результате советско-китайского раскола и сближения КНР с США возникли зачатки новой конфигурации в мировом «балансе сил».

В стремлении не допустить ослабления собственных позиций где бы то ни было американцы никогда не пренебрегали любыми доступными средствами, включая попытки противопоставления одних стран другим. Примером таких попыток была стратегия использования в 1970-е — начале 1980-х годов так называемого китайского фактора.

Цель ее состояла в том, чтобы, опираясь на присущие в то время внешней политике КНР тенденции антисоветизма, превратить Китай в долговременный фактор «сдерживания» СССР не только в региональном, но и в глобальном масштабе. В той мере, в какой американские лидеры ощущали «встречную реакцию» КНР, эти попытки обретали конкретные формы американо-китайского сближения, вплоть до элементов стратегического взаимодействия на мировой арене. Окончательное теоретическое и практическое оформление подспудно вызревавшей в умах политиков и политологов концепции «большого стратегического треугольника» и производной от нее «треугольной дипломатии» происходило именно в тот период, серьезно поколебав основы и устойчивость существовавшего биполярного мироустройства.

Распад СССР как главного военно-политического противника США обозначил вступление мира в начале 1990-х годов в качественно новый этап. Соединенные Штаты Америки, оказавшиеся после развала мировой системы социализма в положении единственной глобальной сверхдержавы, взяли на себя функции «мирового полицейского», присвоив право диктовать собственную волю остальным странам. Они инициировали реорганизацию и реструктурирование всемирного геостратегического пространства с целью сохранения и упрочения своей гегемонии. Одним из главных способов достижения этой цели стало использование Америкой своего военного, эко-

номического и информационно-технологического превосходства для обеспечения контроля в наиболее важных для нее регионах, которые, по утверждению американских политических и деловых кругов, составляют сферу интересов США.

Практическая отработка модели «внешнего поведения в новых условиях» впервые была осуществлена Вашингтоном в период кризиса 1990—1991 гг. в Персидском заливе. Используя, а зачастую самостоятельно конструируя разнообразные конфликтные ситуации, США принялись упорно продвигать современный мир в направлении однополярности, умело прикрываясь идеей «глобализации» и необходимостью борьбы с международным терроризмом. Ирак и Афганистан были избраны американцами в качестве первых «пробных полигонов» на пути к повсеместному установлению ими своего доминирования и контроля.

Разрушительными негативными последствиями американской геополитической реструктуризации стали, прежде всего, резкое ослабление роли ООН как главного инструмента поддержания международного мира и безопасности и широкая функциональная подмена этой организации интервенционистскими акциями военно-политического блока НАТО.

Учитывая, что НАТО постоянно находится под неусыпным контролем США, речь по существу шла об укоренении в завуалированной форме силового диктата Вашингтона — изначально в отдельных регионах, а впоследствии на глобальном уровне. Такое доминирование и, как следствие, стремление США к безальтернативному закреплению однополярности предполагали распространение и усиление американского влияния от Пиренеев до Тихого океана, включая Евразию и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Значение Евразии для обеспечения текущих и грядущих интересов США недвусмысленно определил в свое время один из виднейших американских политстратегов Збигнев Бжезинский, заявивший, что «вопрос о том, каким образом имеющая глобальные интересы Америка должна справляться со сложными отношениями между евразийскими державами и, особенно, сможет ли она предотвратить появление на международной арене доминирующей и анта-

гонистической евразийской державы, остается центральным в плане способности Америки осуществлять свое мировое господство»¹.

И Евразия, и АТР являются зонами, где американские интересы, как и прежде, тесно соприкасаются, при всей их разновекторности, с интересами крупнейшей евразийской державы — России и азиатского гиганта — Китая. Исторически сложилось так, что уже на протяжении нескольких десятилетий США, КНР и Россия (а в прошлом СССР) являются по сути «естественными глобальными конкурентами», чему есть целый ряд причин.

Во-первых, географически эти страны представляют разные континенты (хотя Россия территориально и геостратегически является евразийской державой, по своей политико-административной и социально-экономической ориентации, а главное, по культурологической ментальности она все же больше тяготеет к Европе, чем к Азии).

Во-вторых, у каждой из трех стран есть нечто особое и исключительное, чего нет у двух других, но что одновременно нельзя считать ее преимуществом, поскольку такая уникальность при определенных обстоятельствах может обернуться против нее самой и рассматриваться как обременение или негатив. У Китая это самое многочисленное в мире население, которое нужно кормить и обеспечивать ресурсами. У России с ее сокращающимся населением — самая большая территория с несметными запасами природных ресурсов, которые необходимо и охранять, и рационально осваивать. А у США имеется самый могучий научно-технологический потенциал, стимулирующий интеллектуальное развитие, но одновременно порождающий гедонизм, сверхпотребительство и производственную стагнацию, а как следствие — культурный примитивизм и моральную деградацию.

Кроме того, эти страны говорят на разных языках, имеют несхожие исторические и культурные корни и традиции, малосовместимые политические системы, разнятся в своем отношении к духовным и религиозным ценностям. И, наконец, одинаково характерной для всех трех наций является их внутренняя убежденность в предопределенности для каждой из них особой судьбоносной миссии, роли как минимум морального, если не номинального глобального

лидера, претензия на авангардную статусность. Неудивительно поэтому, что мировой климат уже давно зависит и в обозримом будущем сохранит зависимость от того, как складываются отношения между этими тремя мировыми гигантами.

На евразийском пространстве, как известно, в последние годы происходили все основные глобально значимые события, связанные с ликвидацией социалистической системы, укреплением силы и роли НАТО и солидаризирующихся с ней европейских структур, готовых постепенно «приватизировать» те директивные политические функции, которые ООН и ее Совет Безопасности осуществляли в послевоенном мире на протяжении полувека. Не без участия США и западноевропейских стран был запущен и активно развивается процесс превращения прежних союзников СССР в Восточной Европе и его бывших республик в антагонистов, а в отдельных случаях — врагов современной России. Все это, безусловно, затрагивает ее интересы.

АТР же, по общему мнению, практически уже стала ареной экономического и политического соперничества КНР и США. Доля этого региона в мировой экономике неуклонно растет, одновременно увеличивается его удельный вес в мировой политике. В начале XXI века на АТР приходилось 50 % всей международной торговли и до 60 % мирового суммарного ВВП. За последние 15 лет эти показатели возросли еще больше. Значительную часть частного капитала в таких странах региона, как Филиппины, Индонезия, Таиланд, Малайзия, контролируют этнические китайцы — «хуацяо». Вот почему в военно-политических и деловых кругах Соединенных Штатов активно ищут способы закрепления американского влияния в АТР — регионе, который стал одним из самых быстрорастущих и важнейших мировых рынков, привлекательных для американского бизнеса.

На протяжении большей части XX столетия военно-политическая ситуация в районе Азии и Тихого океана отличалась чрезвычайной напряженностью. Здесь имели место наиболее продолжительные и интенсивные конфликты и войны (Японии против Китая, США против Кореи и Вьетнама, КНР против Вьетнама). Соединенные Штаты никогда не переставали подчеркивать первостепенное

значение АТР для своих «жизненно важных» интересов. Даже «уходя» из Азии в начале 1970-х годов в соответствии с положениями так называемой доктрины Никсона и сократив там военное присутствие, они, тем не менее, продолжали сохранять в своих руках (где это было возможно и целесообразно) рычаги экономического влияния и политического контроля.

По меркам 5000-летней китайской цивилизации история ее взаимоотношений с США хотя и не столь продолжительна, однако густо насыщена многими важными и судьбоносными событиями. В августе 2014 г. исполнилось 230 лет с того дня, когда американское торговое судно «Императрица Китая» впервые вошло в южнокитайский порт Гуанчжоу. Это фактически положило начало прямым контактам между Соединенными Штатами и Китайской империей. Официальное установление консульских и дипломатических отношений двух стран последовало, однако, лишь в 1844 г. в результате заключения в г. Ванся первого неравноправного договора между США и Китаем.

В современной российской историографии представлена рациональная, на наш взгляд, периодизация американо-китайских отношений с точки зрения их значения для самих Соединенных Штатов². В первый период, с конца XVIII по конец XIX века, китайская политика США определялась преимущественно интересами торгового капитала. Быстрый рост заморской торговли, особенно с Китаем, вызвал бум в американском судостроении, дал США первых миллионеров, ускорил формирование банковского и промышленного капитала, содействовал созданию предпосылок для прорывного скачка в индустриальной, технической и научной сферах.

Второй период, который начался в конце XIX века и завершился с образованием КНР (1949 г.), характеризовался подчинением американской политики в отношении Китая задачам обеспечения внешней экспансии американского капитала. На Тихом океане основным объектом такой экспансии стал Китай. Представления о нем, как о безграничном рынке сбыта, богатые природные ресурсы, дешевый труд, широкие возможности для инвестиций, предоставлявшиеся императорским двором иностранному капиталу, — все это придавало Китаю уникальную ценность в глазах сторонников созда-

ния американской колониальной империи. При этом амбиции американской буржуазии простирались значительно дальше, чем приобретение в Китае своей доли наравне с другими колониальными партнерами. Идеологи американской экспансии отводили ему в своих проектах роль такого же колониального анклава в Азии, каким для Великобритании считалась Индия³. Не имея, однако, для этого силовых средств, США делали ставку на растущую финансовую и промышленную мощь, рассчитывая вытеснить со временем из Китая европейских конкурентов. Такой установке полностью соответствовала доктрина «открытых дверей», предложенная американцами на рубеже XX века всем державам, вовлеченным в борьбу за раздел Китая. Призванная создать политические и международно-правовые предпосылки для проникновения американского капитала в Китай, доктрина «открытых дверей» с ее принципами «равных возможностей» и «территориальной неделимости» вплоть до начала 1950-х годов активно использовалась США для вытеснения из Китая держав-конкурентов и утверждения собственного господства в этой стране. Именно поэтому США в отличие от европейских государств не концентрировали усилий на приобретении сферы влияния. Их сверхзадачей в Китае было создание проамериканского режима, способного держать всю страну под эффективным контролем.

К началу 1930-х годов американцы приблизились к этой цели. Им удалось добиться преобладающего влияния на центральную группировку в правящей партии Гоминьдан в то время, как рост агрессивности японского милитаризма и его экспансионистские планы в отношении Китая поставили под угрозу самое существование гоминьдановского режима.

После нападения Японии на Соединенные Штаты американо-китайские отношения трансформировались в военный союз, направленный против Японии, ставшей основным соперником США на Тихом океане. Вашингтон связывал с победой над Японией планы устранения из Китая всех соперников, в том числе ближайшего союзника — Великобритании. В реализации своих планов США полагались на Чан Кайши, которого считали подходящей для этого «сильной личностью». И хотя в Вашингтоне не было единомыслия в

оценке ситуации в Китае, поддержка гоминьдановского режима как законного правительства и военного союзника представлялась там неизбежной. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Чан Кайши не смог добиться консолидации нации. Его правительство во время антияпонской войны снискало печальную известность своей неэффективностью, коррупцией, репрессиями против прогрессивных движений, нарушениями соглашений о едином фронте с Коммунистической партией Китая, настроениями готовности у ряда высших гоминьдановских сановников заключить с Японией сепаратный мир, чтобы спасти режим от революции. После капитуляции Японии Гоминьдан продолжал терять популярность и общественную поддержку. Развязанная в стране гражданская война, несмотря на значительную американскую помощь, была им проиграна. Образование Китайской Народной Республики в 1949 г. положило конец планам превращения Китая в американского сателлита.

Под влиянием консервативных сил внутри США правительство Трумэна встало на позиции «сдерживания и изоляции» КНР. Китайская политика Вашингтона вступила в третий период своего развития: КНР стала рассматриваться, главным образом, как геополитическая величина. Причем на первом этапе этого периода, растянувшимся до начала 1970-х годов, подход к ней определялся исключительно идеологическими соображениями, т. е. принадлежностью Китая к мировой системе социализма в контексте реализуемой Вашингтоном концепции «баланса сил».

За шесть с лишним десятилетий с момента образования КНР американо-китайские отношения прошли весьма сложный и тернистый путь. Претерпевая резкие изломы, переживая взлеты и падения, они отличались необычайной зигзагообразностью. Во многом это объяснялось тем, что в политике США в отношении КНР постоянно присутствовали как идеологическая, так и геополитическая составляющие, порою диктовавшие американцам неодинаковые по направленности и далеко не всегда совместимые стратегические решения. Это происходило потому, что соображения прагматизма, как правило, заставляли Вашингтон искать и добиваться взаимопонимания с идеологически чуждым ему руководством коммунистического

Китая по поводу общности угроз американским и китайским интересам со стороны так называемых третьих сил.

При этом следует учитывать, что, несмотря на определенные и существенные зигзаги в формировании американо-китайских отношений, США пока не отказались полностью от намерений при наличии определенных условий вновь задействовать в том или ином варианте «китайский фактор» для достижения своих политических и глобалистских целей, поскольку в практическом плане нередко обращаются к использованию различных модификаций упомянутой концепции «баланса сил».

Идеологический аспект американского курса в отношении КНР, напротив, предусматривает комплекс мер, как мирных, так и насильственных, для отстранения компартии от власти и перевода развития Китая на рельсы либеральной рыночной экономики и демократии западного образца.

Такая противоречивость, базирующаяся на политической конъюнктурности, постоянная необходимость для США добиваться при формировании китайского курса совмещения несовместимого объясняются, с одной стороны, ростом авторитета, влияния и могущества Китая на мировой арене и превращением его в новых условиях в основного геополитического соперника Соединенных Штатов. С другой стороны, это является отражением постоянно меняющегося соотношения сил между либералами и консерваторами в вашингтонских коридорах власти и тех особых интересов промышленно-финансовых, торгово-экономических, военных и других политикоформирующих кругов, которые они обслуживают.

Отношения с США и Китаем всегда занимали ведущее место во внешней политике бывшего СССР. Для Российской Федерации они не утратили своей важности. Напротив, потеря сверхдержавного статуса, а с ним, неизбежно, былого могущества и, следовательно, прежнего международного веса и влияния заставляют Россию более внимательно следить за внешнеполитическим поведением двух крупнейших и наиболее влиятельных держав современного мира. В этом смысле так называемый большой треугольник СССР—КНР—США, который на протяжении последней трети XX века бу-

доражил умы многих политиков и политологов, сегодня несколько видоизменился, утратив заостренность своих «углов», трансформировавшись в конструкцию «Россия—КНР—США» и одновременно приобретая некое новое качество.

Новое время породило новую «политическую геометрию», считают политики и политологи как в России, так и в КНР. «Правильнее сейчас говорить о “тройке”, но не в формате “треугольника”, предполагающего в силу наличия углов некую взаимонаправленность отношений двух против третьего, а о трехстороннем построении, некоем “триумвирате”, включающем КНР, США и Россию», — подчеркивал руководитель Центра стратегических исследований Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая профессор У Дахуэй в ходе организованного агентством РИА-Новости 11 ноября 2009 г. телемоста «Москва—Пекин».

Эта идея всецело совпала с мнением российского руководства, которое изложил в интервью журналу «Проблемы Дальнего Востока» министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, особо отметивший, что «тройка» — именно тот формат, который может способствовать «сопряжению подходов трех стран к обеспечению международной и региональной безопасности, к дальнейшему развитию между ними разностороннего сотрудничества»⁴.

Оформившись в виде «тройки», эта конструкция по-прежнему сохраняла бы определяющее воздействие на вектор стабильности в современной системе мировых связей. Одновременно характерной для нее оставалась бы сильная внутренняя взаимозависимость, при которой то или иное взаимодействие двух ее сторон постоянно предполагало учет реакции на него третьей стороны. Например, как бы ни старались Россия и США улучшить свои двусторонние отношения, это не могло бы произойти само по себе, поскольку огромное влияние на состояние этих отношений оказывает множество факторов, не последним среди которых выступает фактор Китая.

Следует, однако, понимать, что никакая геометрическая конфигурация «не должна предполагать альянса против кого бы то ни было, распределения “под себя” сфер влияния в мире», поскольку время любых схем «раздела мира между великими державами без-

возвратно ушло в прошлое, и сейчас речь может идти только о коллективном решении глобальных и региональных проблем»⁵.

2009 год — год 60-летия образования КНР — был во многом ключевым и поворотным в развитии мировых политических и экономических процессов. Определяющими в этом отношении стали, как известно, несколько решающих моментов. Мировой финансово-экономический кризис и сугубо внутренние неурядицы (обвалы на фондовых рынках, рост безработицы, ослабление национальных валют в ряде стран, иракский, афганский и прочие синдромы) дали старт процессу разрушения однополярного мира во главе с США, которые так и не сумели для долговременного укоренения своего глобального лидерства в полном объеме воспользоваться преимуществами, полученными два десятилетия назад в результате слома биполярной архитектуры в связи с исчезновением СССР.

За эти же годы мощную силу набрал Китай, реально превращающийся из регионального лидера в глобальную супердержаву и ставший ныне единственным претендентом на роль «второй державы мира». Сегодня он самый крупный получатель иностранных инвестиций, обладатель самых больших золотовалютных резервов, занимающий в мировой иерархии 2-е место по объему ВВП. Он обошел Россию по величине расходов на оборону, став и по этому показателю вторым после США. В 2007 г., накануне кризиса, вклад КНР в мировой экономический рост превысил американский. За последние 30 лет Китай вывел из нищеты 400 млн человек. Будучи ныне главным кредитором Вашингтона, Пекин демонстрирует растущие амбиции на международной арене. Аксиомой стало утверждение, что американо-китайские отношения играют сегодня ключевую роль в мировой экономике и политике.

На этом фоне позиции третьей стороны «триумvirата» — России выглядят наименее убедительно. Ее однобокая ориентация на протяжении нескольких последних десятилетий исключительно на экспорт сырья и энергоресурсов привела к тому, что с падением цен на нефть экономический кризис ударил по ней сильнее всех других стран «большой двадцатки». К тому же ей, бывшей еще недавно одной из двух сверхдержав, мешает серьезная озабоченность утратой

своего прежнего мирового статуса. Сохраняющиеся великодержавные амбиции приходят во все более усиливающееся противоречие с имеющимися реальными возможностями. Иногда стремление сохранить влияние выражается в гипертрофированных формах. Зачастую это проявляется в не очень корректных и аккуратных действиях в отношении ближайших соседей. Сопрягая это с тоталитарным прошлым бывшего СССР, правопреемницей которого Россия является, Запад смотрит на нее с боязнью и подозрительностью.

Однако роль и важность России во взаимоотношениях трех держав не становится от этого менее существенной и значимой. Просто в условиях, когда главенствующей сферой отношений между Россией и США являются стратегическая стабильность и военный паритет, но в них отсутствует весомый экономический фундамент, в то время как в китайско-американском сотрудничестве доминирует как раз экономический фактор, вычленив общую составляющую тройственных взаимоотношений довольно трудно.

Тем не менее, и в этой ситуации основы для взаимодействия существуют. Это и перспектива диалога в области сокращения ядерных арсеналов, сотрудничества в нераспространении ОМУ, и решение других стратегических глобальных проблем. На повестке дня остаются также вопросы глобального изменения климата, сохранения безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и целый ряд других.

В любом случае России предпочтительнее искать основы для трехстороннего взаимодействия на пути открытого равнонаправленного диалога с обеими сторонами, развивая партнерские связи с США и одновременно поддерживая стратегические отношения с Китаем.

Настоящее исследование нацелено на **выявление** характера причин и факторов, которые, приведя к изменениям во взаимоотношениях между ведущими мировыми державами — США, КНР и СССР — на рубеже 1970-х годов, способствовали возникновению последующих глобальных геополитических трансформаций. Его задачами являются также **определение** степени воздействия этих изменений на процесс демонтажа биполярной системы мира; **установление** закономерностей складывания в новых геополитических услови-

ях основ нарождающейся глобальной архитектоники; **уточнение** конкретной роли каждой из упомянутых выше стран и их совокупного «тройственного формата» в формировании модели будущего мироустройства; **уяснение** того, каким образом характер взаимоотношений между США, КНР и Россией в формате так называемой тройки, а также на региональном и глобальном уровнях может влиять на становление нового мирового экономического и политического порядка.

Хронологические рамки исследуемого периода охватывают почти семь десятилетий — с середины 1940-х годов по 2013 г. Особо в данной работе анализируется временной промежуток 1940-х годов — начальный, по мнению автора, с точки зрения формирования в будущем так называемого тройственного формата взаимоотношений Китая, США и СССР, когда имели место первые официальные контакты представителей США с руководством КПК в Яньани, трактованные в 1970-е годы некоторыми американскими историками и политологами как «упущенная потенциальная возможность» налаживания отношений с пришедшими в 1949 г. к власти в Китае коммунистами в целях достижения в последующем политического консенсуса, который помешал бы формированию союза между КНР и СССР.

Исходя из задач исследования, автор счел нецелесообразным подробно анализировать отношения США с КНР и СССР в период 1950-х — начала 1960-х годов, когда монолитный союз последних двух держав находился с Америкой в отношениях то обостряющейся, то затихающей постоянной конфронтации.

Обосновывая такой подход к определению хронологических рамок монографии, автор исходит из того, что лишь конец 1960-х годов стал определенной рубежной вехой во взаимоотношениях Китая как с СССР (события на острове Даманский в марте 1969 г.), так и с США (начало разработки в американских властных структурах с приходом в Белый дом Р. Никсона в январе 1969 г. основ так называемой новой китайской политики).

Завершение исследования 2013 годом обусловлено, в том числе и тем, что он тоже стал в определенном смысле «рубежным», совпав-

шим с изменениями во властных структурах США, КНР и России и началом выстраивания взаимоотношений между ними в новых геополитических условиях, когда Америка стала постепенно утрачивать статус мирового гегемона, а Китай — трансформироваться из региональной в одну из ведущих мировых глобальных держав.

Наряду с постановкой целей и обоснованием хронологии исследования целесообразно дать пояснения относительно некоторых терминов, использованных в данной работе. В ходе изучения ряда тематически сходных исследований автор обнаружил, что термин «геополитика» в них трактуется по-разному, в диапазоне от «географически интерпретированной политики» (Э.А. Поздняков)⁶ или «объективной совокупности природно-естественных и технологических факторов, позволяющих субъекту международных отношений осуществлять контроль над пространством» (К.В. Плешаков)⁷ до «совкупности природно- и экономико-географических условий в широком смысле слова (конфигурация границ, климат, численность и размещение населения, уровень экономического развития, размеры территории и ее проницаемость для управления и т. д.), которые изначально, первично определяют положение («исходные позиции») страны в системе международных отношений» (А.Д. Богатуров)⁸.

В относительно недавних изданиях российских словарей и энциклопедий также даются различные определения этого понятия. В «Энциклопедии социологии» (М., 2003) говорится, что геополитика — это «понятие, введенное в западноевропейскую интеллектуальную традицию шведским ученым и парламентским деятелем Р. Челленом», выступавшим с пангерманских позиций за объединение европейских государств под эгидой Германской империи, «в контексте его попытки определить основные характеристики оптимальной системы управления». «Экономический словарь» (М., 2007) трактует геополитику как «политику государства, проводимую или обосновываемую с учетом географических, экономических, демографических факторов мирового масштаба».

Опираясь термином «геополитика», автор опирался на его значение как «науки, изучающей процессы и принципы развития безо-

пасности государств, регионов и мира в целом с учетом системного влияния географических, политических, экономических, военных, экологических и других факторов». Он исходил из того, что «геополитика» — одно из фундаментальных понятий теории международных отношений, характеризующее место и конкретно-исторические формы воздействия территориально-пространственных особенностей положения государства или блоков государств на локальные, региональные, континентальные и глобальные международные процессы.

Говоря о «мировой архитектонике», автор, соглашаясь с разъяснением термина «архитектоника» в толковых словарях, подразумевает органическое соединение образующих современный мир отдельных стран, регионов, частей света в композиционно целостное мировое пространство.

Уточнение терминологических значений играет важную роль в понимании политики США на китайском направлении, весомый вклад в выработку которой продолжают вносить представители различных школ современной американской политологии, отдающие традиционную дань в том числе и основополагающим началам геополитики. Именно теоретики, принадлежащие к этому направлению, обосновывали утверждение о том, что неравное распределение ресурсов, различия в географическом положении обуславливают потенциальные возможности нации, ее политическую систему и характер внешней политики⁹.

Видный представитель американской школы «геополитики» адмирал Альфред Мэхэн в начале XX века выдвинул идею о том, что существенным условием обеспечения могущества является установление контроля над морскими коммуникациями и достижение превосходства в военно-морских силах, предопределяемые якобы «островным положением США».

Н. Спайкмен, Р. Страус-Хюпе, С. Поссоны и другие известные политологи консервативного направления утверждали, что США должны стать центром «балансирующего контроля» над миром, что путь к «универсальной гегемонии» лежит через контроль США над «окраинным полукругом» Евразии. К традиционному геополитиче-

ским критериям, заимствованным из географии, ими добавлялись также другие качественные и количественные показатели: научно-технический уровень развития страны, национальная психология, политические институты и т. д.

В 1960-е годы американский профессор географии и международных отношений Гарольд Спраут попытался продвинуть концепцию «геополитики», обратив особое внимание на роль экономического развития, совершенствования технологии, влияния человека на окружающую среду¹⁰. Выводы этой школы оказали немаловажное воздействие на основоположников «политического реализма» в Соединенных Штатах. Сторонники этой концепции призывали руководителей США отказаться от «идеализма во внешней политике, не ограничиваться национальными интересами, а оказывать помощь демократиям во всем мире в поддержании “баланса сил”».

Именно «политический реализм» явился наиболее важным шагом вперед в изучении международных отношений в середине XX века, позволившим уточнить и развить концепции «баланса сил» и «геополитики». «Политический реализм», в отличие от «идеализма», не придает существенного значения общественному мнению, которое может меняться, а также распространенным представлениям о целях внешней политики. Если «идеалисты» всячески подчеркивают роль международных организаций и сотрудничества, то «реалисты» в целом склонны отрицать «гармонию интересов» различных государств. В условиях постоянных конфликтов потенциальные возможности и ресурсы государств имеют, по мнению «реалистов», важнейшее значение для исхода конфликта и способностей оказывать влияние на мировой арене.

В исторической ретроспективе диапазон рекомендаций американской политологии по поводу китайского курса Вашингтона с момента образования КНР и вплоть до последнего времени широко варьировался от идеологизированной концепции «сдерживания и изоляции» до обоснования необходимости установления «особых отношений» и налаживания «стратегического партнерства». Наиболее характерным примером использования вашингтонской администрацией геополитического потенциала КНР для достижения конкрет-

ных целей была уже упомянутая выше попытка игры на советско-китайских противоречиях в 1960-е — 1970-е годы, когда сама возможность движения отношений между США и Китаем к подобию антисоветской коалиции должна была, по расчетам американцев, сделать руководство СССР более уступчивым в процессе американо-советской разрядки. Оценивая эффективность таких рекомендаций с позиций современного мировоззренческого опыта, неизбежно приходишь к мысли о том, что заложенный в их основу подход во многом искажал реальную ситуацию и подлинную мотивацию принимавшихся решений.

Окончание холодной войны, сопровождавшееся развалом мировой социалистической системы, в корне изменило облик международных отношений и потребовало новых подходов к их изучению. Свою очевидную несостоятельность обнаружили прежние аналитические методики, в основу которых закладывались, в первую очередь, классово-идеологические принципы. При проведении данного исследования автор опирался на методологию комплексного сравнительного анализа с учетом конкретно-исторических условий, чему в значительной степени способствовали результаты теоретических и практических изысканий зарубежных и отечественных специалистов по проблемам международных отношений, идеологии и геополитики.

Часть 1

СССР—США: СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА КИТАЙ

1.1. Выбор альтернативы для партнерства во второй половине 1940-х годов

21 февраля 1972 г. в 11 часов 27 минут пекинского времени воздушный лайнер президента Соединенных Штатов Америки «Боинг-707», именуемый «ВВС-1», который незадолго до этого совершил посадку в аэропорту китайской столицы, плавно подрулил к зданию аэровокзала. Из открывшейся двери салона на трап вступил 37-й президент США Ричард Никсон в сопровождении супруги Патриции, одетой по погоде в демисезонное пальто подходящего случаю ярко-красного цвета.

Как вспоминал впоследствии сам Никсон, увидев во главе группы встречавших его на аэродроме китайских официальных лиц Чжоу Эньлая, весь путь вниз по трапу он проделал с вытянутой для рукопожатия правой рукой, поскольку не забыл о том, как на Женевской конференции 1954 г. госсекретарь США Джон Фостер Даллес демонстративно отказался пожать руку Чжоу, тогдашнему министру иностранных дел КНР. «Когда наши ладони соприкоснулись, завершилась одна эпоха и началась другая», — пафосно резюмировал американский президент.

Следует признать, что в этом случае он был не очень далек от истины. Хотя бы потому, что для того времени поездка Р. Никсона в Китай являлась символической и знаковой, ибо после подписания по ее завершении знаменитого «шанхайского коммюнике» мир ощутил

себя в условиях принципиально иной геополитической реальности. Последовавший в мае того же года визит американского лидера в Москву закрепил это ощущение, неформально подтвердив появление на свет в рамках еще сохранявшейся биполярной системы международных отношений новой геостратегической конфигурации — «треугольника» США—КНР—СССР, сразу ставшего одним из наиболее существенных факторов регулирования мирового баланса сил.

Хотя, строго говоря, первые контуры такого «треугольника» стали прорисовываться еще во второй половине 1940-х годов, когда США в поисках для себя «точки опоры» в Китае прибегли в определенный момент к попыткам установления более тесных связей с компартией этой страны, а советское руководство, несмотря на усилия Мао Цзэдуна по завоеванию политической власти, до последнего сохраняло официальные отношения с правительством Чан Кайши.

В тот период американцев на этом поприще постигла неудача, а идеологические факторы поначалу возобладали над политическими. Однако развернувшаяся в начале 1960-х годов борьба между СССР и КНР за лидерство в международном коммунистическом движении, приблизившая в итоге крах так называемого социалистического содружества, послужила США хорошим импульсом к возобновлению розыгрыша геополитических комбинаций, выгодных для реализации их стратегических целей.

Что бы ни говорили некоторые политики или ученые, им трудно будет аргументированно опровергнуть утверждение, что американо-китайское сближение в начале 1970-х годов произошло, среди прочего, и на почве антисоветизма. К сложившейся тогда во взаимоотношениях внутри «большого треугольника» ситуации, казалось бы, как нельзя лучше подходил известный афоризм У. Черчилля о том, что в политике не бывает постоянных друзей или врагов, а существуют лишь постоянные интересы.

Однако возникает вопрос: так ли легко и просто шел процесс превращения из недругов в «почти друзей» еще недавно политически и идеологически откровенно враждебных держав — США и КНР, и носил ли он чисто конъюнктурный характер или имел под собой одновременно некую практическую основу, покоившуюся на

обоюдной заинтересованности в чем-то большем, нежели тривиальный сговор двух против третьего?

В кругах представителей правящей и академической элит США — приверженцев геополитической концепции «баланса сил» — получило распространение мнение, будто бы резкое сближение Америки и Китая в 1970-е годы было обусловлено наличием определенных предпосылок, существовавших якобы еще в середине 1940-х годов. Во многом именно в силу этого, благодаря действиям американской администрации, «китайский фактор» в конце 1970-х годов по существу стал выступать в качестве своеобразной альтернативы политике разрядки с СССР. Оказывая влияние на позицию значительной части правящих и деловых кругов США, он породил определенные иллюзии, будто сближение с настроенным тогда антисоветски руководством КНР может изменить сложившийся стратегический паритет с СССР в пользу США, укрепить американские позиции настолько, что вполне можно будет обойтись без разрядки, ничего не потеряв. При этом обращение правящих кругов США к установлению контактов с КНР после длительного периода ее непризнания происходило именно в тот момент, когда отношения между Китаем и СССР значительно ухудшились.

Резкое взаимное сближение США и КНР в 1970-е годы после длительного периода враждебности и отчуждения выдвинуло проблему соотношения возможностей реализации предпосылок такого сближения в 1940-е годы и в конце 1960-х — начале 1970-х годов, поскольку тогдашнее усиление антисоветизма в КНР политики либерального направления в самих США восприняли не только как свидетельство в пользу реабилитации своих единомышленников, пострадавших от гонений в период маккартизма за отказ следовать доктринерскому антикоммунизму, но и как торжество либеральных воззрений, подвергавшихся ожесточенным нападениям на отдельных этапах современной американской истории. Стоя на позициях «политического реализма», они подчеркивали постоянное влияние на внешнюю политику Китая факторов националистического характера и настаивали на необходимости для США всячески поддерживать напряженность в отношениях между СССР и КНР. Как следствие

такого подхода на шит американских либералов были подняты усилия тех политических деятелей и дипломатов, которые выступали во второй половине 1940-х годов за налаживание контактов с КПК. В американской политологии получила право на жизнь концепция «потерянного шанса», согласно которой отношения сотрудничества и партнерства со всеми вытекающими из них последствиями могли бы быть установлены между США и пришедшей к власти в Китае коммунистической партией еще в конце 1940-х годов, если бы не препятствия со стороны консервативно настроенных кругов в ряде правительственных учреждений и американском Конгрессе.

Взросшее в результате сближения США и КНР в 1970-е — 1980-е годы внимание американской историографии к периоду краха режима Гоминьдана и победы коммунистов в гражданской войне в Китае было связано со стремлением попытаться путем обобщения политического опыта тех лет показать на фоне субъективных неудач и провалов американского курса в Китае во второй половине 1940-х годов достоинства и притягательную силу концепций американо-китайских отношений в интерпретации американских политиков и политологов либерального толка.

Не отрицая, в принципе, роли и влияния присущего политике Китая в 1960-е — 1970-е годы фактора национализма и антисоветизма на ускорение процесса тогдашнего сближения КНР и США, не следует, однако, на наш взгляд, излишне абсолютизировать его значение.

Анализ взаимоотношений обеих сторон на протяжении двух с лишним веков дает гораздо более полный и объективный ответ на вопрос о причинах исторической, политической, экономической и иной предопределенности нормализации и улучшения американо-китайских отношений, нежели не лишённые налета пропаганды и конъюнктурщины выкладки некоторых политологов. Очевидно, что корни тех трансформаций в американо-китайских отношениях, которые произошли за три последних десятилетия XX века, вызревали в подготовленной определенным образом почве.

Выстраивание Соединенными Штатами своих отношений с КНР и в прошлом, и на современном этапе представляет собой продукт совокупных интеллектуальных усилий американских полити-

ков, дипломатов, политологов, придерживающихся зачастую диаметрально противоположных взглядов — от крайне либеральных до ультраконсервативных. Поэтому порою весьма затруднительно четко определить, какие именно силы и в какой степени оказывают в данный конкретный момент решающее влияние на принятие тех или иных политических решений, тем более, что нередки случаи, когда либералы ратуют за использование консервативных методов, и наоборот. Таким образом, концептуальные основы американского курса в Китае необходимо рассматривать с учетом переплетения и взаимодействия формирующих этот курс составляющих.

Если руководствоваться выражением И. Шоу о том, что «политика — это умение использовать возможности»¹¹, то легко объяснить, почему американские политики и политологи на протяжении десятилетий задавали себе один и тот же вопрос: «Все ли возможности были использованы Соединенными Штатами для того, чтобы в конце 1940-х годов удержать в своей орбите Китай? Не был ли такой шанс утрачен по вине самой американской стороны?». Иными словами, дискуссии в политических и научных кругах США сводились к тому, была ли политика США в отношении Китая в указанный период достаточно «искусной», т. е. разумной, рациональной, обоснованной и правильной. Или наоборот — неразумной, нерациональной и ошибочной, что в результате привело не только к «потере Китая» Америкой, но и к тем неподдающимся исчислению политическим, экономическим, военным, материальным, моральным и прочим издержкам, которые эта потеря для нее в конечном итоге повлекла. Судя по некоторым признакам, ответ на данный вопрос в США окончательно не определен.

В российской и зарубежной исторической литературе, посвященной периоду Второй мировой войны, изучению вопросов сотрудничества и взаимодействия союзников по антигитлеровской коалиции отведено несравненно больше страниц, чем описанию противоречий, внутренних конфликтов и скрытых противоборств между ними. Целый ряд таких трений можно отследить лишь по отдельным фрагментам. Среди них — скрытое соперничество СССР и США в Китае и «за Китай» в период антияпонской войны и после ее окончания.

1.1.1. Маневры США между Гоминьданом и КПК

Развитие американо-китайских отношений в 1940-е годы проходило на фоне сложной и напряженной международной обстановки в контексте противоборства США и Японии на Дальнем Востоке, которое, по существу, являлось составной частью их борьбы за расширение сфер экспансии и влияния в этом регионе и, в конечном счете, за очередной передел мира.

Издавна вынашивая планы колониальной эксплуатации Китая, Соединенные Штаты, воюя с Японией, одновременно соперничали и с рядом западноевропейских государств, включая Великобританию и Францию, в экономическом и политическом подчинении этой страны.

При этом стремление США к завоеванию доминирующего положения в Китае и азиатском регионе в целом, традиционно приоритетном для американских интересов, не ограничивалось только планами ослабления Японии и устранения влияния их западных союзников. Острие американской внешней политики в этом районе было постоянно направлено и против СССР. Еще до начала войны на Тихом океане, несмотря на всю остроту американо-японских противоречий, Япония рассматривалась Вашингтоном прежде всего «как надежный и устойчивый противовес Советскому Союзу на Дальнем Востоке»¹².

Это подтверждает, в частности, известный американский политолог Джон Гарвер, по мнению которого, основу «традиционного стремления США к партнерским отношениям с Китаем составляли два краеугольных камня: во-первых, глубокое уважение к достоинствам китайской цивилизации... и, во-вторых, оценка потенциальной помощи Китая, позволившая рассматривать его как фактор, который можно использовать для противодействия могущественным соперникам США — изначально имперской Японии, а затем СССР. Как это часто случается, американский подход являл собой сплав идеалистической морали и расчетов с позиции грубой силы»¹³.

Безусловно, в первую очередь США не могло не беспокоить влияние СССР на внутривнутриполитическую борьбу в Китае. Наблюдая

за ее развитием и ситуацией, складывавшейся в районах, контролировавшихся китайскими коммунистами, американцы опасались, что если революция в Китае все-таки свершится, она будет носить не только национальный и социальный характер, но явится частью той «мировой революции», подготовкой которой якобы еще недавно были заняты СССР и Коминтерн. Более того, существовали также опасения, что «идея широкого патриотического единого антияпонского фронта, столь привлекательная для всех слоев китайского общества, но вызывавшая замешательство у Чан Кайши, отвечает политическим требованиям Коминтерна», а участие коммунистов в войне сопротивления Японии «будет способствовать территориальному расширению власти КПК и обеспечит ей возможность завоевать влияние у всех классов общества»¹⁴.

Не отрицая учитывавшихся в тот период Соединенными Штатами при разработке политического курса на дальневосточном направлении определенных идейно-классовых мотиваций, среди которых вполне могли фигурировать соображения, связанные с ограничением распространения и усиления там позиций чуждой американскому индивидуализму коллективистской идеологии, осмелимся предположить, что присущий внешней политике США антисоветизм имел, помимо классово-идеологических, и глубокие геополитические корни, поскольку СССР в то время уже был крупной промышленной и мощной военной державой — потенциально опасным для Америки конкурентом в борьбе за влияние в тихоокеанской Азии.

Именно геополитической целесообразностью, прежде всего, руководствовался Вашингтон при определении своей азиатской стратегии. Поэтому, даже находясь во время Второй мировой войны в союзнических отношениях с СССР, американцы стремились постоянно использовать свои излюбленные рычаги «баланса сил» для стравливания тех, кого рассматривали в качестве соперников.

Не секрет, что антисоветская направленность политики правительств США, Великобритании и Франции способствовала широкому развертыванию японской агрессии в Китае еще в 1930-е годы. Намереваясь задушить национально-освободительные силы в этой стране руками японских милитаристов, западные страны стреми-

лись к созданию «дальневосточного Мюнхена» и хотели использовать Японию как ударную силу против СССР.

Вот почему вплоть до второй половины 1941 г. они, по существу, не оказывали значимой помощи Китаю в борьбе с агрессором. Лишь после подписания «тройственного пакта» между Японией, Германией и Италией (сентябрь 1940 г.) и обозначившегося курса Японии на захват, помимо Китая, всей зоны Южных морей, США и их союзники начали склоняться к более решительному противодействию японской экспансии. Но и в этой ситуации они не исключали поиска компромиссного соглашения с Японией, по-прежнему рассчитывая на развитие ее агрессии в северном направлении, т. е. против СССР.

Нападение на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. толкнуло США на серьезные меры противодействия Японии и определенную коррекцию приоритетов в их дальневосточной политике. В силу объективных обстоятельств и СССР, и Китай становились военными союзниками США. В этих условиях Китай приобретал для них новую, гораздо большую значимость и превращался в страну, которая в случае победы над Японией оказалась бы почти исключительно под американским влиянием. Таким образом, в перспективе достигалась одна из главных целей — вытеснение из Китая конкурентов США.

После поражения Японии Китай, по замыслу Соединенных Штатов, должен был превратиться для них не только в источник крупных материальных и человеческих ресурсов, но и в важный военно-стратегический плацдарм, безраздельное обладание которым связывалось с их планами послевоенного господства в азиатском регионе. При разработке антисоветских комбинаций ему отводилась в них видная роль, поскольку в руководстве США полагали, что главной проблемой, с которой Америке предстояло столкнуться на Дальнем Востоке, станет «рост мощи России и вероятность нарушения всего баланса сил в Азии»¹⁵.

В силу своих геополитических параметров — ключевого положения в Восточной Азии, протяженной (7,5 тыс. км) сухопутной границы с важными стратегическими районами Средней Азии и советского Дальнего Востока, демографическими преимуществами (численность населения Китая в то время оценивалась в 450 млн

человек) — именно Китай мог сыграть ключевую роль в будущем противодействии СССР.

Одновременно США принимали меры к тому, чтобы предупредить перерастание сопротивления японской агрессии в Китае в социальную революцию и не допустить его ориентации на Советский Союз. Иными словами, во внешнеполитической программе США Китаю отводилось место американской «экономической и стратегической границы» на Дальнем Востоке.

Единодушно признавая важное значение Китая для своей внешнеполитической стратегии в бассейне Тихого океана, правящие круги США, тем не менее, оказались расколотыми по вопросу о том, как этот фактор может быть использован в американских интересах. Необходимо было найти внутри Китая силы, которые могли бы служить Вашингтону не только надежной опорой, но и средством достижения поставленных целей. Взоры американских политиков обратились поэтому к двум самым представительным политическим организациям в стране — Коммунистической партии Китая (КПК) и партии Гоминьдан.

Освободительная война против Японии способствовала консолидации патриотических сил в Китае, лидером беднейших представителей которых выступала КПК. Гоминьдан, выражавший интересы среднего класса и буржуазных слоев китайского общества и ориентировавшийся во внешней политике на США, был ее постоянным соперником. Несмотря на создание обеими партиями объединенного антияпонского фронта, социально-политический конфликт между ними продолжал сохраняться, периодически обострялся и порой доходил до вооруженных столкновений.

Так, уже в начале 1943 г. США были вынуждены признать, что в результате обострения отношений между КПК и Гоминьданом «единый фронт», объединявший их, стал «фактом прошлого и речь идет не о том, чтобы избежать гражданской войны, а лишь о том, чтобы отсрочить ее, по крайней мере, до победы над Японией»¹⁶.

Исходя из стратегических планов США, в их задачу в тот период входило, таким образом, сохранение единого фронта и, по возможности, предупреждение конфликта между КПК и Гоминьданом.

Примечательно, что она оказалась диаметрально противоположной тому курсу, который США проводили вплоть до нападения Японии на Пёрл-Харбор, фактически поддерживая Чан Кайши в его усилиях по ликвидации «коммунистической опасности» в Китае и ставя идеологические соображения выше прагматических интересов консолидации всех антияпонских сил. При прямом попустительстве Вашингтона Гоминьдан вместо борьбы против интервентов готовил свои армии для развязывания гражданской войны в стране. Справедливости ради следует отметить, что подобная подготовка осуществлялась и в войсках коммунистов.

Проблема политического будущего Китая начала серьезно тревожить американских руководителей задолго до окончания войны в Азии. Оценивая внутривнутриполитическую обстановку в нем, правительство США тщательно изучало не только положение на территории под властью Гоминьдана, но и в районах, контролируемых КПК. Парадокс заключался в том, что в качестве потенциального союзника перед ним предстала опиравшаяся на марксистскую теорию и хорошо организованная «революционная партия, которая развивала и использовала военную силу как один из основных способов в рамках проводимого политического курса, тщательно разработанного с целью изолировать своего оппонента и нанести ему поражение»¹⁷.

Вопреки умозаключениям некоторых американских историков, видевших причину интереса официального Вашингтона в начале 1940-х годов к установлению контактов с представителями КПК исключительно в желании использовать их армии в войне против Японии, есть веские основания утверждать, что она была гораздо многограннее. Стратегия США в Китае, включавшая в качестве составной части ограничение там влияния СССР, требовала более углубленного понимания сути, характера и целей партии китайских коммунистов, ее слабых, а главное, сильных сторон, которые при определенных условиях можно было бы поставить на службу американским интересам.

Еще до войны в научных и журналистских кругах США определенное распространение получило представление о КПК как о партии «популистов-социалистов и аграрных реформаторов», радикаль-

но отличающейся от любых других коммунистических партий того времени. «Яньаньская система — не коммунизм, а аграрная демократия», «коммунизм в Китае — ничего, кроме аграрной реформы», «КПК видит впереди длительный период развития своей страны в условиях существования капиталистических демократических институтов», — писал в своих корреспонденциях проведший в Яньани больше времени, чем кто-либо из иностранцев, британский журналист Майкл Линдсей¹⁸. Ему вторили в статьях, репортажах и исследованиях американские журналисты и публицисты либерального толка — Э. Сноу, А. Стронг, Г. Форман, О. Латтимор, Г. Биссон, Ф. Джаффе и пр. Несмотря на некоторые различия в оценках деятельности КПК, в целом они сходились во мнении, что будущее Китая — за более прогрессивным движением, руководимым коммунистами.

Такая оценка во многом опиралась на услышанное ими в ходе бесед с Мао Цзэдуном и другими лидерами КПК. «Мы не боремся за коммунизм в общественном и политическом смысле, который имеется в виду в Советской России, — говорил Мао в Яньани в начале 1940-х годов будущему автору книги «Доклад из Красного Китая» Г. Форману. — В своем намерении освободить ... миллионы (крестьян) и повысить их жизненный уровень путем осуществления аграрной реформы мы, однако, не пойдем так далеко, как это сделали в Советской России, — отобрать земли у помещиков и распределить народу... [Мы] не призываем к диктатуре пролетариата и не планируем ее, мы не призываем к коллективизму, который подавлял бы личную инициативу, — мы в действительности будем поощрять конкуренцию и частные инвестиции. ...Мы стремимся ограничить возможность установления однопартийной диктатуры, которая практикуется сегодня Гоминьданом»¹⁹.

Для американских властей подобные заявления звучали привлекательно и обнадеживающе, но требовали подтверждения на официальном уровне. Хотя к тому времени первыми такими подтверждениями они уже располагали. Еще в мае 1938 г. две продолжительные беседы с Мао в Яньани имел сотрудник американского посольства в Китае, военно-морской офицер Эванс Карлсон, являвшийся дове-

ренным лицом президента Ф. Рузвельта. Описывая эти встречи, Карлсон сообщал президенту: «Он (Мао Цзэдун), конечно, мечтатель, гений. И обладает сверхъестественным даром проникать в глубь проблемы. Я спрашивал его главным образом о планах китайской коммунистической партии на то время, когда война окончится. Он отвечал, что классовая борьба и аграрная революция, как таковые, будут отброшены — до тех пор, пока нация не пройдет через подготовительный этап демократии. С его точки зрения, государство должно владеть рудниками, железными дорогами и банками, организовывать кооперативы и поддерживать частные предприятия. Что касается иностранного капитала, то, по его словам, инвестиции из тех стран, которые готовы сотрудничать с Китаем на основах равенства, необходимо поощрять»²⁰.

Видимо потому, что Э. Карлсон общался с Ф. Рузвельтом в своем личном качестве, непосредственно и неофициально, в документах Госдепартамента США первые попытки установить прямые контакты между американским правительством и коммунистическими лидерами Китая датируются 1942 г., когда во время визита туда личного представителя президента США Л. Кэрри Чжоу Энлай, находившийся в Чунцине, передал ему через сотрудников американского посольства несколько посланий. В одном из них содержалось предложение об установлении прямых связей между Вашингтоном и Особым районом Китая, контролируемым коммунистами.

Практическая реализация политики налаживания отношений с китайскими коммунистами легла на плечи действовавших в Чунцине американских дипломатов — сторонников идеи установления более тесных контактов с КПК. Примечательно, что на первом этапе ее осуществления (1942—1943 гг.) рекомендации этих лиц в отношении курса на сближение с компартией Китая отличались сдержанностью и осторожностью, которые объяснялись «полным отсутствием *официальной* информации, как политической, так и военной, из районов, контролируемых КПК»²¹. Тем не менее, их депеши, направляемые в Вашингтон, были проникнуты стремлением заинтересовать американское правительство перспективами развития отношений с коммунистами Китая. Дипломаты США старались подчеркнуть, прежде

всего, независимость КПК от СССР и Коминтерна. «Поскольку китайские коммунисты отошли от мировой революции к национализму, они продвинулись также в направлении более умеренного курса в политической и экономической области», писал сотрудник посольства Дж. Дэвис²². Он особо отмечал признание китайскими коммунистами того факта, что «Китай не может совершить немедленный переход от нынешних политических и экономических форм к коммунизму», а также их приверженность принципу «сохранения частной собственности и индивидуальных предприятий»²³. Это давало Дж. Дэвису основание называть руководителей КПК не ортодоксальными коммунистами, а скорее «аграрными демократами».

Идея сотрудничества с КПК встретила, однако, решительное сопротивление американских консерваторов, которые исходили из того, что лидеры китайских коммунистов сохраняют просоветскую ориентацию и, несмотря на роспуск Коминтерна, могут быть подвержены влиянию Москвы²⁴. Поэтому рекомендации посольства Госдепартаменту, впоследствии принятые последним, были весьма осторожными. Правительству США предлагалось избегать возможности оказаться каким-либо образом вовлеченным в китайско-советские отношения, продемонстрировать сочувственный интерес к коммунистам и либеральным группам в Китае, пытаясь привлечь их к военным действиям против Японии, и оказать влияние на Гоминьдан с целью достижения единства внутри страны на основе прогрессивных реформ²⁵. При этом Госдепартамент не ориентировал на установление более тесных связей с КПК, а предлагали использовать контакты с китайскими коммунистами на первых порах лишь как средство, способное заставить гоминьдановский Китай «навести порядок в собственном доме»²⁶. Будущее Китая связывалось с властью настроенного враждебно к СССР «демократического» правительства, симпатизирующего Соединенным Штатам, «которые будут пользоваться в Китае большим влиянием, чем какая-либо другая иностранная держава»²⁷.

В возможности возникновения гражданской войны в Китае американские дипломаты в Чунцине усматривали не только ущерб военным интересам США на Дальнем Востоке, но и усиление совет-

ского влияния в этой стране²⁸. Однако прямая конфронтация с СССР в Китае в результате возникновения там гражданской войны, в которой США в силу проводимой ими политики оказались бы на стороне Чан Кайши, не могла, по мнению многих, в том числе того же Дж. Дэвиса, отвечать интересам американцев. Для выработки политики, соответствующей американским стратегическим замыслам, предлагалось обеспечить свой собственный источник информации в районах, находящихся под контролем КПК, т. е. направить туда миссию военных наблюдателей и учредить генконсульство на этой территории.

Как явствует из американских дипломатических документов, политические цели, связанные с направлением такой миссии, должны были выступать в качестве определяющих по отношению к военным. Особо подчеркивалась необходимость выяснения вопроса, намечается ли «поворот со стороны китайских коммунистов к Советскому Союзу», и быстрого и точного сигнализирования о первых признаках такого поворота.

Немаловажным фактором политического характера, который мог стимулировать интерес США к установлению контактов с Яньанью, было «движение за упорядочение стиля работы» в КПК. Оно было призвано подчеркнуть особую миссию китайской компартии, ее коренное отличие от «доктрины Москвы». Пытаясь разобраться в сущности этого движения, второй секретарь американской дипмиссии в Чунцине Дж. Сервис увидел в нем победу промаоистских сил в КПК над просоветскими и упрочение в партии личной власти Мао Цзэдуна²⁹. На него произвели впечатление эволюция позиции КПК с момента нападения фашистской Германии на СССР, значение, придаваемое руководителями КПК американской помощи Китаю для борьбы с Японией, ориентация китайской экономики на капиталистические формы развития и продемонстрированная Мао Цзэдуном вера в многопартийное правительство, избранное «демократическим путем»³⁰.

Тенденциозность оценок американскими дипломатами-либералами позиции КПК при этом была неизбежна. Чисто тактические шаги со стороны Мао зачастую принимались ими за реальное жела-

ние создать в Китае систему, схожую с американской, и активно сотрудничать с американским капиталом.

Первая группа американских военных наблюдателей, получившая кодовое наименование «миссия Дикси», прибыла в Яньань в июле 1944 г. Первоначально она состояла из девяти человек — представителей американских вооруженных сил, медицинских работников, метеорологов. Ее возглавил бывший помощник военного атташе при посольстве США в Китае полковник Баррет, который занимался в основном военными вопросами. Политические контакты в Яньани были поручены Дж. Сервису.

В течение августа и сентября 1944 г. Дж. Сервис неоднократно встречался и беседовал с Мао Цзэдуном и другими руководителями КПК. В одной из таких бесед, состоявшейся 23 августа, Мао подчеркнул, что СССР ослаблен войной, и компартия Китая не ожидает от него реальной помощи³¹. В целом у американской группы наблюдателей сложилось впечатление, что КПК готова опереться на поддержку Америки в послевоенном экономическом развитии Китая, а Мао и его окружение рассматривают США как «значительную силу в послевоенном мире».

Дж. Сервис считал, что у Мао нет намерения создавать коммунистическое или социалистическое государство и свергать власть Гоминьдана, он не является должником по отношению к Советскому Союзу или Гоминьдану, стремится к взаимопониманию с представителями западных демократий и готов сражаться бок о бок с союзниками при условии получения помощи со стороны США³².

Он приводил слова Мао о том, что «коммунисты не пойдут на трения с США и поэтому будут “идти в ногу” с американской политикой»³³. Вполне устраивали США и заявление лидеров КПК о готовности их армии подчиниться главному командованию союзников, «если бы оно руководило всеми вооруженными силами Китая, в том числе и националистическими», а также позиция Мао Цзэдуна, который высказывался за высадку американских войск в Китае, приветствовал американские капиталовложения в районах, контролируемых КПК, и установление отношений экономического и технического сотрудничества с США.

В специально разработанной к приезду «миссии Дикси» директиве «О дипломатической работе» от 18 августа 1944 г. руководство КПК подчеркивало, что приезд «миссии наблюдателей» знаменует «начало нашей... дипломатической работы» и «на базе военного сотрудничества в последующем можно будет установить культурное, а затем и политическое сотрудничество с США»³⁴. Серьезность намерений Мао, по мнению некоторых американских историков, подкреплялась также его настойчивым стремлением установить прямые контакты с Вашингтоном, добиваясь от правительства США приглашения прибыть в Америку ему и Чжоу Эньлаю или одному из них³⁵.

По свидетельству Дж. Дэвиса, Мао Цзэдун в принципе проявлял готовность к любым компромиссам. Он был согласен, например, убрать из названия партии слово «коммунистическая», отмечая при этом, что даже самые консервативные бизнесмены «не смогут обнаружить в существующей программе КПК положений, которые бы их отпугивали»³⁶. Манипуляции Мао с наименованием КПК, очевидно, выполняли роль своеобразной приманки для привлечения внимания к китайским коммунистам со стороны США. Американские историки отмечали, в частности, что в течение короткого периода в 1944 г. в своих радиопередачах на английском языке китайские коммунисты заменили название своей партии «communist» китайским словом «gongchandan».

Находясь под впечатлением резкого контраста в положении районов, контролируемых КПК и Гоминьданом, некоторые члены «миссии Дикси», в частности Дж. Сервис, не могли, а возможно, и не хотели предположить, что декларации лидеров КПК о желании вступить в тесные отношения с США продиктованы зачастую чисто тактическими соображениями, имеющими в виду прежде всего сотрудничество с американцами с борьбой против Гоминьдана³⁷.

Бывший посланник США в Японии Джон Эммерсон, который посетил Китай в 1944 г. и встречался с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Кан Шэном и другими, так охарактеризовал в 1971 г. в японском журнале «Пасифик комьюнити» позицию Мао в отношении Вашингтона: «В 1944 году Мао стремился завоевать доброжелательность американцев. Его ближайшей надеждой было получить военную по-

мощь, которая ему была нужна, чтобы укрепить свои вооруженные силы и свое правительство. Коммунистические руководители в 1944 году, вероятно, считали, что сотрудничество с Соединенными Штатами будет возможно даже после свержения ими националистического правительства. Мао и его сторонники полагали, что Соединенные Штаты... будут сотрудничать с ними после войны. Они считали, что американцы... помогут развитию Китая. Это была не такая уж беспочвенная мысль, хотя теперь она может показаться таковой». Вероятно, одновременно с этим руководство КПК оценивало свои контакты с иностранными державами, включая США, прежде всего с точки зрения их возможной роли в предстоящем принятии на себя китайскими коммунистами функций правящей партии.

Цели, преследовавшиеся Мао, отчетливо проступают из его заявлений того периода, суть которых сводилась к констатации, что генеральным курсом КПК становилась отныне полная самостоятельность, рассчитанная на противопоставление Гоминьдану, и что поскольку чунцинский режим находился «в преддверии кризиса и краха», метод переговоров с Гоминьданом себя изжил: «Переговоры больше не нужны, они отголосок прошлого...»³⁸.

Рассчитывая, что США и Великобритания будут руководствоваться опасениями в отношении СССР, которые якобы и должны толкнуть эти государства на путь медленного, но верного сближения с КПК³⁹, лидер компартии указывал при этом, что, каковыми бы ни были контакты с американцами, китайская революция «в итоге повернет против империалистов... В конце концов, все равно, признают ли американцы или нет КПК ведущей силой Китая... главное — заполучить оружие, побольше оружия!»⁴⁰.

Сведения, полученные в результате контактов представителей американской группы наблюдателей с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и другими руководителями китайской компартии, легли в основу доклада о состоянии вооруженных сил КПК, представленного полковником Барретом высшему командованию США. В нем обосновывалась необходимость оказания освобожденным районам помощи вооружением, боеприпасами, инструкторами. Отзывы о положении в Яньани и политике, проводимой ее руководством, были со-

стороны миссии самыми благоприятными. Вся эта обстановка давала американцам надежды на реализацию поставленных политических целей.

Хотя контакты представителей США с китайскими коммунистами в рамках общих задач антифашистской коалиции теоретически можно было рассматривать как один из способов мобилизации ресурсов Китая на борьбу с японским милитаризмом, однако в решении о посылке «миссии Дикси» в Яньань нашли отражение противоречивые тенденции в американской политике. Стремясь использовать любые рычаги для укрепления антияпонского фронта, ее инициаторы одновременно очень внимательно следили за развитием внутривнутриполитической обстановки в Китае, имея в виду конфликт между КПК и Гоминьданом. Задача американской дипломатии в этой стране состояла в том, чтобы оказать соответствовавшее долгосрочным интересам США влияние на развитие событий. Одна из целей «миссии Дикси» могла поэтому заключаться в ослаблении в КПК тенденций к сближению с СССР, а также в том, чтобы препятствовать попыткам Гоминьдана установить контроль над освобожденными районами путем гражданской войны⁴¹. Чисто тактические цели миссии таким образом тесно переплетались с долгосрочными интересами США в Азии.

Несмотря на различие стратегических целей КПК и США в тот период, их конъюнктурные интересы в определенной степени совпадали. КПК, как и США, стремилась нанести военное поражение Японии. Китайские коммунисты, готовясь к решающей борьбе за власть, пытались по возможности избежать гражданской войны и одновременно хотели, чтобы США взяли на себя более значимую роль в урегулировании их конфликта с Гоминьданом.

Желание США увидеть в послевоенном мире сильный и противостоящий как СССР, так и Японии Китай могло быть реализовано лишь при условии утверждения в нем дружественного Соединенным Штатам проамериканского режима. Рассматривая вопрос о месте КПК в политической жизни послевоенного Китая, определенные круги в США возлагали надежды на возобладание националистических настроений внутри этой партии и отказ ее руководства от пере-

устройства страны на социалистических началах. Рекомендации экспертов Госдепартамента США, находившихся в Китае, сводились к тому, чтобы Соединенные Штаты, ссылаясь на необходимость мобилизации всех сил на войну с Японией, не отказывались от планов настроить китайских коммунистов против СССР и проводить выгодную для Америки политику в Азии.

Одновременно, видя отношение в Китае к правительству Чан Кайши, они не усматривали в нем реальной силы и предлагали поддерживать не его, а КПК. Подобные сообщения вызывали живой интерес в Вашингтоне. В одной из бесед, состоявшейся в тот период у Ф. Рузвельта с упомянутым Э. Сноу, американский президент отмечал, что сотрудничает в Китае с двумя правительствами и намерен продолжать действовать в этом направлении до тех пор, пока не удастся объединить обе стороны.

С приездом «миссии Дикси» в Яньань был ликвидирован информационный вакуум, в котором до определенного момента пребывала американская администрация в отношении действий КПК. Первые контакты американской стороны в Китае с представителями коммунистов озаменовали появление нового поворота в китайской политике США: попытки либерально настроенных представителей дипломатических и военных кругов преодолеть сковывавшие традиционный внешнеполитический курс пути идеологической ограниченности и использовать в своих интересах сотрудничество с классово-чуждой и идейно-враждебной силой — КПК.

Идея сотрудничества с коммунистами в Китае даже во имя осуществления конкретной и ограниченной цели — победы над Японией — вызывала ожесточенное сопротивление со стороны консервативных кругов американского истеблишмента, считавших лидеров КПК просоветски настроенными, а в прошлом — лояльными Коминтерну, прекратившему существование с мая 1943 г. Тем не менее, летом и осенью 1944 г., сразу после визита «миссии Дикси» в Яньань, мысль о возможности сотрудничества с КПК достаточно прочно закрепились в умах представителей политической элиты США.

Таким образом, для политики правящих кругов США в отношении КПК в середине 1940-х годов было характерно сочетание двух

противоположных подходов: с одной стороны, враждебности и подозрительности, а с другой — поиска основ для возможного манипулирования этой влиятельной силой в американских интересах. Такая двойственность четко отражала прагматическое стремление Вашингтона, приспособившись к конкретным условиям китайской действительности, добиваться, в первую очередь, реализации своих глобальных внешнеполитических целей, став фактически одной из первых попыток «деидеологизации» отношений между американской стороной и китайскими коммунистами.

Лавирование между противоборствовавшими внутри Китая ведущими политическими партиями, Гоминьданом и КПК, в попытках привлечь их на свою сторону с целью реализации Соединенными Штатами собственных стратегических планов и замыслов, наличие существенных разногласий в американском руководстве по вопросу о том, на какую из них опереться, усугубляли сложность стоявших перед США задач.

К концу войны силу в США стремительно набирали консерваторы, боявшиеся распространения влияния и укрепления позиций коммунистов во всем мире в связи с победоносным вступлением советской армии в Европу. Наряду с общими целями антифашистской коалиции — поражением гитлеризма в Европе и Японии на Дальнем Востоке — у США существовали сугубо эгоистические цели по охране собственных интересов в этих регионах, в частности в Китае.

Открыто антисоветский курс США в Китае сводил на нет, с точки зрения Рузвельта, вероятность вступления СССР в войну с Японией после завершения разгрома фашистской Германии, что отдавало для США окончание войны. В то же время для того, чтобы выиграть очередные президентские выборы в 1944 г., Рузвельту необходимо было учитывать все эти разнородные и зачастую противоречивые факторы, а также расстановку сил внутри страны. Хотя администрация Рузвельта планировала оказание военной помощи КПК на заключительной стадии войны против Японии, что подтверждалось опубликованными впоследствии документами Госдепартамента⁴², однако, несмотря на разногласия по ряду вопросов с Чан Кайши, Рузвельт не мог не считаться с той ролью, которую по-

следний играет в Китае. Кроме того, президент США не был заинтересован в росте влияния китайской компартии, в признании ее веса в политической жизни страны и том воздействии, которое она могла бы оказывать на характер китайского государства в послевоенный период. Поскольку в конце 1944 — начале 1945 г. режим Чан Кайши находился в экономической, политической и военной зависимости от США, объединение всех политических и военных сил Китая ценой уступок со стороны Гоминьдана и ограничения власти Чан Кайши противоречило геополитическим и идейно-политическим американским интересам. В этом проявился ограниченный идеологизированный характер китайской политики США.

Очевидным провалом закончилась миссия в Китай посланника Рузвельта генерала Патрика Хэрли, поскольку не была выполнена основная поставленная перед ним задача — «мирное объединение КПК и Гоминьдана на почве совместной борьбы с Японией». Ставка на объединение враждующих группировок в Китае на условиях, выгодных исключительно для правительства Чан Кайши, оказалась неприемлемой для коммунистов и нереальной с политической точки зрения, так как не учитывала ни подлинной силы, ни значения КПК, ни слабостей теряющего влияние в стране гоминьдановского режима.

Непоследовательность действий Хэрли в Китае наиболее убедительно можно было бы объяснить его субъективным стремлением «подстроить» политическую ситуацию в этой стране под его собственные представления и концепции. Для ограниченного консерватора, каковым являлся Хэрли, идеалом политического устройства любого государства представлялась двухпартийная система американского образца. В Китае он пытался воплотить этот идеал в действительность. В своих действиях Хэрли исходил из постулата Рузвельта о необходимости демократизации политической жизни в Китае. Таким образом, налицо было первоначальное совпадение взглядов консерватора Хэрли с позицией КПК и американских либералов по вопросу о создании коалиционного правительства. Расхождения касались характера приоритетов. Консерватор Хэрли связывал будущее Китая с созданием двухпартийного правительства по

американскому образцу, в котором коммунисты занимали бы подчиненное Гоминьдану место. Он отдавал руководящую роль в этом правительстве Гоминьдану потому, что тот был близок ему идеологически и политически, а либералы типа Дж. Дэвиса и Дж. Сервиса делали главный упор на КПК.

Крупная ошибка этих американских либералов состояла в том, что зачастую тактические жесты руководителей КПК воспринимались ими как желание китайских коммунистов «идти в ногу» с американской политикой в целом. Субъективный характер и тенденциозность оценок американскими либералами положения в освобожденных районах Китая и перспектив сотрудничества с КПК были, таким образом, неизбежны.

Провал миссии Хэрли стал закономерным итогом первого этапа борьбы либеральных и консервативных начал в политике США в Китае. Неудача Хэрли, действия которого в Китае шли вразрез с рекомендациями находившихся там американских дипломатов и некоторых сотрудников Госдепартамента, дала последним повод обвинить его в том, что его деятельность помешала попыткам изолировать КПК от влияния СССР. Указанные лица подчеркивали, что если бы США добились установления военного сотрудничества с китайскими коммунистами весной 1945 г. в канун капитуляции Японии, это создало бы абсолютно другую, благоприятную для США основу отношений с Китаем в последующие годы, и уж во всяком случае свело на нет или значительно уменьшило возможность возникновения гражданской войны. Они утверждали, что сотрудничество с националистически настроенными силами в КПК могло минимизировать последствия участия СССР в разгроме милитаристской Японии.

В качестве альтернативы курсу Хэрли некоторые американские дипломаты предлагали в короткие сроки добиться согласия коммунистов на компромисс с Гоминьданом ценой оказания им военной помощи в борьбе с Японией, с тем чтобы «политически завоевать китайских коммунистов на свою сторону, нежели позволить им перейти полностью безоружными на сторону русских»⁴³.

Анализ документов американской внешней политики показывает, что ни широкая вооруженная интервенция, ни полный уход

США из Китая не были приемлемы для американских правящих кругов. Президент Трумэн, сменивший на этом посту скончавшегося в апреле 1945 г. Рузвельта, отмечая «ограниченные возможности США для выбора политического курса в Китае», подчеркивал, что, с одной стороны, США «не могли просто пустить дело на самотек», а с другой — американский народ не одобрил бы намерения вести еще одну большую войну в Азии. «Единственное, что мы могли сделать, это использовать все свое влияние, чтобы воспрепятствовать гражданской войне»⁴⁴.

Практически сразу после капитуляции Японии в сентябре 1945 г. США открыто встали на путь вмешательства во внутренние дела Китая. Активизация гоминьдано-американских контактов и усиление сговора между режимом Чан Кайши и США после разгрома японского милитаризма преследовали еще одну цель — таким путем американские дипломатические и военные круги пытались свети на нет советское присутствие и влияние в Китае.

Занять «жесткую позицию в отношении СССР» считали необходимым некоторые видные политические и военные деятели США. В меморандуме исполняющего обязанности государственного секретаря США Дж. Грю от 12 мая 1945 г., направленном руководителям военного и военно-морского ведомства США, говорилось, что если они считают для США невозможным закончить войну с Японией без СССР, то необходимо принять все меры к тому, чтобы максимально ограничить политические последствия советского участия в ней. При этом Дж. Грю предлагал выдвинуть перед СССР в качестве условия выполнения Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку требование о том, чтобы советское правительство «оказало свое влияние на китайских коммунистов», побудив их помочь правительству США «в его усилиях добиться объединения Китая под руководством национального правительства, возглавляемого Чан Кайши»⁴⁵.

Идеи, содержащиеся в этом меморандуме, развивали и поддерживали также другие представители администрации Трумэна, например, военно-морской министр Дж. Форрестол и посол США в Москве А. Гарриман. Форрестол предлагал, в частности, пока Япо-

ния еще не разбита, рассмотреть дальнейшую политику США «в отношении русского влияния на Дальнем Востоке». В связи с этим он поднимал вопрос о целесообразности сохранения Японии как мощной державы с высокоразвитым промышленным потенциалом⁴⁶. Гарриман, в свою очередь, настоятельно требовал принятия мер против китайских коммунистов, мотивируя это «опасностью» для США оказаться «перед фактом, что миллионы китайцев могут быть готовы... двинуться по приказу Кремля»⁴⁷.

Рузвельт хотел иметь в послевоенном мире прежде всего крепкий и стабильный Китай, способный достигнуть статуса великой державы. Поэтому его мотивы не носили чисто антисоветского характера. Идея использования националистов в рядах КПК для сдерживания СССР после смерти Рузвельта досталась в наследство Трумэну, который развил ее антисоветский компонент при осуществлении практической политики.

С одной стороны, отчетливо видя объективные слабости режима Чан Кайши и гоминьдановской политики внутри страны, американцы понимали, что единственной реальной силой, соперничающей с Гоминьданом в борьбе за власть в Китае, является КПК, которая проявляет заинтересованность в американской помощи и поддержке. С другой стороны, правящие круги США не могли разрывать традиционные узы, связывавшие их с Чан Кайши по двум причинам. Во-первых, не будучи в состоянии перешагнуть идейно-классовые рамки, они рассматривали Гоминьдан как надежного политического и идеологического союзника. Во-вторых, по мнению американцев, гоминьдановское руководство было в тот момент решающей силой, способной воспрепятствовать проникновению коммунизма в Азию.

Реализация подобных планов, естественно, требовала от США немалых усилий, как политических, так и военных. В то же время Конгресс был настроен против участия американских войск во внутренней войне в Китае. В целом он исходил из того, что США должны по-прежнему осуществлять программу помощи гоминьдановскому правительству, как и в военное время⁴⁸. Но уже в октябре 1945 г. в нем существовало ясно выраженное недовольство по пово-

ду присутствия в Китае американских войск, которое, безусловно, подогревалось всеобщим антивоенным настроением, охватившим в то время страну и подкрепляемым призывами «вернуть наших парней домой».

Тем не менее, рост критики в среде законодателей в отношении китайской политики США свидетельствовал и о том, что среди части членов Конгресса было распространено мнение, будто США продвигаются в неблагоприятном для них направлении все большего вовлечения во внутренний конфликт в Китае, принимавший масштабы широкой гражданской войны.

К концу ноября 1945 г. в палату представителей Конгресса было внесено две резолюции, требовавшие вывода американских войск из Китая, поскольку они использовались для оказания помощи одной из сторон в гражданской войне⁴⁹. В сенате критика в адрес китайской политики администрации была не столь резкой, однако и там проявлялись признаки озабоченности в связи с обязательствами пребывания американских войск в Китае.

Несмотря на заметное «поправление» взглядов на ситуацию в Китае и на уровне американской администрации, в ней, тем не менее, сохранялись силы, отстаивавшие более гибкий подход к рассматриваемой проблеме. Одним из сторонников такого подхода к событиям в Китае, в частности в отношении роли СССР, выступал генерал Дж. Маршалл, считавший невозможным справиться с Японией без советского участия, даже при условии применения атомного оружия⁵⁰.

Вот почему разногласия, существовавшие между различными направлениями в китайской политике США, была призвана примирить миссия Маршалла в Китай, одна из целей которой виделась американцам в содействии достижению такого внутривнутриполитического урегулирования, которое не дало бы СССР возможности проникнуть в эту страну, используя местные коммунистические силы.

15 декабря 1945 г. президент Трумэн выступил с заявлением о политике США в отношении Китая, одна из целей которого состояла в том, чтобы рассеять озабоченность Конгресса. В заявлении президент коснулся целей и мероприятий, которые предстояло осуще-

ствить в рамках миссии генерала Маршалла, назначение которого одновременно с отставкой Хэрли ослабило поток критики в адрес Белого дома. В связи с направлением миссии Трумэн писал впоследствии в своих мемуарах: «Решение, которого я пытался достичь через Маршалла, было единственным, посредством которого Чан Кайши мог бы спасти себя без полного военного вмешательства Соединенных Штатов»⁵¹.

Деятельность миссии разворачивалась на фоне откровенного усиления Соединенными Штатами собственных позиций в Китае, увеличения там количества их военных и других специалистов, консультантов, советников, экспертов и т. п. Гоминьдановское правительство стало открыто получать военную помощь, связанную, в частности, с вооружением и транспортировкой войск.

Вашингтон связывал с миссией Маршалла надежды на спасение положения и укрепление позиций США в Китае. В своих расчетах американцы исходили, в частности, из того, что китайские коммунисты хотят избежать гражданской войны, не имея видимого военного превосходства над войсками Гоминьдана и, следовательно, могут вполне благосклонно отнестись к возможности добиться урегулирования спорных вопросов с ним политическими средствами⁵². Гоминьдановцы же, ободренные постоянной поддержкой США, очевидно полагали, что их позиции на переговорах с коммунистами весьма прочны.

Прекращение огня и установление перемирия на период работы Политической консультативной конференции, согласие коммунистов на перемещение некоторой части правительственных войск в Маньчжурию, достижение договоренности об учреждении в Пекине исполнительного штаба для выполнения условий соглашения о прекращении боевых действий⁵³, а также принятие в ходе Политической консультативной конференции ряда резолюций, нацеленных на то, чтобы заложить основу для создания правительственных структур и достижения мира и единства в Китае⁵⁴, рассматривались американской стороной в качестве частичного достижения своей первоочередной цели прекращения боевых действий и замены их политическими переговорами.

Особенно выгодным для Гоминьдана было достигнутое в ходе переговоров при непосредственном участии Маршалла Соглашение о принципах реорганизации вооруженных сил и включении коммунистических войск в национальную армию.

Пойдя на компромисс в вопросах военного строительства, КПК рассчитывала на осуществление ряда выдвинутых ею предложений о демократизации жизни страны в рамках деятельности Политического консультативного совета (ПКС). Обнаружилось, однако, что Гоминьдан, заинтересованный исключительно в подчинении себе армий КПК, в действительности не склонен идти ни на какие существенные политические уступки. Это стало ясно после пленума ЦИК Гоминьдана, состоявшегося с 1 по 17 марта 1946 г., который формально утвердил решения Политического консультативного совета, но фактически свел их на нет, сопроводив рядом оговорок, полностью изменивших характер резолюций ПКС⁵⁵.

На втором этапе миссии перед Маршаллом встала задача укрепления экономической основы режима Чан Кайши, а также изменения форм военной помощи США гоминьдановскому правительству. Вскоре, однако, он оказался перед лицом событий, которые подорвали соглашения, заключенные между сторонами в начале 1946 г., и были связаны с попытками Чан Кайши установить полный контроль над Маньчжурией, развернув там широкие наступательные операции. США оказывали в этом гоминьдановцам определенную помощь. Для американского и китайского капитала важное значение имели природные богатства и промышленность Маньчжурии, а также удобное географическое положение данного района по отношению к СССР.

Все это в совокупности заставило китайских коммунистов усомниться в той роли, которую взяли на себя США в урегулировании конфликта между КПК и Гоминьданом, а также в беспристрастности генерала Маршалла, который отверг требование Чжоу Эньлая к США прекратить переброску гоминьдановских войск в Маньчжурию⁵⁶.

По существу американская политика в Китае в тот период имела откровенно двойственный характер. С одной стороны, миссия Мар-

шалла была призвана содействовать проведению реформ, нацеленных на создание коалиционного правительства. С другой стороны, деятельность США в Китае была направлена на политическое, экономическое и военное укрепление режима Чан Кайши, всячески противившегося коалиции с коммунистами, несмотря на готовность КПК на определенных условиях поступиться самостоятельностью, чтобы добиться статуса общенациональной политической силы в масштабе всей страны и перестать быть исключительно региональной партией, замкнутой в освобожденных районах.

Подчеркивая антиколониальную направленность своей политики на Дальнем Востоке, нацеленной против традиционных колониальных держав — Англии, Франции и Японии, правящие круги США надеялись, что эти декларации найдут положительный отклик у руководства КПК. Однако в середине 1946 г. в условиях, сложившихся после разгрома фашизма, результатом которого стало одновременное укрепление идейных корней социализма в Европе и Азии, позиции тех сил внутри КПК, которые готовы были искать опоры у США, заметно ослабели. Объективно это повышало роль так называемого интернационалистского крыла в КПК, которое традиционно связывало свое будущее с СССР. Тем не менее, усиление этой тенденции в политике КПК в указанный период отнюдь не означало, что националистические настроения были полностью изжиты, а колебания преодолены. Публично осуждая США за проведение политики, направленной на развязывание гражданской войны в Китае, руководители КПК, и в первую очередь Мао Цзэдун, стремились сохранить связи с американской стороной.

Сразу же после опубликования антиамериканского заявления Мао Цзэдуна в конце июня 1946 г., в котором лидер КПК выразил протест против снабжения Чан Кайши американским оружием, осудил деятельность американской миссии военных советников и потребовал, чтобы США прекратили всю «так называемую помощь Китаю» и вывели из страны свои войска⁵⁷, Чжоу Эньлай направил Маршаллу объяснение, в котором заверил, что «эти протесты и критика не должны ни в коем случае восприниматься как враждебное отношение коммунистов к американскому народу и правительству

США в целом. Они прежде всего намерены побудить правительство США... внести необходимые поправки [в проводимую им политику], чтобы не повредить традиционной китайско-американской дружбе»⁵⁸.

В беседе с американским послом Стюартом в августе 1946 г. он же заявлял: «Я могу заверить вас, что коммунисты не имеют намерения вступать каким-либо образом в конфликт с США... Гоминьдановские поджигатели войны провоцируют третью мировую войну, толкая коммунистов в объятия Советского Союза и получая помощь исключительно от США»⁵⁹. Доказательства того, что эти высказывания в указанный период представляли уже не просто тактические уловки, а отражали последовательную политическую линию, содержатся в рассекреченных в 1978 г. документах Госдепартамента США, из которых следует, что все тот же Чжоу Эньлай обратился в 1949 г. к «высшим властям США» через американских представителей в Пекине с просьбой «помочь Китаю проводить независимый курс между Западом и Советским Союзом»⁶⁰.

Позиция Чжоу Эньлая нашла якобы поддержку у генерального консула США в Китае Эдмунда Клабба, но вызвала негативную реакцию у временного поверенного в делах США в СССР Фоя Колера, который телеграфировал в Вашингтон о самоочевидности для посольства того факта, что «КПК вряд ли отойдет от коммунистической ортодоксальности из-за нынешней тяги Запада к торговле». Как подчеркивал Колер, «политика должна быть твердой, терпеливой и неподверженной соблазнам»⁶¹.

Подобные настроения, широко господствовавшие среди американских дипломатов и политиков в 1949 г., выражались в Конгрессе США еще в июле 1946 г. Некоторые конгрессмены уже тогда полагали, что политика, проводимая в Китае Маршаллом, ошибочна, и если он принудит Чан Кайши к соглашению с китайскими коммунистами, сложится положение, при котором «вся Азия превратится в сферу влияния Советской России»⁶².

Состоявшиеся в конце 1946 г. выборы в Конгресс лишь упрочили позицию сторонников опоры на Чан Кайши. В преддверии холодной войны в Конгрессе США нового созыва, контролируемом

республиканцами, начался процесс увязывания положения в Китае и политики в отношении этой страны с более широкими планами по «сдерживанию мирового коммунизма». В этих условиях отдельным американским законодателям становилось все труднее доказывать несостоятельность поддержки Соединенными Штатами гоминьдановского режима.

Отсутствие политического урегулирования в Китае, частые нарушения перемирия и перерастание локальных вооруженных столкновений в широкую гражданскую войну — все это не только ухудшало и без того сложное положение в стране, но и влияло на политику США. Серьезный удар по переговорам между враждующими группировками был нанесен в результате принятого Чан Кайши в одностороннем порядке решения о созыве Национальной Ассамблеи 11 ноября 1946 г. В заявлении от 19 ноября 1946 г. Чжоу Эньлай осудил созыв Национальной Ассамблеи и заявил, что этим шагом правительство нарушило статус-кво, сложившееся в результате январского соглашения о прекращении огня. Его отъезд в Яньань ознаменовал конец попыток со стороны коммунистов добиться урегулирования конфликта путем переговоров. Вскоре после этого, 6 января 1947 г. президент Трумэн объявил об отзыве Маршалла из Китая.

Американские исследователи политики, проводимой США в Китае во второй половине 1940-х годов, признавали, что миссия Маршалла первоначально, наряду с широко разрекламированными целями установления мира в Китае на условиях, которые позволяли бы создать демократическое правительство под эгидой Чан Кайши, достигнуть внутреннего урегулирования, а также содействовать правительству Гоминьдана в утверждении его власти по возможности над более обширными территориями, была направлена на то, чтобы воспрепятствовать проникновению СССР в Китай посредством использования сил местных коммунистов. В частности, Вашингтон считал, что СССР проводит политику продвижения в Маньчжурию. Однако весной 1946 г. Маршалл пришел к выводу, что СССР ведет себя несколько по-иному: вместо того, чтобы играть активную роль в переговорах между КПК и Гоминьданом, СССР выводил свои

войска из Китая. Этот вывод Маршалла повлек возвращение американских политиков к представлению о Китае как об «арене внутренней борьбы»⁶³.

Прекращение посреднических усилий Маршалла и общее изменение международной обстановки, характеризовавшееся, с одной стороны, ростом и укреплением мировых позиций социализма, а с другой — нагнетанием напряженности в отношениях между СССР и Западом в преддверии холодной войны, способствовали переходу США в Китае от политики балансирования между двумя враждующими группировками при одновременном «сдерживании» СССР к курсу, направленному на «сдерживание коммунизма» вообще, в том числе и отказу от посредничества в переговорах между Гоминьданом и КПК. Об этом прямо заявил новый председатель комиссии по иностранным делам сената США Артур Ванденберг. В своем выступлении 11 января 1947 г. он подчеркнул, что в китайской политике США происходит сдвиг от поисков путей достижения объединения в направлении оказания помощи Чан Кайши в формировании некоммунистической коалиции⁶⁴.

По мере ухудшения военного и политического положения чанкайшистского режима в правящих кругах США усилились требования оказать необходимую помощь Чан Кайши. В значительной степени они явились результатом деятельности в американском Конгрессе группы конгрессменов и сенаторов, выступивших с критикой политики администрации Трумэна в отношении Китая. Эта группа, насчитывавшая до 65 человек (51 конгрессмен и 14 сенаторов), представлявших в основном республиканскую партию⁶⁵, стала эпицентром формирования в среде американских законодателей настроений в пользу активной поддержки гоминьдановского правительства. Странники увеличения помощи режиму Чан Кайши представляли дело таким образом, будто речь шла о ее предоставлении правительству, которое якобы ведет борьбу против «иностранной державы, стремящейся к мировой гегемонии» (т. е. СССР). Отметая обвинения в отсутствии «демократического фасада» у режима Чан Кайши, они утверждали, что поиски Китаем демократического пути развития были прерваны в результате необходимости этой

борьбы и возобновятся, как только «борьба против коммунизма» будет победоносно завершена. Для ускорения ее завершения США должны активизировать поддержку гоминьдановского правительства. Один из представителей прочанкайшистского лобби в Конгрессе США сенатор Маккаррен прямо указывал на то, что контроль со стороны США за положением в Китае необходим для обеспечения американских стратегических интересов в Азии, поскольку Китай является ключевой страной в этом регионе и победа в нем коммунистов означала бы, что весь азиатский континент подпадет под их влияние⁶⁶. «В случае падения Китая вполне разумно предполагать, что то же самое произойдет и со всей Азией, и Западная Европа и Соединенные Штаты останутся одни — совсем одни во враждебном мире», — провозглашал губернатор штата Нью-Йорк Т. Дьюи⁶⁷. Лишь щедрая помощь со стороны США способна «предотвратить столь трагическое развитие событий в Китае», предупреждали политики, ратовавшие за поддержку Чан Кайши. Их влияние в правительственных кругах было весьма ощутимым.

Администрация Трумэна прекрасно понимала, что без вмешательства со стороны США процесс краха правительства Чан Кайши станет необратимым. Убедительным свидетельством серьезной озабоченности американского правительства положением в Китае является письмо государственного секретаря Маршалла Чан Кайши от 6 июня 1947 г. В нем Маршалл указывал, что США «встревожены ухудшением экономического положения, вызванным расширяющимися военными действиями». Одновременно он подчеркнул, что они не могут ни брать на себя инициативу в китайских проблемах, ни решить их. Они «могут только помогать — при условии, что эта помощь будет приносить результаты»⁶⁸. Маршалл выражал взгляды той части правящих американских кругов, которые были заинтересованы в реорганизации гоминьдановского правительства, в расширении его общественной базы путем удаления наиболее скомпрометировавших себя политиков и замены их более популярными деятелями, которые обеспечили бы укрепление системы правления, отвечавшей замыслам США. Он считал, что никакая американская военная и экономическая помощь не способна вдохнуть жизнь в

чанкайшистский режим и способствовать сохранению его контроля над всем Китаем до тех пор, пока не будут осуществлены назревшие политические реформы.

Политика Дж. Маршалла в «китайском вопросе» отражала определенные «умеренные» настроения, существовавшие в некоторых кругах Вашингтонской администрации. Эти круги выступали против того, чтобы ввязываться своими силами в затяжную войну на азиатском континенте, поскольку считали, что основные события, требующие всестороннего американского присутствия, в том числе и военного, должны развернуться в Европе. Отказ направить в Китай войска для того, чтобы склонить чашу весов в пользу Чан Кайши, они формально мотивировали отсутствием достаточной в количественном и качественном отношении военной силы для осуществления массовой открытой военной интервенции в Китае. Президент Трумэн указывал, что США не могли послать в Китай «такую военную силу, которая обеспечила бы победу Чан Кайши»⁶⁹.

Для определения масштабов и наиболее эффективных способов оказания помощи правительству Гоминьдана по личному распоряжению президента Трумэна в Китай с «ознакомительной миссией» был направлен летом 1947 г. генерал Ведемейер. Будучи деятелем крайне правого толка, генерал, по замыслу президента, должен был «успокоить» в результате своей поездки консервативных республиканских представителей в Конгрессе, считавших, что мероприятия правительства по оказанию поддержки Чан Кайши не отвечают в полной мере тем требованиям, которые выдвигались перед американской администрацией руководством Гоминьдана.

По завершении миссии Ведемейер изложил свои соображения в секретном докладе президенту от 19 сентября 1947 г. В нем отмечалось, что *в массе своей народ Китая «не расположен к политической и экономической структуре коммунистического типа», а Соединенные Штаты косвенным образом содействуют осуществлению советской программы на Дальнем Востоке, согласившись на Ялтинской конференции на возвращение русских в Маньчжурию* (Курсив наш. — Авт.), а впоследствии воздерживаясь от оказания помощи национальному

правительству»⁷⁰. Характеризуя СССР как силу, представляющую «даже большую опасность для мира во всем мире, чем германские и японские милитаристы», Ведемейер предрекал, что, *превратив сначала в своего «сателлита» Маньчжурию, СССР будет способствовать созданию в Китае такой ситуации, когда вся страна будет «контролироваться коммунистами»*⁷¹.

С вопросом ограничения советского влияния в Китае тесно увязывались содержащиеся в докладе Ведемейера предложения относительно Маньчжурии. Генерал исходил из того, что если на ее территории возникнет дружественное СССР коммунистическое государство, угроза падения гоминьдановского режима окажется неминуемой. Выводы Ведемейера относительно значения Маньчжурии для будущего Китая совпали, таким образом, с сомнениями сторонников Чан Кайши в Конгрессе США. В среде американских консерваторов выдвигалось требование *«разбить Советский Союз в течение ближайших двух лет»*, а поля Маньчжурии считались «идеальным местом для достижения этой цели».

После рассекречивания ряда документов американских военных ведомств достоянием гласности стал тот факт, что США серьезно готовились к войне с СССР именно с китайского плацдарма. Первый американский план атомного нападения на СССР был датирован еще 3 ноября 1945 г. На рассмотрение Объединенного комитета начальников штабов США поступил доклад № 329 Объединенного разведывательного комитета, в котором предлагалось «отобрать приблизительно двадцать целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки СССР». 14 декабря 1945 г. Объединенный комитет военного планирования издал директиву № 432/д, где говорилось, что «наиболее эффективным оружием, которое США могут применить для удара по СССР, являются имеющиеся в наличии атомные бомбы». Ставился вопрос о возможном поведении третьих стран в случае войны. Предполагалось использовать в числе прочих порты в Китае — Циндао, Шанхай и ряд других. Они рассматривались как авиационные базы, с которых можно было достичь четырех промышленных районов СССР: Новосибирска, Иркутска, Кемеровая, Сталинска⁷².

Но не в меньшей степени эти планы были направлены против Китая и китайской революции. В 1947 г. в плане «Бройлер» указывалось на необходимость предотвратить возникновение на Дальнем Востоке такой военной и политической ситуации, которая привела бы к «принятию народами Азии коммунистической идеологии». Следовал вывод: «необходимо оказание поддержки националистическому Китаю», так как в отношениях с США он будет «идти тем же курсом, что и во время Второй мировой войны»⁷³. «Будущая война будет войной идеологической, а текущая помощь должна оказываться только из соображений нашей национальной безопасности», — говорилось в директиве № 1769/1 от 29 апреля 1947 года⁷⁴.

Комплексным двуединым планом, направленным как против СССР, так и против китайской революции, предстает директива № 476/2 Объединенного комитета военного планирования под кодовым названием «Мунрайз». Далекие от либерально-прагматических воззрений американские военные круги прямо подчеркивали, что смысл операции «Мунрайз» заключался в восстановлении утраченного былого статус-кво на Дальнем Востоке. Применительно к Китаю рассматривалось несколько вариантов: а) Китай остается «нейтральным и неоккупированным государством»; б) американские войска вступают в Китай и действуют совместно с гоминьдановскими войсками; в) Китай оккупирован советскими войсками. В обосновании плана «Мунрайз» подчеркивалось, что США являются «единственной крупной державой, которая бесспорно может рассчитывать на добрую волю со стороны политически индифферентной массы китайского населения, что частично связано с американской помощью Китаю во время Второй мировой войны, а частично — со сравнительно хорошей репутацией США в Китае в довоенное время». Предполагалось, что если американские войска примут участие в военных операциях, то они по сравнению с другими странами встретят малый размах сопротивления в большинстве районов Китая.

Считалось, что «наиболее серьезную политическую опасность для американских сил представит КПК. Она располагает превосходно дисциплинированным руководством и практической программой, способной завоевать поддержку населения... Учитывая фунда-

ментальную приверженность коммунистических лидеров советской интерпретации марксистской догмы, трудно рассчитывать на успешное завоевание значительных коммунистических элементов в пользу американского дела»⁷⁵.

В связи с этим интересно отметить, что, по утверждению одного из тогдашних руководителей СССР В.М. Молотова, «советское руководство достоверно знало о намерении президента США Г. Трумэна использовать атомное оружие против Народно-освободительной армии Китая и тем самым сохранить у власти режим Чан Кайши». По словам Молотова, сведения об атомном потенциале США, регулярно поступавшие от нелегальных агентов советской разведки, включая Маклейна и др., «сыграли немаловажную роль в победе народной революции в Китае». Произведенные на основании их информации расчеты свидетельствовали о том, что американский атомный потенциал крайне ограничен. Тогда Сталин якобы сознательно пошел на обострение ситуации вокруг Берлина, преднамеренно создав известный «берлинский кризис» 1948 года. В ответ Трумэн, «заглотив наживку», выступил с угрозой применить атомное оружие, но не допустить перехода Западного Берлина под советский контроль. Зная, что и на Китай, и на СССР атомных бомб у Трумэна не хватит, «Сталин продолжал свою игру до тех пор, пока в Китае чаша весов не склонилась окончательно в пользу коммунистов»⁷⁶. Таким образом, резюмировал Молотов, американское руководство переоценило советскую угрозу в Германии и упустило возможность использовать свой ядерный арсенал для поддержки китайских националистов.

В Вашингтоне полагали также, что для оккупации Китая у США есть «внутренние» резервы: «Китайские правительства так долго подавляли национальные меньшинства монголов во Внутренней Монголии и мусульман в Синьцзяне, что будет легким делом спровоцировать восстание местного населения»⁷⁷. Однако в Кремле и на этот счет придерживались совершенно другого мнения.

Еще в 1946 г. решением ЦК ВКП(б) и советского правительства было создано «Бюро МГБ № 1» по диверсионной работе за границей во главе с П. Судоплатовым. На его заместителя Н. Эйтингона

сверхсекретным приказом Сталина возлагались «организация и практическое руководство операциями по содействию спецслужбам китайской компартии в локализации сепаратистского движения уйгуров в Восточном Туркестане» (нынешний СУАР). Вооруженные выступления местного населения — уйгуров и казахов — против китайских коммунистов и Советского Союза, возглавлявшиеся японским агентом Османом Батыром, который унаследовал и умело использовал антикитайские лозунги популярного в массах уйгурского сепаратиста Али-хана Тере, провозгласившего независимость Восточного Туркестана еще в 1944 г., были сведены на нет Эйтингоном вместе с легендарным партизанским командиром Героем Советского Союза Прокопюком, который в сжатые сроки организовал мощное противодействие уйгурским националистам, благодаря чему в течение 1946—1949 гг. сепаратистское движение в Восточном Туркестане было полностью ликвидировано⁷⁸.

Существовавший одновременно и параллельно с планом «Мунрайз» план Ведемейера об усилении помощи Чан Кайши, не получив одобрения в Госдепартаменте, был благосклонно воспринят в военных кругах. Наиболее воинственно настроенные представители высших военных сфер и руководства военных ведомств США, как, например, адмиралы Ч. Кук и Дж. Форрестол, выступали за широкую поддержку Чан Кайши, в том числе и военными средствами.

Миссия Ведемейера обнажила сущность разногласий в американских кругах в связи с ухудшением положения в гоминьдановском Китае. Они касались в основном тактики действий американского правительства в этой стране, ибо стратегически и администрация Трумэна, и ее республиканская оппозиция в Конгрессе в равной степени стремились к тому, чтобы ослабить китайские революционные силы, в первую очередь КПК, и завладеть ключевыми позициями для реализации своих интересов в Китае. Однако они хотели добиться поставленной цели разными методами. Сторонники «жесткой линии», большинство которых находилось в контролируемом консервативно настроенными республиканцами Конгрессе и военных ведомствах, выступали за расширение американской помощи и непосредственное военное вмешательство США, которое поставило

бы гоминьдановский Китай под их полный контроль. Руководители демократической администрации Трумэн и Маршалл поначалу возлагали основные надежды на реформы режима Чан Кайши и ограниченную помощь со стороны США при относительно небольших размерах прямого американского военного вмешательства, т. е. намеревались действовать в основном руками самих китайцев. При этом американцы все еще не исключали вероятности решить проблему ограничения влияния коммунистов в Китае политическими средствами. Маршалл, в частности, скептически смотрел на возможность устранения влияния КПК только путем применения силы. Он не испытывал симпатии к коммунистам, но считал, что широко задуманные военные действия без попыток добиться подчинения коммунистов путем переговоров, по меньшей мере, преждевременны и рискованны. «Гражданская война вместе с сопутствующим ей экономическим хаосом создает благоприятные условия для коммунизма»⁷⁹. Маршалл считал, что без широкомасштабной американской вооруженной интервенции покорить китайских коммунистов невозможно.

Позиция Маршалла в китайском вопросе была сложной и противоречивой. С одной стороны, ведя переговоры и делая это вполне добросовестно, он был убежден в их необходимости для достижения успеха. Он искренне верил в то, что соглашение между КПК и Гоминьданом — если оно будет достигнуто — только и может спасти последний от поражения в гражданской войне. Вместе с тем Маршалл не исключал возможности того, что содействуя своим посредничеством образованию коалиционного правительства, он тем самым невольно способствует укреплению позиций КПК, которая может потеснить Гоминьдан и занять в этом правительстве ведущее место.

Позицию Маршалла не следует отождествлять с политикой администрации в целом. Трумэн осуществлял в «китайском вопросе» прагматический подход, постоянно лавируя между такими полярно противоположными концепциями, как взгляды Маршалла и план Ведемейера. В то же время Госдепартамент в случае образования коалиционного правительства рассчитывал на совершенно иной ва-

риант, нежели Маршалл. Тактику американской дипломатии при использовании политических средств для борьбы с КПК достаточно четко охарактеризовал в ходе слушаний в сенатской комиссии Конгресса США бывший руководитель дальневосточного отдела Госдепартамента Дж. Винсент: «Американские усилия добиться от коммунистов уступок путем переговоров были рассчитаны на то, чтобы коммунисты вошли в правительство на положении партии меньшинства и чтобы... при поддержке Чан Кайши... и с нашей помощью мы могли бы в конечном счете в достаточной степени укрепить китайское правительство с целью вытеснить коммунистов»⁸⁰.

Таким образом, предложения, выдвигавшиеся администрацией США, были нацелены на то, чтобы ограничить влияние и рост сил КПК. Другими словами, она хотела в Китае такого решения, которое было применено после Второй мировой войны во Франции и Италии в связи с осуществлением этими странами «плана Маршалла». Как известно, Чан не одобрял американскую концепцию участия КПК в правительстве даже на положении партии меньшинства, поскольку опасался, что КПК, пользовавшаяся широкой общественной поддержкой, лишит его власти политическими средствами.

Как отмечается во многих американских источниках, в преддверии падения гоминьдановского режима США внесли лишь два изменения в свою политику в отношении Китая.

В марте 1948 г. Трумэн и Маршалл в своих выступлениях на пресс-конференциях формально подтвердили сохраняющуюся приверженность США идее коалиционного правительства и участия в нем коммунистов, однако многочисленные комментарии, последовавшие за этими заявлениями, вынудили Госдепартамент выступить со специальным разъяснением, что вопрос о том, должны ли коммунисты быть включены в китайское правительство, «относится к компетенции китайского правительства и не может диктоваться правительством Соединенных Штатов»⁸¹. В указании послу Стюарту от 12 августа 1948 г. Маршалл писал: «Правительству Соединенных Штатов нельзя давать себя втягивать — прямо или косвенно — на путь поддержки, поощрения к созданию или даче согласия на создание в Китае коалиционного правительства с участием комму-

нистов»⁸². Этот момент можно было бы отметить, как нечто новое в позиции американской администрации.

Второй момент был обусловлен отказом США связывать себя какими-либо новыми обязательствами перед Гоминьданом и их желанием занять выжидательную позицию в отношении развития событий в Китае. Как подчеркивал все тот же Маршалл, «...маловероятно, что сложившееся положение предоставит Соединенным Штатам возможность в настоящий момент сформулировать какие-либо неизменные планы нашей будущей политики в Китае. Развитие событий в нем очевидно вступает в период крайней нестабильности и беспорядков, в условиях которых невозможно с уверенностью заранее четко представить себе как будут складываться обстоятельства, при которых наше правительство должно сохранять максимум свободы действий»⁸³. Видимо, такая «свобода действий» для США в Китае не исключала и того, что при определенной ситуации американское правительство после победы коммунистов в гражданской войне могло пойти на установление отношений с новым правительством.

Очевидно, тем не менее, то, что созданию эффективной коалиции КПК и Гоминьдана, несмотря на старания американцев, препятствовали многие факторы. Нереальной представлялась сама мысль о том (что и подтвердилось последующим ходом событий), будто гоминьдановское правительство будет искренне стремиться к достижению коалиции с КПК, поскольку у него были все основания испытывать уверенность, что поток американской помощи будет по-прежнему поступать к нему независимо от его действий. Идея коалиции «не сработала», поскольку каждая из сторон преследовала свои, не совместимые друг с другом цели. В частности, США предлагали КПК участие в коалиции в роли оппозиционной партии в двух- или многопартийной системе, что явно не устраивало последнюю. В своем желании видеть коалиционное правительство этих партий организованным по своему образу и подобию США не учитывали глубины социально-классового антагонизма, существовавшего между КПК и Гоминьданом.

Нереалистичность курса США в Китае состояла также в том, что их политика в силу своей двойственности не пользовалась поддерж-

кой широких слоев китайского населения. Поэтому у американцев и не могло быть достаточно эффективных методов воздействия на противоборствующие стороны для продвижения в направлении желаемых для США целей, т. е. в данном случае — создания коалиционного правительства.

К тому же стремление американской стороны к формированию правительственной коалиции в Китае объективно вступало в противоречие с концепцией «сдерживания», под которой понималось ограничение распространения в Китае влияния СССР.

Провал миссии Маршалла означал невозможность разрешения конфликта между соперничающими группировками в Китае мирными средствами. Резкое поправление внутривнутриполитической обстановки в США, победа консервативных сил в контролируемом республиканцами Конгрессе привели к окончательной ликвидации возможностей установления отношений сотрудничества между США и КПК.

Консерваторы, критиковавшие политику Трумэна в палате представителей и сенате Конгресса США, хотя и расходились во мнениях о том, способен ли Чан Кайши управлять страной, были, как правило, едины в том, что для предотвращения распространению коммунизма в Азии необходимо держать под неослабным контролем ситуацию в Китае, поскольку речь шла не просто о «наведении порядка» в отдельной стране, а об угрозе стратегическим интересам США. Исходя из этой предпосылки предпринимались попытки доказать, что СССР осуществляет прямое вмешательство в дела Китая на стороне местных коммунистов, и тем самым обосновать необходимость американской интервенции в Китае.

В противовес консерваторам либерально настроенные деятели уповали не на военные, а на политические методы решения «китайского вопроса», считая, что любое применение там военной силы чревато лишь формированием более благоприятных условий для усиления позиций коммунистов.

События показали, что в критический момент развития ситуации в Китае в государственном аппарате США идеологические соображения взяли верх над прагматизмом. Разногласия между кон-

серваторами и либералами в американском истеблишменте касались не стратегии, а лишь тактики. Стратегия оставалась единой для всех — ослабление революционных сил, в первую очередь КПК. Начиная с осени 1946 г. консерваторы и значительная часть либералов, традиционно принадлежавших к правящей демократической партии, все более громко заявляли о поддержке режима Гоминьдана. Различия состояли лишь в формах этой поддержки: консерваторы настаивали на расширении вмешательства и американской помощи, а либералы делали больший упор на проведение внутренних реформ в рамках правящей партии, опору на силы самих китайцев и относительно небольшую американскую помощь, главным образом, экономического характера.

У определенной части как консерваторов, так и либералов произошла трансформация представления о режиме Чан Кайши. Они «пришли к выводу», что демократический фасад у него отсутствовал якобы лишь в силу необходимости борьбы против коммунизма: после победы над последним он мог быть легко восстановлен.

Американская сторона не могла не принять во внимание поляризацию сил внутри Китая, которая стала для нее еще более отчетливой после миссии Ведемейера. Она не торопилась события, занимая выжидательную позицию, и готова была в случае ухудшения, с ее точки зрения, ситуации в стране связать свои будущие планы в Азии с ориентацией на других партнеров, в частности на Японию.

После поражения Японии мнения в США по поводу преимущественного значения европейского или тихоокеанского регионов для американских интересов резко разделились. Сторонники либерального направления во внешней политике считали, что после завершения войны центр устремлений США переместился в Европу, поскольку главная победа над фашизмом была одержана здесь, и именно здесь назревала серьезная угроза американским интересам. Поэтому прежде необходимо закрепить свои позиции в Европе и занять там более достойное место.

Консерваторы, наоборот, выступали с позиций приоритета азиатского направления. Они и после завершения войны с Японией не отказались от лозунга «Азия превыше всего». Наличие этих противо-

положных точек зрения оказывало серьезное влияние на дальнейший политический курс США. В ходе его формирования, однако, возобладало мнение о том, что в Азии, где американцы уже имели определенные позиции по сравнению с Европой, им ничто особенно не угрожает. Правящие круги США не считали, что Япония, понесшая поражение в войне, может бросить серьезный вызов их интересам. «Сдерживание» же ослабленного войной СССР, по их мнению, необходимо было осуществлять скорее в Европе, чем в Азии. В этом и состояла сущность «доктрины Трумэна», подкрепляемой «планом Маршалла».

1.1.2. СССР в поисках «опорной силы» в Китае

Для более объективного и глубокого понимания событий и процессов, происходивших в Китае в период антияпонской войны и сразу после ее окончания, следует, наряду с анализом взаимоотношений в треугольнике «КПК—Гоминьдан—США», по возможности подробно и беспристрастно охарактеризовать позицию и действия СССР в ситуации, складывавшейся в тот момент вблизи его дальневосточных рубежей.

В российской и зарубежной историографии существует большое количество работ, так или иначе затрагивающих проблему взаимоотношений советского руководства, по преимуществу персонифицированного личностью И.В. Сталина, с руководителями КПК и Гоминьдана на протяжении 1930-х и 1940-х годов. Диапазон трактовок намерений, замыслов, планов сторон и результатов их реализации, воплощенных в общеизвестных событиях того периода, обширен и разнообразен. Он варьируется от попыток доказать якобы изначальное существование планов СССР о «сталинизации» всего Китая и превращении его в послушного советского сателлита до стараний убедить в наличии у Мао Цзэдуна скрытных намерений еще в начале 1940-х годов избавиться от советского влияния и установить тесный союз с США после захвата компартией, с помощью тех же американцев, власти в стране.

Известные на сегодняшний день факты, опубликованные источники и рассекреченные документы свидетельствуют, однако, что развитие взаимоотношений сторон в рассматриваемый период указывало на отсутствие у них столь «прямолинейных» устремлений и было обусловлено иными мотивациями, а также множеством объективных и субъективных факторов и обстоятельств, привнесивших в эти взаимоотношения определенные нюансы и специфику. Поэтому независимо от того, какие первоначальные замыслы или намерения вынашивались сторонами, они неизбежно корректировались самой жизнью. Менялась не только их тактика, но и стратегия.

Возглавив большевистскую партию и советское государство, И.В. Сталин сразу стал рассматривать китайский вопрос как один из основных в сфере внешнеполитических интересов и приоритетов СССР. Как известно, в 1920-е годы Китаю отводилось ключевое место в планах Коминтерна по активизации процессов, нацеленных на развертывание мировой революции. Национальная революция в самом Китае, развернувшаяся с 1925 г., определялась в его документах как один из «наиболее важных и мощных факторов, нарушающих стабилизацию капитализма»⁸⁴.

Оценивая перспективы этой революции, реальную крепость единого фронта Гоминдана и КПК в условиях размежевания классовых сил в Китае, Сталин исходил из собственного понимания особенностей революционного процесса в этой стране. В его выступлении на заседании Китайской комиссии Исполкома Коминтерна 30 ноября 1926 г. подчеркивалось, что, будучи буржуазно-демократической по своему характеру, китайская революция одновременно направлена «своим острием против господства чужеземного империализма в Китае»⁸⁵.

Отмечая слабость китайской национальной буржуазии, Сталин акцентировал внимание на том, что «революция в Китае будет развиваться при обстоятельствах, дающих возможность использовать опыт и помощь победившей революции в Советском Союзе»⁸⁶. Отсюда следовал вывод, что китайские коммунисты не только не должны выходить из Гоминдана, но непременно должны участвовать в будущей революционной власти в Китае, которая будет «власть пе-

реходная к некапиталистическому или, точнее, к социалистическому развитию Китая»⁸⁷. В этом, по мнению Сталина, состояла «одна из необходимых гарантий того, чтобы гегемония китайского пролетариата была осуществлена на деле»⁸⁸.

Иллюзорность подобных прогнозов, отчасти обусловленная недооценкой подлинного влияния правых элементов в Гоминьдане и переоценкой реальной силы КПК и роли китайского пролетариата, обнаружилась очень скоро, после известных событий в апреле и июле 1927 г. Их результатом стал окончательный крах единого национального фронта в Китае, репрессии Чан Кайши по отношению к коммунистам и последовавший за этим разрыв отношений между гоминьдановским правительством и Москвой.

Его продолжительность, однако, была относительно недолгой благодаря осложнившейся международной обстановке и катастрофическому ухудшению вследствие этого внешнеполитического положения Китая. В итоге ситуация в советско-китайских отношениях, возникшая после поражения в 1927 г. Кантонского восстания и разрыва дипотношений между двумя странами, стала рассматриваться ими обеими как контрпродуктивная.

Но для преодоления ее последствий требовались время и определенные взаимные усилия. Гоминьдановским властям необходимо было прийти к осознанию того, что враждебные отношения с СССР лишают их важной опоры в борьбе с главным внешним противником — Японией. В советском руководстве должно было возобладать понимание, что внешняя политика, базирующаяся исключительно на принципах идейно-классовой близости, ограничена по своей целевой направленности и применительно к Китаю малоэффективна в практическом плане. Прагматизм же, наоборот, существенно расширяет ее горизонты, открывая новые возможности.

Тем не менее возглавлявший гоминьдановское правительство Чан Кайши поначалу по разным причинам не шел на сближение с СССР и в определенном смысле попустительствовал японской экспансии, стремясь «умиротворить» агрессора, в том числе за счет территориальных уступок. Возникшее на северо-востоке Китая марionеточное государство «Маньчжоу-го» превратилось в японский

военно-политический плацдарм, представлявший угрозу как непосредственно самому Китаю, так и СССР.

Запад в лице Великобритании, Франции и США отреагировал на японские планы «двигаться на север» вполне благосклонно, так как альтернативой им был захват обширных колоний европейских стран в Азии.

Попытки советского правительства заинтересовать китайское руководство в развитии идеи коллективной безопасности на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе путем заключения так называемого Тихоокеанского регионального пакта, к которому, по словам комиссара иностранных дел СССР М. Литвинова, «рано или поздно должна была бы присоединиться Япония», не способная и не смеющая «противопоставлять себя тихоокеанским государствам»⁸⁹, реальных результатов не дали.

Очевидно гоминьдановское правительство не устраивала, прежде всего, «плата», на которую предстояло согласиться в случае улучшения отношений с СССР — прекращение борьбы с китайскими коммунистами, которые поддерживались Москвою на протяжении более 15 лет.

В СССР прекрасно понимали катастрофическое положение, в котором оказался Китай в результате японской агрессии и развязывания в 1937 г. полномасштабных боевых действий на его территории. Но еще четче Москва осознавала серьезность угрозы ее собственной безопасности, нависавшей над СССР в случае потери Китаем его национальной независимости.

С 1933 г. Япония начала выстраивать союзнические отношения с Германией. Начиная с 1934 г. Сталин регулярно получал по каналам ОГПУ и военной разведки информацию о вероятном нападении Японии на СССР. Именно поэтому в одной из телеграмм в адрес Мао с советом изменить его негативное отношение к Чан Кайши Сталин писал: «Мы думаем, что неправильно ставить Чан Кайши на одну доску с японскими захватчиками, ...ибо главным врагом китайского народа является японский империализм, борьбе с которым на данном этапе должно быть подчинено все»⁹⁰.

Таким образом, с одной стороны, советское руководство было заинтересовано в отвлечении вооруженных сил Японии от своих дальневосточных границ, а с другой — стремилось всячески способствовать политической консолидации и военному усилению чанкайшистского Китая.

Что касается самого Чан Кайши, то хотя во внешней политике он ориентировался на США и Великобританию, однако после захвата Японией Маньчжурии и выхода ее из Лиги Наций стал искать примирения с СССР, который, в свою очередь, тоже был склонен к сотрудничеству с Гоминьданом как главной политической силой в Китае.

Японская агрессия, поставившая Китай перед альтернативой капитуляции или обращения за помощью к СССР, вынудила Чан Кайши просить советское правительство о поставках вооружений в счет долгосрочных кредитов, которые последнее увязало с политическим условием — заключением договора о ненападении. В секретной части этого договора были зафиксированы обязательства сторон: СССР обещал не заключать сепаратных соглашений с Японией до нормализации китайско-японских отношений, а китайская сторона обязалась не заключать «с третьими странами» союза против китайских коммунистов и прекратить с ними борьбу⁹¹. В результате 23 сентября 1937 г. Чан Кайши официально объявил об установлении единства действий с КПК. Война против Японии заставила и китайских коммунистов хотя бы на время отвлечься от «борьбы за социализм», переключившись на «борьбу с агрессором».

После подписания 22 августа 1937 г. договора о ненападении между СССР и Китаем советское руководство оказалось в трудной ситуации, требовавшей от него особой осмотрительности и осторожности во взаимоотношениях с китайской стороной. Оно было вынуждено постоянно и осторожно лавировать между Сциллой договорных обязательств по оказанию экономической и военной помощи гоминьдановскому правительству Чан Кайши и Харибдой своих политических и идеологических симпатий по отношению к подчиненным Коминтерну китайским коммунистам.

В то же время ни Коминтерн, ни советское правительство не упустили из виду разногласия и распри, порожденные борьбой за власть в верхушке КПК. Не ускользали от внимания руководства СССР и противоречия внутри Гоминьдана, объективно ослаблявшие не только саму эту партию, но и комплексную способность Китая как государства сопротивляться японской агрессии и вести борьбу за подлинное национальное освобождение.

В ситуации, когда СССР был озабочен недопущением распространения экспансии Японии на север, Сталин действовал не как апологет идеологической рутины, а как прагматик и логик. Он пытался добиться того, чтобы на базе противодействия захватчикам все патриотические силы Китая, независимо от их классовых и идейных предпочтений, были способны объединиться в монолитный анти-японский фронт.

Но, предлагая китайским коммунистам прагматически отказаться на время от теоретических дискуссий и «жонглирования идеологемами», он одновременно, как ни парадоксально, действовал как убежденный «идеолог», способствуя обеспечению защиты идей социализма и социалистического строя, самое существование которого оказалось под угрозой. При этом выбор Советским Союзом надежной силы внутри Китая, на которую он мог рассчитывать в процессе реализации своих послевоенных целей в этой стране, был затруднен, поскольку его предстояло сделать между двумя, по существу, враждующими партиями — КПК и Гоминьданом.

Неоправданным упрощением в связи с этим является утверждение, что после окончания войны с Японией Сталин априори рассчитывал опереться в освобожденном от агрессора Китае исключительно на идеологически родственные силы коммунистов и способствовать приходу их к власти любой ценой.

Объективно советское руководство не могло отрицать, что в деле решения общенациональных, а не классовых задач, в первую очередь, восстановления единства страны, Китай за период «гоминьдановской государственности» под руководством Чан Кайши сделал большой шаг вперед, преодолевая полуколониальную зависимость и политическую раздробленность. На основе предложенной Гоминь-

даном новой модели государственного устройства произошло объединение страны, хотя и неполное, и благодаря стабилизации внутренней ситуации она стала играть более весомую международную роль.

В середине 1930-х годов нанкинское правительство заметно укрепило свою власть и провело ряд удачных экономических реформ. В стране наблюдался мощный патриотический подъем, усилились антияпонские настроения и движение за бойкот японских товаров. В этих условиях VII Конгресс Коминтерна рекомендовал китайским коммунистам прекратить борьбу с Гоминьданом и создать вместе с ним «единый антияпонский фронт».

Руководство КПК согласилось с этим не сразу. Его новый лидер Мао Цзэдун, возглавивший Военный совет компартии после расширенного заседания ее Политбюро в Цзуньи в январе 1935 г., не спешил, в отличие от прежних руководителей, выполнять установки Коминтерна, демонстрируя свое несогласие с некоторыми его решениями и стратегические и тактические расхождения с руководителем так называемого коминтерновского крыла в КПК Ван Мином, представлявшим партию в Москве. Мао не только не хотел объединяться с Гоминьданом во главе с Чан Кайши, но всегда ратовал за углубление раскола внутри его рядов, невзирая на необходимость совместной борьбы против Японии. Его кредо состояло в стремлении к «соединению гражданской войны с национальной» и одновременном ведении ее против японцев и Чан Кайши.

Сталин был категорически против этого, постоянно призывая к укреплению сотрудничества между двумя китайскими партиями. Резко отрицательно отнесся он к аресту Чан Кайши во время так называемого сианьского инцидента, настаивая, в отличие от Мао, требовавшего его казни, на немедленном освобождении Чана.

В директиве Исполкома Коминтерна в адрес ЦК КПК, составленной фактически под диктовку Сталина, недвусмысленно говорилось: «...сейчас яснее, чем когда-либо раньше, видна неправильность прежней установки партии — добиться установления единого фронта путем устранения Чан Кайши и низложения нанкинского правительства... Все это льет воду на мельницу прояпонских элемен-

тов. ...Партия [КПК] должна... твердо проводить курс на поддержку всех мероприятий Гоминьдана и нанкинского правительства, направленных на прекращение внутренней междоусобной войны и к объединению всех сил китайского народа для защиты целостности и независимости Китая против японской агрессии»⁹².

Несмотря на шаги руководства Коминтерна по повышению авторитета Мао после его избрания лидером КПК, у Сталина сохранялись появившиеся задолго до этого сомнения в отношении его компетентности и лояльности. Их почти наверняка усилила специальная записка о личности Мао Цзэдуна, подготовленная в аппарате Ван Мина. В ней, наряду с перечислением положительных качеств и достоинств Мао, признанием наличия у него «богатейшего опыта крестьянского движения и партизанской войны», отмечались такие серьезные недостатки, как «его недостаточная теоретическая подготовка», вследствие которой он «легко может совершать отдельные политические ошибки»⁹³. Недаром впоследствии Сталин сравнивал Мао с редиской: «снаружи красный, а внутри белый».

Сталин знал о разногласиях и соперничестве Мао Цзэдуна и Ван Мина, но именно Ван Мину он поручил непосредственно информировать его по всем вопросам, касавшимся возможности «троцкистского перерождения» компартии Китая. Он постоянно наблюдал за противоборством в ней различных группировок, поддерживавших Мао и выступавших против него.

Что касается Гоминьдана, то раздиравшие его верхушку противоречия также не устраивали Кремль. В то время расхождения во взглядах внутри гоминьдановской элиты — между патриотом-антикоммунистом Чан Кайши, одним из влиятельнейших политиков, председателем Исполнительного юаня, но откровенно прояпонским капитулянтом Кун Сянси и ратовавшим за союз с КПК маршалом Фэн Юйсяном — были настолько глубокими, что стали практически непреодолимыми.

Наиболее благоразумной тактикой Москвы в этих условиях представлялась попытка использования лояльных Кремлю сил в КПК для оказания влияния на патриотическое крыло Гоминьдана и

те круги компартии, которые поддерживали Мао Цзэдуна, с целью заключения ими союза для совместного отпора Японии.

При этом перспектива прихода КПК к власти после победы над японцами якобы, по словам Сталина, не снималась с повестки дня, а лишь отодвигалась на некоторое время. Об этом он оповестил Ван Мина и Кан Шэна перед их поездкой в Китай в 1937 г.

Принимая их 11 ноября 1937 г. перед возвращением на родину, Сталин в присутствии руководителя Коминтерна Г. Димитрова инструктировал Вана и Кана следующим образом:

«1) **основным** для китайской компартии теперь является: **влияться** в общенациональную волну и захватить руководящую роль;

2) сейчас **главным является война**, а не аграрная революция, не конфискация земли;

3) **лозунг один**: «Победоносная война за независимость китайского народа, за свободный Китай, против японских захватчиков».

4) как китайцы **будут воевать с внешним врагом** — вот решающий **вопрос**. Когда это окончится, тогда встанет вопрос, как они **будут воевать друг с другом**;

5) **китайцы** находятся в **более благоприятных** условиях, чем были мы в 1918—1920 годах. У нас страна была **разделена** по линии социальной революции. В Китае — **национальная** революция, борьба за национальную независимость и свободу, **объединение** страны и народа;

6) **Китай обладает огромными человеческими ресурсами**, и я думаю, что Чан Кайши прав, когда говорит, что Китай победит. Нужно самим держаться в нынешней войне»⁹⁴.

Сталин утверждал: «Ни Англия, ни Америка не хотят победы Китая. Они хотят, чтобы Япония ослабла в результате войны, но не допустят, чтобы Китай встал на обе ноги. Они хотят иметь в лице Японии цепного сторожевого пса — пугать Китай, ...но они не хотят, чтобы у этого пса была возможность самому загрызть свою жертву». «На китайском партийном съезде нецелесообразно заниматься теоретическими дискуссиями... Говорить о некапиталистическом пути развития Китая теперь менее целесообразно, нежели прежде (Ведь капитализм в Китае развивается!)». Иными словами, Ста-

лин потребовал от КПК выработать новую политическую линию, формально исключавшую курс на социализм⁹⁵.

В результате эту ситуацию ряд экспертов впоследствии интерпретировали таким образом, будто Мао и его близкое окружение, излагая, в частности, членам американской «миссии Дикси» свои соображения по поводу будущей экономической и политической системы Китая, по существу «руководствовались указаниями тов. Сталина» и действовали согласно его наставлениям, данным через Ван Мина и Кан Шэна, а вовсе не озвучивали самостоятельную позицию, выглядевшую, по существу, как «отход» от «генерального курса на социализм», в чем их впоследствии пытались обвинить некоторые исследователи и политические соперники.

На самом деле все обстояло несколько иначе. Москве, пристально наблюдавшей за развитием событий в Китае, и главное — Сталину, в конце концов, было не так важно, какое правительство окончательно утвердится в Пекине, важнее всего — чтобы оно было антиимпериалистическим и дружественным СССР.

По утверждениям некоторых исследователей, «Чан Кайши долгое время воспринимался Москвой как более значимая в Китае фигура: он был официальным лидером Китайской Республики и, естественно, ставка делалась на него»⁹⁶. Это было, в частности, подчеркнуто во время визита в СССР в феврале 1938 г. специального представителя Чан Кайши Сунь Фо, которому передали обещание помочь не только оружием, но строительством 1—2 авиазаводов, а также нескольких заводов по производству артиллерийского вооружения. Сталин был также готов предоставить Чан Кайши многомиллионный долларовый кредит на закупку оружия и развертывание собственного военного производства⁹⁷.

Для советского руководства было очевидно, что в ситуации, когда агрессия Японии против Китая может распространиться и дальше на север — в направлении СССР, Китай становился его естественным союзником независимо от того, какие политические силы находились в нем у власти. Реальная военная помощь Чан Кайши поступала из Москвы до 1946 г.

Противостояние КПК и Гоминьдана реально ослабляло Китай и уменьшало его способность сопротивляться японской агрессии. Необходимо было примирить обе партии и заставить их объединить силы для отпора японцам.

Поддерживая КПК идеологически, морально, а по линии Коминтерна и ЦК ВКП(б) еще и материально, на государственном уровне СССР сотрудничал с гоминьдановским правительством во главе с Чан Кайши. Классово-идеологические соображения таким образом отодвигались на задний план, уступая место рациональному прагматизму.

В то же время, как отмечалось выше, внутреннюю ситуацию в Китае усугубляли не только распри между двумя его главными партиями, но и борьба группировок внутри самих этих партий: в КПК — междоусобица «промосковского» крыла Ван Мина, сил, стоявших за Мао, и сопротивлявшихся ему фракций, руководимых Ли Лисанем, Чжан Готао и т. п.; в Гоминьдане — распри антикоммуниста и патриота Чан Кайши с так называемыми капитулянтами, настаивавшими на заключении мира и дружбе с Японией, и левыми гоминьдановцами, требовавшими союза с КПК и совместной с нею антияпонской борьбы. На борьбу Чан Кайши соглашался, но к союзу с КПК относился весьма настороженно.

Преимущество в военной силе было на его стороне. Части, подчинявшиеся непосредственно Чан Кайши и прошедшие подготовку с помощью иностранных военных советников, были наиболее боеспособными, в то время как вооруженные силы КПК, получившие наименование 8-й и Новой 4-й армий, составляли по численности в 1937 г. менее 100 тыс. человек, а по боевым возможностям заметно уступали гоминьдановским войскам⁹⁸.

После заключения Договора о ненападении Чан Кайши не прекращал попыток уговорить СССР включиться в японо-китайскую войну. С этой целью в Москву зачастили его эмиссары, включая сына — Цзян Цзиньго, которого Сталин сам направил в 1937 г. из Свердловска в Китай, рассчитывая, что тот сможет убедить отца пойти на союз с коммунистами в целях отражения японской агрессии.

СССР обещал оказать помощь Китаю «всею, чем сможет»⁹⁹, кроме участия в военных действиях.

Всего с октября 1937 по 1941 г. Советский Союз поставил Китаю 1235 самолетов, 82 танка, 16 тыс. артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок¹⁰⁰, а также боеприпасы и различное другое оборудование и снаряжение. Помимо помощи по государственной линии, СССР нелегально продолжал оказывать военно-техническую помощь китайским коммунистам.

Обнаружение японской разведкой военных поставок СССР Китаю вызвало обострение японо-советских отношений. Напряженность в них переросла в пограничные конфликты. Операции Красной армии в 1938 г. в районе озера Хасан на советско-маньчжурской границе и в районе реки Халхин-Гол на границе Монголии с марионеточным государством Маньчжоу-го стали фактическим участием СССР в войне на стороне Китая.

В январе 1938 г. германский генеральный штаб напрямую спрашивал японский генштаб о сроках начала войны против СССР. В складывавшейся на тот момент международной ситуации над нашей страной нависала опасность оказаться перед угрозой войны одновременно в Европе и на Дальнем Востоке, причем без союзников. Поэтому в итоге пришлось согласиться на предложение японской стороны заключить пакт о ненападении, одним из условий которого стал отказ Советского Союза от помощи китайскому правительству. Единоразовая помощь в размере 1 млн долл. была оказана китайским коммунистам на военные нужды на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1941 г. и переправлялась в Китай частями по различным каналам.

Заключив пакт о нейтралитете, Токио, тем не менее, не отказался от намерения напасть на Советский Союз. «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР», — заявлял в апреле 1941 г. японский военный министр Тодзио. План японского нападения именовался «Кантокуэн» и во многом повторял немецкий план «Барбаросса». Удар был намечен на 29 августа. Японская армия, насчитывавшая 850 тыс. человек, готовилась к широкому применению против СССР бактериологического

и химического оружия, но правительство колебалось, ожидая побед немецких войск. Считалось, что войну можно начать, когда численность советских войск на Дальнем Востоке будет сокращена как минимум вдвое, а техники и авиации на две трети. Информация об этом поступала советскому руководству по каналам разведки, в том числе через Р. Зорге, но даже после его сообщения об отказе Японии от нападения на СССР осенью 1941 г. напряжение не ослабевало.

Продолжить оказание помощи Китаю в антияпонской войне СССР смог уже после достижения победы над нацизмом в Европе. 9 августа 1945 г., вступив в войну против Японии и освободив Маньчжурию от Квантунской армии, он закрыл туда путь для гоминьдановских войск и открыл для войск КПК, передав им захваченное у японцев вооружение и снабдив коммунистов обмундированием, транспортом и провиантом. Но все это попало не в руки Мао Цзэдуна, а частей, действовавших в зоне влияния его партийного конкурента на северо-востоке Китая Гао Гана¹⁰¹. При этом известно, что, оказывая определенную ограниченную военно-техническую помощь китайским коммунистам, в количественном отношении Москва, тем не менее, отдавала приоритет легитимному на тот момент правительству Чан Кайши.

Не исключено, что на формирование отношения Сталина к антияпонской войне Китая, внутривосточной борьбе в нем и на окончательную выработку им позиции СССР в «китайском вопросе» повлиял целый ряд факторов, не последним среди которых стал накопленный на протяжении всей предшествующей жизни персональный политический опыт вождя. Суть его сводилась к тому, что при наличии разновекторных сил и конкурирующих интересов оптимальный путь к достижению намеченной цели Сталин искал в «игре на противоречиях», попеременном блокировании, поначалу даже временно, с одной или несколькими силами, действующими против общего противника, и в последующем — в заключении альянса с некой третьей силой против прежнего союзника или союзников.

Эту тактику Сталин начал успешно применять еще на начальных этапах борьбы за власть в стране, поочередно соперничая то с

Троцким, то с Зиновьевым и Каменевым, то с Бухариным и др. Тот же метод он стал широко использовать и во внешней политике, возглавив страну, становление которой происходило в идеологически чуждом и даже враждебном окружении. Иногда такие меры выглядели оправданными, но порою, как в случае пакта с Гитлером, давали результаты, противоположные искомым.

Попеременное блокирование с противниками дополнялось излюбленным методом стравливания союзников. Его Сталин практиковал, например, во взаимоотношениях внутри «большой тройки» в годы войны, порою не стесняясь апеллировать к капиталисту Рузвельту в попытках урезонить антикоммуниста Черчилля.

Опыт прагматичного сочетания блокирования с лавированием оказался как никогда полезным для Сталина, поскольку был востребован в условиях Китая. Задолго до знаменитого афоризма Дэн Сяопина о пригодности кошки любого цвета, если речь идет о ловле мышей, советский вождь уже апробировал такую модель на практике.

Изложенное выше свидетельствует, что в условиях войны против Японии и исходившей от нее угрозы агрессии в направлении СССР у Сталина в конце 1930-х — первой половине 1940-х годов не было очевидного стремления укреплять силы КПК для борьбы против Чан Кайши с целью приведения коммунистов к власти в Китае. Тем более, что до конца он, видимо, не доверял никому из них, включая Мао Цзэдуна и Ван Мина.

Есть предположение, что «отношение Сталина к происходившим тогда в Китае событиям, и в частности к политике Мао Цзэдуна, было выражено в статье “Положение в Китае”, ...опубликованной 2 декабря 1944 года в газете “Известия”, которая доказывала, в частности, что Москва не отождествляет судьбы китайской революции и китайских коммунистов с курсом Мао Цзэдуна»¹⁰².

Советский разведчик П.П. Владимиров, находившийся в Яньани под прикрытием представителя Коминтерна и корреспондента ТАСС, в своей депеше в Москву 29 декабря 1944 г. давал четкую оценку происходившему там: «Последние события доказывают, что Мао Цзэдун и его сторонники спешно перестраиваются и затевают нечестную игру с Советским Союзом. Их цель — выжать для себя

все из будущей активности СССР на Дальнем Востоке ради своих корыстных планов»¹⁰³.

Это недоверие Сталина и советской стороны к Мао и его окружению сохранялось и после победы над Японией. Маневры советской дипломатии между Яньанью и Чунцином были связаны с поиском оптимального варианта опоры для СССР в Китае. Но в отличие от американцев, питавших на определенном этапе иллюзии в отношении возможности формирования двухпартийного правительства, у Сталина к тому времени их уже не было. И хотя роспуск Коминтерна в 1943 г. в определенной мере ограничивал возможность СССР влиять на внутреннюю ситуацию в КПК, он почти не сомневался в том, что его поддержка в отношении той или иной силы может оказаться решающей.

Факты свидетельствуют, что и после окончания войны на Дальнем Востоке Сталин не сразу сделал для себя окончательный выбор на кого из тогдашних политических лидеров Китая делать ставку. Его колебания продолжались довольно долго. И диапазон выбора у него, безусловно, был.

Как отмечает Ю. Галенович, «в тот... мирный промежуток жизни Китая, когда Война сопротивления Японии была окончена, а гражданская война еще не началась, Сталин не считал Мао Цзэдуна лидером тех сил, которые в будущем могли стать правящей партией в континентальном Китае»¹⁰⁴.

Примечательно, что в январе 1946 г. в Москву со специальной секретной миссией был послан сын Чана Цзян Цзинго, у которого состоялись две встречи со Сталиным, на которых велось подробное обсуждение внутренних и внешних проблем, связанных с Китаем. Из протоколов этих встреч видно, что Сталин считал Гоминьдан «более широкой и влиятельной партией, чем компартия». Сталин был осторожен в критических высказываниях в адрес Чан Кайши. В то же время о Мао Цзэдуна он высказывался более свободно: «Советское правительство не понимает, почему оказывается невозможным соглашение между Чан Кайши и Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун — своеобразный человек и своеобразный коммунист. Он ходит по деревням, избегает городов и ими не интересуется ...»¹⁰⁵.

В то же время в беседе с представителем правительства США Г. Гопкинсом Сталин говорил, что Китай, включая в это понятие и КПК, пока не имеет такого руководителя, который был бы способен взять под свою власть страну в целом. Исходя из того, что СССР не хотел бы вести переговоры с Китаем разьединенным, расколотым, Сталин был готов поддержать Чан Кайши и его правительство.

В период Ялтинской конференции Сталин дал гарантии президенту США Ф. Рузвельту, что «во-первых, будет всемерно содействовать объединению Китая под руководством председателя Цзяна (Чан Кайши). Во-вторых, после окончания войны Китай должен продолжить находиться под руководством председателя Цзяна». В связи с этим, когда в Китае в 1946 г. началась гражданская война, Сталин посылал телеграммы Мао Цзэду и ЦК КПК, требуя от них не вести эту войну, и утверждал, что такая война «грозит опасностью уничтожения китайской нации»¹⁰⁶.

Роль Москвы в формировании политического истеблишмента нового Китая и разрешении внутривосточного кризиса в этой стране в конце 1940-х годов до сих пор порождает дискуссии. При этом нельзя исключить, что в Кремле рассматривали сразу несколько вариантов «опоры», в том числе и с привлечением альтернативных фигур. О Гао Гане было упомянуто выше. Другой такой фигурой мог стать маршал Фэн Юйсян. И Сталин, возможно, взвешивал не только между Мао и Чаном, но и между другими деятелями.

Осенью 1948 г. новостью № 1 в СМИ Америки и Европы было сообщение о трагической гибели на советском теплоходе «Победа», следовавшем из США в Одессу, китайского маршала Фэн Юйсяна и его дочери. В СССР это событие освещалось крайне скупно. Приезд маршала в Советский Союз связывали с возможностью занятия им одного из ключевых постов в создаваемом правительстве нового Китая. Отношение к нему в Китае было неоднозначным. Фэн то примыкал к Чан Кайши, то вступал с ним в военное противостояние, то боролся с коммунистами, то шел на сотрудничество с КПК. В годы войны с Японией в отличие от Чан Кайши он был активным сторонником создания «единого фронта» и взаимодействия с коммунистами, после войны окончательно порвал с Чан Кайши.

У него установились тесные отношения с послом СССР при правительстве Чан Кайши А. Панюшкиным, связанным с советскими спецслужбами, которому он неоднократно в ходе доверительных бесед сообщал конфиденциальную информацию. Фэн Юйсян постоянно подчеркивал свои неизменные дружественные чувства к Москве, и, по оценкам некоторых экспертов, его возвращение в Китай, тем более через Москву, «было, скорее всего, невыгодно Мао Цзэду»¹⁰⁷. Возможно, смерть Фэн Юйсяна спутала карты Сталину в розыгрыше сложной «китайской комбинации» и нарушила его грядущие стратегические планы.

Что же в итоге заставило Сталина порвать с правительством Чан Кайши и переориентироваться на поддержку Мао Цзэдуна в его стремлении завоевать власть в Китае, не посчитавшись с неизбежным обострением отношений с США? Как отмечал А.М. Ледовский, в целом «переориентация советского руководства с Гоминьдана на КПК не привела к стабильности советско-китайских отношений»¹⁰⁸.

Он, безусловно, прав и в том, что ответы на этот вопрос в советской историографии, сводившиеся к констатации того, что «правительство Чан Кайши проводило антисоветскую политику, сам он являлся капитулянтом по отношению к Японии, а США стремились колонизировать Китай и использовать его в качестве плацдарма агрессии против СССР», выглядели, по меньшей мере, не очень вразумительными.

Ю.М. Галенович считает, что «Сталин, очевидно, пришел к выводу о том, что внутри КПК Мао Цзэдун обеспечил себе к тому времени такую поддержку, что всякая борьба против него внутри его партии была в то время бесперспективна. Сталин своим таким шагом рассчитывал также выбить из рук Мао Цзэдуна его “старые козырные карты”, то есть его утверждения о том, что Сталин продолжает пытаться внутри КПК опираться на кого-то из китайцев, которые выступают против Мао Цзэдуна»¹⁰⁹.

При этом Сталин «знал, что Мао Цзэдун действительно предпринимал на протяжении целого ряда лет попытки наладить отношения с американцами и за Мао Цзэдуном шла значительная часть членов руководства партии, но в то же время находились люди, ко-

торые вставляли практически в оппозицию Мао Цзэду, докладывали Сталину о настроениях и шагах Мао Цзэдуна и клялись в том, что уж они-то не будут действовать проамерикански, а будут ориентироваться только на Сталина»¹¹⁰.

Можно много рассуждать о классово-идеологической подоплеке в стремлении Сталина привести коммунистов к власти в Китае вместо Чан Кайши. Но, скорее всего, не она являлась определяющей. Не будет преувеличением утверждать, что идейно-классовые соображения играли для Сталина не главную, а второстепенную, если не третью роль в подходе к прогнозированию будущих советско-китайских отношений.

Прежде всего потому, что идеологически Гоминьдан и КПК не считались полностью партиями-антиподами. В некоторых вопросах обе они занимали, как известно, близкие или очень схожие позиции. Например, коммунисты выражали изначально солидарность с тремя народными принципами Сунь Ятсена. Мао, общаясь с американцами, говорил о желании КПК сохранить в Китае после прихода коммунистов к власти рыночную экономику, которую развивал в мирное время Гоминьдан. И Сталин был готов согласиться с этим.

Вторичность идеологических предпочтений особенно явно проявлялась в действиях Сталина на китайском направлении в период войны Китая с Японией. Хотя СССР поддерживал контакты с КПК и имел своих представителей в Яньани, основное взаимодействие по военно-политической линии Кремль осуществлял с правительством Чан Кайши. И этот факт не нуждается в доказательствах. Кроме постоянных увещаний Москвой Мао Цзэдуна о необходимости сначала создания, а затем укрепления военного союза с ним, китайским коммунистам в неофициальном порядке предлагалось смириться со своим подчиненным положением в его рамках.

Более того, в целях упрочения и углубления контактов с Чан Кайши Сталин, по утверждению самого генералиссимуса, дважды приглашал его на личную встречу, но оба эти приглашения последним были отклонены. Это полностью противоречит многочисленным заявлениям о том, что Сталин всячески избегал контактов с главным руководителем Китая и не хотел иметь лично с ним ника-

ких дел. В сложившихся условиях он прекрасно понимал: для того, чтобы «выиграть Китай у США», опоры на одну из сил — КПК или Гоминьдан — может оказаться недостаточно, хотя баланс между ними не был устойчивым и постепенно менялся.

Что касается попыток Советского Союза сепаратно, «через голову» центрального правительства упрочить влияние в Синьцзяне или на завершающем отрезке войны усилить, в том числе и военными средствами, позиции китайских коммунистов в Маньчжурии, то это можно объяснить не только желанием привести их к власти (об этом еще рано было думать в условиях антияпонской борьбы), но и стремлением СССР обеспечить гарантии защиты собственных интересов в приграничных регионах, а также дополнительные рычаги воздействия на гоминьдановское правительство, исходя из наличия в нем недружественных, антисоветски настроенных элементов.

Поэтому логично предположить, что изначально, еще до окончания антияпонской войны, Сталин планировал опираться в Китае либо на некую коалицию из представителей левого Гоминьдана и лояльных к нему и СССР коммунистов, либо, в случае ее фиаско, на ту силу, которая в итоге окажется более влиятельной, сильной и представительной. Отсюда его нежелание прямого советского вмешательства в конфликт на стороне КПК и готовность до последнего момента сохранять официальные дипломатические связи с правительством Чан Кайши. И лишь когда всем стало абсолютно ясно, что коммунисты во главе с Мао Цзэдуном окончательно завоевали власть на материке, последовало дипломатическое признание их правительства со стороны советских властей.

Примечательно, что в трактовках некоторыми американскими исследователями мотивации поиска Сталиным «опорной силы» в Китае после окончания Второй мировой войны на первый план выдвигается подоплека геополитического характера. Утверждается, что Сталин, ощущавший близившийся распад «большой тройки» в связи с исчезновением главной причины ее создания — необходимости борьбы с гитлеризмом, испытывал, с одной стороны, опасения, что вся военная и экономическая мощь идеологически чуждых СССР США и Великобритании будет перенацелена на борьбу против пер-

вой страны социализма и поэтому не хотел быстрого захвата компартией власти в самой многонаселенной стране мира. А с другой — рассчитывал, что приход коммунистов к власти не только в Китае, но и в странах Восточной и Западной Европы легальным путем, через представительство в исполнительных и законодательных органах или в результате создания коалиций с буржуазными партиями этих стран, позволит им впоследствии захватить в них «командные высоты» мирным способом — «изнутри», без гражданских войн и кровопролитий¹¹¹.

Такими образом, среди решающих аргументов, обусловивших окончательную переориентацию СССР на поддержку в Китае сил КПК во главе с Мао Цзэдуном, могли оказаться первые явные признаки надвигающейся холодной войны, начиная с ее «идеологического манифеста» — речи Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г., окончательного раскола Германии в первой половине 1948 г. благодаря инициированным Западом финансово-экономическим реформам, и одновременных препон со стороны США деятельности Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии, созданных с целью выполнения ею своих обязательств по условиям капитуляции. Все это, видимо, подсказало Сталину решающий выбор в отношении советской «опорной силы» в Китае.

Как подчеркивал в своих воспоминаниях личный представитель Сталина при Мао Цзэдуне И.В. Ковалев, официально именованный в конце 1940-х годов «представителем Совета Министров СССР по делам Китайской Чанчуньской железной дороги», «все, что касалось Китая, Сталин держал в своих руках»¹¹², и вопросы, связанные с ним, не уполномочен был решать никто, кроме него. Он вел постоянную переписку с Мао и старался, по возможности, позитивно реагировать на просьбы последнего. «Мы, конечно, окажем новому Китаю всю возможную помощь, — говорил он. — Если социализм победит в Китае и наши страны пойдут одним путем, то победу социализма в мире можно считать обеспеченной. Нам не будут угрожать никакие случайности. Поэтому мы не можем жалеть сил и средств для помощи китайским коммунистам»¹¹³. Активная помощь КПК в экономических вопросах, по утверждениям Ковале-

ва, начала осуществляться с середины 1948 г., но работа эта «проходила в обстановке строжайшей секретности»¹¹⁴.

Одновременно Сталин давал Мао «советы, как лучше организовать различные стороны жизни нового Китая», включавшие в том числе рекомендации военно-политического характера¹¹⁵. При этом Сталин, как следует из документов, цитируемых Ковалевым в его воспоминаниях, не поддавался на запугивания лидеров КПК относительно намерений США применить атомное оружие против СССР. Как подчеркивает Ковалев, «Сталин достаточно трезво оценивал соотношение сил в мире и стремился избежать любых осложнений обстановки, способных привести к столкновению с США, к новой мировой войне»¹¹⁶. Он исходил из того, что в тот момент «Америка (была) меньше готова для нападения, чем СССР для отпора»¹¹⁷.

Что касается поддержания официальных отношений коммунистических властей Китая с собственной национальной буржуазией и западными капиталистическими государствами, то позиция Сталина в этих вопросах была достаточно определенной. Лидерам КПК он советовал не отталкивать от себя национальную буржуазию, а привлекать к сотрудничеству «как силу, способную помочь в борьбе с империалистами»¹¹⁸. Несколько жестче он смотрел на проблему взаимоотношений нового Китая с Западом. Сталин считал, что будущему «демократическому правительству Китая не следует отказываться от установления официальных отношений с некоторыми капиталистическими государствами, включая США, *если эти государства официально откажутся от военной, хозяйственной и политической поддержки чанкайшистского гоминьдановского правительства*»¹¹⁹. В складывавшихся тогда условиях противостояния двух общественно-политических систем подобное требование явно было невыполнимым.

В то же время трудно не согласиться с мнением российского китаеведа Ю.М. Галеновича, утверждавшего, что в 1948—1949 гг. «Сталин с большим подозрением относился к КПК, не исключая того, что она может стать подобной Союзу коммунистов Югославии, а сам Мао — оказаться «вторым маршалом Тито», поскольку «с точки зрения Сталина, СКЮ, Югославия и Тито... оказались во враждеб-

ном Советскому Союзу военном лагере. ...Сталин весьма опасался того, что и на Востоке Китай Мао Цзэдуна может оказаться в военном лагере, враждебном СССР»¹²⁰.

Суммируя изложенное выше, можно сделать вывод: несмотря на провозглашенное единство целей, коалиционные обязательства и союзнические связи, еще до окончания Второй мировой войны между США и СССР начала разворачиваться борьба за будущий Китай, а во второй половине 1940-х годов она стала составной частью соперничества за геополитическое влияние не только в этой стране, но на всем азиатском континенте.

Провозглашение 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики свело на нет предпринимавшиеся в течение многих лет попытки США вытеснить своих конкурентов из Китая и установить над этой страной собственный контроль. 14 февраля 1950 г. были подписаны Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР и ряд других соглашений. США оказались перед необходимостью признать крах своей политики в Китае.

Рассуждая о причинах этого краха, необходимо подчеркнуть, что политика США в Китае в 1944—1949 гг., будучи составной частью американского внешнеполитического курса, обуславливалась рядом стоявших перед Соединенными Штатами политических, экономических и военно-стратегических целей на Дальнем Востоке и была направлена на дальнейшее укрепление позиций США в этой стране с намерением последующего превращения ее в опорную базу для повсеместного расширения американского влияния в азиатском регионе.

Определяя основу своей дальневосточной политики, американская сторона поначалу руководствовалась преимущественно идеологическими принципами, что подтверждается использованием так называемого китайского фактора в предвоенный период в военно-политических комбинациях по «умиротворению» японского милитаризма и натравливанию его на социалистическое государство — СССР.

Лишь после того, как стало вполне ясно, что агрессивные притязания Японии угрожают в первую очередь собственным интересам

США, они проявили естественную заинтересованность к налаживанию контактов с Советским Союзом в целях совместной борьбы с японской агрессией на Дальнем Востоке.

Проводя курс на укрепление военного союза с СССР, президент США Ф. Рузвельт одновременно стремился к усилению гоминьдановского режима в Китае и превращению его в стабильное правительство, готовое сотрудничать с другими великими державами — СССР, США, Великобританией в деле поддержания международного мира после поражения государств «оси». Практическая деятельность американцев в Китае осуществлялась в полном контакте и взаимодействии с правительством Чан Кайши, причем в ней доминировали мероприятия, направленные на обеспечение военного преимущества над Японией, с одной стороны, и гоминьдановских сил над другими силами внутри Китая, включая коммунистов — с другой. Рассматривая в потенциале Китай как сферу серьезной идейно-политической конфронтации в будущем между СССР и США, Рузвельт искал решения «китайской проблемы» в пользу американцев. Эти поиски и подтолкнули его к изучению возможности использования националистических настроений, преобладавших в то время у части руководства китайской компартии.

Тем не менее, на завершающем этапе войны на Тихом океане (1944—1945 гг.) США стремились укреплять свои позиции в Китае путем всемерной поддержки идеологически и политически близкого им правительства Чан Кайши. И хотя с военной точки зрения они были заинтересованы в активизации участия Китая в боевых действиях против Японии, требовавших объединения всех политических сил внутри страны, включая КПК и Гоминьдан, однако, опасаясь усиления позиций китайских коммунистов, американские руководители, по существу, поддерживали курс Чан Кайши, направленный на ликвидацию «коммунистической опасности» в Китае. Правительство демократа и либерала Ф. Рузвельта боялось перерастания освободительной борьбы китайского народа против японских оккупантов в социальную революцию и стремилось не допустить усиления влияния коммунистических идей в Китае и ориентации его впоследствии на СССР.

После разгрома Японии гоминьдано-американские контакты, направленные на укрепление связей между правительством Чан Кайши и США, еще больше активизировались. В 1945—1949 гг. возросло количество мероприятий, имевших целью глубокое проникновение США во все сферы жизни Китая, которое вылилось, в конце концов, в прямое американское вмешательство в его внутренние дела. Однако цели интервенции — изменение соотношения сил в стране, подавление народно-революционного движения, восстановление на всей территории Китая власти Гоминьдана, захват Маньчжурии и превращение всего Китая в американский плацдарм в Азии для противодействия СССР и национально-освободительному движению — достигнуты не были.

В то же время события, приведшие к победе народной революции в Китае в 1949 г., рассматривались представителями политической элиты США не как социальная революция в отсталой полукOLONиальной аграрной стране, а как цепь изолированных друг от друга «случайностей», инспирированных коммунистами. В аналитических выкладках американских политологов относительно причин провала политики США в Китае, как правило, отсутствовало упоминание об объективных предпосылках победы китайской революции: наличии революционной ситуации, тяжелом положении народных масс, неспособности режима Чан Кайши управлять страной.

Образование в 1949 г. Китайской Народной Республики явилось серьезным ударом по планам американских стратегов в Азии. Вместе с тем в принципах американской политики в этом регионе после поражения в Китае отразилось намерение не допустить дальнейшего расширения влияния коммунистической идеологии на азиатском континенте. Это воплотилось, с одной стороны, в заботе о военном и экономическом укреплении режима Чан Кайши на Тайване, а с другой стороны — в попытках «сдерживания коммунизма», т. е. подавлении набиравших силу в Азии национально-освободительных движений.

Кроме того, Соединенные Штаты даже после прихода коммунистов к власти не оставляли попыток повлиять в благоприятном для себя направлении на политический курс нового китайского ру-

ководства во главе с Мао Цзэдуном, использовали все информационно-пропагандистские средства в стремлении доказать, что Китаю не по пути с СССР, который хочет якобы лишь замены одной формы колониализма другой и осуществляет территориальные притязания. Предотвратить присоединение КНР к социалистическому содружеству — вот цель, которую США готовы были достигнуть любой ценой, вплоть до использования существовавшей в течение определенного времени возможности установления дипломатических отношений с новым правительством Китая. Однако предпринятые американцами попытки в этом направлении в итоге оказались несостоятельными.

Примечательно, что, критикуя в целом в тот период американскую политику в отношении Китая, в частности Белую книгу Госдепартамента США, оправдывавшую ее провал, председатель ЦК КПК Мао Цзэдун отмечал совпадение мнений в отношении некоторых данных и выводов между китайскими коммунистами и тем, что излагал в сопроводительном письме к Белой книге госсекретарь Д. Ачесон. Мао обращал внимание на то, что «существуют определенные связи между китайскими и американскими народами. Путем совместных усилий эти связи могут в будущем развиться в теснейшую дружбу»¹²¹.

Со своей стороны, американцы рассчитывали, что путем установления дипломатических отношений с новым правительством Китая Соединенным Штатам удалось бы влиять на внешнеполитический курс будущего китайского правительства в выгодном для себя направлении и в конечном итоге предотвратить присоединение Китая к социалистическому лагерю¹²².

В этом контексте заслуживают внимания оценки роли и перспектив КПК в связи с приближавшимся крахом политической власти Гоминьдана, которые содержались в дипломатических депешах, поступавших в Вашингтон в конце 1948 — начале 1949 г., когда победа китайских коммунистов фактически была уже предрешена.

«Китайские коммунисты все решительнее являются сторонниками Мао Цзэдуна. Они отличаются от других коммунистов, и их позиции не идентичны позициям Москвы. Они, во-первых, китай-

цы, а коммунисты — во-вторых», — писал в своем донесении государственному секретарю генеральный консул США в Шанхае Кэбот¹²³.

В записке на имя посла США в Китае Л. Стюарта тот же Кэбот, анализируя степень влияния советской и западной идеологии на китайских коммунистов, приводил в числе прочих следующие аргументы в поддержку своего мнения об их прозападной ориентации: руководители КПК получили образование, позволяющее им хорошо разбираться в западной экономической и политической теории; они заинтересованы в необходимости торговли между своим режимом, с одной стороны, и США и Англией — с другой, они видят также необходимость в развитии экономических и технических отношений с Западом для обеспечения возрождения китайской экономики; из-за недостатка в образованных людях китайские коммунисты будут привлекать к управлению лиц, неизбежно сотрудничавших с Гоминьданом, которые более ориентированы на Запад¹²⁴.

В меморандуме руководителя отдела Госдепартамента США Уиллоби на имя заместителя помощника государственного секретаря П. Нитце со ссылкой на передовую статью агентства Синьхуа от 31 декабря 1948 г. делался вывод о том, что внутри КПК подвергается критике позиция, занимаемая Мао. По мнению Уиллоби, указанная статья Синьхуа представляла собой открытую атаку на Мао Цзэдуна со стороны «просоветских китайских коммунистов, контролируемых из Москвы с целью подчинить коммунистический Китай строгому контролю русских». В качестве рекомендации он предлагал оказывать Мао поддержку с целью привлечь его в конечном итоге на сторону США¹²⁵.

Хотя рекомендации американских дипломатов об использовании в политических целях США националистических элементов, сохранившихся в идеологии Мао и его сторонников, в силу ряда объективных и субъективных причин так и не были реализованы, в определенных кругах американского правительственного аппарата укоренилось мнение, что некоторые лидеры КПК, в частности Мао Цзэдун, проявляли интерес к идее превратить Китай в фактор «баланса сил» на Дальнем Востоке. Такая точка зрения нашла особое от-

ражение в работах американских политологов периода 1970-х годов, когда в США набирал силу процесс переоценки и переосмысления теоретического и практического багажа американско-китайских отношений в 1940-е годы. Более того, в ряде этих работ отмечалось, что Китай выступал в то время не просто в роли пассивного объекта американской политики «баланса сил», но олицетворял собой активное начало и по существу сам являлся держателем этого «баланса».

Например, Д. Загория¹²⁶ объяснял попытки Мао установить отношения с США «недоверием к нему Сталина» и тем недовольством, которое испытывал Мао в связи со «стремлением Сталина лишить его главенствующего положения в КПК».

Д. Загория подчеркивал, что, несмотря на убежденность Мао, что только США в состоянии оказать необходимую экономическую помощь Китаю, в руководстве КПК существовало расхождение взглядов по вопросу об отношении к СССР. «Вследствие полной невозможности установить в то время “нормальные отношения” с США, которые рассматривали деятельность КПК как составную часть международного коммунистического движения, руководители КНР сочли необходимым установить союз с Москвой»¹²⁷. Из рассуждений Д. Загории следовало, что отношения нового Китая с СССР были установлены не на идейно-классовой основе, а по конъюнктурным соображениям. Разрыв Пекина с Москвой, по мнению американского политолога, также объяснялся «неидеологическими причинами». В их число он включил: отказ советского руководства дать КНР атомное оружие; политику мирного сосуществования и разрядки, активно проводившуюся СССР; отказ поддержать Китай во время кризиса в Тайваньском проливе в 1958 г.; нейтральную позицию, занятую СССР в отношении китайско-индийского конфликта и отзыв советских специалистов из Китая. Вывод Д. Загории был таков: «Лидеры КНР руководствуются своей концепцией “равновесия сил” в международных отношениях, стремятся четко определить, кто является “главным врагом” в данный момент и проявляют во внешней политике удивительную гибкость»¹²⁸.

Обращение Д. Загории к концепции «деидеологизации» применительно к американско-китайским отношениям давало возможность

обосновать использование Соединенными Штатами так называемого китайского фактора в качестве необходимого компонента своей стратегии «баланса сил», нацеленной в тот период на противоборство с СССР.

А в самом начале 1949 г., невзирая на антикоммунистическую историю в США и кампанию, направленную на поддержку гоминьдановского режима, развернутую так называемым китайским лобби (группой влиятельных сторонников Чан Кайши в самих США), Госдепартамент проводил подготовку к установлению контактов с новыми китайскими властями. В частности, после освобождения Нанкина войсками НОАК в начале мая 1949 г. в городе начались двусторонние переговоры по проблемам американо-китайских отношений, в которых со стороны США участвовал американский посол при гоминьдановском правительстве Л. Стюарт, оставшийся в городе в соответствии с указанием, данным ему Госдепартаментом. В течение нескольких месяцев уже после провозглашения КНР в стране сохранялись все американские консульства, действовавшие там еще во время гражданской войны. Закрыты они были только в январе 1950 г.¹²⁹

Факт сохранения в течение длительного времени американских учреждений на территории, находившейся под контролем правительства, которое США по существу не признавали, свидетельствует, прежде всего, о том, что американская сторона занимала позицию выжидания и не желала прерывать контакты.

Наряду с этим, как показывает анализ политических документов китайского руководства, которые в конце 1980-х годов стали доступны исследователям внешней политики КНР, «из-за международного окружения и по причинам исторического характера в начальные после образования КНР годы в области внешней политики Китай на первое место поставил развитие отношений с Советским Союзом и со всеми странами народной демократии»¹³⁰.

Еще до освобождения Китая и провозглашения КНР Мао Цзэдун и другие китайские руководители неоднократно обращались к Сталину с просьбами об оказании помощи и направлении в Китай советников и специалистов различного профиля. Об этом свидетельствует, например, телеграмма Линь Бяо от 8 сентября 1948 г., адресо-

ванная Сталину, с настоятельной просьбой прислать советских военных специалистов¹³¹. Взаимопонимание по многим вопросам было достигнуто на переговорах в ходе секретной миссии А.И. Микояна в Китай в феврале 1949 г.¹³², а также во время секретного визита делегации КПК во главе с Лю Шаоци в Москву в июле—августе 1949 г.¹³³

Анализируя причины провала «китайской политики» США во второй половине 1940-х годов, следует отметить, что бесперспективность расчетов американских политиков, делавших ставку на антисоветизм лидеров КПК, объяснялась отнюдь не «ошибками» и «заблуждениями» американской администрации, как явствует из высказываний иных политических деятелей и ученых, а рядом объективных причин.

Решение США поддержать в конечном итоге Чан Кайши вопреки рекомендациям находившихся в Китае американских дипломатов было продиктовано консервативностью американской политической машины, опиралось на инерционность и силу традиций в политике Белого дома, преобладавших при осуществлении намечавшегося политического курса и предполагавших приверженность определенной идеологии и определенным классовым интересам. В частности, во времена президентства Ф. Рузвельта этот курс был нацелен на создание сильного Китая под руководством Чан Кайши. Серьезнейшее влияние на политику правительства США и общественное мнение страны оказывали силы, тесно связанные с гоминьдановской верхушкой, с которыми был вынужден считаться Белый дом.

В то же время возможности Мао Цзэдуна в политических контактах, которые он имел с американцами в 1940-е годы, были ограничены. Поэтому американским экспертам-китаеведам, выступавшим за всестороннее развитие отношений с Яньанью, так и не удалось до конца поколебать сложившееся у политических деятелей США представление о КПК как радикальной, революционной партии, политическая платформа которой несовместима с интересами США.

В самом Вашингтоне не угасали сомнения по поводу возможности использования националистических настроений определенной

части деятелей КПК в стратегических целях Америки. Однако открытая демонстрация дружественных чувств к США в ущерб сотрудничеству с СССР таила серьезные политические трудности для КПК, лидеры которой понимали это и стремились ограничивать рамки отношений с американской стороной. Таким образом, причины провала американских расчетов на национализм Мао и его группировки в 1940-х годах заключались не только в позиции правящих кругов США, но и в политике КПК.

Опыт американско-китайских отношений в указанный период и, особенно, осуществление контактов с руководством КПК, пришедшим к власти в Китае, тем не менее, оказался востребован политической элитой США при разработке теоретической основы для сближения Соединенных Штатов Америки с Китайской Народной Республикой, которое произошло в 1970-е годы.

1.2. Советско-китайский раскол и сближение КНР с США как факторы геополитической трансформации в 1970-х годах

С начала 50-х приблизительно до середины 60-х годов XX века США воспринимали КНР как главного соперника в борьбе за идеологический, военно-политический и экономический контроль в Азии. Разработка курса в отношении нового Китая явилась составной частью деятельности Вашингтона по формированию американской стратегии, направленной против стран социализма. В ее основе лежали теоретические концепции «сдерживания и отбрасывания» коммунизма, обеспечивавшие идеологическое оформление проводимой США внешней политики. В геополитических категориях американцы рассматривали систему международных отношений как биполярное противостояние США и СССР. При этом понятие «советский коммунизм» подразумевало монолитный блок СССР, КНР и социалистических стран Восточной Европы.

Существование КНР в контексте тогдашней блоковой структуры мирового порядка ставило перед творцами американской поли-

тики ряд серьезных проблем. Рухнула создававшаяся десятилетиями концепция укрепления влияния США в Азии с опорой на сильный, дружественный Китай. Изгнанный на Тайвань режим Чан Кайши не мог заменить прежний Китай ни по военно-экономическому потенциалу, ни по политическому влиянию. Вынужденный выбор Японии вместо Китая для осуществления прежних целей США в Азии был чреват серьезными последствиями в силу укоренившихся японо-американских противоречий. Возникавшая на Дальнем Востоке система международных отношений не соответствовала американскому пониманию «стабильности» для этого района, и «виновником» этого американские политики считали КНР.

Провал геополитических планов США в Азии усугублялся тем, что Китай не просто перестал быть их опорой в этом регионе, но стал составной частью противоборствующего социалистического блока. Отсюда берет истоки сугубо идеологический подход, характерный для всей китайской политики США в 1950-е годы, закрепленный в американско-тайваньском бессрочном договоре 1954 г. и надолго завлекший американско-китайские отношения в глухой тупик. Проблема двусторонних американско-китайских отношений, таким образом, переросла для США в проблему региональной политики и увязывалась Вашингтоном со всей его политикой в Восточной и Юго-Восточной Азии и, как следствие, с глобальной антисоветской и антикоммунистической стратегией.

Летом 1958 г. гоминьдановская разведка пришла к выводу о том, что в Китае начались разработки по созданию собственного ядерного оружия. Это сообщение резко изменило в умах представителей правящих кругов США значение союза с Гоминьданом¹³⁴. Появление в Китае своего ядерного оружия меняло бы баланс сил в западной части Тихого океана и, по мнению военного и внешнеполитического ведомств США, «создавало угрозу будущей безопасности» ряда государств в Восточной Азии.

Идея об оказании «помощи» режиму Чан Кайши в «возвращении на материк» висела в воздухе в Вашингтоне, поэтому прибрежные острова, способные сыграть роль «трамплина» для «прыжка на материк», стали котироваться очень высоко в политической игре вокруг

тайваньского вопроса¹³⁵. Обстановка, сложившаяся к концу августа 1958 г. на Дальнем Востоке, позволяла, с точки зрения Белого дома, балансируя на грани войны, широко использовать методы политики «с позиции силы». Важным фактором, сдерживавшим агрессивные устремления правящих кругов США, являлось наличие советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, в силу которого локальный инцидент мог легко перерасти в мировую войну.

Тайваньский кризис 1958 г. продемонстрировал одну весьма своеобразную и парадоксальную деталь: «как китайские руководители, так и их противники в США оказались в силу различных причин заинтересованы в одном и том же — в обострении международной напряженности. Создав эту напряженность, руководство КНР получило средства для осуществления политики «трех красных знамен» внутри страны, а правящие круги США использовали ее как козырную карту для отказа от сотрудничества и разрядки со странами социализма. Так впервые возникло неоднократно повторявшееся позднее объективное совпадение интересов этих разделенных огромными противоречиями стран»¹³⁶.

Руководителям внешней политики США тайваньский кризис дал немало пищи для размышлений относительно дальнейшего курса в американско-китайских отношениях. Дело в том, что действия китайского руководства на отдельных этапах этого кризиса носили явно провокационный характер и выглядели как попытка в условиях жесткой конфронтации с политически и идеологически враждебными силами поставить политический авторитет и военную мощь СССР и всего содружества социалистических стран на службу своим узконациональным интересам. Так, обстрел островов Мацзу и Циньмэнь был санкционирован китайским руководством без предварительных консультаций с советской стороной, что явилось грубым нарушением соответствующих положений советско-китайского договора 1950 г.¹³⁷ Причем визит партийно-правительственной делегации СССР в Китай был использован в качестве демонстрации якобы имевшего место советско-китайского единения по этому вопросу¹³⁸. В этих акциях руководителей КНР проявлялись иждивенческие, провокационные тенденции, выражавшиеся в стремле-

нии переложить на плечи СССР тяжесть разрешения затруднений, создававшихся Пекином в его отношениях с США.

Перед руководителями американской внешней политики все острее вставал вопрос, каким образом закрепить особый националистический курс китайского руководства, добиться изменения внешнеполитической ориентации КНР? В американских правящих кругах стали серьезно задумываться над тем, как использовать в политических и военно-стратегических интересах США противоречия, которые начали проявляться в отношениях СССР и Китая. По признанию американских наблюдателей, национализм представлялся им основным атрибутом «китайского коммунизма»¹³⁹. Одной из важнейших предпосылок пересмотра Вашингтоном его китайской политики стал отход КПК от согласованной линии международного коммунистического движения на совещаниях в 1957 и 1960 гг., усиление антисоветизма в политике КНР.

В чисто теоретическом плане в американской системе политических концепций наметился отказ от господствовавших в послевоенные годы в разгар холодной войны представлений о «всесилии» и «всемогуществе» США, согласно которым они, опираясь на свою мощь, должны были заполнять «вакуум силы» в Европе и других районах мира, и обращение к концепции «баланса сил». Этому в значительной степени способствовало коренное изменение соотношения сил на мировой арене в начале 1960-х годов в результате роста и укрепления мировой системы социализма, становления и развития национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. Не оправдались надежды правящих кругов США на ядерную монополию, рассчитанную на то, чтобы иметь непоколебимую контрсилу против СССР. Была похоронена проповедовавшаяся политологом крайне правого толка Р. Страус-Хюпе идея «превентивной войны» против СССР¹⁴⁰.

Вынужденные согласиться на мирное сосуществование с СССР лидеры Соединенных Штатов решили в то же время превратить «китайский фактор» в один из важнейших элементов новых советско-американских отношений. По замыслам теоретиков «силового балансирования», превращение Китая в «центр силы», дружествен-

ный США и Западу и враждебный СССР, помогал бы американцам «уравновешивать» возрастающую стратегическую мощь Советского Союза.

Так, например, сенатор Р. Кеннеди, добивавшийся избрания на пост президента США от демократической партии в 1968 г. в разгар вьетнамской войны¹⁴¹, и республиканец Р. Никсон¹⁴², ставший тогда же президентом, выступали, хотя и под разным углом зрения, сторонниками активного использования «китайского фактора» в американской внешней политике и отдавали должное концепции «баланса сил», которая начала занимать видное место в американской внешнеполитической стратегии.

1.2.1. Подготовка Вашингтона к пересмотру основ китайской политики

По мнению основоположника концепции «политического реализма» и одного из авторов теории «баланса сил» в американской политологии Г. Моргентау, вся история внешней политики США выступала в качестве важного аргумента в пользу указанной теории. Активные интересы США в Азии с начала XX века, по Г. Моргентау, нашли свое выражение в доктрине «открытых дверей» (первоначально борьба за свободу «конкуренции в полукOLONIALной эксплуатации Китая», а затем — политика «баланса сил» в Азии, что подразумевало создание сильного Китая, поскольку США противились попыткам Японии создать империю за счет Китая).

Если национализм развивающейся нации не противоречит американским интересам, то США, согласно Г. Моргентау, не только не должны выступать против него, но обязаны опираться на него в своей политике. Следует, отмечал Г. Моргентау, не идентифицировать любую революцию с коммунизмом и сдерживать лишь тот тип «коммунистической деятельности», который противоречит интересам США¹⁴³. Поэтому в самый разгар антикоммунистической кампании, в период «поиска ведьм» Г. Моргентау открыто заявил о своих симпатиях к «китайской службе» Госдепартамента. Он пришел к

выводу, что победа революции в Китае разрушила основы азиатской политики США, поскольку Китай стал союзником недружественной в отношении Америки державы.

По мнению Г. Моргентау, политика «изоляции» в отношении КНР дала обратные результаты: изолированными оказались США. Он решительно поддержал осуществление по отношению к КНР политики «сдерживания без изоляции», предложенной на слушаниях в сенате в 1966 г. известным американским китаистом Д. Барнеттом. Смысл этой политики состоял в том, чтобы начать серию мероприятий социально-политического, экономического и культурного характера по укреплению соседних с Китаем азиатских государств без создания военных союзов, имеющих антикитайскую направленность. Г. Моргентау считал, что руководители КПК ставят свои национальные цели выше интернациональных интересов мирового коммунистического движения и будут следовать им независимо от общих целей мирового социализма и коммунизма.

Выступая активным проповедником «защиты национальных интересов США» посредством создания собственной силы и поддержания регионального и мирового «равновесия сил», Г. Моргентау исходил из того, что внимание США должно быть сосредоточено на формировании на международной арене такой обстановки, которая позволила бы американской стороне держать в своих руках основные рычаги «баланса сил», выступать в роли арбитра в рамках этого баланса и, поскольку основной силой в борьбе с США и их союзниками выступает СССР, «уравновешивать» его мощь силами «третьих стран».

Так как в практике международных отношений не часто складывается положение, при котором конкуренту в борьбе за власть есть возможность противопоставить силу, равную ему по мощи, для «уравновешивания» этого конкурента, согласно концепции «баланса сил», следует прибегать к объединению силы, т. е. созданию коалиций или союзов государств.

До начала 1960-х годов различные комбинации коалиций в системе «баланса сил» рассматривались теоретиками «политического реализма» в рамках доктрины противоборства капитализма и социа-

лизма. Когда же руководство КНР встало на путь открытых разногласий с СССР и мировой системе социализма стал угрожать раскол, изыскания западных политологов приняли иное направление. Упомянувшийся выше Р. Страус-Хюпе в 1962 г. следующим образом оценивал последствия советско-китайских разногласий для американской политики: «...как учит исторический опыт, держатель баланса более успешно достигал своих целей, поддерживая слабейшую сторону независимо от идеологических разногласий или взаимных антипатий. Слабейшая сторона, как правило, с большей готовностью платит высокую цену за помощь, идя не только на дипломатические, но даже на идеологические уступки. Ответственный государственный деятель не должен сбрасывать со счетов этих соображений, как бы неприятны они ни были для него»¹⁴⁴.

Подобные взгляды были присущи представителям того направления школы «политического реализма», для которого характерно игнорирование идеологических и политических разногласий между потенциальными партнерами во имя тех глобальных преимуществ, которые может принести подобный союз в будущем.

Объясняя причины раскола китайско-советских отношений, российский китаевед Ю.М. Галенович делал акцент на преобладающем влиянии на них личностного фактора. Отмечая, что многое в наших взаимоотношениях с Китаем решали реальные политические фигуры (с одной стороны — Сталин, а затем Хрущев и Брежнев, а с другой стороны — Мао Цзэдун), он заключал, что реальную атмосферу двусторонних китайско-советских отношений формировало преимущественно индивидуальное отношение Мао к каждому из советских лидеров.

Поскольку авторитет Сталина был непререкаем, Мао был вынужден положительно отзываться о нем и при жизни Сталина скрывать имевшиеся у него намерения «перестать склоняться в сторону СССР», порвать с ним, перестать быть его союзником и превратить Китай в силу, не связанную с ним союзническими отношениями¹⁴⁵. Сталин же, зная о подобных планах Мао, сдерживал их осуществление, умело защищая интересы СССР на основе объективно совпадавших национальных интересов обеих стран¹⁴⁶.

Будучи вынужденным считаться с этим, Мао, тем не менее, рассчитывал, что «со временем ему удастся поставить Россию в подчиненное положение, “вернуть” Китаю те земли, которые он сочтет нужным присвоить себе»¹⁴⁷. Он руководствовался прежде всего соображениями выгоды, которую надеялся получить в результате нормализации отношений с США и остальными крупными странами Запада. А для этого проводил в отношении СССР «политику недоверия и разобщения»¹⁴⁸.

Для Мао Цзэдуна, делал вывод Галенович, «врагом был не просто и не только И.В. Сталин, Н.С. Хрущев или любой другой руководитель России, а наша нация в целом, то есть наша страна и наш народ во всей их истории и в настоящем»¹⁴⁹.

Он полагал, что «в смерти Сталина Мао Цзэдун увидел возможность “выйти из кустов”, начать открыто осуществлять свой курс»¹⁵⁰, в результате которого Китай стал отдельным субъектом в международных отношениях. «Для нашей страны и при этих условиях важно было договариваться с Китаем о взаимном учете интересов, о приспособлении друг к другу»¹⁵¹, резюмировал эксперт.

К этому целесообразно добавить еще несколько соображений и штрихов. В силу определенных обстоятельств как объективного, так и субъективного характера в то время в среде наших руководителей преобладало непонимание особенностей китайского менталитета в целом и недопонимание существа личности и черт характера Мао Цзэдуна в частности. Это наглядно обнаруживалось, например, в неготовности советского руководства воспринимать все заявления китайских лидеров с поправкой на присущее любому китайцу стремление не говорить собеседнику прямо в глаза что-либо удручающее его или откровенно неприятное.

В результате такой манеры общения правдивость оттенялась определенной степенью лицемерия, которое должно было нейтрализоваться подспудным осознанием другой стороной того, что все сказанное не следует «принимать за чистую монету». К сожалению, советская сторона в силу иного ментального склада не всегда это понимала.

Не понимала она и сущности национальных китайских амбиций, базировавшихся на изначальном и перманентном восприятии китай-

цами своей страны как «срединного государства в окружении варваров», а самих себя как представителей древнейшей земной цивилизации и носителей самой древней и передовой мировой культуры.

Что касается личности самого Мао Цзэдуна, то главным недочетом в ее оценке было безусловное недопонимание его роли и места в китайской компартии и китайском обществе: преодоление сталинского культа породило иллюзию, что нечто подобное уже невозможно в другой братской партии или стране. Авторитаризм и абсолютизм Мао, маскировавшиеся мнимым коллективизмом мнений в китайском руководстве, игнорировались или старательно «не замечались».

Хуже того, присущие ему национализм и великодержавный шовинизм, на которые в свое время намекал близко изучивший его П.П. Владимиров, совершенно не принимались в расчет. Истинный смысл заявлений Мао о «необходимости во всем следовать указаниям Кремля и строить все в Китае по шаблонам СССР», так ласкавших поначалу слухи советских лидеров, не был до конца распознан как обыкновенный тактический подхалимаж, являвшийся неотъемлемой составной частью стратегии будущего доминирования.

Примечательно, что о значении для внешней политики США китайско-советских разногласий первыми в Америке заговорили представители именно тех самых, тяготевших, как правило, к демократической партии либеральных кругов, которые вновь возникли на американской политической сцене, оправившись от тяжелых последствий маккартизма. Американские либералы усматривали в особом курсе КНР новые возможности для США усилить их способность маневрирования на международной арене. Абстрагируясь в теоретическом плане от противоборства двух мировых систем, они хотели видеть в антисоветизме китайского руководства подтверждение действенности теории «политического реализма» и концепции «баланса сил». Более того, предпринимались попытки воплотить эти концептуальные схемы в политическую реальность.

В тот период, как уже отмечалось выше, многие американские политические наблюдатели считали основным атрибутом «китайского коммунизма» национализм его лидеров. Именно на почве национализма Западом прогнозировался вероятный отход КНР от со-

циалистического лагеря. Идеи поощрения националистических настроений среди некоторой части руководства КПК, которые в годы Второй мировой войны имели определенное распространение в среде американских дипломатов в Китае, стали вновь подниматься на щит и примеряться к будущей «китайской политике» США. Представления об общности интересов Соединенных Штатов и руководства КНР были широко разрекламированы сторонниками активизации американо-китайских отношений.

Вопрос о пересмотре политики США на «китайском направлении», поначалу исключительно в теоретическом плане, впервые был поднят на конференции, посвященной проблемам Дальнего Востока, которая состоялась еще в 1956 г. в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Дискуссии на конференции выявили существование двух точек зрения. Сторонники пересмотра политики уповали на возможность установления полезных контактов. Не последнее место среди их доводов занимало утверждение о том, что даже если признание Китайской Народной Республики Соединенными Штатами и не приведет к полному разрыву между КНР и СССР, оно все же могло бы стимулировать Китай к проведению более независимой внешней политики. Кроме того, исходя из заинтересованности США в дружественном и экономически сильном Китае, следовало бы признать КНР и оказать ей соответствующую помощь. В противном случае Китай все равно станет экономически сильной страной, но только враждебной США¹⁵².

Их противники, в свою очередь, утверждали, что позитивное отношение к КНР деморализует азиатских союзников США, будет содействовать укреплению существующего в КНР режима. Тем не менее, в заключительном докладе участники конференции рекомендовали, в частности, снять ограничения на поездки американских корреспондентов и ученых в Китай, на ввоз наиболее важных публикаций из КНР.

Характерно, что к концу 1950-х годов настроения нормализовать отношения с КНР овладевали все в большей степени не только академическими, но и политическими кругами. В 1958 г. съезд демократической партии в штате Вашингтон проголосовал за нормализацию

большинством голосов. За торговлю с Китаем выступали такие организации, как «Молодые демократы Сан-Франциско», значительная часть клубов демократического совета Калифорнии и т. п.

Аргументы сторонников пересмотра китайской политики США в правительственных и законодательных кругах варьировались от желательности более пристального изучения Китая и расширения дискуссий по вопросам политики в отношении КНР (бывший министр авиации Т. Финлеттер) до включения Китая в систему безопасности и контроля над вооружениями (сенатор Х. Хэмфри) и даже прекращения поддержки Чан Кайши, признания КНР и установления с ней широких торгово-экономических связей (конгрессмен Г. Портер). Примечательно, что в Конгрессе США сложился в тот период умеренно либеральный блок, наиболее видные представители которого — сенаторы Т. Грин, М. Мэнсфилд, У. Фулбрайт и др. — выступали с критикой текущего внешнеполитического курса и призывали к разрыву связей с социалистическими странами, в том числе с КНР.

В российской историографии советского периода и некоторых зарубежных публикациях отмечалось, что первые признаки перемен в подходе Вашингтонской администрации к Китаю появились на рубеже 1960-х годов с приходом в Белый дом правительства Дж. Кеннеди¹⁵³. Образовавшаяся в Совете национальной безопасности и Госдепартаменте «прокитайская группировка» пробовала убедить президента в необходимости безотлагательных действий на «китайском направлении», проявляла стремление без промедления сыграть на советско-китайских противоречиях. Китайско-советские разногласия стали рассматриваться американской администрацией как новый важный фактор международной политики, благоприятствующий интересам США. Уходя от открытых высказываний своей точки зрения по этому вопросу, в служебных директивах Белый дом требовал «избегать шагов, которые могли бы содействовать устранению раскола». Как один из возможных путей предлагался переход от политики «сдерживания и изоляции» к курсу на «хладнокровное, объективное и разумное» сочетание «твердости и гибкости» в подходе к китайской проблеме¹⁵⁴.

При этом правительство Дж. Кеннеди не смогло быстро разработать и принять на вооружение какую-либо целостную концепцию новой политики в отношении КНР. Его китайская политика была неразрывно связана с политическим курсом США в Азии и отражала столкновение китайских и американских интересов в этом районе мира. В то же время правящие круги США не вполне отчетливо представляли себе, каким образом они могут оказывать влияние на советско-китайские отношения, чтобы углубить раскол, и какие конкретные выгоды они смогут из этого извлечь. Поэтому, провозгласив на всякий случай «новую» хладнокровную, объективную и разумную политику «открытых для ограниченных контактов дверей» в отношении КНР, они продолжали курс на «периферийное сдерживание» Китая, усилили поддержку всем антикитайским режимам Дальнего Востока и Южной Азии¹⁵⁵. Более мягкий, по сравнению с даллесовским, подход к КНР объяснялся, прежде всего, тем, что перед лицом Америки Китай, отказавшийся от своих союзов и претендующий на роль «третьей силы», был, очевидно, слаб и поэтому мелкие, несущественные отступления от прежней политики «сдерживания и изоляции» казались вполне допустимыми. К тому же сама политика «изоляции» трещала по швам: Китайская Народная Республика вышла на широкую международную арену, установила отношения со многими странами, в том числе и с рядом союзников США; за удовлетворение требования КНР о предоставлении ей законного места в ООН выступало все большее число государств, что «создавало реальную перспективу признания ООН красного Китая»¹⁵⁶.

В целом же приход Дж. Кеннеди в Белый дом сопровождался целым рядом перемен в системе политических и военных приоритетов США. Одной из важнейших была замена доктрины «массированного возмездия», не отвечавшей более интересам Америки в условиях изменившегося соотношения сил в мире, на стратегию «гибкого реагирования». Это изменение демонстрировало готовность США к поддержке проамериканских режимов, противодействию национально-освободительному движению, в том числе и на Дальнем Востоке. Таким образом, возникал еще один, кроме Тайваня, участок серьезных китайско-американских противоречий.

Хотя убежденность президента Кеннеди в целесообразности налаживания американо-китайского диалога крепла по мере усиления антисоветизма Пекина, конкретных изменений в китайскую политику США его администрацией внесено не было, и она не пошла в этой области дальше пространных теоретических изысканий, проводившихся близкими к правительству политологами. Это объяснялось рядом причин объективного и субъективного характера. К числу первых можно отнести то, что, придя к власти, правительство Кеннеди оказалось вовлеченным в более важные для того момента с точки зрения военно-политических интересов США события, чем политика в отношении Китая (европейские проблемы, вопросы «атлантического единства», берлинский и карибский кризисы, переговоры о запрете ядерных испытаний). К числу последних относится то, что администрация Кеннеди по-прежнему рассматривала Китай начала 1960-х годов как державу, угрожающую американским интересам в Азии, стремящуюся расширить свое влияние и укрепить военную мощь. Напоминанием об этом для США служили события недавнего прошлого, такие, как война в Корее, кризис в Тайваньском проливе, вооруженный конфликт в Индокитае, китайско-индийский пограничный инцидент и т. п.¹⁵⁷

Не лишены основания и утверждения американских китаеведов-политологов о том, что некоторое улучшение отношений между СССР и США после мирного урегулирования карибского кризиса повлекло одновременное ухудшение американо-китайских отношений¹⁵⁸, а также усугубление разлада в отношениях между Китаем и СССР. Это подкрепляется следующими фактами: отказ КНР от оказания поддержки Кубе, призывы китайского руководства во главе с Мао Цзэдуном в тот период покончить с американским империализмом, стремление со стороны Китая поощрить перерастание карибского кризиса в термоядерный конфликт между СССР и США¹⁵⁹.

Немаловажную роль в определении курса администрации Кеннеди в отношении КНР сыграло то обстоятельство, что, выиграв выборы с минимальным перевесом над кандидатом республиканцев Р. Никсоном, Дж. Кеннеди не рискнул в первые годы пребывания у

власти круто менять этот курс и отказываться от политики «сдерживания». Этим президент хотел, во-первых, показать, что он считается с общественным мнением внутри страны, которое было настроено в целом негативно по отношению к китайским коммунистам. Во-вторых, продемонстрировав таким путем склонность к преемственности политики, он надеялся укрепить свои пока еще недостаточно прочные позиции. Назначение Дина Раска на пост государственного секретаря в администрации Кеннеди также говорило в пользу неизменности политики США на Дальнем Востоке. Приобретая значительную часть своего дипломатического опыта во время нахождения на различных постах в Азии как в военное, так и в послевоенное время, Д. Раск не раз отчетливо демонстрировал «твердый подход» к отношениям с китайскими коммунистами. Он не видел возможности добиться нормализации американо-китайских отношений и неоднократно заявлял, что выступает против дипломатического признания КНР и принятия ее в ООН.

Что касается китайско-советских разногласий, которые в тот период приняли открытый и все более обострявшийся характер, то в правительственных кругах США, тем не менее, проявляли определенную осторожность в подходе к этому вопросу и, по признанию того же Д. Раска, не считали, что перспектива разлада «может оказаться прочной основой для политики свободного мира»¹⁶⁰. Более того, леворадикальные внешнеполитические установки группы Мао Цзэдуна, ее постоянно декларируемая «непримиримость к империализму», отказ от мирного сосуществования определенно настраивали американскую администрацию в значительной степени антикитайски. Вот почему Дж. Кеннеди, поощрявший теоретические разработки своих экспертов-политологов в направлении изыскания возможностей изменения китайской политики США, в собственных практических действиях по отношению к КНР не видел в тот момент причин для отказа от основных принципов «сдерживания». В частности, идея «сдерживания» КНР была заложена в основе ряда решений администрации Дж. Кеннеди, приведших в конечном счете к эскалации американского военного вмешательства в Индокитае¹⁶¹.

Внесение практических коррективов в политику в «китайском вопросе» Дж. Кеннеди планировал осуществить во время второго срока своего президентства. Этому помешали выстрелы в Далласе. Поэтому неудивительно, что заявление о необходимости реалистического подхода к американо-китайским отношениям, сделанное заместителем государственного секретаря по делам Дальнего Востока, одним из наиболее видных соратников Дж. Кеннеди Р. Хилсменом в его выступлении через три недели после гибели президента, прозвучало очевидным диссонансом тому курсу, который уже намечала по отношению к Китаю новая администрация демократов во главе с Л. Джонсоном.

Война в Индокитае отвлекала внимание правительства Джонсона от китайской проблемы. Любые инициативы по «смягчению» жесткой линии в отношении КНР, исходившие снизу, в том числе из академических кругов, не находили поддержки в правительственных сферах и, более того, блокировались ими. В то же время, принимая решение о расширении вооруженной интервенции США в Индокитае, Л. Джонсон не мог не учитывать в качестве одного из главных факторов антисоветскую ориентацию Пекина, которая существенно ограничивала возможности сотрудничества китайских руководителей с СССР и другими социалистическими странами в плане совместного отпора американской эскалации.

Открывавшее «зеленый свет» расширению войны в Индокитае утверждение Конгрессом США «тонкинской резолюции», которая разрешала президенту «принимать все необходимые меры для отражения любого нападения на вооруженные силы Соединенных Штатов»¹⁶², по сути дела не вызвало возражений со стороны Пекина¹⁶³.

В течение 1965 г. продолжались встречи американского и китайского послов в Варшаве, одной из тем переговоров в ходе которых была война во Вьетнаме. В результате этих встреч было достигнуто неписанное соглашение: Китай давал США свободу действий в Южном Вьетнаме¹⁶⁴. В последующие годы в ходе так называемой культурной революции китайские руководители не скрывали того, что совсем не стремятся покончить с войной во Вьетнаме. Когда в 1968 г. в Париже начались американо-вьетнамские переговоры, в

Китае о них либо совсем не упоминали, либо давали понять, что нельзя верить в их успех.

Одновременно в середине 1960-х годов в правительственных кругах США не снимали с повестки дня вопроса о необходимости «борьбы с коммунистической агрессией», олицетворением которой в Азии выступал и Китай. Американцы считали, что их уход из Юго-Восточной Азии неизбежно дал бы Пекину возможность использовать появившиеся у него шансы для распространения своего влияния на эту часть континента. В публичном выступлении 12 февраля 1966 г. заместитель государственного секретаря по делам Дальнего Востока М. Банди признал, что правительство США рассматривает Китай в качестве силы, бросающей вызов американским интересам. «Внешнеполитические цели Пекина и тактика, к которой он прибегает для достижения целей, остро ставят перед нами проблему войны и мира в Азии, а также проблему свободы и жизни миллионов людей не только в Азии, но и во всем мире». М. Банди отмечал, что Вашингтон не может согласиться с господством континентального Китая в Азии и что США являются «большим врагом Пекина»¹⁶⁵.

По мере нарастания антисоветизма в политике КНР интерес к «китайской проблеме» начал возрастать в американском Конгрессе. В ходе соответствующих слушаний в середине 1960-х годов речь в основном шла о том, как видоизменить политику США в отношении КНР с учетом советско-китайских разногласий. Этому способствовала развернувшаяся вне правительственных кругов — в основном в среде университетской профессуры — кампания за пересмотр подхода к КНР.

Значительный вклад в разработку основ новой китайской политики США внесла общеамериканская конференция, посвященная обсуждению этой политики, которая состоялась в Нью-Йорке 20—21 марта 1969 г. Итогом ее явилось издание сборника «США и Китай. Следующее десятилетие»¹⁶⁶, в котором были обобщены некоторые выводы относительно возможных направлений китайской политики США в ближайшие годы. Материалы ее фактически стали теоретическим фундаментом для американо-китайских отношений в 1970-е годы.

Конференция, безусловно, не решила, да и не могла решить «китайскую проблему». Однако она показала, что влиятельные круги в США заинтересованы в изменении официального отношения к КНР, особенно в связи с антисоветским курсом Пекина, который, как считал ряд экспертов, создает «благоприятную атмосферу» для сближения КНР с США.

Обсуждая политическую ситуацию в КНР, пытаясь определить расстановку сил во внутренней жизни Китая, влияющую на внешнюю политику страны, многие участники конференции довольно откровенно говорили о том, как хотел бы Вашингтон повлиять на позицию КНР в будущем. Руководитель отдела Госдепартамента США П. Крейсберг, например, выражал надежду, что в будущем Китай будет менее, чем прежде, заинтересован в развитии мирового революционного движения¹⁶⁷, ибо только таким путем, по его мнению, может быть достигнуто улучшение отношений между КНР и США.

Сенатор Э. Кеннеди представил целую программу развития американо-китайских отношений, включающую признание правительства КНР законной властью на материке, возобновление диалога на уровне послов, отмену ограничений на поездки между США и КНР и на торговлю нестратегическими товарами, провозглашение готовности учредить в обеих странах консульства, привлечь КНР к переговорам о разоружении, к обсуждению вопросов безопасности в Азии и других проблем. Он предложил согласиться на допуск КНР в ООН и в Совет Безопасности, не дожидаясь окончательного решения вопроса о Тайване¹⁶⁸.

Сенатор Дж. Джавитс предложил правительству США покончить с остатками маккартизма, которые продолжали влиять на американскую политику по отношению к КНР, выразил надежду на то, что если Белый дом начнет приспособлять свою политику к политике Пекина, то последний ответит тем же.

Концепцию, связанную с решением ряда внешнеполитических задач в отношении КНР, цель которой убедить китайцев, что их главным врагом является СССР¹⁶⁹, выдвинул один из зарубежных участников конференции, бывший министр сельского хозяйства Канады А. Гамильтон.

Однако, несмотря на наличие в политических и общественных кругах США определенных настроений в пользу признания КНР как политической реальности международной жизни, вопрос о фактическом и тем более юридическом признании Китая в 1960-е годы постоянно отодвигался на второй план. Даже в 1968 г., когда Америку захлестнуло массовое антивоенное движение, опросы общественного мнения показывали, что, несмотря на критическое отношение к сложившейся во Вьетнаме ситуации, сохранение военного присутствия США в Индокитае одобрялось главным образом из-за «китайского фактора». Этому во многом способствовала развернувшаяся в КНР «культурная революция» с ее экстремизмом внешнеполитических лозунгов и установок. Китай воспринимался в США как агрессивная, шовинистическая и непредсказуемая держава, способная на любую международную авантюру. Тон высказываний американских средств массовой информации относительно КНР в середине 1960-х годов был неприкрыто враждебным. Эта враждебность была резко поколеблена после советско-китайского пограничного инцидента в марте 1969 г.

1.2.2. КНР—США: шаги навстречу друг другу

События на реке Уссури стали в своем роде апогеем нагнетания антисоветизма в КНР, который в идеологических установках китайского руководства существовал в тот период параллельно с антиамериканизмом. Еще в 1965 г. в одном из документов политорганов Народно-освободительной армии Китая, попавшем в США, говорилось о «реакционности американских властей» и содержалась рекомендация «заморозить отношения между КНР и США с сохранением тупика на многие годы»¹⁷⁰. Несколько раньше к числу врагов Китая был официально причислен СССР. Об этом заявил Мао Цзэдун в беседе с французскими парламентариями в феврале 1964 г.¹⁷¹

Переход Китая к осуществлению «особого курса» на международной арене происходил одновременно с перераспределением соотношения сил в западном мире. Усиление противоречий между за-

падными союзниками выразилось, в частности, в отказе Франции от участия в военной организации НАТО, выходе из СЕАТО, попытках оградить Европу от слишком активного американского вмешательства в ее дела. Усилились экономическая мощь ФРГ и ее роль в международной жизни.

Китайские руководители, взяв за основу эти противоречия, сконструировали теорию «промежуточных зон», которая была призвана, с одной стороны, оправдать сближение КНР со странами Западной Европы и Японией, а с другой — противопоставить СССР и США всему остальному миру, особенно развивающимся странам. Схема «двух сверхдержав», борющихся за мировую гегемонию (или иногда, наоборот, сговаривающихся между собой о разделе мира за счет третьих стран), стала широко пропагандироваться китайскими лидерами, расчет которых, не в последнюю очередь, строился на возможности провоцирования таким образом конфронтации между самими этими «сверхдержавами», с одной стороны, и более бедными развивающимися странами — с другой.

Однако к концу 1960-х годов Пекин в основном убедился в бесперспективности попыток нацелить наступательный потенциал указанных сил на провоцирование такого конфликта. Следствием этого стал поворот китайского руководства на рубеже 1960-х — 1970-х годов к западному миру, в первую очередь к странам Западной Европы и Японии. Одновременно с этим поворотом доктрина «антиамериканизма» китайского руководства невольно стала утрачивать свое «антиимпериалистическое» содержание, так как Китай начал рассматривать США уже не как лидера единого Запада, а как обособленное препятствие на пути достижения поставленных им на международной арене целей. В то же время, вступив на путь сотрудничества с правящими кругами западных стран, китайские руководители постепенно подготавливали тем самым условия для активизации диалога с США.

Переход на новые позиции во внешней политике, не связанные с прежним политическим курсом, расширил Китаю свободу маневра на международной арене. Нагнетание антисоветизма внутри страны и постановка того же принципа в центр внешнеполитической деятельности давали возможность китайскому руководству не только

подготовить почву для резкого поворота «лицом к Западу», но и позволяли рассчитывать на ответную позитивную реакцию западных стран, включая Соединенные Штаты.

После начала в октябре 1969 г. китайско-советских переговоров по пограничным вопросам Мао Цзэдун принял решение упорядочить внешнеполитическую стратегию Китая, перейти от «удара двумя кулаками» к смягчению отношений с Соединенными Штатами и сконцентрировать силы на противостоянии Советскому Союзу. Одновременно США тоже начали посылать Китаю сигналы о возможном потеплении отношений. После того как произошел инцидент на Даманском, американская сторона немедленно начала изучать вопрос о возможных вариантах реагирования на него.

Советско-китайский вооруженный конфликт 1969 г. прозвучал первым отчетливым сигналом, свидетельствовавшим о готовности КНР поступиться принципами идейно-классового подхода к международным отношениям. Последующее появление в лексиконе китайских лидеров термина «социал-империализм» применительно к СССР и его тогдашнему руководству, по мнению некоторых исследователей, «давало понять всем, продолжавшим сомневаться, что Китай встал на путь окончательного разрыва с этими принципами»¹⁷².

Не вызывает сомнений, что аналитики в Соединенных Штатах задолго до этого стали внимательно отслеживать и анализировать процесс коренных перемен во внешней политике КНР. Так, А.Д. Барнетт датировал их начало концом 1957 г., отмечая, что по мере активного вовлечения в деятельность международного сообщества Китай «действует все более и более как обычная держава и все менее как революционное государство»¹⁷³. При этом, замечал он, «долговременные революционные цели были подчинены непосредственным кратковременным национальным интересам»¹⁷⁴. А.Д. Барнетт подчеркивал, что после завершения процесса внесения изменений в свой внешнеполитический курс КНР поставила на первое место свои национальные интересы, а не революционные ценности. «Революционная воинственность китайских коммунистов была по большей части выражена в риторической форме, а не в конкретных действиях... Короче, китайская поддержка революций за рубежом

принимала главным образом форму моральной поддержки»¹⁷⁵. Констатируя вероятное наличие существенных расхождений в верхних эшелонах китайского руководства по вопросам внешней политики, и особенно отношения к СССР, Барнетт полагал, что быстрота, с которой в КНР был пересмотрен подход к отношениям с США в 1971 г., свидетельствовала о том, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай топились сделать это, пока они находились на политической арене.

Со своей стороны, Соединенные Штаты, столкнувшись с невозможностью реализации собственных внешнеполитических задач старыми методами, вынуждены были перейти к поискам новых средств. Нестабильность внутри американского общества, особенно в связи с войной во Вьетнаме, усиление борьбы национально-освободительных сил в различных частях мира и целый ряд других факторов поставили вопрос о необходимости разработки такого курса, который должен был бы обеспечить сохранение мирового лидерства США при минимальных затратах материальных и людских ресурсов с их стороны. В этих условиях сохранение прежнего враждебного отношения к КНР на уровне осуществления Соединенными Штатами своей практической политики все очевиднее становилось бесперспективным.

Это отчетливо понимала пришедшая к власти в США в январе 1969 г. администрация республиканца Р. Никсона. Изменение подхода США к китайскому комплексу проблем позволяло не только ослабить напряжение в двусторонних отношениях, но начать пересмотр всей политики на Дальнем Востоке, необходимость которого обуславливалась целым рядом факторов. Принципиально иная расстановка сил в Азии по сравнению с той, которая существовала после окончания Второй мировой войны и в 1950-е годы, укрепление независимых национальных государств, рост местного национализма, ширящийся размах национально-освободительных движений, нацеленных в том числе и против проамериканских режимов, делали политически и экономически невыгодным и все более сложным сохранение присутствия США в этом районе. Вместо «сдерживания китайского агрессивного коммунизма», провозглашенного в 1950-е — первой половине 1960-х годов, американские войска в Азии столкнулись с необходимостью борьбы не против «китайской экспансии», а

против национально-освободительных движений в соответствующих странах. Опыт войны во Вьетнаме со всей очевидностью показал, что даже при демонстративном невмешательстве КНР эта борьба переходит в антинародную войну, которую нельзя выиграть.

Важным элементом нового подхода США к КНР стала переоценка внешнеполитических возможностей Китая. Выявившиеся в ходе «культурной революции» глубокие противоречия между различными группировками в китайском руководстве, ожесточенная борьба, ареной которой стала вся страна, позволили американским политикам предположить, что главной проблемой для КНР на протяжении длительного периода будет урегулирование внутренних проблем в стране, а не внешнеполитическая экспансия¹⁷⁶. Это соображение наряду с «осторожным поведением» китайского руководства в 1960-е годы убедили правящие круги США в отсутствии угрозы их интересам в Восточной Азии со стороны КНР.

И, наконец, отход Китая от социалистического лагеря и резкое усиление антисоветских элементов в его политике открывали перед Соединенными Штатами заманчивые перспективы — использовать для укрепления своих позиций возникновение нового фронта борьбы между бывшими идейно-классовыми единомышленниками, превратившимися в непримиримых врагов. Стремление вернуться к проведению политики «баланса сил», которую США небезуспешно осуществляли в прошлом, активно поддерживалось школой «политического реализма», один из ведущих представителей которой, Г. Киссинджер, был введен в состав администрации Никсона. Рассматривая антисоветскую политику китайского руководства в совокупности с огромным людским и растущим ракетно-ядерным потенциалом КНР как образование нового «центра силы», представители этой школы настаивали на переходе от «биполярной» к «многополюсной» политике. Одним из важнейших ее элементов должна была явиться нормализация отношений с КНР, доведение их до уровня, приблизительно равного уровню советско-американских отношений¹⁷⁷.

Задачи нового подхода к КНР были поставлены еще в 1967 г. в программной статье Р. Никсона (в то время кандидата в президенты

от республиканской партии) «Азия после Вьетнама», опубликованной в журнале *Foreign Affairs*¹⁷⁸. В ней он призвал признать «реальность Китая» и приступить к проведению такой политики, которая содействовала бы возвращению КНР в международное сообщество в качестве «великой и прогрессивной нации, а не эпицентра мировой революции». Интересно, что эта статья обозначила существенное изменение отношения ее автора к Китаю и региональной политике США в Азии. В ней Р. Никсон отказывался от вьетнамской войны как метода силового сдерживания КНР, отмечая, что «национальный коммунизм» китайских лидеров по сути своей отличается от «интернационального коммунизма, продвигаемого СССР». Одновременно, осознавая ограниченность ресурсов и возможностей США для управления остальным миром, он выдвинул идею отказа от прямого американского интервенционизма и «обеспечения региональной безопасности» в Азии силами самих азиатских правительств.

Его новый подход к решению сложных для США внешнеполитических проблем отвечал настроениям американского истеблишмента и общества в целом. Кандидат от республиканской партии шел к победе на президентских выборах 1968 г., используя внешнеполитические концепции своих политических оппонентов-либералов, за которыми со времен маккартизма закрепилась репутация «умиротворителей коммунизма». При этом он пользовался тем несомненным преимуществом, что принадлежал к консервативному лагерю.

Подготовка к пересмотру политики США в отношении КНР началась с первых дней деятельности республиканской администрации. Требовалось разработать систему односторонних шагов, которые могли бы предпринять США, не ставя себя в невыгодное положение, и которые не требовали бы ответных действий китайской стороны.

Концепция американско-китайских отношений на протяжении первого срока президентства Никсона претерпела существенные изменения. В 1970—1971 гг. в своих выступлениях перед Конгрессом он уже старался избегать критики в адрес китайского руководства и его внешнеполитического курса. Более того, в некоторых его высту-

плениях предпринимались попытки если не оправдать, то, по крайней мере, осмыслить резоны тех или иных международных шагов Китая. Примечательно, что с 1971 г. официальные лица и издания в США, а вслед за ними американские СМИ начали использовать термин «Китайская Народная Республика» вместо употреблявшихся ранее идеологически окрашенных названий «красный или коммунистический Китай». Кроме того, со стороны США фактически был дан «зеленый свет» на вступление КНР в ООН взамен Тайваня.

Вопрос о позиции США в связи с обострившимися советско-китайскими отношениями неоднократно вставал перед руководителями американской внешней политики, однако в своих публичных заявлениях они всячески избегали каких-либо намеков на готовность использовать их в своих интересах¹⁷⁹ и занимали подчеркнуто нейтральную позицию¹⁸⁰. На деле же по мере того, как обострялись отношения между КНР и СССР, официальный Вашингтон спешил с модификацией политики в отношении Китая, подавая Пекину сигналы своей заинтересованности в ослаблении напряженности в американо-китайских отношениях.

Существенным шагом в этом направлении стало стремление к военному разъединению США и КНР в Азии в отличие от осуществлявшегося прежними правительствами Соединенных Штатов «периферийного сдерживания» Китая. Не отказываясь от своих глобальных и региональных целей, американское правительство взяло курс на постепенное уменьшение непосредственного военного присутствия США вдоль границ КНР при одновременном увеличении военной и экономической помощи своим азиатским союзникам. Провозглашение Никсоном 25 июля 1969 г. «гуамской доктрины» предполагало, как известно, значительное сокращение военного контингента США в ряде азиатских стран, перекладывание на плечи американских союзников в Азии основного бремени полицейских функций по так называемой защите американских интересов в этом регионе.

Примечательно, что после провозглашения «гуамской доктрины», разработанной при непосредственном участии Г. Киссинджера, некоторые американские исследователи проводили прямую аналогию между намеченным в ней курсом действий и политикой США

в отношении Китая в период 1940-х годов, адвокатом которой выступал Дж. Маршалл.

Одна из особенностей условий, в которых происходило американо-китайское сближение, состояла в том, что в 1970-е годы у руля государственной власти и «китайской политики» в США стояли совершенно другие лица, нежели в 1940-е годы, в то время как в Китае «смены караула» практически не произошло. Это дало основание некоторым политологам утверждать, что, разрабатывая варианты политики в отношении КНР, США делали акцент не на взаимоотношения стран, а на взаимоотношения личностей (Никсона и Киссинджера, с одной стороны, и Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая — с другой)¹⁸¹. Эта точка зрения, на наш взгляд, не соответствует действительному положению вещей. Безусловно, у истоков американо-китайского сближения стояли конкретные личности, имевшие в тот период реальную политическую власть, однако развитие отношений между двумя странами происходило в соответствии с потребностями самих этих стран, в рамках объективных исторических условий.

В сложившемся контексте международной обстановки середины 1970-х годов геополитическая дипломатия Никсона—Киссинджера рассматривала манипулирование противостоящими друг другу «центрами силы» как свидетельство отказа от акцента на социальные и идеологические различия.

Выдвижение в середине 1970 г. Китаем новой внешнеполитической концепции «борьбы против гегемонии двух сверхдержав» обозначило полный отказ его лидеров даже от видимости классово-идеологического подхода к международным отношениям и показало, что в руководстве КНР усилились позиции правонационалистических сил. Острое столкновение их с группой Линь Бяо на 2-м пленуме ЦК КПК привело к ослаблению позиций последней, значительному уменьшению ее возможностей оказывать влияние на выработку политического курса Пекина. Складывались определенные внутренние условия для поворота китайского руководства к политике широких контактов с США.

Процесс налаживания отношений США и КНР в 1970-е годы не случайно развивался на фоне позитивных сдвигов в международной

обстановке в направлении смягчения напряженности в мире и разрядки между Востоком и Западом. Разрядка стала возможной лишь после того, как правящие круги США стали принимать во внимание реальное соотношение сил в мире, в том числе в Азии, особенно четко обозначившееся в ходе безуспешной для американцев вьетнамской войны. В этих условиях длительное непризнание КНР — одной из крупнейших азиатских и мировых держав — было совершенно ненормальным с объективной точки зрения явлением и не соответствовало более интересам США. Отсутствие связей между двумя из крупнейших государств мира затрудняло как налаживание отношений, так и решение спорных проблем и создавало дополнительные сложности для политики США в Азии.

В послании Конгрессу по вопросам внешней политики в феврале 1970 г. президент Р. Никсон, признавая наличие идеологических разногласий и очевидных различий в интересах, тем не менее, утверждал, что Соединенные Штаты «связаны историческими узами дружбы с китайским народом, и многие наши основополагающие интересы не противостоят друг другу». Подчеркивая, что «коммунистический Китай не должен оставаться в изоляции» и должен быть готов «раньше или позже вновь вступить в международное сообщество»¹⁸², Никсон провозглашал одной из целей США установление более нормальных и конструктивных отношений с Китайской Народной Республикой.

К этому времени большинство американцев уже было подготовлено к восприятию довода о том, что США испытывают потребность покончить с изоляцией КНР. «Китай уже не рассматривался как агрессивная экспансионистская держава, а скорее, как обороняющаяся и слабая нация, которая добивалась обращения с нею как с крупной мировой державой. Воспоминания о корейской войне изгладились в Соединенных Штатах к 1969 году»¹⁸³.

К налаживанию американо-китайских связей у США, помимо внешнеполитических, имелся целый ряд побудительных мотивов иного характера. В экономическом плане все большую заинтересованность в китайском рынке стали проявлять американские деловые круги, крупный монополистический капитал, интересы которого

представлял в Белом доме Р. Никсон. Ведь в результате проведения политики экономического эмбарго США намного отстали от своих западноевропейских и японских конкурентов в развитии деловых связей с КНР.

Имелись мотивы и чисто внутреннего плана. Правительство Никсона столкнулось с серьезным ростом внутривнутриполитических противоречий: ширилось движение самых различных кругов населения США за прекращение агрессии в Индокитае, включая требование нормализации отношений с КНР, усиливалась боеспособность профсоюзов, все активнее действовали борцы за гражданские права. Накануне президентских выборов 1972 г. в стране усилилась борьба против войны, расизма и реакции. Шаги в направлении Китая, по замыслу вашингтонских политиков, могли бы содействовать разрешению некоторых из этих противоречий.

Одновременно Никсон рассчитывал извлечь из намечавшегося сближения с Пекином максимальные преимущества в ходе кампании за переизбрание его на пост президента. Шаги по сближению с КНР облегчили бы для США трудности, связанные с замешательством, вызванным мирными предложениями Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. Таким образом, по замыслу американских политиков, пекинское руководство фактически помогало бы Никсону с наименьшими потерями выйти из провала в Индокитае.

Однако одним из главных соображений, которые подтолкнули США на шаги по нормализации отношений с КНР, стал, как уже отмечалось выше, неприкрытый антисоветизм китайских лидеров. Поэтому, формально находясь в русле тогдашней разрядки международной напряженности, американско-китайская нормализация фактически носила антиразрядочный характер и в этом контексте была выгодна для США, так как позволяла им приступить к реализации своих замыслов, связанных с использованием «китайского рычага» против СССР. В связи с этим трудно не согласиться с оценкой Г. Киссинджера, утверждавшего, что его секретная миссия в Пекин в июле 1971 г. позволила Никсону и Мао Цзэду через полгода «перевернуть страницу в истории американско-китайских отношений». К этому мож-

но добавить, что она стала начальной точкой сдвига биполярной системы международных отношений в сторону многополярности.

Наряду с осуществлением на практике серии «малых шагов»¹⁸⁴, которые составляли основное содержание американско-китайских отношений вплоть до визита Р. Никсона в Китай в феврале 1972 г., в теоретическом плане некоторые исследовательские и пропагандистские центры США, занимавшиеся концептуальной разработкой основ китайского курса, усилили поиски путей для использования в интересах американской внешней политики советско-китайских разногласий, стремились вычленить в теории и практике Пекина основы особой «китайской модели» социализма, противопоставляемой историческому опыту других социалистических стран. Особое место в этих изысканиях отводилось попыткам доказать неизбежность столкновения национальных интересов СССР и КНР, укрепить в создании китайского руководства тезис об «угрозе с Севера». Одновременно отмечалось стремление вашингтонских руководителей по возможности сгладить американско-китайские противоречия в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке¹⁸⁵.

Следует отметить, что в ходе подготовки визита Р. Никсона в Китай стороны достаточно четко определили проблемы, взгляды на которые у них совпадали или которые могли быть урегулированы сравнительно легко, а также круг вопросов, решение которых на взаимоприемлемой основе представлялось весьма проблематичным из-за диаметрально противоположных подходов сторон.

В первую группу входили: обоюдное стремление ослабить позиции СССР на международной арене за счет взаимной поддержки антисоветской направленности политики каждой из сторон; желание достигнуть договоренности о своеобразном разделе «сфер влияния» в Азии. К этой же группе следовало отнести проблемы, связанные с активизацией контактов в рамках нормализации отношений двух стран.

Стремление их правительств к скорейшему достижению такой нормализации усиливало понимание необходимости модифицировать их позиции по проблемам, которые на протяжении 20 лет существования КНР представлялись тупиковыми. Прежде всего, это каса-

лось вопросов, связанных с «тайваньским комплексом» и представительством Китая в ООН. Кроме того, в начале 1970-х годов китайское руководство высказывало озабоченность в связи с сохранением военной структуры США вблизи границ КНР: продолжавшейся войной в Индокитае, пребыванием американских войск в Южной Корее, Японии, странах Юго-Восточной Азии. Американская администрация, в свою очередь, выражала опасения в связи с проводившейся милитаризацией КНР.

В преддверии визита Никсона правительства США и КНР осуществили ряд мер с целью устранения в своих позициях по важнейшим политическим проблемам и второстепенным вопросам отдельных моментов, не приемлемых для другой стороны. Китайская сторона в ответ на серию американских «малых шагов» сняла почти все выдвигаемые прежде предварительные условия участия КНР в работе ООН, значительно уменьшила категоричность и бескомпромиссность своей позиции по Тайваню, с готовностью откликнулась на меры США в военной, экономической и других областях.

Искусственное подтягивание КНР американскими политическими деятелями до уровня «глобальной державы», постоянное подчеркивание ее «особой роли» в решении азиатских проблем, «ядерного статуса» неизбежно заставляли думать о том, что США готовятся к диалогу с Китаем, как к встрече с равным противником-партнером. При этом обращали на себя внимание многочисленные официальные и полуофициальные заявления и выступления руководителей обоих государств о готовности обсудить ряд вопросов, касающихся третьих стран, за их спиной.

Важнейшим из таких вопросов, очевидно, был вопрос об использовании друг друга для борьбы против Советского Союза. Перед китайскими руководителями еще в 1960-е годы за многообразными переговорами, которые вели между собой СССР и США по самому широкому кругу вопросов, прежде всего по проблемам разоружения, маячил пугающий призрак «сговора», направленного против Китая. После того, как СССР наравне с Соединенными Штатами был объявлен в Пекине врагом китайского народа, а затем постепенно стал выходить в этой кампании враждебности на первое место, вопрос о

«союзе со второстепенным противником в борьбе против главного врага» заставил руководство КНР искать контакты с США для его решения. Со своей стороны, США использовали сам факт обострения советско-китайских отношений, которое, по их мнению, без всяких дополнительных усилий давало им определенные преимущества в борьбе против стран социализма.

Хотя представители политических кругов США и американские ученые еще до прихода республиканцев к власти предлагали использовать «особый курс» Пекина, т. е. обострение им советско-китайских отношений для усиления своих позиций на международной арене, администрация Никсона, объявив о стремлении нормализовать отношения с КНР, тем не менее, неоднократно официально заявляла, что не собирается использовать эту нормализацию как средство давления на СССР.

Однако осуществление «доктрины Никсона», существенные сдвиги в оставшемся неизменным на протяжении 20 лет подходе Соединенных Штатов к проблемам Тайваня, представительства Китая в ООН, попытки связать между собой запланированные поездки президента в КНР и СССР и воспользоваться каждой из них в качестве средства давления на своих партнеров по этим переговорам заставляли серьезно сомневаться в том, насколько истинные намерения американского правительства согласуются с его прежними официальными заявлениями.

Если главным документом в результате визита Никсона в Китай в феврале 1972 г. стало знаменитое Шанхайское коммюнике, то главной его встречей в ходе этого визита стала, безусловно, встреча с Председателем КНР Мао Цзэдуном. По взаимной договоренности содержание их беседы не разглашалось, и долгое время ее запись хранилась под грифом «совершенно секретно». В США этот документ был рассекречен в 1990 г. В КНР он был впервые опубликован в полном виде в 2008 г. в газете «Лусюнь цанькао». Заслуживающими особого интереса откровениями обеих сторон в ходе ее стали:

- обоюдная констатация того, что внутри обеих стран существуют или существовали силы, готовые помешать китайско-американскому сближению (в США, по утверждению Киссиндже-

ра, — представители «левых сил», а в КНР, по словам Мао, — «реакционная группировка», под которой подразумевались участники заговора во главе с Линь Бяо), противоборство которых удалось преодолеть, чтобы данная встреча наконец состоялась;

- намерение обсуждать и договариваться не только по региональным, но по глобальным проблемам мировой политики независимо от реакции на такие договоренности «третьих стран» (прежде всего СССР) при обоюдном согласии сохранения их в секрете, что фактически было равнозначно предложению о создании двустороннего механизма для обсуждения мировых проблем;
- взаимное признание того, что США и Китай больше не представляют угрозы друг для друга и каждая из сторон не стремится навязывать противоположной стороне свои собственные ценности, на основе чего был сделан вывод о необходимости совместной борьбы с так называемым гегемонизмом, т. е., иными словами, отпора «советской экспансии»;
- негласное признание того, что у США и Китая могут найдаться общие точки соприкосновения и поэтому существует нечто, что их объединяет (в частности, их взаимоотношения с Пакистаном и Индией, Монголией и СССР);
- обоюдное согласие, что идеологические расхождения больше не играют первостепенной роли в реальной мировой политике, ее определяющим принципом становится прагматизм, а «геополитические потребности», по настоянию Никсона, «превосходят идеологические»¹⁸⁶.

Декларируя затем в Шанхайском коммюнике, опубликованном по итогам визита Р. Никсона в Китай, отказ решать проблемы, касающиеся третьих стран, без их участия, США и КНР, тем не менее, продемонстрировали стремление навязать третьим странам свое понимание международных проблем. Им удалось достичь взаимопонимания по вопросу о необходимости сохранения status quo в районе Тихого океана и включить в коммюнике положение о противодействии установлению гегемонии «любой другой страны» в этом районе, которое несло явную антисоветскую направленность. Достигнутое

между Соединенными Штатами и КНР взаимопонимание по этому вопросу имело решающее значение. Именно оно позволило администрации Никсона завершить поворот от конфронтации между США и КНР, составлявшей одно из измерений политики «сдерживания коммунизма», к установлению с последней позитивных отношений как условия проведения глобальной стратегии, основанной на концепции «баланса сил» в многополюсном его варианте. Другую сторону этой стратегии составляло достижение американской стороной разрядки с Советским Союзом¹⁸⁷.

В ходе визита президента США в КНР обе стороны по взаимной договоренности не заостряли внимания на том, что их разделяло. «Мао отнес тайваньскую проблему к категории менее важных проблем, предпочитая рассматривать ее как второстепенный внутренний китайский конфликт»¹⁸⁸ и удовлетворившись формальным признанием со стороны США единства и территориальной целостности китайского государства. Никсон, со своей стороны, идя навстречу пожеланиям Пекина, впервые публично пообещал вывести все американские войска и убрать военные базы с Тайваня. Одновременно Белый дом подтвердил выдвинутую им в 1971 г. формулу о необходимости мирного урегулирования вопроса о будущем Тайваня самими китайцами без вмешательства США. Пекинские лидеры тут же внесли коррективы в некоторые свои позиции, ранее осложнявшие американо-китайский диалог. В частности, они перестали подчеркивать требование о прекращении военного союза США с Тайванем.

Фактически китайское руководство приняло предложенные США правила игры в «дипломатию треугольника». Формально в рамках этого треугольника администрация Никсона заявляла о приверженности к системе параллельных отношений как с СССР, так и с Китаем. Так, еще в заявлении помощника государственного секретаря США Э. Ричардсона от 5 сентября 1969 г. говорилось о разграничении заинтересованности США в долговременном улучшении отношений с КНР от намерения использовать состояние советско-китайских отношений для приобретения США каких-либо односторонних преимуществ. Визит Р. Никсона в СССР в мае 1972 г.

должен был, по мнению американских правящих кругов, служить подтверждением этих намерений администрации.

Нормализация президентом Никсоном отношений с Китайской Народной Республикой означала окончательное крушение азиатской политики США, основанной на принципе «окружения Китая», который в течение двух десятилетий был краеугольным камнем этой политики.

С этого времени наступила новая стадия в приложении геополитических концепций к отношениям с КНР. В политическом лексиконе Соединенных Штатов появилась такая категория, как «китайский фактор» («китайская карта»), отражавшая представление о Китае как о самостоятельном «центре силы», который, однако, в связи с особенностями внешнеполитической позиции КНР (антисоветизм, заинтересованность в развитии отношений с США) мог рассматриваться как удобный с точки зрения интересов США объект для геополитических комбинаций в сфере мировой политики.

Теоретической базой таких комбинаций стало появление на рубеже 1960-х — 1970-х годов концепции «деидеологизации» или «конца идеологии», одним из создателей которой был небезызвестный Г. Моргентау, утверждавший, что предварительным условием успешной американской внешней политики должно быть «обеззараживание» ее от идеологии, ибо идеологизированная внешняя политика ведет к фанатизму. «Многое можно выиграть, — писал он, — и при этом ничего не потерять, переориентировав американскую внешнюю политику на традиционную неидеологическую деятельность». Главное, по мнению Г. Моргентау, заключалось в том, «отвечает ли политика интересам безопасности США»¹⁸⁹. Идея деидеологизации внешней политики как реакции на ее сверхидеологизацию в годы «холодной войны» подпитывала усилия Г. Киссинджера, воплощавшего ее в реальность путем попыток «балансировки» международных отношений с помощью «геометрических схем».

Объясняя ухудшение советско-китайских отношений геополитическими константами и предвещая на этом основании длительность и устойчивость конфликта, американская политология считала неизбежной заинтересованность китайской стороны в американских

«гарантиях» безопасности. Из этой посылки делался вывод о том, что в развитии американско-китайских отношений Пекин заинтересован больше, чем Вашингтон, и что поэтому Соединенным Штатам нет нужды идти слишком далеко навстречу китайскому партнеру. Более того, американцы полагали, что по этой причине китайской стороне придется надолго, если не навсегда, отказаться от некоторых национальных целей, в частности от восстановления суверенитета над Тайванем. В связи с этим в своих рекомендациях и прогнозах сторонники геополитических концепций исходили из представления, что американская дипломатия располагала рычагами влияния на внешнеполитический курс правительства КНР и, при наличии общих геополитических интересов, достаточно предоставить Пекину ограниченную помощь и некоторые преимущества (продажа кое-какой современной техники и технологий, строго дозированные поставки военной техники и т. п.), чтобы побудить Китай играть желательную Соединенным Штатам роль в мировой политике.

Поездка Р. Никсона в Пекин и завязывание прямых связей между США и КНР расширили в Соединенных Штатах дискуссию по проблемам взаимоотношений в «треугольнике» США—СССР—КНР. В этот период была проведена целая серия слушаний в американском Конгрессе, на которых столкнулись две точки зрения. Сторонники первой полагали, что США должны воздерживаться от соблазна вести игру на советско-китайских противоречиях. Некоторые из них даже призывали способствовать улучшению советско-китайских отношений. Другая группа экспертов и политических деятелей выступила за активную поддержку Китая в противовес СССР. Они недвусмысленно призывали оказывать нажим на Советский Союз с целью изменения курса посредством военной и военно-технической помощи КНР.

В рамках каждого из этих двух подходов существовали свои нюансы. Среди определенной части приверженцев первого бытовало мнение, что цели СССР и Китая на международной арене и теоретические основы их политики (марксистская идеология) совпадают, а расхождения носят временный характер, что само по себе предполагает возможное примирение в будущем. Сторонники этой точки зре-

ния ратовали также за более жесткий курс в отношении КНР. Однако при этом они не отрицали полностью возможности оказать влияние на Китай в желательном для США плане.

Сторонники второго подхода, делая упор на неизменное и преимущественное влияние на внешнюю политику Китая факторов националистического характера, подчеркивали хроническую напряженность в отношениях между СССР и КНР и необходимость для США делать все возможное для стабилизации такого положения.

В более широком плане, включающем не только государственные структуры, но и общественность, деловые и академические круги, в тот период можно было выделить три основных направления, отражавших взгляды на «китайскую проблему» среди представителей американского истеблишмента.

«Консервативное» направление, которое выражало в основном взгляды так называемого старого китайского лобби, выступало за продолжение политики сдерживания КНР, не исключая при этом и применения при необходимости военных средств. Эти консерваторы-«идеологи» рассматривали раскол международного коммунистического движения и расхождения между СССР и КНР всего лишь как обманный маневр мирового коммунизма. Они не считали, что правительство КНР представляет интересы народа Китая, поскольку, по их мнению, китайский коммунизм был навязан народу извне, а не являлся подлинным продуктом сил, действовавших внутри страны. Всю вину за прежнюю напряженность в американо-китайских отношениях представители консервативного направления возлагали на Пекин и считали, что самым разумным по отношению к нему было бы продолжение курса Даллеса 1950-х годов, который, по их убеждению, не было необходимости менять. Справедливости ради следует признать, что представители этого направления оказались самыми малочисленными.

Наиболее многочисленной и влиятельной была группа, представлявшая так называемое умеренное направление. В нее входили и либералы, и консерваторы. Последние, однако, в отличие от «идеологов», занимали более прагматические позиции. Они признавали необходимость изменения американской политики в Азии и в отно-

шении Китая с учетом его меняющейся роли в мире, непопулярность старой «китайской политики», призывали к ее гибкому пересмотру с учетом реакции Пекина и его готовности идти на сближение с США. Определенная часть «умеренных» связывала поворот в «китайской политике» правительства с надеждами на смягчение международной напряженности и, прежде всего, с решением проблем США в Азии (война во Вьетнаме, сокращение американского военного присутствия на азиатском континенте и военных обязательств США за рубежом). Некоторые из умеренных, прежде всего представители либерального крыла, выступали за использование «китайского фактора» в целях приобретения тактического выигрыша в противоборстве с мировой системой социализма, при этом они делали ставку на неизменное и преимущественное влияние на внешнюю политику КНР национализма китайского руководства и напряженность в советско-китайских отношениях.

И, наконец, так называемое радикальное направление охватывало представителей либеральных кругов, тяготевших в основном к демократической партии США. «Радикалы», в свою очередь, также подразделялись на «умеренных» и «левых».

«Умеренные радикалы», среди которых наиболее конструктивными взглядами выделялся сенатор Э. Кеннеди, осуждали старую нереалистичную политику по отношению к КНР и поддерживали новый курс в отношении этой страны. Они ратовали за такой же подход к Китаю, как к СССР и странам Восточной Европы, настаивая при этом на сохранении отношений с режимом на Тайване при одновременном прекращении военного присутствия США на острове и предоставлении ему гарантий обеспечения безопасности в случае попыток захвата острова силой. «Умеренные радикалы» предлагали приступить к обсуждению вопроса об установлении сначала консульских, а затем дипломатических отношений с КНР.

«Леворадикальные круги» подвергали острой критике официальную политику вашингтонской администрации в «китайском вопросе». Одновременно они критиковали синологов «старой школы» за политику 1940-х — 1950-х годов и выражали симпатии тем из них, кто пострадал в период маккартизма. «Леворадикалы» считали необ-

ходимостью для США первыми признать Китай и таким образом «исправить ошибки», якобы допущенные в отношении КНР после 1949 г. Они стремились доказать давние проамериканские симпатии Мао Цзэдуна и его окружения и привлекали внимание к маоизму как импонирующей им разновидности коммунизма.

Сближение с Китаем предполагалось ими исключительно на антисоветской основе. Недовольство политикой «малых шагов», «полумерами», требование радикальных перемен для устранения в отношениях между США и КНР наследия прошлого и полной нормализации государственных отношений были характерными для позиции представителей «леворадикального» направления.

Следует подчеркнуть, что защитники той или иной точек зрения на выбор курса в отношении КНР рассматривали американо-китайские отношения в плане достижения долгосрочных целей американской внешней политики, и их расхождения касались главным образом средств и методов их достижения.

Знаменателен факт, что после поворота в отношениях между США и КНР в начале 1970-х годов, когда «кооперирование» США с пекинским руководством пошло на явно выраженной антисоветской основе, предпринимались откровенные попытки толкнуть США на развитие американо-китайских отношений в противовес и в ущерб американо-советским.

Справедливость требует признать, что первая администрация Никсона с известной осторожностью относилась к подобному курсу. Она стремилась, начиная с предвыборного периода, лавировать между сторонниками различных точек зрения на взаимоотношения с Пекином и на осуществление всей азиатской политики, что во многом обусловило ее противоречивость. С одной стороны, подчеркивалась приверженность старым милитаристско-глобальным комплексам (ответ на «угрозу» со стороны как СССР, так и Китая). Отсюда и критика неоиоляционизма. С другой стороны — учет реальной позиции китайского руководства, вставшего на путь антисоветизма.

Политика администрации Р. Никсона в отношении КНР получила высокую оценку в руководстве, а также во внешнеполитических и академических кругах Китая, о чем свидетельствуют отклики,

публиковавшиеся в китайской печати. Особая заслуга Никсона в глазах китайских исследователей заключалась в том, что он «понимал важную роль Китая в мировой политике и указывал, что без участия КНР невозможно обеспечить длительную стабильность международного порядка». При этом они полагали, что «произошедшая в начале 1970-х годов разрядка напряженности в отношениях между США и Китаем способствовала улучшению позиций американской дипломатии на мировой арене в большей степени, чем предполагали Никсон и Киссинджер, разрабатывая план нормализации американо-китайских отношений»¹⁹⁰.

Поездку Р. Никсона в конце февраля 1972 г. в Китай с позиций нынешней ситуации в мировой геополитике следует оценивать как событие знакового характера, имевшее последствия не только для того периода, но для развития мировой истории и международной политики на длительную перспективу.

Встреча тогдашнего президента США с Мао Цзэдуном и подписание знаменитого Шанхайского коммюнике обозначили начало формирования в мире иной по сравнению с прошлым геополитической реальности: блоковому противостоянию пришла на смену система «баланса сил». Это было подтверждено три месяца спустя визитом американского лидера в Москву, который неформально закрепил возникновение в рамках существовавшей системы международных отношений новой геостратегической фигуры — «треугольника» США—КНР—СССР, сразу ставшего одним из наиболее существенных факторов регулирования этого баланса. Идеологическая конфронтация начала постепенно отходить на второй план, все явственнее уступая место борьбе национальных интересов.

При этом важно осознавать, что еще до образования КНР во второй половине 1940-х годов США искали для себя в Китае «точку опоры», а Сталин до определенного момента лавировал между Гоминьданом и КПК. То, что идеологические соображения на тот момент восторжествовали над геополитическими, стало ясно позднее — в период войны в Корее.

Борьба между КПСС и КПК за лидерство в международном коммунистическом движении, развернувшаяся в начале 1960-х го-

дов, послужила Америке импульсом к возобновлению поисков выгодных геополитических комбинаций для реализации собственных стратегических целей.

По утверждению некоторых аналитиков, именно февраль 1972 г. стал отправной точкой процесса распада биполярной системы мира, завершившегося прекращением существования СССР. Все это, однако, хотя и значимые, но косвенные последствия того знаменательного визита. Его прямым результатом было начало нормализации отношений между двумя крупнейшими мировыми державами — США и Китаем. С тех пор и поныне эти отношения сохраняют определяющее влияние на состояние мирового политического и экономического климата. А тогда, в условиях близившегося поражения во Вьетнаме и внутривосточного кризиса Америки, проявлявшегося в мощных протестных акциях, радикализации движения за гражданские права, громких политических убийствах М.-Л. Кинга и Р. Кеннеди, что в совокупности поставило американское общество на грань раскола, налаживание контактов с еще недавно враждебным Китаем, который, в свою очередь, довел до состояния вооруженного конфликта отношения со своим прежним союзником — СССР, открывало перед США возможность поиска более пристойного выхода из тяжелой ситуации, в которой они оказались.

По замыслу «главного архитектора» новой китайской политики Вашингтона Г. Киссинджера, нормализация отношений и сближение с КНР давали в руки американцам беспроблемный козырь и в противостоянии главному стратегическому сопернику — СССР, заставляя его быть более сговорчивым и уступчивым. «Китайский фактор» становился, по существу, дополнительным рычагом давления на Советский Союз, к тому же ограничивавшим и умалявшим эффект пресловутой «доктрины Брежнева». Не отказываясь в процессе разрядки от углубления и развития американо-советских отношений, Никсон исходил из того, что позиции США в их двустороннем диалоге будут прочнее, если Вашингтон укрепит свои китайские тылы.

Часть 2

ОТ «ТРЕУГОЛЬНИКА» К МОНОПОЛЯРНОМУ МИРУ

2.1. Место и роль Китая в американской стратегии сдерживания СССР на основе «баланса сил»

Главными значимыми итогами первого динамичного этапа американо-китайского сближения, явившегося результатом реальных политических шагов обеих стран, стали установление систематических и надежных каналов двусторонних связей, меры по расширению экономических, научных и культурных контактов, начало систематического обмена мнениями по важнейшим вопросам мировой политики.

Роль Р. Никсона в нормализации отношений между США и КНР не ограничивалась тем, что он своей инициативой положил ей начало. Более существенно то, что, убедив своих единомышленников-консерваторов, в том числе тех, кто занимал более правые позиции, чем он сам, в геополитических преимуществах восстановления отношений с коммунистическим Китаем, Р. Никсон превратил свой подход к КНР в «китайскую политику» правых сегментов американского общества, обеспечив вместе с тем ее поддержку и либеральным крылом. На протяжении 1970-х — 1980-х годов этот консенсус поддерживал преемственность «китайской политики» последующих администраций, основу которой неизменно составляла концепция «баланса сил», отводившая Китаю место **вспомогательного фактора** во внешнеполитической стратегии США.

Возвращение американской политической мысли к идеям комбинационной политики происходило в условиях складывания советско-американского стратегического паритета и осознания правящими кругами США под влиянием поражения во Вьетнаме ограниченности ресурсов силового влияния на международную ситуацию. Предпринятое в США изучение поведения Китая на международной арене, особенно после «культурной революции», и его силовых параметров позволило сделать предварительный вывод о том, что КНР может занять место недостающего звена в «треугольной» глобальной схеме — место противовеса Советскому Союзу, для чего требовалось устранение американско-китайской конфронтации.

Таким образом, на рубеже 1960-х — 1970-х годов СССР оказался перед лицом серьезной опасности, возникшей в связи с установлением и развитием американско-китайских отношений. Когда в «игру» вступили США, враждебные советско-китайские отношения стали еще более сложными. «Обстановка, сложившаяся тогда в международных отношениях, была уникальна для Вашингтона. Кризис в советско-китайских взаимоотношениях позволил ему занять место “мудрой обезьяны”, наблюдающей с высокой горы за схваткой двух “тигров”. Суть американской политики заключалась во взвешенном подходе по отношению к двум другим сторонам “треугольника”. ...В нужный момент Вашингтон делал реверанс в ту или иную сторону, разжигая недоверие и враждебность между Москвой и Пекином»¹⁹¹.

Однако социально-политические и идеологические противоречия между США и КНР, отодвинутые на второй план на начальном этапе процесса нормализации, вновь дали о себе знать на его более поздней стадии. Их нагнетанию способствовали сама логика развития двусторонних американско-китайских отношений, а также ряд внутренних объективных и субъективных причин как в КНР (резкое обострение борьбы за власть в связи с болезнью и смертью сначала Чжоу Эньлая, а затем Мао Цзэдуна), так и в США (уотергейтский скандал и связанная с ним отставка Никсона, правление промежуточной администрации Форда, делавшей определенные реверансы в сторону американских правоконсервативных сил и ужесточавшей подходы как к КНР, так и к СССР).

В конце 1974 г. в борьбе за власть в КНР победу одержало «левое крыло» руководства, вследствие чего во внешнеполитическом курсе Китая усилились авантюрные элементы. В сочетании с укреплением тенденций к улучшению американско-советских отношений в начальный период президентства Дж. Форда это привело к возникновению осложнений в американско-китайских отношениях.

В конфиденциальном порядке Китай дал США понять, что он недоволен темпами нормализации и разочарован отсутствием дальнейшего прогресса в решении тайваньского вопроса и связанной с ним проблемы установления в полном объеме дипломатических отношений между КНР и США.

Со своей стороны, США дали понять Китаю, что в глобальных геополитических системах, разрабатываемых американской администрацией, **ему отводится** в условиях процесса разрядки с СССР **второстепенная роль «балансира»**, призванного лишь регулировать возможные нарушения «стратегического равновесия». Слишком же быстрые темпы нормализации отношений с КНР предполагали бы для США, по мнению американских руководителей, переход к определенным уступкам Пекину в области двусторонних связей и в сфере международной политики, что, в свою очередь, могло повлечь резкое ухудшение отношений с союзниками, оппозицию со стороны различных общественно-политических групп внутри страны, взбудораженной в тот период уотергейтским скандалом, и, в конечном итоге, смену порядка приоритетности актуальных внешнеполитических задач, находящихся в повестке дня правящих кругов США.

К концу 1975 г. в умах американских политологов и правящих кругов, придерживавшихся концепции «баланса сил» в рамках «треугольника» США—СССР—Китай, более определенно сформировалась мысль о том, что этот «треугольник» не является равносторонним, т. е. значение отношений между США и СССР не равнозначно американско-китайским связям. Было признано, что американско-советские отношения — единственные в своем роде ввиду огромной ядерной мощи, обладателями которой являются обе стороны, и тех катастрофических последствий, которые мог бы иметь для всего

мира ядерный конфликт между ними. И напротив, между КНР и США, отмечали американцы, не существует различий, которые влекли бы за собой сопоставимую опасность возникновения военного конфликта. В силу этого американо-советские отношения признавались приоритетными в глобальном масштабе, а американо-китайские вторичными, подчиненными, имеющими для стратегии США скорее вспомогательное значение. Американцы подчеркивали, что в своих глобальных геополитических системах, в отличие от китайских руководителей, они не рассматривают Китай как «центр вселенной» и что «Китай в настоящее время нуждается в США больше, чем США в Китае, поскольку у него нет никакой разумной альтернативы упрочению связей с Америкой».

Так называемая тихоокеанская доктрина Форда, провозглашенная президентом 7 декабря 1975 г. в Гонолулу на обратном пути после завершения азиатского турне, подтверждала, что для достижения целей политики США в Азии антисоветский курс Пекина можно использовать в американских интересах. Однако американо-китайские отношения, хотя они по выражению Дж. Форда и становились «одной из реальных черт международного политического ландшафта»¹⁹², все же имели второстепенное значение по сравнению с той ролью, которая отводилась испытанному американскому союзнику — Японии, «незаслуженно забытому» и отодвинутому на второй план в результате политики администрации Никсона, занятой разработкой «китайского фактора».

Суммируя состояние американо-китайских отношений на конец 1975 г., государственный секретарь США Г. Киссинджер в одном из своих выступлений заявил: «Наши отношения с... коммунистическим Китаем очень сложны и зависят от того факта, что это два общества с различными, а на деле враждебными идеологиями, у которых имеются параллельные взгляды по некоторым международным проблемам и которые могут поэтому работать в некоторых областях в форме сотрудничества»¹⁹³.

На уровне осуществления практической политики Китай фигурировал, в первую очередь, как страна, которая «делает неудобным дипломатическое существование для США, проявляет раздражение

и фактически даже враждебность по отношению к США во многих сферах международной жизни»¹⁹⁴. Большое недовольство американских правящих кругов вызывала поддержка Китаем стран «третьего мира», выступавших с антиамериканских позиций по большинству вопросов в ООН, потускнели казавшиеся еще недавно столь радужными перспективы расширения американо-китайской торговли, не скрывалось раздражение американской стороны по поводу искусственного ограничения Китаем взаимных поездок американских граждан в КНР и китайских в США, неудовлетворительного состояния в области культурного обмена.

В то же время, учитывая уникальный характер американо-китайских отношений, заключавшийся в том, что обе стороны не признавали друг друга в официальном дипломатическом смысле, не являлись друзьями или союзниками и при этом были заинтересованы в развитии разносторонних связей между ними, главным образом с оглядкой с обеих сторон на СССР, Соединенные Штаты приходили к выводу, что в обозримом будущем «треугольная дипломатия» сохранится как ключевой фактор, а в долгосрочном плане — как элемент внешней политики, приносящей Америке наибольшие выгоды.

В целом же, при общем сохранении администрацией Дж. Форда основных элементов геополитического подхода к решению проблем азиатской политики в ее отношении к КНР заметнее, по сравнению с правительством Р. Никсона, были выражены мотивы идеологического характера. Об этом, в частности, свидетельствовало «восстановление» Японии и некоторых дружественных Соединенным Штатам стран Юго-Восточной Азии в роли «традиционных союзников» США, повышение их значимости и приоритетности в американской внешней политике.

2.1.1. Провал «союзнических иллюзий»

Во второй половине 1970-х годов в США стали брать верх настроения в пользу отхода от разрядки, возвращения к жесткой политике в отношении СССР, выражавшейся в ориентации на достиже-

ние военно-стратегического превосходства. Внешняя политика США вновь была реидеологизирована, а идеологическая борьба возведена на уровень государственной политики. Американские идеологи выдвинули концепцию «двухуровневых» отношений со странами социалистического содружества, которая предусматривала продолжение «цивилизованного» диалога между правительством США и правительствами соответствующих социалистических стран при одновременном ведении широкой антиправительственной пропаганды, направленной на их население¹⁹⁵. При этом в отличие от периода 1950—1960 гг. на первый план была выдвинута идеология не антикоммунизма вообще, а антисоветизма.

Американские противники разрядки обратились к «китайскому фактору» как к одному из средств реализации своей новой политики. С особой отчетливостью эта тенденция проявилась во время пребывания у власти в 1977—1981 гг. администрации демократов во главе с Дж. Картером. Она выработала внешнеполитическую линию, в целом отличную от той, которой придерживались Р. Никсон и Дж. Форд. В ее основу легли идеи политолога З. Бжезинского, сформулированные в его работах, написанных в 1970-е годы, в которых подчеркивалась необходимость затормозить развитие отношений с СССР, продвижение процесса разрядки при одновременном всемерном укреплении связей США с их союзниками. Этот внешнеполитический курс администрации Картера не мог не отразиться на американо-китайских отношениях.

Подход Бжезинского к оценке роли Китая в американской внешнеполитической стратегии нашел свое отражение в специальном меморандуме от 16 февраля 1976 г., подготовленном по просьбе Дж. Картера — тогда еще кандидата на пост президента. «В более полицентричном коммунистическом мире, — писал Бжезинский, — Соединенным Штатам самим следует иметь более полицентричную политику и не сводить ее исключительно к отношениям с Москвой. Больше внимания следует уделять Китаю, так как китайская и американская политика непосредственно связана с американо-советскими отношениями»¹⁹⁶.

Следует отметить, что в январе 1977 г., в момент прихода к власти администрации Картера, в ее внешнеполитической программе отношениям с Китаем не отводилась роль приоритетных. Лишь подчеркивалось, что «треугольная концепция» остается в силе. В то же время в правящих кругах США развернулась острая борьба по «китайской проблеме».

Группа влиятельных деятелей правящей демократической партии, выразителем настроений которой выступал государственный секретарь США С. Вэнс, не возражая в принципе против использования «китайского» рычага в рамках «треугольной дипломатии» с целью добиться от СССР максимальных уступок в интересах Вашингтона, исходила из того, что усиленное давление на «китайский рычаг» может привести к прямо противоположным результатам, и в отношении его использования необходимо проявлять осмотрительность и осторожность.

Другая группа, в центре которой находился З. Бжезинский, ставший советником Дж. Картера по вопросам национальной безопасности, считала, что в ущерб интересам СССР на международной арене необходимо максимальное использование всех имеющихся в распоряжении администрации антисоветских резервов, в том числе и «китайского фактора». При этом не возбранялись серьезные уступки со стороны США идеологически и политически враждебному Пекину, что способствовало в перспективе трансформации отношений в рамках пресловутого «треугольника» в близкие к союзническим связи между США и КНР, направленные против СССР. Бжезинский исходил из представления, что «для поисков структуры стабильных отношений с Советским Союзом важное значение имеют американо-китайские отношения; пока американо-советские отношения остаются практически антагонистическими, более тесное американо-китайское стратегическое сотрудничество способно уравновесить некоторое существенное неравенство в обычных вооружениях, вынуждая Советский Союз размещать значительную часть своих вооруженных сил на китайско-советской границе»¹⁹⁷.

Поскольку З. Бжезинский являлся выходцем из академических кругов, его позиция по китайскому вопросу не только отражала в

той или иной степени настроения некоторой части этих кругов, но оказывала определенное влияние на формирование в них отношения к китайской политике США. Тем не менее, некоторые трезво мыслящие и весьма влиятельные американские политологи в принципе отвергали идею перевода американо-китайских отношений на «рельсы», ведущие к партнерским и союзническим. Видный американский политик и ученый Дж. Кеннан писал в своей книге «Туча, несущая опасность»: «...мы должны проявлять особую осторожность, чтобы не заводить этих отношений слишком далеко и слишком быстро... Я знаю, что есть люди, которые мечтают о гораздо более тесных и в высшей степени политических связях с китайцами... о том времени, когда китайцы станут нашими большими друзьями и партнерами, и не только в делах Дальнего Востока, но и в мировых делах вообще. Эти люди хотели бы, чтобы мы безотлагательно предприняли шаги, чтобы сделать такие мечты явью. Я не вижу никаких оснований для подобной точки зрения. Китай и в географическом, и в историческом плане занимает совершенно иное место в мировых делах, чем наша страна. Он имеет свои собственные национальные интересы, совершенно иные, чем наши»¹⁹⁸.

Однако в условиях, когда главенствующее место во внешнеполитической деятельности Вашингтона отводилось концепциям «баланса сил» и «многосторонней дипломатии», многим из политических деятелей трудно было удержаться от соблазна сделать очередные шаги в направлении оформления союзнических связей с государством, хотя и враждебным идеологически, но сиюминутно оказавшимся вместе с США в одной антисоветской «упряжке».

По расчетам сторонников установления отношений партнерства и сотрудничества с Пекином Китай мог стать союзником США, во-первых, потому, что его руководство занимало непримиримую позицию по отношению к СССР и другим странам социалистического содружества; во-вторых, в силу слабости своей экономики он не являлся серьезным конкурентом для США и других западных государств на мировом рынке и, наконец, в-третьих, политика Китая в отношении ряда азиатских стран, в том числе Индии, Вьетнама, Кампучии, создавала обстановку политической нестабильности

в регионе и позволяла США извлекать из этого определенные выгоды.

Объективную роль в усилении прокитайских тенденций во внешнеполитическом курсе Вашингтона сыграли неудачи администрации Картера как во внутренней (высокий уровень инфляции, непрерывный рост цен на товары широкого потребления, безработица, произвол нефтяных монополий, взвинчивавших цены на бензин и горючее для отопительных систем), так и во внешней политике (ослабление позиций США в арабском мире в результате кэмп-дэвидского соглашения, неудача в попытке поставить под американский контроль нефтяные ресурсы Мексики, провал мероприятий, направленных против социальных преобразований в развивающихся странах, в частности в Афганистане, кризис в отношениях с Ираном, вызвавший взрыв антиамериканских чувств на всем мусульманском Востоке и др.).

Внешнеполитические и внутривнутриполитические просчеты укрепили рост и влияние консервативной оппозиции президенту Дж. Картеру и его администрации. В платформу консерваторов входило требование ужесточить политику в отношении СССР, поставить разрядку, в частности, ратификацию Договора ОСВ-2, в зависимости от «готовности» СССР отказаться от помощи таким развивающимся странам, как Ангола, Эфиопия, Афганистан и т. п.

Четче обозначилось стремление консервативных кругов использовать в качестве рычага для нажима на СССР антисоветизм китайского руководства.

По мере укрепления антиразрядочных тенденций во внешнеполитическом курсе США силы, выступавшие за активизацию использования китайского фактора, усиливали свои позиции. Примечательно, что среди носителей антисоветских и прокитайских настроений видное место занимали и политические деятели либерального толка. Помимо уже упоминавшегося З. Бжезинского сторонником усиления Китая в противовес СССР выступал вице-президент США У. Мондейл, а также придерживавшийся либеральных позиций по внутривнутриполитическим вопросам, но смещавшийся вправо в вопросах внешней политики сенатор-демократ Г. Джексон.

Трудности внутри страны и неудачи на международной арене заставили администрацию Картера постепенно повернуть руль американской политической машины резко вправо. На вооружение были взяты основные компоненты внешнеполитической платформы консерваторов, включая блокирование со всеми враждебными СССР и разрядке силами на международной арене, в том числе с китайским руководством.

Планы администрации Картера по развитию контактов с Китаем строились исходя из стратегических интересов США на мировой арене. «Мы хотели начать консультации с КНР и завершить переговоры по взаимным претензиям в течение 1977 г., а также в полном объеме установить дипломатические отношения к 1979 г., — писал Бжезинский. — В 1978 г. мы хотели содействовать китайским закупкам западной технологии гражданского и, возможно, оборонного характера»¹⁹⁹. Администрация Картера, добиваясь сближения США с КНР, отнюдь не проявляла намерения отказаться от тесных отношений с тайваньским режимом²⁰⁰.

Вашингтонская администрация, разрабатывая планы сближения с Пекином, также преследовала цель усилить с помощью Китая борьбу против национально-освободительных движений, добиваясь улучшения отношений США с некоторыми странами «третьего мира», с которыми американцам трудно поддерживать связи²⁰¹.

Весной 1977 г. в Конгрессе США и в Совете национальной безопасности был подготовлен документ, рассматривавший возможные направления в развитии американско-китайских отношений, который в дальнейшем получил название «Обзорный меморандум президента № 24». При его подготовке и обсуждении между представителями Совета национальной безопасности и Пентагона, с одной стороны, и Госдепартамента — с другой, произошло серьезное столкновение по вопросу о выборе варианта политики США в отношении Китая. Бжезинский отстаивал точку зрения, что, добиваясь улучшения отношений с Китаем, необходимо при ведении переговоров с Пекином подчеркивать стратегические аспекты американско-китайских отношений, их антисоветскую направленность²⁰². Подход Бжезинского к проблемам американско-китайских отношений разделяли представи-

тели Пентагона, которые, по словам С. Вэнса, склонны были рассматривать отношения с Китаем в плоскости американско-советского стратегического соперничества²⁰³.

Для руководителей Министерства обороны США ключевое значение имели возможности использования экономических, политических, геополитических и военно-стратегических позиций КНР на мировой арене. Г. Брауну, министру обороны в администрации Картера, представлялось чрезвычайно важным то обстоятельство, что Китай, не являясь американским союзником, проявляет враждебность в отношении Советского Союза и заинтересован в развитии «ограниченных отношений безопасности с США»²⁰⁴. Рассматривая технические и экономические особенности развития китайского военного потенциала, Г. Браун сделал вывод, что собственными силами Китай не сможет полностью обеспечить себя к началу 1990-х годов военным снаряжением мирового стандарта 1980-х годов. Наиболее эффективный путь модернизации китайских вооруженных сил Браун видел в возможностях для Китая разработать или закупить за рубежом противовоздушные и противотанковые системы оружия²⁰⁵.

При рассмотрении возможных пределов развития американско-китайских отношений в «стратегической» сфере сторонники такого развития указывали, что Соединенным Штатам следует выбирать «среднюю линию» в своей политике, которая позволила бы избежать возможности советско-китайского примирения, с одной стороны, а с другой — риска возникновения между СССР и КНР широкомасштабного военного конфликта. В последнем случае, по мнению Брауна, была велика возможность втягивания США в этот конфликт и его быстрого превращения в мировую войну²⁰⁶.

Главным препятствием на пути развития американско-китайских отношений Браун считал проблему Тайваня. «...В США и КНР существует значительная возможность внутренних идеологических конфликтов по проблемам Тайваня, что способно вызвать серьезный раскол между обеими странами и подорвать их безопасность»²⁰⁷.

Столкновения между главами Совета национальной безопасности, Пентагона и Госдепартамента США происходили практически

на всех этапах выработки американской политики в вопросе «стратегических отношений» с Китаем. Так, Бжезинский упрекал Вэнса за то, что он отдавал, в первую очередь, предпочтение дипломатической сфере отношений с КНР, развитие которых должно было сопровождаться постепенным и осторожным расширением американо-китайских экономических связей. Вэнс выступал против поставок оружия Китаю, считая, что продажа оружия КНР будет способствовать осложнению американо-советских отношений. Вэнс в конце деятельности администрации Дж. Картера выступал за сохранение принципа «равноудаленности» политики США в отношении Советского Союза и Китая, за одновременное предоставление Советскому Союзу и Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле, предостерегал от развития американо-китайских военных связей.

Во время встречи Дж. Картера в начале июля 1977 г. с вновь назначенным главой американской «миссии связи» в Пекине Л. Вудкоком президент выделил два практических направления развития отношений с Китаем: нормализация межгосударственных отношений и углубление американо-китайских отношений на политической основе путем консультаций и обмена информацией. В связи с этим Дж. Картер предусматривал, по словам З. Бжезинского, «какое-то сокращение наших отношений с Тайванем с тем, чтобы убедить китайских лидеров в серьезности наших намерений относительно нормализации»²⁰⁸.

С самого начала деятельности администрации Дж. Картера США начали рабочие консультации с китайскими представителями, в которых основное внимание уделялось широкому обмену мнениями по вопросам стратегической ситуации, главным образом в бассейне Тихого океана. В начале февраля 1977 г. президент пригласил главу китайской «миссии связи» в Белый дом. По словам Дж. Картера, китайский представитель убеждал собеседника в необходимости сохранения мощного американского присутствия в западной части Тихого океана.

В первый год пребывания Дж. Картера на посту президента его администрация активно рассматривала вопрос о развитии военных

связей с Китаем. В мае 1977 г. президент заявил, что США рассматривают американо-китайские отношения в качестве центрального элемента глобальной политики США, а Китай — в качестве ключевой силы в глобальном масштабе.

С. Вэнс отмечал, что в администрации еще до нормализации отношений с КНР хотели рассмотреть следующие совместные с Китаем «меры безопасности»: обмен военными атташе; обеспечение Китаю доступа к западной технологии и оборудованию «двойного применения»; возможность продажи Китаю военного оборудования из третьих стран и др.²⁰⁹ Однако сам президент, по словам С. Вэнса, в 1977 г. вновь подтвердил давнее запрещение на продажу американского оружия Китаю²¹⁰.

В тот период в США обратили серьезное внимание на то, что китайская сторона подчеркивает необходимость укрепления американской военной мощи. Как записал Дж. Картер в середине ноября 1977 г. в своем дневнике, китайские представители подвергли критике США за переход американского стратегического планирования от концепции «2,5 войн» к теории «1,5 войн»²¹¹. Одновременно, по замечанию Брауна, в КНР вызвал большое беспокойство рассматривавшийся в США план сокращения численности американских войск в Южной Корее²¹².

В этих условиях произошли первые официальные контакты между правительствами обеих стран. Оценивая результаты визита С. Вэнса в КНР в августе 1977 г., З. Бжезинский отмечал, что этот визит восстановил американо-китайский диалог, но одновременно вскрыл разочарование сторон друг другом²¹³.

В 1978 г. американо-китайские контакты вышли на заключительный этап установления дипломатических отношений. Главным направлением американских усилий в этот период стала активизация стратегического, военно-политического, военно-технического, а также экономического и научно-технического сотрудничества с Китаем.

Резкий зигзаг в политике администрации Картера от относительно взвешенной и равноудаленной «треугольной дипломатии» к целенаправленно пропекинской и антисоветской ориентации озна-

меновал визит Бжезинского в Пекин в мае 1978 г., который можно рассматривать как начальный пункт третьего этапа американо-китайского сближения. Главным в ходе этого визита, как отмечала мировая печать, была констатация «взаимного американо-китайского интереса» в противостоянии Советскому Союзу на мировой арене. Визит З. Бжезинского в КНР имел целью продемонстрировать антисоветскую общность позиций США и Китая по ряду наиболее актуальных международных проблем.

В инструкциях, которые получил Бжезинский перед поездкой в КНР, подчеркивалась стратегическая заинтересованность США в сотрудничестве с Китаем. Он был уполномочен детально проинформировать китайцев относительно американских усилий по укреплению военной мощи США и сил НАТО; поощрить КНР к оказанию помощи США в региональных конфликтах. Бжезинскому были даны указания предложить китайской стороне направить в США торговые и военные делегации²¹⁴.

Переговоры между Бжезинским и ведущими китайскими руководителями устранили препятствия на пути к полной нормализации двусторонних отношений, которая была достигнута спустя семь месяцев в результате установления дипломатических отношений между США и КНР. Соглашения об установлении дипотношений оказались возможным достигнуть потому, что США приняли предварительные требования Пекина: разорвали дипломатические отношения с гоминьдановским режимом на Тайване, денонсировали с 1 января 1980 г. американо-тайваньский договор о взаимной обороне, согласились вывести с острова военные контингенты и демонтировать там свои военные сооружения. В отличие от формулировок Шанхайского коммюнике Соединенные Штаты уступили требованиям КНР о разрыве политических и военных связей с Тайванем.

Со своей стороны Пекин вынужден был также пойти на некоторые уступки. Он фактически признал за Соединенными Штатами не ограниченное сроком право поддерживать с тайваньской администрацией неофициальные торговые, культурные, научные и прочие связи, а также возобновить после годовичного перерыва (с января 1980 г.) продажу на Тайвань оружия. Китайская сторона в тот пери-

од ограничилась тем, что оговорила в протокольном порядке свое несогласие с намерением США поставлять на Тайвань вооружения и воздержалась от заверений о неприменении силы для присоединения Тайваня к КНР.

Установление в полном объеме дипломатических отношений между США и КНР повлекло ускорение развития и расширения двусторонних контактов и обменов, в частности, экономических и научно-технических связей. Однако в наибольшей степени правящие круги США рассчитывали, что им удастся втянуть КНР в отношения военно-политического характера. Как показал дальнейший ход событий, основным мотивом группировки З. Бжезинского в ее политике на китайском направлении фактически стало настойчивое стремление резко активизировать именно военные связи с КНР, несмотря на проявляющуюся прежними республиканскими администрациями известную сдержанность в этом вопросе.

Концепция «стратегического усиления» Китая, венчавшая, по замыслу правящих кругов США, установление особых «партнерских уз», появилась на Западе еще в начале 1970-х годов и исходила из необходимости военного укрепления КНР странами Западной Европы и США с целью заставить СССР действовать на «два фронта». Наиболее четко она была сформулирована экспертом «Рэнд корпорейшн» Майклом Пиллсбери. Автор утверждал, что нецелесообразно вводить одинаковые для СССР и КНР ограничения на экспорт американской техники, поскольку Китай отнюдь не представляет столь же серьезную угрозу для национальной безопасности США, как Советский Союз. Пиллсбери уточнял, что американская помощь должна содействовать лишь укреплению обороноспособности Китая по отношению к СССР, а не увеличению его наступательного потенциала по отношению к США и их азиатским союзникам. По мнению американских специалистов, установление «военных отношений» между США и Китаем могло бы преследовать несколько целей:

- усилить средства сдерживания, которыми располагает Китай;
- усилить оснащенность Китая обычными вооружениями, передав ему усовершенствованное оружие и военную технику;

- связать 45—50 советских дивизий на китайской границе и вынудить Советский Союз сосредоточить в этой пограничной зоне еще более крупные силы, что повлекло бы за собой соответствующее сокращение советских сил, противостоящих армиям НАТО в Европе;
- подчеркнуть прямую заинтересованность США в безопасности Китая, дав Москве основания опасаться оказания Вашингтоном военной помощи китайцам в случае возникновения нового вооруженного конфликта между КНР и СССР;
- ограничить для Советского Союза возможность маневра в остальной части земного шара и оказать на него давление на переговорах об ограничении стратегических вооружений и прочих двусторонних переговорах, вынуждая его учитывать угрозу увеличения американской военной помощи Китаю;
- воспрепятствовать какому бы то ни было сближению между Китаем и СССР, раздувая подозрительность и напряженность, разделяющие Москву и Пекин, и привлечь китайское военное командование к проводившейся Китаем политике сближения с США.

Твердым сторонником установления военных отношений с Китаем зарекомендовал себя в правительстве Картера Дж. Шлесинджер, занимавший пост министра обороны в предыдущих администрациях республиканцев. В качестве возможных средств сдерживания СССР он назвал «военную мощь Запада» и «параллельные» с Китаем действия. Аналогичной точки зрения придерживался и один из советников Картера, видный американский китаевед Майкл Оксенберг.

Официальный Вашингтон надеялся, что продажа Китаю военной техники и возможное установление с ним других отношений в области обороны позволят Соединенным Штатам оставаться хозяином положения в отношениях как с Пекином, так и с Москвой, что вынудит обе эти державы добиваться дружбы с Соединенными Штатами, оставаясь враждебными друг другу. Интересы США и КНР на мировой арене будут совпадать до тех пор, пока Пекин находится в ссоре с Москвой — именно такой лейтмотив закладывался в основу

концепции «стратегического партнерства». Этот тезис подкреплялся геополитической по характеру мотивировкой об отказе руководства Китая от принципов марксизма и принятии им на вооружение концепции «патриотизма». Через призму этой концепции рассматривалось американскими сторонниками сближения с Пекином вторжение КНР во Вьетнам. Она же, по их мнению, являлась определяющей в сближении Китая с США и Японией, противостоящими СССР. «Тайваньский вопрос» в этом контексте рассматривался лишь как сравнительно незначительная, хотя и болезненная проблема в рамках глобальных отношений.

Перевод планов усиления военного сотрудничества с КНР в плоскость практической реализации связывался в США с визитом в Китай министра обороны Г. Брауна в январе 1980 г. Накануне поездки в КНР Браун получил указание провести с китайцами широкие стратегические консультации для выработки совместных военно-политических действий в отношении СССР. Фактически визит Брауна в Китай положил начало официальным контактам между руководителями военных ведомств США и КНР.

Оценивая характер американо-китайских отношений, Г. Браун отмечал, что при администрации Дж. Картера наряду с экономическими связями и сотрудничеством в области технологии и сельского хозяйства получило развитие и «геостратегическое сотрудничество»²¹⁵.

Он разработал схему постепенной эскалации военных связей с Китаем, которая включала: совместное обсуждение проблем глобальной стратегической ситуации на уровне министров иностранных дел и обороны; параллельные дипломатические и стратегические действия сторон; обмен научными специалистами по военным проблемам; передачу Китаю фундаментальной технологии «двойного использования»; продажу военного снаряжения; передачу компонентов систем вооружений; предоставление в незначительных размерах важных систем вооружений, сначала оборонительных, а затем и наступательных; субсидирование или кредитование продажи оружия; совместное военное планирование и создание неофициального или формального военного союза.

При этом Браун фактически расценивал военные связи с КНР как «незначительные» и «не зашедшие» далеко²¹⁶. Он считал, что Соединенным Штатам следует поддерживать политические контакты с КНР, расширять экономические связи, но сохранять на «умеренном» уровне военные отношения. Браун подчеркивал, что обе страны не являются союзниками и существует возможность возврата к состоянию враждебности еще до конца века²¹⁷.

В ходе визита в Китай Г. Браун проинформировал его руководство о готовности США перейти «от пассивных к более активным формам сотрудничества в области безопасности, включая дополняющие друг друга и параллельные действия в области обороны». В 1980 г. кроме этого визита состоялся целый ряд американо-китайских обменов по военной линии. По определению Г. Брауна, военным сотрудничеством двух стран были охвачены следующие области: 1) совместное изучение глобальной стратегической ситуации, расстановки сил в различных районах мира, информирование друг друга о своих планах и намерениях; 2) обмен визитами для обсуждения профессиональных военных вопросов, различных аспектов военной доктрины и методов ее реализации на практике; 3) расширение общих контактов и сотрудничества между оборонными ведомствами США и КНР²¹⁸. Сюда следовало добавить активизацию продажи и расширение ассортимента поставок Соединенными Штатами в Китай оборудования двойного назначения, которое могло быть использовано в военных целях, а также поощрение Вашингтоном своих союзников к поставкам оружия Пекину.

Таким образом, после установления администрацией Картера дипломатических отношений с Пекином еще более усилился процесс отхода Вашингтона от прежней линии «равноудаленности» отношений с КНР и СССР в рамках «треугольника» и закрепления в политике США курса на смыкание с Китаем на антисоветской основе. Отказ Конгресса США ратифицировать договор ОСВ-2 лишь углубил тенденцию удаления от «равновесия» в пользу сближения с Китаем. Примечательно, что в ходе всех предшествующих контактов именно Пекин добивался от США обострения конфронтации с СССР. После активизации американо-китайских во-

енных связей положение изменилось: теперь уже США стремились привлечь Китай к активному участию в своих антисоветских акциях.

В целом, отношения США и КНР в период правления администрации Картера имели тенденцию к перерастанию в связи коалиционного типа, противостоящие интересам третьих стран. Это вызывало беспокойство как в стане консерваторов, так и среди определенной части либералов. Консерваторы, выступая против американо-китайского альянса, подчеркивали, что если коалиционные отношения с Китаем будут продолжаться, они придадут американо-советским отношениям опасный характер, поставив их в зависимость от отношений с Китаем. Кроме того, они призывали учитывать растущий ракетно-ядерный потенциал КНР в качестве нового фактора стратегического баланса при сохранявшейся негативной позиции КНР в отношении контроля над вооружениями. Часть деятелей либерального толка из числа демократов, несогласных со стремлением Картера—Бжезинского укреплять американо-китайские связи, также решительно выступала против намерения администрации разыграть «китайскую карту». Критикуя усиление напряженности в Юго-Восточной Азии в результате агрессии КНР против СРВ, сенатор-демократ Джордж Макговерн подчеркивал, например, что прокитайский сдвиг в американской политике укрепил Китай в мысли о том, что он может произвольно и с полной безнаказанностью использовать свою дипломатическую и военную мощь в этом районе, не обращая внимания на политические и другие последствия.

Профессор кафедры политических наук Нью-Йоркского университета Дж. Сун в одной из статей, посвященных анализу американо-китайских отношений в 1970-е годы и их перспективе на 1980-е годы, подчеркивал, что американское вмешательство в форме активной поддержки КНР «почти наверняка спровоцирует ответные меры Москвы, которые могут повлечь за собой нежелательные последствия для Соединенных Штатов... Самая разумная позиция для Соединенных Штатов в отношении Китая, поскольку это касается политики в отношении Советского Союза, — это сохранить нейтра-

литет в китайско-советском соперничестве... Соединенным Штатам будет лучше всего проводить сбалансированную политику по отношению к этим двум коммунистическим странам»²¹⁹.

Подобного или близкого взгляда на проблему американско-китайских отношений придерживались и другие видные деятели, так или иначе тяготеющие к демократической партии, как, например, бывший помощник президента Дж. Кеннеди Теодор Соренсен, политологи Алан Коэн, Эдмунд Клабб и др. Тревогой были охвачены и союзники США. Японская газета «Ёмиури» высказала интересную мысль о том, что *в ходе американско-китайских контактов рождается «прагматическая дипломатия», которая делает ненужным существование блоков.*

В то же время официальный Вашингтон отрицал заинтересованность в создании законченного военного союза с КНР. В антисоветской стратегии администрации Картера Пекину отводилась более ограниченная роль. Это подчеркивалось, в частности, в послании президента Конгрессу о положении страны от 21 января 1980 г. и в ряде других документов правительства. В декабре 1980 г., перед уходом демократической администрации с политической арены, Г. Браун, в очередной раз подтверждая нежелание Вашингтона вступать в прямой военный союз с Пекином, заявлял: «Военные связи с китайцами следует развивать очень осторожно, ибо Китай не похож на индустриальные демократические общества... У него не такая цель, как у нас». Далее Г. Браун пояснял, что Китай якобы «подталкивает США к ведению войны против СССР».

Судя по просочившимся в конце 1980 г. в печать сведениям о содержании секретной директивы президента Картера № 59, командование вооруженных сил США планировало применить в отношении КНР концепцию ядерного сдерживания: в соответствии с этой директивой часть стратегического арсенала США была ориентирована на объекты на территории КНР. Это, вероятно, свидетельствовало о том, что окончательный выбор в «китайской политике» Вашингтона сделан еще не был. Ее противоречивая основа после поражения Дж. Картера на президентских выборах 1980 г. отразила борьбу по этому вопросу в американских правящих кругах.

Стремление же самим фактом возможности установления между США и КНР отношений, близких к союзническим, оказать нажим на СССР являлось крупным просчетом в китайской политике администрации Картера.

Известный американский китаевед А. Уайтинг, подводя некоторые итоги развития американско-китайских отношений, указывал, что в начале 1980-х годов те краткосрочные выгоды, которые Вашингтон извлекал из напряженности, существовавшей в китайско-советских отношениях, были уже исчерпаны. Антисоветизм как основной рычаг, приводивший в движение механизм китайско-американского сближения, был в максимальной степени использован для реализации «параллельных» акций Вашингтона и Пекина на международной арене, и, тем не менее, тактика давления на СССР не дала ожидаемых результатов.

Таким образом, при администрации Картера американско-китайским отношениям были приданы новые импульсы, при этом основная их особенность состояла в том, что развитие событий по линиям США—КНР и США—СССР пошло в противоположных направлениях. Стремясь к более тесному сближению с Пекином, Вашингтон вступил на путь обострения американско-советских отношений. Невоенные аспекты американско-китайской нормализации фактически стали дополнением к ее военно-стратегическим аспектам, которые предназначались для реализации курса на глобальное устрашение СССР. Укрепляя отношения с Китаем на основе антисоветизма, вашингтонская администрация стремилась при этом обходить проблемы, по которым у нее сохранялись противоречия с самим Китаем (это, прежде всего, касалось вопроса о Тайване).

Однако американско-китайский альянс так и не стал формальным военно-политическим союзом и не принял форму фактического военного и политического блокирования США и Китая на практической основе.

Становление американско-китайских «особых отношений» не состоялось по многим причинам. Видное место среди них занимали объективные противоречия между интересами США и КНР на международной арене, конечная несовместимость их глобальных поли-

тических устремлений. Эти противоречия, наряду с нежеланием США отказываться от принципов, заложенных в основу создания ими прежних военно-политических союзов, и привели к провалу союзнических иллюзий, существовавших в Пекине и Вашингтоне в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

Кризис американской политики союзов свидетельствовал об определенных изъянах в ее теоретической основе и реальной практике подчинения этой политики законам «баланса сил». Концепция «баланса сил» не учитывала возможности осуществления идеи обеспечения мира и подлинной безопасности в Азии на широкой внеблоковой основе, путем утверждения принципов мирного сосуществования государств с различными социально-политическими системами.

Эклектичность китайской политики США, отражавшая соотношение сил и перипетии борьбы в вашингтонских коридорах власти между представителями консервативного и либерального направлений американского истеблишмента, определила неустойчивость развития американо-китайских отношений на протяжении двух последних десятилетий XX века.

2.1.2. Между реализмом и идеологией

В 1981 г. пост президента США занял бывший губернатор Калифорнии — штата, где влияние тайваньского лобби в Америке прежде было традиционно сильным — республиканец-консерватор Рональд Рейган. Еще в период избирательной кампании в лагере его сторонников раздавались голоса, заявлявшие, что США заплатили слишком дорого за установление отношений с КНР, разорвав политические связи с Тайванем, интересы которого требовали большего внимания, и что администрация Картера взяла на себя слишком много невыполнимых обязательств по отношению к Китаю, поскольку американские ресурсы не безграничны и не могут использоваться на предоставление значительной экономической помощи этой стране.

После прихода Р. Рейгана в Белый дом новая республиканская администрация твердо дала понять Пекину, что будет руководство-

ваться в своих отношениях с ним прежде всего интересами США. Заверив китайские власти, что прежняя политика в отношении КНР будет в основном сохранена, администрация Рейгана в то же время заявила, что будет выполнять Закон об отношениях с Тайванем, поскольку последний имеет для нее обязательную силу. В результате смещения акцентов в китайской политике США в пользу Тайваня в американо-китайских отношениях на рубеже 1980-х годов наступил период определенного спада. Решимость правительства США продолжить снабжение гоминьдановских войск на Тайване американским оружием вопреки решительным протестам китайского правительства поставила под прямую угрозу результаты достигнутых с КНР соглашений. Китайская сторона даже пригрозила отозвать своего посла из Вашингтона. Опыт администрации Картера показал, что США не вправе рассчитывать на безоговорочную поддержку западными союзниками и Японией своих мероприятий, направленных на сколачивание американо-китайского альянса. Одновременно это способствовало активизации сторонников консервативного направления в вопросах осуществления китайской политики. Однако среди консерваторов также не было единства мнений. Часть из них, унаследовав прагматический подход администрации Картера, исходила из концепции «геополитической предопределенности» советско-китайского конфликта. Учитывая заинтересованность, проявленную КНР к развитию отношений с Западом, представители этой группы предлагали привлечь Китай к новой «системе сдерживания» СССР, делали упор на всестороннее развитие отношений с КНР на основе предоставления последней различных льгот и удовлетворения наиболее острых потребностей китайской стороны, особенно в области вооружений и военного оборудования. Представляя будущее американо-китайских отношений в виде некоей формы антисоветского альянса, они предлагали брать на себя обязательства коалиционного характера (например, гарантии «неприкосновенности китайской территории», обмен разведывательной информацией о Советском Союзе, совместные или согласованные действия в тогдашних «кризисных точках», таких, как Индокитайский полуостров или Афганистан, и т. д.). Для сторонников этой линии выгоды

сохранения Тайваня в сфере американских интересов были несоизмеримо меньшими по сравнению с преимуществами американо-китайского союза. Они считали, что в интересах Вашингтона освободиться от тайваньской проблемы как основного препятствия американо-китайскому сближению, не исключая предоставления Пекину свободы рук в этом вопросе. По существу их взгляды перекликались с позицией упоминавшихся выше политиков либерального толка, примыкавших к З. Бжезинскому, Г. Джексону и др.

Другая группа консерваторов, не возражая против установления дипломатических отношений с КНР и не отвергая полностью идею использования антисоветизма китайских лидеров, доказывала необходимость подхода к КНР как к «коммунистической стране» и потенциальному противнику, исключая соответственно возможность дружественных отношений. Наряду с идеологическими соображениями они аргументировали эту позицию утверждениями о несовместимости интересов США и КНР в бассейне Тихого океана и о растущей военной угрозе Соединенным Штатам и их союзникам со стороны Китая, особенно в связи с ростом его ракетно-ядерного потенциала. Эта группа, памятуя об опыте вмешательства США в гражданскую войну в Китае, а также о корейской и вьетнамской войнах, настаивала на соблюдении принципа «осторожности» в отношениях с КНР и отказе от содействия развитию китайской экономической и военной мощи, поскольку это не отвечало интересам США. Ее представители считали, что превращение Китая в мощное государство, играющее активную роль в мировой политике, в долгосрочной перспективе не принесет США пользы, потому что от него впоследствии может исходить угроза в отношении Тайваня и американских союзников в Азии. Они подчеркивали, что Китай лишь вследствие своего конфликта с СССР временно отложил в сторону разногласия с США по многим проблемам, среди которых главная — Тайвань. В дальнейшем Пекин мог бы, по их мнению, поставить эти проблемы в полном объеме и потребовать от США уступок в качестве «платы» за продолжение своего сотрудничества с Вашингтоном на антисоветской основе.

Сторонники вышеизложенной позиции считали, что, поскольку США преследуют глобальные, а КНР лишь региональные интересы,

то самое большое, на что они могут рассчитывать, осуществляя политику сближения с Пекином, это иметь в лице Китая временного друга. А Китай, со своей стороны, сделает все возможное для устранения американского влияния в Азии, как только будет уменьшена или ликвидирована «угроза с Севера».

Исходя из того, что политика США в отношении Китая и СССР строилась на основе стратегии «баланса сил», представлявшей собой средство защиты американских интересов, в частности в азиатском регионе, сторонники «идеологизированного» подхода анализировали степень совместимости концепции «баланса сил» и так называемой концепции единого фронта, которой, как они полагали, придерживался Китай. В результате анализа они пришли к выводу, что эти концепции могли быть совместимы только до тех пор, пока Вашингтон и Пекин рассматривали «угрозу» со стороны СССР в качестве «общей и наиболее серьезной», а также до тех пор, пока китайские лидеры отводили экономическому развитию страны первое место в системе своих приоритетов. Общее улучшение американо-китайских отношений «идеологи» рассматривали не как постоянный процесс, а как серию мер временного характера, выгодных на данном историческом отрезке для США. При этом они не исключали возможность возникновения в будущем проблемы сдерживания роста китайского влияния в целях защиты американских интересов в Азии²²⁰.

Не считая благоприятными перспективы установления стратегического альянса США и КНР в будущем, сторонники рассматриваемой точки зрения одновременно подвергали значительной критике прежнюю китайскую политику США. На рубеже 1980-х годов они считали, что американская внешняя и военная политика последнего десятилетия в отношении КНР основывалась на нескольких посылах, которые оказались неправильными. По их мнению, сближение между Вашингтоном и Пекином несколько не улучшило для США соотношения стратегических сил с Советским Союзом. Более того, в течение 1970-х годов стратегическая мощь Америки в Азии и других районах мира заметно уменьшилась. Исторический опыт, полагали они, опровергал идею о том, что передача американского оружия и военных технологий КНР будет серьезно сковывать СССР. Непра-

вильным, по их мнению, было также утверждение о том, что КНР являлась лояльной союзницей США в их конфронтации с Советским Союзом. Они утверждали, что в качестве социалистического государства Китай выступал принципиально и идеологически против основных принципов и идеалов Америки. И хотя от случая к случаю он считал целесообразным сотрудничать с Соединенными Штатами, но никогда не заявлял об общности интересов Пекина и Вашингтона, а говорил лишь о возможности параллельных курсов действий с Соединенными Штатами. При этом подчеркивалось, что хотя США были заняты в первую очередь советской угрозой и в стратегическом плане рассматривали Китай как фактор стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, большинство государств этого района — в том числе и союзники США — не без оснований относились с подозрением к мотивам и действиям Пекина. И, наконец, они считали неправильными утверждения о невозможности примирения в какой бы то ни было форме между КНР и СССР.

Политика США в отношении Китая, суммировали они, должна была исходить из существовавших реальностей, а не из стремления принимать желаемое за действительное. По их мнению, ограниченные рабочие связи и даже молчаливые альянсы с КНР по конкретным международным проблемам были вполне целесообразны, но только тогда, когда это соответствовало конкретным национальным интересам США. В стратегической перспективе расчет на союз с Китаем они считали нецелесообразным и неоправданным.

По своим идейно-политическим взглядам сменивший Дж. Картера на посту президента США Р. Рейган был близок к представителям вышеупомянутой группы консерваторов, проявлявшей сдержанность в вопросе сближения с КНР. Политические взгляды Р. Рейгана сформировались в период маккартизма, явившегося, частично, реакцией на победу народной революции в Китае. Его политическая карьера была отмечена активным участием в преследованиях либералов, отстаивавших идею укрепления связей с китайскими коммунистами, что безусловно оказало определенное влияние на подход к формированию китайской политики собственной администрации. В то же время правительство Р. Рейгана не могло не счи-

таться с рядом внутренних факторов, таких, как расстановка сил в «китайском вопросе» в рамках правящей и оппозиционной партий, наличие политических и идеологических разногласий в академических и общественных кругах, среди членов законодательных органов. Без учета различных взглядов и мнений по «китайской проблеме», в том числе и сторонников геополитической концепции, правительство Рейгана не могло позволить себе свободы действий на этом направлении.

Таким образом, основной контур «китайской политики» рейгановской администрации, основанной на противоречивых исходных принципах, включал в себя несовместимые, по существу, элементы: с одной стороны, развитие отношений с КНР в расчете на использование в стратегических интересах США идеи «американо-китайского партнерства», а с другой стороны, усиление военно-политической поддержки тайваньского режима в расчете сохранить эту важную со стратегической точки зрения территорию под своим контролем. По мнению одного из представителей «тайваньского лобби» в аппарате сотрудников комиссии по ассигнованиям палаты представителей Конгресса США Мартина Ласатера, «этот остров, находясь в дружественных руках, мог быть стержнем передовой линии обороны США и исключительно важной базой поддержки для путей материально-технического обеспечения, уходящих в западную часть Тихого океана и в Индийский океан. И, наоборот, враждебная США власть там могла бы использовать Тайвань для раскола обороны “свободного мира” в Восточной Азии и нанесения сокрушительных ударов по частям и подразделениям на передовых рубежах и по критически важным базам в Японии (Окинава) и на Филиппинах... До тех пор пока не удастся урегулировать мирным путем разногласия между Пекином и Тайбэем, необходима сбалансированная политика по отношению к двум китайским государствам. В собственных интересах США помогать экономической модернизации КНР и везде, где возможно, сотрудничать с китайцами в деле отражения общей для нас советской угрозы. Но также в наших интересах продолжать оказывать Тайваню поддержку в его политическом и экономическом развитии по западному образцу»²²¹.

В начальный период деятельности первой администрации Рейгана (1981—1985 гг.) ее политика в отношении КНР в целом не очень отличалась от курса, намеченного ранее правительством демократов. Результаты визита нового государственного секретаря США А. Хейга в Пекин, состоявшегося 14—17 июня 1981 г., продемонстрировали, что правительство Рейгана, пытаясь нейтрализовать недовольство КНР по поводу протайваньского крена в политике Вашингтона, в очередной раз сделало акцент на расширение военно-стратегических аспектов американо-китайских отношений. Накануне визита Хейга в Пекин США приняли решение об отмене на выборочной основе ограничений на экспорт в КНР «как в дружественную развивающуюся страну» боевой техники, включающей наступательные виды вооружений. В ходе визита А. Хейг заявил о готовности правительства США снабжать Китай оружием, акцентируя внимание на этом решении как на фундаменте, необходимом для конструирования новой стадии американо-китайского сближения. Была также достигнута договоренность о дальнейшем расширении обменов между военными ведомствами США и КНР.

Однако сразу же после принятия американским правительством решения об устранении некоторых ограничений на продажу оружия Китаю в подкомиссии Конгресса США по делам Азии и Тихого океана при комиссии по иностранным делам палаты представителей, где были более сильны позиции «тайваньского лобби», была выражена серьезная озабоченность по поводу действий администрации. Одновременно в Пекине возобновились нападки на США в связи с их явно выраженным намерением продолжать поддержку Тайваня и снабжать его оружием на сумму 700—800 млн долл. в год. Отношения между США и КНР резко обострились и стали наиболее напряженными за все предшествующее десятилетие. Идеологический компонент в китайской политике американских консерваторов в тот момент стал проследиваться наиболее отчетливо, отодвинув на задний план прагматические соображения, определявшие линию А. Хейга. Основным аргумент консерваторов-идеологов в правительстве Рейгана — противников преемственности курса Картера состоял в том, что при тех отношениях, которые существовали в послед-

ние годы между Вашингтоном и Пекином, Китай выигрывал больше, чем Соединенные Штаты. Вооружение Китая с помощью США, полагали консерваторы, представляло опасность не столько для СССР, который был в состоянии дать отпор любым посягательствам, сколько для других соседних с Китаем государств.

Позиции консерваторов-идеологов находили поддержку не только внутри страны, но и среди союзников США, в частности, в Тихоокеанском регионе: озабоченность по поводу перспектив поставок в Китай американского оружия выразило Министерство иностранных дел Японии; перевооружение Китая с помощью США насторожило государства АСЕАН. Недовольство линией Вашингтона было высказано на проходившей после визита А. Хейга в Пекин манильской встрече министров иностранных дел АСЕАН с государственным секретарем США. Представителей АСЕАН возмутило то, что Соединенные Штаты не только не советуются с ними, принимая решения, затрагивающие положение в регионе, но и поступают вопреки их интересам²²².

Таким образом, резкий крен США в сторону Тайваня стал не только следствием недовольства консерваторов-идеологов политической «отказа от старых друзей», но, в более широком смысле, одним из результатов демарша американских союзников, не во всем разделявших прагматический подход к Китаю. Последовавшая несколько позже отставка А. Хейга с поста госсекретаря США сигнализировала о том, что некоторые геополитические нюансы в отношениях Пекина и Вашингтона были отодвинуты на второй план более важными на данный момент соображениями идеологического порядка в контексте общей антисоветской и антикоммунистической кампании, развернутой администрацией Рейгана.

Протайваньский зигзаг республиканских властей США не мог не повлиять на изменение расстановки политических сил в самом Китае. Сторонники более жесткого курса на американском направлении, частично унаследовавшие свой политический багаж от «левых радикалов» времен «культурной революции», стремились вновь превратить вопрос о суверенитете Пекина над Тайванем в важный элемент идеологической борьбы с прагматиками и реформистами —

сторонниками Дэн Сяопина. Эта борьба на внутривосточной арене Китая приобрела столь острый характер, что лично Дэн Сяопин был вынужден подчеркнуть, что «китайско-американские отношения оставляют желать лучшего, ...но даже если США вновь решат создать изоляцию вокруг нас, это нас не страшит»²²³. В Пекине, судя по сообщениям, стали опасаться, что некоторые философские концепции, провозглашенные членами республиканской администрации, могут вернуть США к эре Даллеса. Одновременно при более трезвом анализе обнаружилось, что, несмотря на заверения отдельных представителей американского правительства о том, что «цели США и Китая во всех районах мира очень схожи, если не идентичны»²²⁴, таких целей, помимо «сдерживания» СССР, оказалось не так уж много. В частности, голосования в ООН и на других международных форумах показали, что между США и Китаем нет согласия по большинству важнейших мировых проблем, включая Ближний Восток, политику в отношении ЮАР или развивающихся стран. Резко отличную от США позицию китайские руководители заняли в вопросе о Польше, фактически осудив вмешательство американской администрации во внутренние дела этой страны.

Похолодание в американо-китайских отношениях совпало по времени с позитивными шагами в области отношений СССР и Китая, предпринятыми по инициативе советского руководства. Это дало некоторым аналитикам в США пищу для предположений о том, что за этим может последовать стремительное сближение с Советским Союзом, и тогда Вашингтону придется столкнуться с абсолютно новой стратегической ситуацией.

Определенное распространение подобные взгляды нашли, в частности, среди специалистов по Китаю в Государственном департаменте и Центральном разведывательном управлении США. Опровергая «идеологов» в том, что от американо-китайского сближения больше выиграл Пекин, они подчеркивали, что во времена союза СССР и Китая Соединенным Штатам приходилось быть достаточно сильными, чтобы одновременно вести войну против них обоих. Численность регулярных вооруженных сил США доходила тогда до 3,5 млн человек. До поездки Никсона в КНР Соединенным Штатам

приходилось развертывать на Дальнем Востоке против Китая приблизительно половину своей военной мощи. После этой поездки они получили возможность опираться на меньшие силы.

Возможность того, что КНР питает агрессивные намерения в отношении Тайваня, не исключалась полностью американскими дипломатами и разведчиками, которые, однако, отрицали существование реальной угрозы на этом направлении, поскольку Китай, по их мнению, был не в состоянии форсировать Тайваньский пролив, не располагал достаточным потенциалом морских перевозок для крупного десантирования на Тайвань, не обладал также достаточной военно-воздушной мощью, чтобы прикрыть такое форсирование.

В итоге, взвесив все «за» и «против» и, главным образом, надеясь затормозить процесс нормализации советско-китайских отношений, администрация Рейгана предприняла в начале 1982 г. определенные шаги для уменьшения напряженности в отношениях с КНР. Это выразилось прежде всего в отказе продавать Тайваню более современную модель истребителя, чем та, которую он покупал. По мнению американских правящих кругов, такое решение помогло избежать угрозы нарушить соотношение сил, которое сложилось с тех пор, как Никсон восстановил отношения с Китайской Народной Республикой. Однако вопрос о Тайване по-прежнему оставался узким местом в американо-китайских связях.

В этот период охлаждения американо-китайских отношений и некоторого потепления отношений между КНР и СССР некоторые американские политологи сделали вывод о возникновении новой ситуации в рамках «треугольника». По их мнению, на протяжении 1970-х годов США были «вершиной этого треугольника». Маневрируя в отношениях с Москвой и Пекином, чтобы нажить капитал на антагонизме между ними, они стремились контролировать положение и сохранять дипломатическую инициативу. Когда отношения Вашингтона с Китаем и Советским Союзом оказались почти замороженными, «треугольник» как бы перевернулся «с ног на голову». В перевернутом «треугольнике» маневры Пекина и Москвы потенциально могли «ослабить и осложнить американскую внешнюю политику, а дипломатическая инициатива переходила из рук США в

руки СССР и Китая»²²⁵. Американские теоретики при этом констатировали, что китайцы могли бы обеспечить себе лучшую позицию в «треугольнике», если бы им удалось в достаточной степени смягчить напряженность в отношениях с Москвой, вызвав тем самым нервозность Вашингтона. Пекин сохранил бы возможности маневрирования и независимость, не отказываясь при этом от технической или военной помощи западных стран.

Обеспокоенность по поводу перспективы улучшения советско-китайских отношений превратилась в доминанту при планировании администрацией Рейгана текущих политических и военных мероприятий в рамках Тихоокеанского региона. Овладела она и умами американских союзников, в частности Японии. Касаясь советско-китайских отношений, министр иностранных дел Японии С. Абэ, например, выражал в одном из своих выступлений мнение о том, что возвращение к временам, когда между Китаем и СССР были прочные отношения, подорвало бы основы сложившегося в мире баланса сил. Поэтому Японии, несмотря на различия политических систем, следовало поддерживать дружественные отношения с Китаем. Тем самым демонстрировалась заинтересованность Японии в развитии отношений с Китаем не только в целях дальнейшего укрепления японо-китайских связей, но и в плане реализации стратегической линии в отношении СССР в контексте американо-советских разногласий.

Примечательно, что упомянутая трансформация отразилась на принципах, исповедовавшихся китайской дипломатией, в которых произошли некоторые смещения акцентов. Отчетливая геополитическая направленность этих принципов была обозначена в интервью директора Центра по исследованиям международных проблем Хуан Сяня журналу «Шицзе чжиши». В нем новый этап во внешнеполитической деятельности КНР увязывался с решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, который санкционировал осуществление программы «четырёх модернизаций». Признавая «реальность поляризации сил в мире» и «уменьшение способности двух сверхдержав» оказывать влияние на ситуацию в нем, руководитель одного из внешнеполитических органов КНР говорил о необходимости не за-

бывать, что есть еще «третий мир», который «должен рассматриваться в качестве полюса в многополюсной структуре мировых сил, и именно к этому “третьему миру” принадлежит Китай»²²⁶.

Как подчеркивали китайские исследователи, начиная с 1982 г. Дэн Сяопин и другие китайские лидеры больше не стремились к созданию единого фронта против СССР. Китай нормализовал отношения с СССР, но при этом смог сохранить нормальные отношения с США и тем самым, избежав вовлеченности в борьбу двух сверхдержав, завоевал себе дополнительное дипломатическое пространство²²⁷.

В расчете извлечь выгоды из своего геополитического подхода китайская дипломатия, уравнивая роль и значение СССР и США на международной арене, стремилась использовать имевшиеся тогда американо-советские разногласия. Одновременно руководство КНР демонстрировало намерение и дальше следовать по пути деидеологизации своей внешней политики.

В ходе переговоров в марте 1983 г. в Москве заместителя министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко последний обратил внимание, что «антигегемонистский характер китайской внешней политики создает благоприятную базу для китайско-советского сотрудничества. Он обрушился на американцев, подчеркнув, что им нельзя доверять, что США организуют крестовый поход против СССР, а президент Рейган намерен стереть социализм с лица земного шара. Далее он с поучительной интонацией заявил, что из этих намерений США в отношении социализма КНР сама может сделать вывод, с кем ей лучше развивать контакты — с Советским Союзом или Соединенными Штатами».

Ответ Цянь Цичэня сводился к тому, что «нормализация советско-китайских отношений выгодна народам двух стран и всего мира, а что касается отношений Китая с США, то Китай имеет в данной области значительный опыт и сам знает, каким образом эти отношения развивать»²²⁸.

Желание Китая добиваться ограниченной разрядки с СССР в условиях обострения американо-советской конфронтации в первой

половине 1980-х годов не могло не укрепить в руководящих кругах США позиции консерваторов-идеологов, отказывавшихся идти на какие-либо уступки КНР в тайваньском вопросе, а среди прагматически настроенных представителей американского руководства активизировался поиск тех форм сотрудничества, которые могли бы сохранить достигнутые ранее результаты американо-китайского сближения.

Курс китайских руководителей в направлении деидеологизации внешней политики страны пришелся американским прагматикам как нельзя кстати, поскольку они исходили из того, что при проведении в жизнь политики «четырёх модернизаций» Китай не в состоянии обойтись без помощи экономически развитых стран, и в первую очередь США. В условиях усиления антикоммунистических настроений в стране американские средства массовой информации принялись готовить общественное мнение к тому, что очередной виток в развитии американо-китайских отношений, в данном случае преимущественно в экономической сфере, не является содействием укреплению «мирового коммунизма». Многочисленные опросы общественного мнения, проводившиеся тогда в США, единодушно убеждали страну в том, что в Америке научились дифференцированно подходить к коммунистическим странам и к «угрозе», которую они якобы представляют для ее безопасности. Как явствовало, например, из опроса, предпринятого организацией «Паблик адженда», американцы были почти единогласны в том, что, «как показал опыт общения с коммунистическим Китаем, даже смертельный враг может быстро превратиться в страну, с которой можно ладить» (83 %). Для большей убедительности одновременно в ход был пущен тезис о том, что для извлечения максимальных выгод из американо-китайского сближения руководство КНР пойдет на все, вплоть до отказа от «аскетических норм морали», и допустит внедрение в повседневную жизнь КНР элементов буржуазной культуры.

Обоснование концепции «деидеологизации китайского коммунизма», как и в 1940-е годы, осуществлялось силами лучших американских китаеведов, политологов и сотрудников пропагандистского аппарата. Работавший в течение трех лет руководителем бюро жур-

нала «ЮС ньюс энд уорлд рипорт» в Пекине Дж. Уоллес в своем интервью, опубликованном этим журналом, констатировал, что США и Китай из противников превращаются в «подозрительных партнеров», Китай, поворачиваясь спиной к Мао Цзэдуну, отказывается от его радикальных идей. «Отказ от сельских коммун — это более важное изменение в обществе, чем все, что Рейгану удалось сделать в США. Новый упор на то, чтобы люди сами искали или создавали для себя работу — вместо того, чтобы государство обеспечивало их всем, — это не социализм»²²⁹. Говоря о самых больших изменениях в Китае 1980-х годов, он настоятельно подчеркивал «возвышение практических результатов над идеологией», выразившееся в отказе от «коллективного сельского хозяйства как краеугольного камня коммунистической идеологии», предоставлении крестьянам «частного пользования государственной землей и обеспечении привлекательных стимулов в виде цен». Рассуждения и выводы Дж. Уоллеса практически совпадали с тем, что говорили по поводу Китая в конце 1940-х годов американские либералы. «Если отбросить марксистские формулировки, то китайцы придерживаются более националистических позиций, чем кто бы то ни было», — заключал он. «Неудивительно, что многие китайцы вступают в компартию не по каким-то идейным соображениям, а чтобы на них распространялись привилегии, которые обеспечивают “хорошую жизнь” по скромным меркам этой страны»²³⁰, — вторил ему другой аналитик, Ф. Уилли, отмечавший, что подобно многим завзятым либералам старейшина американских китаистов Фэйрбэнк не считал коммунизм подходящим для США, но был убежден, что Китаю он подходит как нельзя лучше. «Ошибочно считать, что мы можем стать столь же близкими друзьями с Китаем, как с демократическими странами, такими, как Англия или Норвегия, — писал он, — однако... если мы сумеем сочетать критический подход с признанием значительных успехов Китая, это и будет реалистической основой для контактов с ним на правительственном, деловом и любом другом уровне»²³¹.

Концепция «деидеологизации политики» в очередной раз пришла на выручку американским прагматикам, не желавшим полностью отказываться от использования «китайского рычага» в противо-

борстве с СССР. Более того, этот «рычаг» приобрел более универсальный характер, так как воспользоваться им поспешили некоторые деятели консервативно-идеологического направления, в первую очередь сам президент Рейган, который после резких антикоммунистических выпадов и протайваньских демаршей перешел к более сдержанному и спокойному курсу на китайском направлении. В американских политических кругах это было расценено как признак того, что «реализм взял верх над идеологией»²³².

Действительная причина отхода Рейгана от жестких позиций антикоммунистов-идеологов в области отношений с КНР состояла, как представляется, в том, что текущая политика американской администрации стала теснее увязываться с теми важнейшими задачами, которые поставил перед собой Китай в области развития и, прежде всего, модернизации экономики.

В докладе группы ведущих американских экспертов по Китаю, содержавшем рекомендации Белому дому по вопросам отношений между США и КНР накануне визита в Америку тогдашнего китайского премьера Чжао Цзяна, указывалось, что Китай представляет собой «крупное, неразвитое, независимое, неприсоединившееся государство», для которого в данный момент важнее развитие и укрепление связей с «третьим миром», а не блокирование с США для противодействия СССР. В силу этого руководство КНР стремится балансировать между США и СССР, хотя «в важных вопросах Китай по-прежнему ближе к Вашингтону, чем к Москве». Однако, получив максимум дивидендов от сближения с Вашингтоном, Пекин исходит из того, что может извлечь максимальные для себя выгоды, только заняв «серединное положение» между США и СССР. Примечательно, что в этом контексте, в отличие от прежних лет, было рекомендовано рассматривать Китай не в значении «глобального фактора», а в качестве «региональной» силы²³³. Это смещение акцента должно было дать дополнительные козыри американским «прагматикам» в противоборстве с консервативно настроенными «идеологами».

Китайский премьер во время своего визита в США в январе 1984 г. настойчиво рекламировал идеи перспективности для американского бизнеса практически «неограниченного» китайского рын-

ка. Были даны обещания продолжать усилия по улучшению политического и юридического климата для американских инвесторов в КНР. Чжао Цзян особо приветствовал меры Вашингтона по смягчению ограничений в передаче Китаю современных технологий. Выступая в Конгрессе США, он потребовал вывести КНР из-под действия закона о запрещении предоставлять помощь «коммунистическим странам».

Администрация Р. Рейгана пыталась использовать визит Чжао Цзяна для обеспечения сближения Китая с США с целью заложить под американо-китайские отношения «стабильную базу», которая предотвращала бы возможные колебания и повороты в китайской политике, и одновременно — затормозить процесс налаживания советско-китайских отношений. В силу этого важное место на переговорах было уделено так называемой общей обеспокоенности сторон внешнеполитическим курсом СССР, в частности «интенсивным наращиванием военной мощи Советского Союза в Азии».

Представители администрации США подчеркивали, что эта обеспокоенность ведет к «конкретному сотрудничеству двух стран», их «стратегическому диалогу», являющемуся «жизненно необходимым элементом двусторонних отношений», и «Советскому Союзу полезно знать, что США и Китай сотрудничают в решении важных международных вопросов». Однако Чжао Цзян уклонился от открытой поддержки идеи «стратегического сотрудничества» Пекина и Вашингтона. «По ряду международных проблем КНР и США придерживаются одинаковых или близких взглядов, по другим же вопросам у них есть разногласия», — подчеркнул он в телевизионном интервью. «В таких условиях установить всеобъемлющее стратегическое партнерство невозможно»²³⁴. Отвергая на словах идею такого сотрудничества, китайский руководитель фактически выдвинул условия, на которых Пекин мог бы пойти на него. На первое место был вынесен тайваньский вопрос. Чжао Цзян подчеркнул, что при решении вопроса о Тайване, «в условиях единой КНР» Пекин и Вашингтон смогут обсудить любые проблемы. Новым в постановке Чжао Цзяном тайваньской проблемы явилось выражение обеспокоенности китайской стороны «движением за независимость Тайва-

ня» и просьба к администрации Р. Рейгана не поддерживать такое движение. В конце концов китайской стороне было обещано постепенное сокращение поставок оружия Тайваню, сопровождавшееся признанием в СМИ США того факта, что в своих уступках по тайваньскому вопросу Рейган пошел дальше любого из предшествовавших ему американских президентов и «сидящий в нем осторожный консерватор (стремящийся использовать Китай против СССР) одержал верх над обуреваемым ностальгией идеологом, поддерживающим националистов против коммунистов»²³⁵.

В качестве второго условия упоминалась необходимость для США считаться с интересами «третьего мира», от имени которого выступал китайский премьер. Одновременно Чжао Цзяян повторил известные предварительные требования КНР к Советскому Союзу, затрагивающие интересы Монголии, Вьетнама, Кампучии и Афганистана, подчеркнув, что «если они не будут удовлетворены, то не может быть и значительного улучшения в китайско-советских отношениях»²³⁶.

Синхронность предъявления китайским лидером предварительных требований к США и СССР в качестве основы для возможного улучшения отношений с ними подтверждала предположение о стремлении Китая, воспользовавшись американской схемой «баланса сил», всемерно закрепить свои позиции в роли держателя такого баланса. В свою очередь, это стремление объективно отдаляло в неопределенное будущее реализацию вождельной для определенных кругов в США идеи американско-китайского «стратегического партнерства».

Последовавший в апреле 1984 г. визит Рейгана в Китай мог, по мнению американских наблюдателей, также квалифицироваться как «триумф прагматизма над идеологией»²³⁷. «Идеолог», однако, иногда вновь проглядывался в президенте, когда он в ходе визита, рекламируя капиталистический уклад в США, пытался спроецировать его «преимущества» на Китай через призму тех экономических преобразований, которые осуществляло китайское руководство в рамках «четырех модернизаций».

Экономические вопросы заняли важное место в ходе переговоров Р. Рейгана в Пекине. Загипнотизированный большими потен-

циальными возможностями китайского рынка американский бизнес не возражал против того, чтобы подключить Китай к экономическому механизму США и Запада и при необходимости воспользоваться экономическими рычагами для упрочения своего политического влияния. Американцы не скрывали надежду на то, что визит Рейгана мог послужить дополнительным импульсом для социально-экономической переориентации Китая. Бывший президент США Р. Никсон писал накануне визита: «Китай — страна, в которой живет миллиард самых одаренных в мире людей и которая, имея колоссальные природные ресурсы, в следующем веке может стать экономическим гигантом. Он добьется этого, однако, вопреки коммунизму, а не благодаря ему»²³⁸. Р. Рейган, выступая в университете штата Аляска сразу после возвращения из КНР, констатировал свое удовлетворение «проявлением духа свободного рынка» в Китае и охарактеризовал его как «путь к созданию более справедливого общества», имея в виду возможность капиталистического пути развития для КНР.

Обозначив продвижение вперед по пути экономического сотрудничества двух стран, в политическом плане Р. Рейган не смог, тем не менее, подключить Китай к тогдашней антисоветской стратегии США и сорвать наметившийся процесс нормализации советско-китайских отношений. Хотя Китай и не высказал возражений против увеличения военного присутствия США в Азии, он выступил против того, чтобы это наносило ущерб интересам других стран. Китайцы не поддержали развивавшуюся Рейганом тему о совместных усилиях США и КНР против экспансионизма и гегемонизма. При публикации речей президента они опустили антисоветскую риторику Рейгана.

Все это свидетельствовало о проведении КНР независимого внешнеполитического курса, не всегда сочетавшегося с устремлениями консервативного американского руководства. В то же время в Пекине прекрасно понимали, что нормальные дружественные отношения с США выгодны Китаю в политическом плане, повышая его авторитет на международной арене и расширяя возможности для политического маневрирования в рамках «треугольника» Вашингтон—Пекин—Москва.

Визит Р. Рейгана в Китай и ответный визит в США Председателя КНР Ли Синьняня в сентябре 1985 г. продемонстрировали, что американо-китайские связи в целом развивались поступательно при сохранении, однако, серьезных разногласий. Политические выпады друг против друга то затихали, то возобновлялись.

В августе 1985 г. американские сенаторы жаловались, находясь в Пекине, что голосования Китая в ООН отражают предубеждения против США, которые, по их словам, не меньшие, чем в разгар «культурной революции», и что несоответствие между дружественными китайско-американскими связями и недружественным голосованием на многосторонних форумах выглядит, как «политика двух США» со стороны Пекина. Они отмечали, что в 86 % голосований на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН Китай голосовал «заодно с Советским Союзом», а из 20 случаев «поименных голосований» он голосовал против США в 17 случаях и отсутствовал в трех.

Извлекал ли Китай в таком случае большую, чем США, выгоду из американо-китайских отношений, как это утверждали «консерваторы-идеологи»? Исчерпывающий ответ на этот вопрос в то время дал, как нам кажется, известный американский китаист, профессор Д. Барнетт, который заявил: «Поверхностному наблюдателю действительно может показаться, что в своем стремлении ублажать Китай мы идем на компромиссы в экономическом и политическом плане. Однако я возражаю на это, что ведь мы гораздо сильнее Китая, гораздо богаче его, мне не кажется удивительным то, что во многих аспектах американо-китайских отношений нам приходится давать гораздо больше, чем брать... если подходить к вопросу шире, то значение хороших отношений с Китаем для общих стратегических интересов США настолько велико, что это недорогая плата, ведь взамен мы получаем возможность сохранения в Восточной Азии такой ситуации, когда Китай не является нашим противником, и это позволяет избежать повторения того положения дел, когда мы в течение 25 лет расходовали миллиарды долларов и потеряли многие тысячи людей в попытке нейтрализовать то, что нам представлялось серьезнейшей опасностью в лице Китая, враждебного США. Поэто-

му цена, которую мы платим сейчас, пустяк по сравнению с тем, что мы получаем за это»²³⁹.

К началу второго президентства Рейгана республиканское правительство США пришло с определившейся в основных чертах политикой в отношении КНР. Стремясь приспособиться к изменениям внешнеполитического курса КНР после XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.), администрация, не меняя существа своей китайской политики, ограничила попытки интерпретировать американо-китайские отношения как «стратегическое партнерство».

Выступая на советско-американской встрече по проблемам мира и безопасности в Азии, проходившей в Москве 25—28 июня 1985 г., советник президента Рейгана по проблемам Азии Гастон Сигур дал подходу администрации к проблеме отношений с Китаем следующую характеристику: «На китайском направлении цель США состоит в развитии с КНР прочных, стабильных, долгосрочных отношений с учетом интересов друзей США в регионе. Соединенные Штаты не стремятся к союзу с Китаем, однако слабый и незащищенный Китай не был бы в интересах США и поддержания мира и стабильности в регионе и в глобальных масштабах. В связи с этим Соединенные Штаты намерены продолжать контакты с КНР по проблемам безопасности и поставок современной техники... Соединенные Штаты хотели бы развивать с КНР наилучшие отношения, поддерживая одновременно неофициальные контакты с Тайванем, с которым американская сторона связана существенным экономическим партнерством»²⁴⁰.

Вступив во второе президентство с прежним набором установок, направленных на достижение стратегического превосходства над Советским Союзом и закрепление доминирующего положения США в районах их «жизненных интересов», администрация Рейгана столкнулась с рядом проблем, поставивших под вопрос эффективность этого курса. Экономические трудности создали препятствия наращиванию военных расходов темпами, заданными в начале 1980-х годов. На всех уровнях, и в частности в законодательных органах, активизировалась внутренняя оппозиция военной политике администрации. Обострились противоречия с основными союзни-

ками США по экономическим, политическим и военно-стратегическим вопросам. Стали терять убедительность доводы в пользу «довооружения» США, такие, как «превосходство» Советского Союза, возможность укрепить безопасность США путем наращивания их военного потенциала, способность Запада победить в ядерной войне.

В этих условиях твердая позиция СССР, наличие у него средств и решимости противостоять рейгановскому наступлению, готовность поддерживать на необходимом уровне сдерживающий стратегический потенциал вынудили правящие круги Соединенных Штатов искать обходные пути, в частности такие способы военного воздействия на Советский Союз, которые не угрожали бы ответными мерами Соединенным Штатам.

В этом контексте, по мнению некоторых исследователей, следовало искать ответ на вопрос, «почему среди консерваторов, относившихся с подозрением к социалистическим странам и к «коммунистическому Китаю», усилилась группировка сторонников американо-китайского сближения»²⁴¹. Ибо именно под ее влиянием администрация стала меньше прислушиваться к аргументации противников укрепления связей с «коммунистическим Китаем» и постепенно изменила свой подход к контактам с КНР.

Заинтересованность китайской стороны в получении от США финансового, экономического, научно-технического содействия развитию в Китае экономики, науки и военной сферы рассматривалась в консервативных американских кругах прежде всего как эффективный канал влияния на политику китайского руководства. Предоставляя те или иные льготы, манипулируя обещаниями, раскрывая те или иные перспективы, американская сторона старалась поддерживать и развивать интерес КНР к сотрудничеству с США, добиваясь от Пекина политических и даже идеологических уступок.

Вслед за либеральными реформаторами многие консерваторы-прагматики, выдавая желаемое за действительное, стали интерпретировать экономические эксперименты в КНР как поворот в сторону капитализма. Под влиянием этого обстоятельства в академических и политических кругах США получили распространение

концепции, доказывающие возможность и даже вероятность конвергенции — постепенной трансформации «рыночного социализма» в капитализм. Эта идея стала активно использоваться в пропаганде и дипломатии США и других западных стран для оказания влияния на общественно-политическое и социально-экономическое положение в КНР. Так, английский журнал «Экономист» писал в августе 1984 г.: «Единственный недостаток экономических перемен, происходящих в Китае, состоит в том, что они не являются всеобъемлющими и осуществляются недостаточно быстро»²⁴².

В свете этих оценок готовность США расширять двусторонние связи с КНР (особенно торговые) за счет экспорта на китайский рынок американских товаров, капиталов и технологий представлялась мотивированной не только конъюнктурными, но и долгосрочными стратегическими соображениями. Замысел американской стороны состоял в том, чтобы использовать острый интерес КНР в конструктивном сотрудничестве с индустриально развитыми странами Запада для постепенного втягивания Китая в систему международных хозяйственных связей, усиления зависимости экономики КНР от капиталистического рынка, расширения поля деятельности в Китае транснациональных монополий, содействия изменению социально-экономической структуры китайского общества.

Не меньшее значение для американских расчетов имели и другие аспекты двусторонних контактов, в частности обмена в области культуры и образования, с которыми в Вашингтоне связывали надежды на изменения в китайском обществе. В этих целях американская сторона охотно расширяла сотрудничество с КНР в области подготовки кадров. К 1985 г. количество китайцев, получивших образование в американских университетах, значительно превысило 10 тыс. человек. В Соединенных Штатах не скрывали, что предоставление китайской молодежи возможности жить и учиться в США отвечало идеологическим целям американских правящих кругов. Комментируя соглашения в области культуры и образования, подписанные Ли Синьнянем в Вашингтоне в июле 1985 г., глава Информационного агентства США Чарльз Уик подчеркивал, что достигнутая договоренность «поможет модернизации Китая, одновре-

менно прививая китайским гражданам демократические идеалы благодаря обучению их в американских школах».

Следует подчеркнуть, что перемены в американо-китайских отношениях в 1980-х годах были вызваны в том числе и динамикой политических процессов в КНР, которые привели к изменениям во внешней политике страны.

Признаки изменений во внешнеполитическом курсе Китая, обнаружившиеся в начале 1980-х годов, нашли наиболее полное выражение в установках XII съезда КПК. В его материалах была подчеркнута верность КПК идеям социализма, указано на взаимосвязь экономических реформ и программы модернизации страны с планами социалистического строительства, на соотношение между внутренней и внешней политикой (установка на обеспечение мирных международных условий для модернизации страны), подчеркнута независимость внешней политики КНР от двух «сверхдержав» и сделан акцент на значение развивающихся стран во внешнеполитической стратегии китайского правительства.

Все эти установки начали находить возрастающее отражение в практической политике: произошло открытое расхождение внешнеполитических позиций КНР и США по ряду международных проблем (Ближний Восток, Южная Африка, Гренада, Южная Корея, захват американских кораблей с ядерным оружием на борту в новозеландские порты, поддержка антиядерного движения в Европе и др.). Но более всего встревожило американские правящие круги то, что китайская сторона ответила на инициативы правительства СССР и приступила к нормализации китайско-советских отношений.

В развитии связей КНР и СССР Вашингтон увидел угрозу своим расчетам, опасаясь того, что Китай может изменить свою позицию по афганскому и кампучийскому вопросам, в результате чего окажется размытым «стратегический компонент», все еще присутствовавший в американо-китайских отношениях. Как отмечалось в докладе организации «Хэритидж фаундейшн», следствием сближения КНР с Советским Союзом стал бы подрыв самих основ «стратегических» отношений США с КНР. Китайско-советская нормализация поставила бы под вопрос целесообразность передачи КНР техноло-

гий, оказалось бы необходимым пересмотреть всю внешнеполитическую стратегию в Восточной Азии, поскольку сближение между СССР и КНР привело бы к существенным переменам в военной ситуации на советско-китайской границе и отрицательным последствиям для стратегии западного блока.

Изменения во внешнеполитическом курсе КНР и вызванные ими колебания в американо-китайских отношениях заметно влияли на расстановку сил по китайскому вопросу в консервативном лагере США. Произошло укрепление положения консерваторов-«идеологов», сторонников применения социальных критериев в подходе к «коммунистическому Китаю». В некоторых чертах новой внешнеполитической линии КНР и КПК они нашли подтверждение своим наихудшим предположениям по поводу несовместимости интересов США и КНР, а также дополнительную аргументацию против ускоренного развития контактов с КНР в расчете на формирование альянса и, соответственно, против дальнейших экономических уступок, продажи новейшей техники, включая вооружение, и других мер, могущих укрепить экономический и военный потенциал КНР как идеологического, а потенциально и политического противника.

В центре внимания этой группировки оказалась и тайваньская проблема. Этот вопрос, по своей сути внешнеполитический, приобрел весьма острый внутренний аспект. Его значение в этом смысле определялось тем, что позиция консервативно-центристской администрации Рейгана, включавшая наряду с развитием связей с КНР соблюдение обязательств перед гоминьдановским режимом, вытекающих из закона 1979 г. «Об отношениях с Тайванем», являлась едва ли не единственной основой поддержки всеми консервативными группировками китайской политики Вашингтона. Отход от такой позиции оттолкнул бы от китайской политики администрации Рейгана влиятельную группу консерваторов, считавших, что Тайвань является незаменимым фактором политики и стратегии США в Восточной Азии. При этом следовало учитывать, что объем торговли и американских капиталовложений в тайваньскую экономику далеко превосходили соответствующие показатели по КНР. К тому же с руководящей гоминьдановской верхушкой американских консерва-

торов связывали узы общей идеологии и традиции союзнических отношений, уходящие в 1940-е годы.

Таким образом, прочность поддержки китайской политики администрации Рейгана зависела от устойчивости ее позиции по тайваньскому вопросу. Это обстоятельство укрепляло положение консерваторов-«идеологов» и расширяло каналы их влияния на официальную политику Вашингтона.

Столкнувшись в своих собственных рядах с полярными точками зрения на отношения с Китаем, вторая администрация Рейгана, как и первая, не могла игнорировать ни одну из влиятельных консервативных группировок, составлявших ее политическую базу. Этим объяснялась противоречивость китайской политики США, включавшей развитие контактов с «коммунистическим Китаем» в расчете на получение выгод от «стратегического» партнерства с ним, а также военно-политическую поддержку антикоммунистического гоминьдановского режима, мотивированную идеологическими соображениями и желанием сохранить под американским контролем этот остров как важный стратегический пункт системы «сдерживания коммунизма» в Восточной Азии.

Изменения во внешнеполитическом курсе Пекина и противоречивость китайской политики Вашингтона сказались на состоянии американо-китайских связей. Несмотря на то, что показатели в таких областях, как торговля (увеличение оборота на 1 млрд долл. в сравнении с 1984 г.), сотрудничество в области науки и промышленности (соглашение 1985 г. о сотрудничестве в области ядерной энергетики), образование, американский туризм в КНР (в 1984 г. 100 тыс. человек), свидетельствовали о поступательном развитии отношений, общая атмосфера изменилась к худшему, особенно с американской стороны. В общественно-политических настроениях, в той мере, в какой они проявлялись в материалах средств массовой информации, позитивные оценки китайской действительности все чаще заменялись нейтральными, а то и негативными, снизился уровень оптимизма по поводу перспектив экономического развития КНР и будущего американо-китайских связей, более сдержанным стал подход деловых кругов США к возможностям китайского рынка.

Аналогичные изменения происходили и в кругах, формирующих внешнюю политику Вашингтона. Со стороны Конгресса США был предпринят ряд шагов, которые могли расцениваться как наносящие существенный ущерб контактам с КНР и отразиться на взаимопонимании в политической области. Так, против американо-китайского соглашения в области ядерной энергетики, заключенного в апреле 1984 г. во время пребывания Рейгана в Пекине, выступила группа влиятельных законодателей, включавшая и консерваторов, и либералов. В связи с этим Конгресс долгое время блокировал вступление данного соглашения в действие. Американская сторона приняла также решение сократить ассигнования Фонду ООН для деятельности в области народонаселения, предназначенные для КНР, на основании несогласия американцев с мерами и практикой китайских властей по контролю над рождаемостью. Не исчезли и другие проблемы, созданные американской стороной: военно-политические связи с Тайванем, дискриминационные ограничения на экспорт в КНР американской наукоемкой продукции, высокие цены на американскую промышленную продукцию, попытки политического давления и идеологической экспансии.

Вместе с тем в Соединенных Штатах возникло беспокойство в связи с некоторыми шагами китайского правительства, такими, как отказ кораблям ВМС США заходить в китайские порты, критика «стратегической оборонной инициативы» Рейгана, заявления о Тайване, не исключавшие применения силы для решения этой проблемы, сокращение закупок американского зерна и др.

В американских политических и академических кругах такое положение дел, требовавшее переоценки стратегических возможностей и пределов американо-китайского сближения, вызывало серьезное разочарование, которое выразил, в частности, крупный политолог Ричард Солонсон, бывший в период администрации Никсона советником Генри Киссинджера по Китаю. Выступая на советско-американской встрече в Москве в июне 1985 г. с докладом о новой фазе в отношениях между КНР, СССР и США, он охарактеризовал американо-китайские контакты как «нормальные», но подчеркнул, что им «не достает динамизма и целеустремленности»²⁴³.

Текст доклада Соломона давал возможность понять, что это произошло в связи с готовностью китайского правительства нормализовать отношения с Советским Союзом и его практическими шагами в этом направлении, с тем, что взаимодействие КНР с США входит в русло нормальных межгосударственных отношений, теряя в какой-то мере свой «стратегический» характер.

Совершенно очевидно, что противоречия между США и КНР, более четко определившиеся к середине 1980-х годов, заставили американских лидеров предпринять серьезные усилия, чтобы предупредить размывание взаимопонимания в так называемой стратегической области.

Задачи американской дипломатии в этом контексте сводились, таким образом, к тому, чтобы убедить китайское руководство отложить в сторону противоречия по тайваньскому вопросу и вернуться к идеям международного антисоветского фронта в полном объеме. Вашингтон призывал активизировать внешнеполитическую деятельность Пекина на направлениях совпадения «стратегических интересов», предупредить развитие во внешнеполитическом курсе КНР линий, которые расценивались как неблагоприятные для США (улучшение китайско-советских отношений, критика США как гегемонистской сверхдержавы, противодействие американскому неокOLONIALИЗМУ в развивающихся странах), создать благоприятные условия для манипулирования «китайским фактором», связав КНР системой экономических обстоятельств, военного сотрудничества и «стратегических интересов».

Перегруппировка сил на рубеже 1980-х годов в пользу консерватизма, обусловившая появление в Вашингтоне правоконсервативной администрации Р. Рейгана, внесла изменения в условия формирования «китайской» политики. При этом характерную черту сложившейся ситуации составило то обстоятельство, что различия в подходе к отношениям с КНР проявились не только между либералами и консерваторами или демократами и республиканцами, но и в самом консервативном лагере. Продолжая уже определившуюся тенденцию, влиятельные консервативные круги выступили за прагматическое, не сдерживаемое идеологическими тормозами исполь-

зование антисоветской позиции китайского руководства в целях развития американско-китайских коалиционных связей. Вместе с тем к активной политической деятельности вернулась группировка, взгляды которой были генетически связаны с основами «китайской» политики Трумэна и Даллеса. Фронтальное наступление консерватизма вовлекло в процесс формирования «китайской» политики и принятия внешнеполитических решений консерваторов-«идеологов» — противников сближения с КНР, в прошлом дипломатических и военных функционеров политики «сдерживания и изоляции» Китая, бывших активистов «китайского лобби». Они стали оказывать существенное влияние на формирование курса в отношении КНР, добиваясь проведения жесткой «идеологизированной» линии во взаимоотношениях с «коммунистическим Китаем» при сохранении тесных американско-тайваньских связей.

Вместе с тем условия, питавшие геополитическую аргументацию американских сторонников использования в антисоветских целях «китайского фактора», продолжали существовать. Хотя зона американско-китайских противоречий заметно расширилась и на поверхность вышли социально-политические и идеологические различия, одновременно совпадение позиций по-прежнему продолжало иметь место по некоторым международным проблемам. Именно это обстоятельство, составлявшее существенный аспект тогдашних американско-китайских отношений, способствовало выдвиганию на первый план поборников американско-китайского альянса.

Столкнувшись с полярным расхождением точек зрения на отношения с Китаем в своих собственных рядах, администрация Рейгана не смогла игнорировать ни одну из влиятельных группировок, формировавших ее политическую базу. Таким образом, сама логика «консерватизации» политического процесса в США поставила республиканскую администрацию перед необходимостью интегрировать во внешнеполитический курс противоположные позиции в подходе к отношениям с КНР. Основанная на противоречивой внутренней базе, китайская политика президента Р. Рейгана включала несовместимые, по существу, компоненты: с одной стороны, развитие отношений с «коммунистическим Китаем» в расчете на по-

лучение «стратегических» преимуществ американо-китайского партнерства, с другой — военно-политическую поддержку гоминьдановского режима на Тайване, мотивированную идеологическими соображениями, а также недоверием к КНР и желанием сохранить под американским контролем этот важный стратегический пункт в ряду других элементов «резервной» системы «сдерживания» Китая. Акцент на развитие отношений с Тайванем, сделанный в начале президентства Р. Рейгана, в значительной мере осложнил отношения с КНР и поставил их на грань кризиса.

Под влиянием информации о спаде в американо-китайских отношениях и возобновлении советско-китайского диалога в Соединенных Штатах начало складываться мнение, что администрация Р. Рейгана попусту растрчивает дипломатические достижения своих предшественников. В правящей элите возникли опасения, что политика в отношении КНР может обернуться еще одной крупной внешнеполитической неудачей наряду с просчетами политики США в отношении Советского Союза и на Ближнем Востоке.

Учитывая внутривнутриполитическую обстановку в США и аргументацию консервативных «прагматиков», президент Р. Рейган начал изыскивать возможности вернуть американо-китайским отношениям поступательное развитие. Оставив без изменений общую формулу своей китайской политики (развитие отношений с КНР при условии согласия китайской стороны на сохранение «особых» связей Вашингтона с гоминьдановским режимом на Тайване), он перенес акцент в этой политике на антисоветизм как основу стратегических отношений с КНР.

Приход к власти в СССР в марте 1985 г. М. Горбачева и начало процесса перестройки, которая затронула не только внутривнутриполитическую сферу, но и внешнюю политику Советского Союза, несколько изменили порядок приоритетов в планах американского руководства. Главной внешнеполитической целью второй администрации Р. Рейгана (1985—1989 гг.) стало, таким образом, решение комплекса проблем, связанных с взаимным сокращением и ликвидацией основных видов стратегических наступательных вооружений СССР и США.

В этих условиях прежние расчеты на то, что Соединенным Штатам удастся настолько углубить свои отношения с Китаем, что они смогут приобрести характер стратегических коалиционных связей, показали свою несостоятельность, поскольку изначально предполагали определенную направленность против третьих стран, чреватую опасностью нового раунда международной напряженности. А такая ситуация уже не отвечала ни интересам Вашингтона, ни устремлениям Пекина.

2.2. Крах «биполярного мира» и модификация взаимоотношений в «треугольнике» США—КНР—Россия

Поворот во внешней политике СССР, осуществленный после 1985 г., не мог не сказаться на всей структуре международных отношений. Послевоенный мировой порядок, столпами которого были Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, постепенно становился фактом прошлого. Началась интенсивная перегруппировка сил. «Биполярный мир», базировавшийся на приоритете военно-силовых факторов в мировой политике, рушился на глазах. Становилась очевидной невозможность дальнейшего упования исключительно на военную мощь, даже если речь шла о соображениях, касающихся интересов национальной безопасности. Одновременно все большее значение стали приобретать экономический и научно-технический потенциалы, адаптационные и мобилизационные способности политической системы, идейные и культурные ценности. На смену классовым антагонизмам пришли общечеловеческие гуманистические идеалы.

Результатом глобальных перемен в бывшем СССР и странах Восточной Европы стала кардинальная ломка всех существовавших в мире геополитических структур, полное нарушение равновесия стратегических сил, возникновение мощного очага нестабильности в Европе, изменение баланса сил в АТР в пользу США и их союзни-

ков. Это способствовало усилению нажима Вашингтона на Пекин с целью увязать перспективы дальнейшего развития американо-китайских отношений с неизбежными изменениями китайского внутреннего и внешнеполитического курса.

Новая глобальная ситуация естественным образом отразилась как на взаимоотношениях сторон в «большом треугольнике», так и на взаимосвязях каждой из них, которые начали менять свое первоначальное содержание.

Некоторые китайские политологи, оценивая качественные изменения, происходившие в рамках «треугольника», отмечали в частности, что американский фактор в советско-китайских отношениях поменял, например, в новых мировых условиях свое наполнение, и если прежде он был связан с геополитикой и замыкался на соперничестве между СССР, США и КНР, то теперь стал рассматриваться в Китае через призму глобализации, постепенно превращаясь в элемент взаимодействия²⁴⁴.

Тем не менее, применительно к отдельным аспектам взаимоотношений трех стран фактор использования одной из них в качестве своеобразного рычага для достижения конкретных политических целей другими по-прежнему сохранял свою значимость.

Для китайского руководства распад СССР и перемены в странах Восточной Европы послужили определенным основанием для ужесточения его внутренней политики, а также пересмотра некоторых аспектов курса в отношении США и других западных стран. Наряду с обеспечением благоприятных внешних условий для модернизации на первый план для Пекина выдвинулась проблема сохранения стабильности внутри страны, упрочения позиций правящих властей, заинтересованных, с одной стороны, в расширении сотрудничества с США, а с другой — обеспокоенных усилением деструктивного идеологического влияния Запада на население КНР.

Вплоть до этого, на протяжении 1980-х годов американо-китайские отношения развивались быстрыми темпами. С 1979 по 1988 г. торговля между двумя странами выросла практически с нуля до 9 млрд долл., для тысяч китайских студентов открылись двери аме-

риканских университетов, на основе тогдашнего антисоветизма обеих стран поддерживались интенсивные связи в военной области.

Расчеты Китая на дружбу с Америкой, помимо чисто конъюнктурных антисоветских комбинаций 1970-х — начала 1980-х годов, были на поверхности: на фоне постоянно увеличивавшегося товарооборота между ними, причем с огромным пассивным сальдо для США, на основе расширения персональных контактов по линии обменов учеными, специалистами, с учетом притягательности китайского рынка для американских корпораций, зачарованных его кажущейся безбрежностью, КНР стремилась получить доступ к совершеннейшим западным технологиям для ускоренного форсирования развернувшейся в стране модернизации, результатом которой должен был стать ее прорыв в когорту ведущих мировых держав.

Однако, будучи более прагматичными по своему характеру, американцы не всегда отвечали взаимностью на дружеские реверансы из Пекина, что было связано с целым рядом серьезных экономических, политических, стратегических и иных соображений. В частности, по признанию известного американского политолога З. Бжезинского, США всегда боялись, что Китаю раньше или позже удастся «размыть американскую власть в (азиатском. — *Авт.*) регионе до такой степени, чтобы ослабленная Америка почувствовала необходимость сделать пользующийся региональным влиянием Китай своим союзником, а со временем иметь Китай, ставший влиятельной мировой державой, своим партнером»²⁴⁵.

В 1990-е годы с развалом социалистического лагеря и укреплением позиций США, ставших единственной мировой супердержавой, антисоветская основа американо-китайского альянса рухнула. Правда, как утверждал официальный Пекин, еще за несколько лет до падения Берлинской стены и распада СССР его аналитики просчитали неизбежное наступление краха биполярной системы, а потому китайское руководство и выдвинуло курс на проведение «независимой самостоятельной внешней политики», провозгласив так называемую равноудаленность как от тогдашнего Советского Союза, так и от США, но интереса к заманчивым заморским горизонтам полностью не утратило.

Американцы же, со своей стороны, не отказавшись в принципе от попыток заигрывания с Китаем, в то же время сделали в его отношении целый ряд жестов, призванных продемонстрировать, кто является в мире «настоящим хозяином». Пришедший в Белый дом в 1989 г. Дж. Буш-старший был первым из американских президентов, имевшим личный опыт пребывания в Китае, и поэтому сам принимал ключевые решения по проведению политики на этом направлении. Он был убежденным сторонником «мирного вовлечения» КНР в мировые дела, и первый зарубежный визит после вступления в должность совершил именно в Китай. Его отношение к Китаю основывалось на сочетании присущего Р. Никсону видения важности этой страны в глобальном и региональном балансе сил и свойственного в свое время В. Вильсону миссионерского импульса, который сводился у Дж. Буша к стремлению переделать Китай по американскому образу и подобию.

Когда в конце 1980-х годов начался процесс распада советского блока, США и «большая семерка» в целом, возлагавшие надежды на модель «мирного перерождения» соцстран, не исключали, в принципе, из нее и Китай, который к тому же по темпам продолжительности своих рыночных реформ тогда значительно опережал восточноевропейские государства. Однако руководство КНР продолжало не только декларировать свою приверженность социализму, но и практически шагами демонстрировало, что не допустит такого перерождения.

Последующий ход событий свидетельствовал о том, что интересы обоих государств в сфере их двусторонних отношений становились все более противоречивыми. Китайские власти все резче противодействовали попыткам давления на них со стороны США, которые пытались обеспечить себе определенные идеологические позиции в КНР. Они категорически отвергали официальные заявления тогдашней Вашингтонской администрации, выражавшей намерение положить в основу своей китайской политики «содействие демократизации и деидеологизации политической жизни Китая», его «мирной эволюции» от коммунизма к демократии, а также помощь тем силам, которые выступали в КНР за политическую и экономическую либерализацию²⁴⁶.

События на площади Тяньаньмэнь летом 1989 г. вызвали резкую реакцию со стороны республиканской администрации Дж. Буша-старшего. Военные связи с КНР были заморожены, американо-китайские встречи на высшем уровне прекращены, однако на рост торговли кризис особого влияния не оказал. При этом Америка решительно возглавила демарш западных стран с целью изолировать Китай от внешнего мира и максимально затруднить деятельность его властей на международной арене. Под угрозой оказалось проведение Китаем политики расширения внешних связей — одной из ключевых составляющих его программы модернизации.

Конфликт между «миссионерскими» ожиданиями и тем фактом, что реальный Китай не вполне отвечал им и не вписывался в прокрустово ложе той модели, которую рассчитывали создать Соединенные Штаты, стал причиной раскола среди инициаторов китайской политики США. Диапазон расхождений взглядов в этом вопросе колебался в период правления Дж. Буша-старшего от яростного изоляционизма до осторожного прагматизма. Два полюса противоположных подходов четко обозначились в Конгрессе и правительстве.

Между КНР и США сохранялась напряженность из-за серьезных расхождений по вопросам соблюдения прав человека в Китае, проблемам Тайваня и Тибета, поставок китайского оружия в третьи страны, комплекса вопросов, касающихся ежегодного возобновления для КНР статуса наиболее благоприятствуемой нации в торговле с США. К осени 1991 г. связи Китая и Америки достигли самого низкого уровня с начала 1980-х годов. Тем не менее, двери для КНР полностью закрыты не были: Вашингтон, в отличие от других западных стран, вел себя наиболее сдержанно в вопросе восстановления официального диалога с Пекином на уровне руководителей государств.

Дальнейшие отношения двух стран во многом определила встреча Дэн Сяопина с Р. Никсоном вскоре после тяньаньмэньских событий. Патриарх китайской «перестройки» наметил тогда два ключевых направления американской политики КНР: (1) необходимость улучшения отношений с США для поддержки экономического раз-

вития Китая и (2) несогласие с вмешательством США во внутренние дела КНР.

Дэн Сяопин отмечал, что «обсуждать и решать проблемы с США следует исходя из принципа собственных государственных интересов». Высочайшим государственным интересом для КНР стали тогда стабильность и развитие экономики, а развитие отношений с США, по мнению китайской стороны, благоприятствовало развитию экономики КНР и стабильности в мире. Одновременно китайский лидер высказался решительно против американского вмешательства во внутренние дела КНР под предлогом «демократизации китайского общества» и «защиты прав человека», мотивируя это той же необходимостью сохранения политической стабильности и социалистического строя в стране.

Анализ позиции КНР и внешнеполитических акций китайского руководства после введения американских санкций свидетельствует о неизменности его ориентации на сохранение и развитие отношений с США и странами Запада. В то же время ход развития американо-китайских отношений в тот период выявил существование пределов ужесточения конфронтации между Америкой и Китаем и продемонстрировал определенную устойчивость их отношений, которая была обусловлена не только взаимным желанием сторон сохранить достигнутый уровень контактов в различных сферах, но и стремлением обеспечить их дальнейшее развитие. В результате обоюдных компромиссов к концу президентского срока Дж. Буша-старшего негативные последствия событий 1989 г. для американо-китайских отношений были преодолены²⁴⁷.

Вместе с тем после Тяньаньмэня во внешнеполитических концепциях и конкретных действиях нового китайского руководства отчетливо проявились новые особенности и моменты. Так, в КНР был реанимирован тезис о продолжении классовой борьбы на международной арене. При этом курс Китая на проведение «независимой и самостоятельной внешней политики» без установления союзнических связей с какой-либо из сверхдержав оставался неизменным. Неизменной оставалась также ориентация на модернизацию КНР и в связи с ней — на тесное сотрудничество со всеми, кто мог ей в

этом способствовать, включая СССР и США. При этом прежнее стремление китайской стороны поддерживать с обеими странами более близкие контакты, чем они имели между собой, играя на их противоречиях и заставляя конкурировать за «расположение» со стороны Китая, было подорвано тяньаньмэньскими событиями: Америка отдалилась от КНР, а власти СССР, занятые больше в тот момент внутривластной борьбой, раскололись в вопросе отношения к китайскому кризису.

Восприятие начавшейся незадолго до этого новой советско-американской разрядки было в Пекине двояким. С одной стороны, она была выгодна властям КНР, так как снижала международную напряженность, способствовала укреплению мира, улучшению климата для международного сотрудничества и тем самым содействовала более благоприятным условиям для развития, в том числе и Китая. Однако в то же время в некоторых слоях китайской политической элиты зарождались подозрения в отношении возможного сговора Москвы и Вашингтона за спиной Китая на почве их сближения с последующим вытеснением Пекина на периферию международной политической жизни.

Это выглядело тем более резонным, что идеологические взгляды тогдашнего китайского и советского руководства и позиции правящих партий — КПК и КПСС — уже во многом не совпадали. Китай критиковал СССР за поспешность с политическими реформами, допущение плюрализма мнений среди членов КПСС, скрытое поощрение антисоциалистических элементов, снятие многих ограничений в деятельности СМИ. Идеи горбачевского «нового мышления», преобладающей значимости гуманистических общечеловеческих ценностей над классовыми были всегда чужды Пекину. Кроме того, в Китае, фактически первым из социалистических стран затеявшем экономические реформы и еще в 1988 г. одобрявшем их в Восточной Европе, не ожидали, что они так быстро приведут к падению правивших там режимов. Одновременно, выступая в качестве лидера стран «третьего мира», Китай старался предупредить их о том, что сближение великих держав может негативно отразиться на их интересах.

Несмотря на эти субъективные, а отчасти и объективные обстоятельства, в целом советско-китайские отношения развивались по восходящей, не стагнировали и имели общую тенденцию к углублению. Даже после распада СССР, ухода Горбачева с политической арены и воцарения во власти Ельцина они пережили лишь очень кратковременный период неопределенности и взаимной отчужденности. Уже через год после вступления на пост Президента РФ Ельцин посетил КНР с официальным визитом. По его собственному признанию, он был впечатлен теми успехами, которых достиг Китай на пути модернизации и реформ, и кардинально изменил свое отношение к «китайской перестройке» и властям этой страны.

В ходе визита сторонами было подписано более 20 документов по различным областям сотрудничества. Наиболее важным среди них стала Совместная декларация об основах взаимоотношений между КНР и РФ. В ней стороны взяли взаимное обязательство не вступать в коалиции и союзы, направленные друг против друга, не позволять использовать свою территорию третьим сторонам для подрыва безопасности друг друга. Вместе с тем они отказались от совместных действий, которые были бы направлены против других стран. Среди подписанных документов были также меморандум о принципах военно-технического сотрудничества, соглашение о строительстве Россией атомной станции в КНР и меморандум о значительном сокращении вооруженных сил в приграничных районах между Россией и Китаем.

В отношениях между Америкой и Китаем все складывалось не так гладко. И хотя, как отмечалось выше, негативные последствия тяньаньмэньских событий для взаимоотношений двух стран удалось преодолеть сравнительно быстро, за это Китаю пришлось заплатить США цену существенных уступок и морального унижения.

Так, переговоры о возобновлении научных обменов в рамках программ Фулбрайта и деятельности американского «Корпуса мира», отсроченных после введения американских санкций по инициативе КНР, начались по предложению, исходившему от пекинского руководства. Одновременно ему пришлось пойти на значительное снижение сроков тюремного заключения участникам собы-

тий мая—июня 1989 г., а часть их просто освободить из заключения. Тот факт, что Китай объявил об их освобождении именно тогда, когда в Вашингтоне началось обсуждение вопроса о предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования на очередной год, свидетельствовал об особой заинтересованности китайской стороны в поддержании торгово-экономических контактов с США²⁴⁸.

Кроме того, китайские власти вынуждены были выпустить из страны известного диссидента, астрофизика Фан Личжи и его супругу, которые ранее были объявлены государственными преступниками и более года скрывались в американском посольстве в Пекине²⁴⁹. США также вынудили Китай согласиться на обмен мнениями по проблеме соблюдения прав человека в КНР, хотя до этого китайские лидеры категорически отказывались обсуждать ее, заявляя, что это сугубо внутреннее дело Китая. Более того, во время визита госсекретаря США Дж. Бейкера в КНР в ноябре 1991 г. ему была предоставлена информация о состоянии дел 800 политзаключенных, которую США запросили еще в 1990 г.

В ходе этого визита китайская сторона пошла на крупные уступки США в вопросе поставок ракет и ядерных технологий в третьи страны, объявив о своем согласии придерживаться основных положений международных соглашений, определяющих порядок передачи подобной продукции за рубеж. Была достигнута договоренность о проведении двусторонних консультаций в случае продажи ракет и других видов современных вооружений иностранным государствам. Помимо этого, идя навстречу пожеланиям американской стороны, Китай согласился на подписание меморандума о взаимопонимании по вопросу запрета экспорта в США товаров, произведенных в исправительно-трудовых лагерях КНР.

Среди американских политологов и историков существуют разные мнения относительно «точки отсчета», обозначающей «крах биполярности». Одни из них полагают, что конец противостояния двух антагонистических политико-экономических систем наступил с падением Берлинской стены, хотя одновременно формально признают, что холодная война между двумя блоками «завершилась в момент официального роспуска Советского Союза — в полночь 31 де-

кабря 1991 года, когда был спущен красно-золотой флаг СССР и поднят трехцветный флаг Российской Федерации»²⁵⁰. Другие считают, что это произошло в конце 1980-х годов²⁵¹. Третьи называют рубеж 1980-х и 1990-х²⁵².

На наш взгляд, конкретную дату этого события определить невозможно, поскольку ее просто не существует. Распад биполярной системы мира на рубеже 1980-х — 1990-х годов представлял собою протяженный во времени процесс, определяющими вехами которого стали: а) прекращение действия Варшавского договора, обусловленное последовательным приходом к власти в его странах-членах правительств во главе с антикоммунистическими силами и б) «веерное» провозглашение деклараций о независимости и суверенитете республиками бывшего СССР, начиная со стран Балтии и заканчивая Беловежским соглашением между Россией, Украиной и Белоруссией, которое можно рассматривать как его финальную стадию.

Что касается отношений США с Китаем, то в определении даты краха «негласного альянса между Пекином и Вашингтоном» единодушие американских экспертов является полным: он наступил именно 4 июня 1989 г. после Тяньаньмэня. Эти же события послужили ускорением для распада «стратегического треугольника», поскольку «США уже больше не нуждались в Китае как в стратегически полезном инструменте для сдерживания и без того трещавшего по швам СССР»²⁵³. По откровенному признанию американских аналитиков, «американо-китайские отношения в период с 1972 г. до конца 1980-х годов действительно представляли собой негласный альянс — ЦРУ установило станции прослушивания в Западном Китае, недалеко от советского космодрома Байконур, США и Китай сотрудничали в разработке китайского истребителя нового поколения, США продавали Китаю суперкомпьютеры двойного (военного и гражданского) назначения и т. п. После 4 июня, когда США ввели санкции против Пекина, все это прекратилось»²⁵⁴. «В конце 1980-х годов “китайский фактор” попросту перестал существовать. После распада СССР исчез основной мотив американо-китайских отношений — стратегическое сотрудничество, нацеленное против Москвы. С точки зрения

Вашингтона, стратегическая полезность Китая ослабла, ибо оставалось все меньше возможностей использовать его для решения таких основных проблем глобальной повестки дня, как объединение Германии и Ближний Восток. При отсутствии общих стратегических интересов антисоветской направленности на передний план китайско-американских отношений вышли вопросы второго порядка — права человека, торговля, Тибет и т. п. И, наконец, наиболее серьезный вызов США усматривали со стороны Японии...»²⁵⁵.

Американцы считали, что временное ослабление России после распада СССР в 1991 г. «предоставило Китаю возможность обойти санкции на передачу военных технологий», и Китай «...стал осуществлять крупные закупки советских вооружений, ...охотно покупать российское сырье, необходимое для подпитки его бурной экономической экспансии». При этом «отношения двух стран отнюдь не являлись альянсом — скорее это было удобное партнерство», которое, тем не менее, «не стало противовесом США и не внесло каких-либо фундаментальных изменений в однополярную структуру мира, сложившуюся в начале 1990-х годов»²⁵⁶.

И хотя президент Дж. Буш-старший, пытаясь сохранить с Китаем «хорошие стратегические отношения, летом 1989 г. и несколько месяцев спустя направлял в Пекин своих эмиссаров Скоукрофта и Иглбергера, которым предстояло выправить ситуацию, однако Конгресс не принял подобных усилий и жестко призвал президента перейти к санкциям и выступить с резкой реакцией на действия китайского руководства 4 июня. ...Именно с тех пор лидеры США при определении курса двусторонних отношений с Китаем стали регулярно обращаться к вопросу прав человека»²⁵⁷.

Как известно, понятие «треугольной дипломатии» укоренилось в мировой политологии с начала 1970-х годов, а термины «баланс сил», «факторы США и Китая», характеризовавшие степень влияния и роль этих стран во взаимоотношениях формата СССР—США—КНР, заняли тогда прочное место в научной литературе и международной публицистике.

В течение 1970-х — первой половины 1980-х годов «китайский фактор» в советско-американских отношениях ассоциировался

преимущественно с так называемой единой линией Вашингтона и Пекина на сдерживание СССР и отождествлялся с важным компонентом их общей антисоветской стратегии. Несмотря на сохранявшиеся серьезные китайско-американские разногласия и противоречия, он зачастую использовался США для ослабления советского влияния на глобальном пространстве. В тот период КНР, как слабейшей в «треугольнике» стороне, отводилась роль своеобразного «балансира».

Китай, со своей стороны, часто прибегал к опоре на США как на более влиятельную и могущественную силу, блокируясь с ними для осуществления разнообразных антисоветских акций, включая, например, «ветирование» ряда инициатив СССР в ООН, бойкот московской Олимпиады, подрыв советских усилий в Афганистане, ограничение влияния Советского Союза в АТР и др. Иногда взаимодействие Китая с Америкой на почве антисоветизма ограничивалось «мягкими формами», т. е. попросту оказанием друг другу определенной моральной поддержки, но чаще носило вполне вещественный характер.

Справедливость требует, однако, признать, что и СССР подключался в ту пору к «треугольным играм», рассматривая, например, разрядку с США в первой половине 1970-х годов одновременно и как средство борьбы против маоистского Китая. Позднее достоянием гласности стали факты, касавшиеся попыток согласования Москвы с Вашингтоном возможности осуществления жестких мер в отношении КНР.

Практическими результатами «балансирования силами» в рамках «треугольной дипломатии» в тот период стали подрыв фундамента советско-американской разрядки, ослабление взаимного доверия и усиление военно-силовых компонентов во внешней политике обеих держав, что привело в итоге к новому витку гонки вооружений, возникновению «афганского синдрома» и множеству других негативных последствий.

Обобщая рассмотрение проблемы модификации взаимоотношений США, КНР и СССР/России на рубеже краха биполярной системы мира, нелишне будет взглянуть на нее глазами ряда рос-

сийских и американских политологов, углубленно проанализировавших ее в ходе двустороннего заочного «круглого стола», иницированного в 2012 г. российским журналом «Проблемы Дальнего Востока».

Так, работающий в Китае американский политолог Грэгори Мур полагал, что концепция «треугольников» не может объяснить многие моменты в отношениях между Китаем, Россией (СССР) и США, поскольку «треугольная схема — это конструкция, созданная реалистами в период холодной войны для материализации (и поддержки) их структурно уязвимых концепций, в то время как на деле отношения между тремя державами всегда носят более сложный характер, не укладывающийся в понятие “треугольника”».

Он считал, что «треугольники» без какой-либо необходимости разграничивают более широкую динамику балансирования... Более того, вне самого «треугольника» между тремя игроками, несомненно, присутствуют три диады, имеются международные организации, международные структуры и международные нормы, имеются (по Вендту) культуры анархии (на международном, региональном и двустороннем уровнях)²⁵⁸, внутренняя политика и прочие переменные факторы, оказывающие политическое влияние²⁵⁹.

Российский политолог Сергей Труш отмечал, что «каждая исторически складывающаяся “геометрическая” ситуация уникальна в той мере, в какой уникален состав этой “фигуры”, внешнеполитические ресурсы соответствующих стран и их мотивации, меняющаяся гамма их сближающих и разводящих интересов, композиция “сдержек и противовесов”, глобальный международный контекст — “фон” — их взаимодействия».

Применительно к историко-политической ситуации между США, КНР и СССР с конца 1960-х вплоть до начала 1990-х годов под «треугольником» подразумевалась, по его мнению, «конфигурация... силовых и геополитических интересов Вашингтона, Пекина и Москвы, их взаимоотношения преимущественно в сфере безопасности». Он утверждал, что «центробежные — “антимосковские” — процессы в коммунистическом блоке в период после Второй мировой войны, эволюция Москвы и Пекина до грани полномасштабного,

и, возможно, ядерного столкновения, привели к ситуации “коалиционного торга” между тремя обозначившимися “центрами силы”. Хотя этот торг проходил по каждой из осей наметившегося “треугольника”, в силу совокупности международных, внутриамериканских и внутрикитайских причин ... (он) наиболее продвинулся по линии КНР — США». По мнению Труша, «китайский “приз” этих договоренностей — ...определенные гарантии, данные Пекину в случае ядерной атаки Москвы. Америка, со своей стороны, с помощью Пекина смогла осуществить менее болезненный выход из вьетнамской войны и... значительно усилить свои переговорные позиции с Москвой, в частности по проблеме СНВ»²⁶⁰.

Со своей стороны, американский эксперт Эллис Миллер утверждал, что «в плане так называемой жесткой силы КНР по всем параметрам уступала потенциалу США и СССР. Поэтому понятие “стратегического треугольника” трех крупных держав не имело никакого смысла. Однако вступление в ООН, которое состоялось в 1971 г. с согласия США, наконец-то подтвердило легитимность КНР и позволило ей обрести статус великой державы, ставшей одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности. Это обстоятельство, наряду со становлением таких игроков, как Япония и Европейский союз, ознаменовало появление тенденции движения к многополюсному миру, которое продолжается и поныне»²⁶¹.

«Каждая из сторон (КНР и США) стремилась использовать другую в качестве противовеса Советскому Союзу. Основой такого курса должны были стать не формальные обязательства, а тождественность взглядов и подходов их руководителей... Сознательная неопределенность, придаваемая сторонами характеру и содержанию реально достигавшихся договоренностей, составляла основное содержание “треугольной дипломатии”, — подчеркивал российский исследователь Юрий Дубинин. — Эта неопределенность вызывала подозрения Москвы, однако — вопреки ожиданиям Пекина — не усиливала напряженность в советско-американских отношениях. Более того, советско-американские отношения — особенно в первой половине 1970-х годов — были существенно более содержательными и продуктивными по охвату обсуждавшихся проблем и реаль-

но достигнутым результатам, чем контакты между США и КНР. Позиция КНР в “треугольнике” была в то время наиболее слабой, что особенно реально выявилось в середине 1970-х годов... Ближе к концу 1970-х годов, по мере нарастания внешнеполитической активности СССР в различных регионах третьего мира, ...руководители КНР и США восприняли “советскую угрозу” как сигнал к своему дальнейшему сближению»²⁶². Можно констатировать, полагал эксперт, что ближе к середине 1980-х более активно играть в “треугольную дипломатию” начали китайские руководители, повышая в ней свою роль и значение и демонстрируя значительно возросшую активность в “треугольнике»²⁶³.

По мнению американского политолога Лоуэлла Дитмера, «стратегический треугольник» создал преимущества для всех трех сторон, ибо остановил эскалацию двустороннего спора и в то же время позволил США добиться уступок от обеих спорящих сторон, ибо каждая из них «ревниво» опасалась, как бы соперник не заключил с Вашингтоном более выгодную сделку.

В то же время формирование «треугольника» помогло закончить холодную войну в Азии раньше, чем в Европе, поскольку основанное на антикоммунизме враждебное отношение к КНР сублимировалось в общую навязчивую идею об угрозе со стороны «полярного медведя»²⁶⁴.

С ним категорически не согласен известный российский китаевед Андрей Крушинский-ст., который считает, что «в течение десятилетий [существования “треугольника”] каждая из трех сторон исходила из субъективно трактуемых национальных интересов. Мировая архитектура становилась все менее стабильной, и американо-китайское сближение в конце 1970-х годов оказалось не менее серьезным потрясением, нежели “тибетский кризис”. ...Если Никсон с Киссинджером, балансируя между Пекином и Москвой, взяли на вооружение “треугольную дипломатию”, то Мао был бескомпромиссен. Через три недели после первого визита Киссинджера (в Китай) его идеологический рупор, журнал “Хунци”, призвал: «КНР должна объединиться с “врагом № 2” — США, чтобы изолировать и разбить “врага № 1” — СССР. Последнему пришлось держать обо-

рону на двух фронтах, и в этом, возможно, таятся корни его поддержки Вьетнама, укрепления военной группировки в МНР, вторжения в Афганистан»²⁶⁵.

Российский военный эксперт Анатолий Болятко полагает, что «в 1970-е годы Китай в поисках самостоятельной роли в мире начал претендовать на место, равноправное положению “сверхдержав”, выбрал образ неконфронтационного “полюса”, находящегося на меньшем расстоянии от “разнозаряженных полюсов” — Соединенных Штатов и Советского Союза, чем расстояние, разделяющее их самих. В этом заключалась суть установки на проведение “независимой и самостоятельной внешней политики”, которую в тот период можно было назвать политикой “свободного балансирования” в “треугольнике” СССР—КНР—США»²⁶⁶.

По мнению видного российского дипломата, специалиста по проблемам внешней политики КНР и США Юрия Трифонова, подытожившего «треугольную линию» во взаимоотношениях трех держав, «Пекин довольно скоро убедился, что США не намерены заходить слишком далеко в своих отношениях с КНР, продавать Китаю необходимые ему виды вооружений, передавать современную технологию военного применения. США, к тому же, ...продолжали осуществлять крупные продажи оружия Тайваню».

К началу 1980-х годов во внутренней и во внешней политике КНР стали происходить серьезные изменения в сторону прагматизма и реализма. Переломное значение для судьбы Китая имел декабрьский (1978 г.) пленум ЦК КПК, взявший курс на стабилизацию обстановки в стране, проведение необходимых реформ, для осуществления которых она нуждалась в мирных внешних условиях. На первый план вышел известный тезис Дэн Сяопина о мире и развитии как главной тенденции современной эпохи.

Состоявшийся в сентябре 1982 г. XII съезд КПК закрепил три основополагающих принципа в политике КНР — «независимость, самостоятельность и опору на собственные силы». Был подчеркнут отказ от установления союзнических отношений или стратегического сотрудничества с какой-либо из «сверхдержав», определен курс на улучшение и развитие взаимовыгодных связей со всеми странами

мира, включая СССР и США, на основе пяти принципов мирного сосуществования»²⁶⁷.

После распада Советского Союза, не выдержавшего груза взятых на себя обязательств в результате ряда просчетов, допущенных советским руководством, Китай одним из первых признал Россию полноправным правопреемником СССР, что имело особое значение для нашей страны в условиях проводившейся внешними силами политики давления на Россию в целях ее дальнейшего ослабления. Два государства — Россия и Китай — встали на путь взаимодействия и расширения сфер сотрудничества.

2.3. США, КНР и Россия на путях глобализации: монополярность или полицентричность

После распада СССР США утвердились в качестве единственной сверхдержавы, а Китай оказался в роли крупнейшей социалистической страны. Практически одновременно в КНР активизировалось обсуждение темы установления нового политического и экономического порядка в мире. С одной стороны, это выглядело естественной реакцией на жесткую изоляцию и политику «сверхсдерживания» Китая со стороны Запада, а с другой — как его обостренное желание заявить о своих притязаниях на более весомую, по сравнению с прежней, глобальную роль.

По существу сама идея установления нового международного порядка принадлежала Дэн Сяопину и была озвучена им еще в середине 1980-х годов. В ее основу были положены хорошо известные пять принципов мирного сосуществования, провозглашенные совместно Китаем и Индией в 1954 г. В создавшихся новых условиях эти «старые китайские принципы» были дополнены принципами «антигегемонизма», «мирного разрешения международных конфликтов», «отказа от экспорта революции и контрреволюции», «равной безопасности», «равенства интересов», «деидеологизации международных отношений» и рядом других. Для функционирования нового порядка предлагались демократические и исключительно по-

литические методы, не допускающие любых форм диктата и дискриминации, обеспечивающие приоритет переговорных форм над военными, демилитаризацию и сокращение вооружений, оборонительный паритет на низком уровне, равную для всех стран систему безопасности и т. д.

Важно, пожалуй, то, что впервые в своей истории Китай представил для практической реализации концепцию построения нового международного порядка, обладающую определенной универсальностью и фактически лишённую идеологического компонента, подразумевающего антагонистическое деление мира на противоборствующие лагеря. Он предложил Соединённым Штатам лишь несколько умерить свои аппетиты, не загонять в угол других основных участников мирового процесса, максимально демократизировать международные отношения и поделить своей ответственности за решение мировых дел. США ответили на это потоком заявлений о незыблемости руководящей и лидирующей роли Америки в мире и усилением гегемонистских тенденций в своей внешней политике.

В ходе выборной кампании 1992 г. в США оба претендента на пост президента — республиканец Дж. Буш-старший и демократ Б. Клинтон — занимали достаточно жесткую позицию по вопросу о Китае. Однако уже через год после своего избрания Клинтон провозгласил политику «вовлечения» Китая, противопоставив ее курсу на «сдерживание». С момента провозглашения эта политика стала объектом ожесточенной критики со стороны Конгресса США и консервативной части американского истеблишмента.

Поворот в американской политике в отношении КНР определялся, прежде всего, ростом экономического и политического влияния Китая на региональном и на глобальном уровнях. Несмотря на сохранявшиеся между двумя странами серьезные политико-идеологические расхождения, объективный вектор их интересов совпадал на многих направлениях.

Курс на «вовлечение» Китая, начатый администрацией Клинтон в 1993 г., был обусловлен, как утверждает российский исследователь М.Г. Носов, четким пониманием ряда моментов: «во-первых,

...рост политического и экономического влияния Китая... требовал адекватной реакции со стороны Вашингтона. В важном для себя азиатском регионе США должны были сохранить лидирующие позиции и обеспечить стабильность. Сделать это без достаточно высокого уровня взаимодействия с Китаем было бы невозможно. Во-вторых, даже если бы Вашингтон принял решение начать политику «сдерживания» Китая, ему пришлось бы это делать, опираясь исключительно на собственные силы... Государства, связанные с США союзническими отношениями, вряд ли заинтересованы в изоляции Китая и начале нового витка конфронтации. В-третьих, в принципе США могут позволить себе строить отношения с КНР на основе конфронтации, ...однако уникальность ситуации заключается в том, что конфронтации с Китаем можно избежать, приложив определенные политические усилия»... «если мы [США] будем относиться к Китаю как к врагу, он им станет. Сдерживание необратимо, тогда как вовлечение может быть заменено на сдерживание в случае неблагоприятного развития событий»²⁶⁸.

Вместе с тем, по крайней мере, до середины 1990-х годов Китай не воспринимался Соединёнными Штатами как равноправный партнер на мировой арене. Двусторонние американо-китайские отношения прошли за это время через полосу кризисов, самым напряженным из которых стал кризис 1996 г. в Тайваньском проливе. По мнению китайских исследователей, после периода «псевдостратегического партнерства 1980-х годов китайско-американские связи в первой половине 1990-х находились на этапе «холодной конфронтации»²⁶⁹. С середины 1990-х годов, считают они, стороны были заняты поисками стратегического вектора своих взаимоотношений. К тому времени как Китай, так и США уже четко осознавали, что перспектива «лобового столкновения» в результате взаимного недоверия выглядит угрожающе.

В КНР, видимо, раньше, чем в России, поняли, что внешняя политика страны должна строиться не на базе той или иной идеологии, а на основе национальных интересов. А у Китая всегда сохранялся серьезный интерес к установлению нормальных отношений с Соединёнными Штатами. Еще в 1993 г., во время своей первой встречи

с президентом Б. Клинтон Председатель КНР Цзян Цзэминь предложил установить между двумя странами «конструктивную связь», рассчитанную на следующее столетие. Китай полагал, что такая связь могла иметь для него жизненно важное значение, поскольку оказывала бы прямое влияние не только на весь спектр внешних контактов страны, но и на ее общую стратегию развития в XXI веке. Однако в то время администрация Клинтона, совсем недавно пришедшая к власти в США, переживала двойную эйфорию — от победы на выборах и в холодной войне — и не смогла реально оценить китайские предложения и адекватно отреагировать на них. Естественным ответом Пекина на американскую сдержанность стал поиск стратегического партнера на другом направлении и обретение его в лице России.

Развитие отношений США с Китаем на основе политики «вовлечения», несмотря на все кризисы этого периода, оказалось, тем не менее, выгодным для Вашингтона. Китай продолжал постепенное продвижение в направлении рыночных реформ, а его экономика не прекращала развития даже в условиях азиатского финансового кризиса. Расширение экономических связей между двумя государствами создало достаточно прочный фундамент для укрепления их отношений.

Для общих принципов и подходов китайской дипломатии к строительству внешних связей страны характерны многонаправленность и постепенность, так называемое продвижение вперед шаг за шагом. По мнению китайцев, доверие между государствами должно выстраиваться, начиная с относительно простых вопросов, когда общие интересы уже не могут перевешивать возможные расхождения. Военные меры доверия, считают китайские внешнеполитические эксперты, не дадут больших результатов, если не будут сопровождаться общим усилением доверия в двусторонних отношениях.

Именно на постепенное строительство такого доверия и была в основном направлена политика Китая в отношении США на протяжении второго срока пребывания президента Б. Клинтона в Белом доме (1997—2001 гг.). В самих Соединенных Штатах к середине 1990-х годов стали глубже осознавать важность стабильных отноше-

ний с КНР для собственных национальных интересов, чему способствовали, по мнению китайских политологов, три основные причины:

- стремительный рост комплексной мощи Китая;
- понимание серьезности проблемы взаимоотношений с КНР для будущей внешней политики Вашингтона;
- осознание того, что нестабильность в отношениях с Пекином не только наносит ущерб глобальным стратегическим интересам США, но и вызывает недовольство внутри страны²⁷⁰.

В Вашингтоне пришли к выводу о необходимости дать новый старт отношениям с КНР, выработать новые стратегические рамки для долгосрочных связей и поставить на повестку дня стратегический диалог с Пекином. При этом в Пекине было замечено изменение характера заявлений по поводу Китая, исходящих из Вашингтона: они стали более позитивными. Устами должностных лиц новой администрации Клинтона подчеркивалось, что в основе американо-китайских отношений должны лежать три совместных коммуникатора 1972, 1979 и 1984 годов; что американским интересам лучше служит роль Китая, соизмеримая с его весом в международных делах, чем изоляция этой страны; что жизненно важное значение для всестороннего американо-китайского диалога имеет механизм диалога на высшем уровне; что Китай является одной из ключевых стран в американской внешней политике, а углубление и расширение отношений с ним станет ключом к стабильности и процветанию в XXI веке; что разносторонние отношения с КНР соответствуют долгосрочным стратегическим интересам США, а стабильное и конструктивное американо-китайское стратегическое партнерство необходимо для глобального мира²⁷¹.

Изменение подходов к КНР выразилось у американской администрации в пяти следующих аспектах:

1. Вторая администрация Клинтона, по сравнению с первой, в своих взаимоотношениях с Китаем стала отдавать предпочтение совпадающим интересам, а не расхождениям, уделяя основное внимание поискам общего языка и расширению сотрудничества, а не бесконечным спорам по имеющимся разногласиям.

2. США стремились избегать того, чтобы какой-либо отдельный вопрос оказывал негативное влияние на отношения с КНР в целом.

3. Вашингтон стал уделять больше внимания игнорировавшимся ранее официальным встречам на высшем уровне и регулярным консультациям на уровне министров.

4. США начали энергично содействовать участию Китая в многосторонних международных механизмах, стремясь к тому, чтобы КНР стала «ответственной страной», соблюдающей правила международного поведения.

5. Расширяя контакты с Китаем, США, тем не менее, сохраняли в подходах к нему чрезвычайную осторожность и, предлагая ему максимальные возможности для сотрудничества, одновременно вынашивали планы, направленные на его ослабление.

В целом же во второй срок своего президентства Клинтону удалось устоять перед накатом антикитайских волн внутри самих Соединенных Штатов и сохранить преемственность в китайской политике. В этих условиях в политикоформирующих слоях американской элиты стало преобладать понимание того, что конфронтация с КНР в принципе противоречит интересам США, а сдерживание делает Китай врагом и изолирует Вашингтон в Азии, поэтому самым выгодным для американцев является развитие сотрудничества и активное проведение по отношению к Китаю «политики вовлечения»²⁷².

Что касается КНР, то там, несмотря на весьма прохладные отношения с клинтоновской администрацией в первый период его президентства, очевидно, все же делали ставку на продолжение взаимодействия именно с демократами. В пользу этого могут косвенно свидетельствовать широко освещавшиеся в то время в открытой печати факты о якобы имевших место косвенных попытках китайской стороны влиять на исход президентских выборов в США в 1996 г. путем внесения денежных пожертвований в избирательный фонд Б. Клинтона. Хотя прямого подтверждения эти данные так и не нашли, но, как известно, «дыма без огня не бывает».

После очередной победы Клинтона на выборах, в причастности к обеспечению которой его противники пытались обвинить Китай,

Пекин резко активизировал свои шаги на американском направлении, что привело к быстрому достижению договоренности о визите в США Председателя КНР Цзян Цзэмина, который состоялся в октябре—ноябре 1997 г.

В совместном американо-китайском заявлении, принятом по итогам вашингтонского саммита, несмотря на констатацию серьезных разногласий по вопросу о правах человека, говорилось о большом потенциале двустороннего сотрудничества в таких областях, как «поддержание глобального и регионального мира и стабильности; содействие мировому экономическому росту; предотвращение распространения оружия массового уничтожения; расширение регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе; борьба с незаконным распространением наркотиков, международной организованной преступностью и терроризмом; укрепление двусторонних обменов и сотрудничества в экономическом развитии, торговле, правовой области, охране окружающей среды, энергетике, науке и технологиях, образовании и культуре; завязывание обменов между вооруженными силами двух стран»²⁷³.

Ответный визит Б. Клинтона в КНР в июне 1998 г. еще более конкретизировал сферы сотрудничества в отношениях между двумя государствами. В политической сфере стороны взяли обязательство содействовать миру и безопасности во всем мире и в АТР и обеспечивать смягчение напряженности. Общее понимание было достигнуто в вопросах о предотвращении распространения оружия массового поражения, улучшении охраны окружающей среды, борьбы с международной преступностью, контрабандой наркотиков и международным терроризмом. Было заявлено о расширении обменов и сотрудничества в области торговли и экономики, науки, образования, права и в военной сфере. В коммюнике, подписанном в Шанхае, Клинтон объявил об американской политике «трех нет» в отношении Тайваня²⁷⁴.

Стороны заявили о взаимном ненацеливании стратегического ядерного оружия и обнародовали три совместных заявления о пакете по химическому оружию, вопросу о противопехотных минах и о ядерной проблеме в Южной Азии. В марте 1998 г. США впервые с

1990 г. не предложили антикитайскую резолюцию на сессии Комиссии ООН по правам человека. А в июле того же года Б. Клинтон не только способствовал прохождению в Конгрессе США решения о предоставлении Китаю постоянного статуса наибольшего благоприятствования в торговле взамен ежегодно возобновляемого, но и связал это с «нормальными торговыми отношениями», поставив точку в почти 10-летних спорах в США по этому вопросу.

В сфере безопасности стороны активно добивались делового сотрудничества и координации в вопросах сохранения стабильности в АТР, энергично стремились к прогрессу на четырехсторонних переговорах по проблеме Корейского полуострова и обратили серьезное внимание на влияние ядерных испытаний Индии и Пакистана на региональную стабильность в Южной Азии. В январе 1998 г. было заключено соглашение о создании механизма консультаций между КНР и США по вопросу об усилении военной безопасности на море. В сентябре министры обороны двух стран провели консультации о проведении в жизнь достигнутого главами государств взаимопонимания о военном сотрудничестве и обменах, определив целый ряд конкретных мер в этом направлении.

В области экономики Китай и США достигли широкого взаимопонимания по вопросу о финансовом кризисе 1997—1998 гг. в Азии и содействии экономическому росту в АТР и во всем мире, считая что в новых условиях быстрого развития процесса глобализации экономики всем странам необходимо постоянно совершенствовать систему макроэкономического регулирования, своевременно корректировать структуру экономики, совершенствовать режим финансового контроля, бороться с финансовыми рисками. Стороны согласились укреплять стратегический диалог в экономике и финансах.

Усилия, которые приложили КНР и США в 1997—1998 гг. для углубления связей в указанных областях, показали, что процесс установления так называемых конструктивных отношений стратегического партнерства, к которым они стремились, задал некие определенные рамки их двусторонним связям, внутри которых общие интересы выступали на первый план, параллельные стратегические

цели уточнялись, что само по себе содействовало дальнейшему углублению взаимоотношений.

Трагические события мая 1999 г., связанные с бомбардировкой посольства КНР в Югославии, несколько затормозили «набор высоты» в процессе китайско-американского сближения. Многотысячные демонстрации осаждали представительства США в Пекине и Шанхае, китайская диаспора вышла к посольствам США в европейских и азиатских столицах. Официальный Пекин отказался выслушать извинения: Цзян Цзэминь не отреагировал на предложение Клинтона поговорить по линии «горячей связи», а ответить на письменные извинения американского президента поручил министру иностранных дел Тан Цзясюаню. Китайцы отменили визит министра обороны США в Пекин, прервали переговоры по нераспространению ядерного оружия и контролю за обычными вооружениями, а также консультации по правозащитной тематике.

Однако на созванном по требованию Китая экстренном заседании Совета Безопасности ООН китайская резолюция с осуждением бомбардировки посольства была провалена. В тот же день министр обороны США Уильям Коэн заявил в сенатском комитете по обороне, что Китаю «придется найти способ снять напряжение», возникшее в двусторонних отношениях, иначе США прекратят продавать ему высокие технологии. Выступая по американскому телевидению, бывший госсекретарь США Генри Киссинджер заявил, что поднявшие голову пекинские «ястребы» хотят использовать этот повод для замораживания двусторонних отношений и власть поддается давлению внутренней оппозиции.

Через несколько дней пикеты демонстрантов у посольства США в Пекине были сняты, а официальные китайские лица смягчили свой тон. В американской печати появились сообщения о том, что Китай ведет дипломатическую торговлю с США и в качестве «отступного» за налаживание отношений предложил американской стороне посодействовать ему в приеме во Всемирную торговую организацию, исключить Тайвань из финансируемой США программы создания оборонительного «зонтика» над Азией и замять скандал с китайским шпионом, работавшим в одной из секретных атомных

лабораторий в Нью-Мехико и регулярно поставлявшим Пекину новейшие американские разработки.

Политика США по отношению к Китаю во второй половине 1990-х годов разрабатывалась Вашингтоном с учетом особенностей внешнеполитических постулатов и концепций Пекина. Американцы отчетливо помнили, что в свое время курс Дэн Сяопина по отношению к Западу, и в частности к США, выражался в формуле «не проявлять инициативы, не наносить удара первым, но уничтожать противника ответным ударом». Дэн предлагал временно умиротворять США крупными уступками и получать, таким образом, максимум пространства для маневра. Цзян Цзэминь развил эту тактику своей политикой улучшения отношений с Америкой. Он неоднократно подчеркивал, что в международной ситуации произошли значительные перемены и объективная реальность требует укрепления и расширения взаимовыгодного китайско-американского сотрудничества, разрешения разногласий путем компромиссов, укрепления взаимного доверия. Поэтому формулу «при соперничестве теряем оба» китайский лидер предложил трансформировать в формулу «при разделе выигрываем оба», которая предполагала, что сдерживание военной и экономической модернизации Китая для США обходится дорого и не даст желаемого результата. Признание же за КНР ведущей роли в регионе может сэкономить Вашингтону силы, ресурсы и сохранить традиционные сферы влияния.

Основное содержание американской политики китайского руководства достаточно подробно анализировалось многими ведущими политологами США, среди которых определенным интерес представляет подробное исследование К. Холсти²⁷⁵, выделившего следующие четыре аспекта этой политики.

1. Направленность на неприсоединение и мирное сосуществование.
2. Роль государства, заключающуюся в поддержании мира, развитии экономики и торговли.
3. Цель, состоящую в построении богатого и сильного Китая при сохранении господствующего положения КПК.

4. Действия, выражающиеся в укреплении торгово-экономических отношений при недопущении вмешательства во внутренние дела Китая.

Комментируя эти аспекты, автор подчеркивал, что китайское руководство стремится всеми путями избежать противостояния с США, сохранять с ними отношения мира и сотрудничества, стержнем которых являются экономика и торговля, но не военное взаимодействие. Именно на торгово-экономическом сотрудничестве и должны, по замыслу китайских лидеров, базироваться неприсоединение и мирное сосуществование. Перед американцами китайское руководство выступало как защитник мира и экономический партнер, считая, что роль одного из важнейших гарантов мира и стабильности в Азии и во всем мире Китай должен исполнять вместе с США. По мере развития ситуации торгово-экономические отношения, согласно утверждениям К. Холсти, становились побочным продуктом стратегического партнерства, хотя экономическая зависимость США от Китая с каждым днем усиливалась.

Он подчеркивал, что китайские коммунисты преследуют в отношении США свои высшие государственные интересы и всеми силами стараются избежать процесса «мирного перерождения», который произошел в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Рассчитывая на экономическую помощь со стороны США, они, тем не менее, не допускают иностранного вмешательства во внутренние дела. Заметные достижения в повышении жизненного уровня населения, по их замыслу, помогут компартии сохранить свое господствующее положение и создать более прочный фундамент для полного объединения страны.

Интересам китайских лидеров, таким образом, отвечают экономические связи, а вопросы прав человека, политической системы и Тайваня вызывают у них раздражение. Эти два аспекта, подчеркивал К. Холсти, четко различаются с точки зрения предпринимаемых ими действий: активное развитие торговых связей и получение режима наибольшего благоприятствования в торговле, с одной стороны, и призывы к США не вмешиваться во внутренние дела Китая,

не поднимать вопросы прав человека и демократизации, не поддерживать международную активность Тайваня, с другой²⁷⁶.

Тайваньская проблема всегда стояла в американо-китайских отношениях особняком. Не стали исключением и годы пребывания у власти администрации Клинтона.

Выступая 15 января 1997 г. на встрече с американскими конгрессменами, Цзян Цзэминь подчеркивал, что «тайваньский вопрос в отношениях между КНР и США является ключевым, поскольку он касается суверенитета, территориальной целостности, великого дела объединения Китая и затрагивает чувства 1,2 млрд китайцев».

Объявляя во время своего визита в Китай в следующем году о политике «трех нет» в отношении Тайваня, Б. Клинтон дал понять китайской стороне, что США не возражают против продолжения поиска наиболее оптимальной политики в отношении острова и материка, что без сомнения выглядело как нажим на тайваньские власти в связи с их негативной позицией и поползновением к сепаратизму. Однако при этом США фактически включили тайваньскую политику в рамки своей стратегии в АТР, еще больше привязали проблему Тайваня к проблеме региональной стабильности, и их основная позиция по тайваньскому вопросу практически не претерпела никаких существенных изменений.

По утверждениям американских политологов, суть китайско-американских противоречий по тайваньской проблеме состояла в том, что КНР рассматривала Тайвань как неотъемлемую часть «большого Китая», полностью подпадающую под общую юрисдикцию центрального правительства в Пекине, а все дела, связанные с ним, — относящимися к сфере «внутрикитайских дел», в которые не должно быть никакого доступа извне. США же пытались сохранить Тайвань в качестве составного элемента своей экономической системы и общей системы безопасности в АТР. Они уже не акцентировали, как прежде, внимания на стремлении Пекина к «идеологическому поглощению» Тайваня и присоединению его к «анклаву коммунизма», поскольку, по определению З. Бжезинского, «в Китае коммунистическая система все больше превращается в идеологию олигархической националистической государственности»²⁷⁷. Поэто-

му с определенной уверенностью можно было утверждать, что преобладающим в стремлении Китая взять под контроль Тайвань являлся, наряду со стратегическим и экономическим, именно национально-государственный, а вовсе не идеологический фактор. Тем более, что за последние 20 с лишним лет КНР на все выпады в свой адрес со стороны США всегда мобилизовывала нацию на национально-патриотической, а отнюдь не на классово-идеологической основе. Отсюда следовал вывод, что компонент в форме «империализм-коммунизм» в китайско-американских отношениях практически сводился к нулю. Хорошей иллюстрацией терпимости руководства КНР к некоему подобию идейно-политического плюрализма стали примеры Гонконга и Макао, возвращенных в лоно Родины на основе принципа «одна страна — две системы». Пекин активно занялся «собиранием земель», которые, по его убеждению, принадлежали или должны по праву принадлежать китайской нации, игнорируя или сглаживая в ходе этого процесса возникающие идеологические шероховатости. Со своей стороны, США с большой настороженностью и подозрением продолжали следить за этим «собиранием», которое Вашингтон квалифицировал как попытки очередного воссоздания «великой китайской империи».

Кроме тайваньской, в период президентства Клинтона у КНР и США сохранялись острые расхождения и по некоторым другим проблемам, включая вопросы прав человека, торгово-экономических отношений и безопасности.

Следует отметить, что во второй срок нахождения администрации Клинтона у власти на сессиях Комиссии ООН по правам человека США в основном воздерживались от внесения «антикитайских» резолюций. Между двумя странами состоялся диалог на тему прав человека, правительство Китая поставило свою подпись под Пактом ООН по вопросу этих прав. Все это временно смягчило китайско-американский антагонизм в указанной области. Однако внимание США переключилось с этой проблемы на стимулирование реформы китайской политической системы и исполнение требования приведения ее в соответствие с западными образцами в качестве «обязательной предпосылки» модернизации Китая.

Финансовый кризис 1997 г. в Восточной Азии возложил на плечи Китая гигантское бремя. Положительно оценив китайский вклад в стабилизацию экономики в регионе, по двум аспектам США продолжали прессинговать Китай. С одной стороны, подчеркивалось увеличение и без того гигантского дефицита США в торговле с КНР, а с другой — клинтоновской администрацией была занята достаточно жесткая позиция по вопросу вступления Китая во Всемирную торговую организацию

В сфере обеспечения безопасности американцы усилили контроль над экспортом искусственных спутников в Китай. Конгресс США принял ряд законопроектов об ограничении китайско-американского сотрудничества в космосе, взял под контроль экспорт в КНР компьютеров и другого точного оборудования. В Восточной Азии США продолжали усиливать двусторонние связи со своими военными союзниками по региональным блокам. В Северо-Восточной Азии, несмотря на резкое противодействие Китая, Вашингтон продвигал военное взаимодействие с Японией и осуществление проекта противоракетной обороны театра военных действий.

Все вышеупомянутые проблемы свидетельствовали о том, что китайско-американские отношения серьезно страдали дефицитом доверия. По мнению китайской стороны, он проистекал из внутренней противоречивости целей американской стратегии в отношении КНР. Мистическое стремление американцев «изменить Китай», которое было присуще им на протяжении более 150 лет поддержания контактов с этой страной, несколько не ослабло за последние десятилетия американо-китайских связей, прошедшие после установления дипотношений между США и КНР.

Такой настрой особенно резко усилился в США по мере возвышения Китая на международной арене. Смысл клинтоновской стратегии всесторонних контактов с КНР был явно нацелен на то, чтобы втянуть эту страну в систему так называемой политической глобализации, подразумевающую, что «стабильный, открытый, безопасный, процветающий, неагрессивный, ответственный и соблюдающий международные нормы» Китай, «принимая рыночную экономику, политический плюрализм и правовое правление», мог бы быть

допущен в западную мировую систему, возглавляемую США, и подчинялся бы действующим международным нормам, разработанным главным образом западными державами.

Однако процесс реформ и расширения внешних связей в КНР всегда исходил из специфически китайских особенностей и национальных интересов, и любые внешние факторы никогда не имели в нем решающего значения или влияния. Для Китая была тем более невозможна та конвергенционная модель, на которую уповали в Соединенных Штатах. Китайское руководство исходило из того, что двухполюсная система прекратила свое существование с окончанием холодной войны и мир находится на переходном этапе к многополюсности. Это означало, что КНР не признает гегемонии США в международной политике и стремится к построению мирового порядка, основой которого станут пять принципов мирного сосуществования. При этом Китай признает, что с окончанием политического и военного блокового противостояния в международной жизни будет возрастать роль экономических факторов, будут увеличиваться различия между развитыми и развивающимися странами и в международных отношениях сохранится множество противоречий, основные из которых будут лежать в области мира и развития, а их субъектами станут многие страны, а не какая-либо определенная страна.

Вполне естественно, что когда «американский идеализм» вступал в противоречие с «китайским реализмом» в условиях преобладания прагматических мотивировок как с одной, так и с другой стороны, у них возникали дистанцирование и противоречивость в концептуальных подходах. Поэтому при Клинтоне в политике США в отношении КНР поиск равновесия осуществлялся трудно. Даже при углублении стратегического сотрудничества и диалога американцы не забывали о своей фундаментальной цели — добиваться внутренних изменений в Китае, стремясь, по словам М. Олбрайт, «помочь китайскому народу осознать конкретную практику демократии и уменьшить исходящее от правительства сопротивление новым воззрениям»²⁷⁸.

Как отмечалось выше, после дезинтеграции СССР в 1991 г. произошло существенное изменение соотношения сил и интересов в

рамках «стратегического треугольника» Россия—КНР—США. Процесс их «перегруппировки» осуществлялся, в частности, и в период пребывания у власти в Вашингтоне администрации Б. Клинтона. Соединенные Штаты оказались в положении единственной сверхдержавы, поэтому имевшийся на их стороне несомненный перевес сил и отсутствие внешних сдерживающих факторов оказали заметное воздействие на подход Вашингтона к решению международных проблем. При этом особенно упростилось принятие решений о применении силы, заметно повысился удельный вес военных решений, принимаемых в международных организациях под давлением США.

Изменился также международный вес КНР, впечатляющие успехи которой в развитии экономики, науки, техники, военной отрасли за годы реформ вывели ее в число главных держав мира и позиционируют как грядущую сверхдержаву XXI века, способную в потенциале принять на себя осуществлявшиеся прежде СССР сдерживающие функции.

Что касается России, то она вошла в международное сообщество с урезанными по сравнению с СССР геополитическими параметрами, проводя в период становления новой государственности идеологизированную (антикоммунистическую) внешнюю политику, зачастую пренебрегая прежними союзниками и усугубляя свою уязвимость для внешних давлений. В этот момент стремление Пекина к укреплению отношений с Москвой могло объясняться желанием обеспечить континентальный тыл перед лицом противоречий с США.

Россия и Китай объявили об установлении отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, в апреле 1996 г. во время очередного визита Президента РФ Б. Ельцина в КНР, т. е. в тот самый момент, когда США находились на пике своей эйфории от выигранной холодной войны. К тому времени российско-американские отношения, которые в начале 1990-х годов искусственно, в декларативной форме были возведены в ранг стратегического партнерства, вступили в период стагнации и топтания на месте. Отношения же между Китаем и Америкой после тайваньского кризиса 1996 г., когда они достигли своей нижней точки, только начали «выкарабкиваться

из трясины». Как раз в этот момент Пекин обратил пристальные взоры на Россию, которая пребывала в определенной политической изоляции, вынужденная сопротивляться попыткам объединенных сил США и НАТО ограничить ее влияние на Балканах, пресечь взаимодействие с бывшими восточноевропейскими союзниками и противопоставить ее Европе и всему Западу в результате расширения Североатлантического блока на Восток, непосредственно к ее границам.

И хотя обе страны, объявляя о своем решении, официально провозгласили, что такое партнерство не будет носить характера союза и не направлено против третьих стран, американская политэлита закономерно восприняла установление подобных отношений как, не в последнюю очередь, проявление реакции России и Китая на рельефно оформившееся на тот момент стремление США быть единственным и неоспоримым мировым лидером.

В своем анализе американцы исходили из того, что побудительным мотивом, заставившим Россию искать сближения с Китаем, стала утрата ею после развала социалистической системы того господствующего места, которое занимал бывший СССР в политических приоритетах США, все больше склонявшихся теперь рассматривать ее как второстепенную державу во всех сферах международных отношений, за исключением военно-стратегической, по причине хотя и сокращающегося, но все еще огромного ракетно-ядерного потенциала.

Что касается Китая, то вступить в стратегическое взаимодействие с Россией, по мнению американских аналитиков, его заставило недовольство тем, «как ведут себя США в Азиатско-Тихоокеанском регионе», и стремление изменить соотношение сил в Азии в собственную пользу. Не последнюю роль в решении Пекина сыграл и Тайвань — «главный раздражитель» в американо-китайских отношениях, особенно после того, как США обозначили свое намерение подключить остров к планируемой ими системе ПРО ТВД.

В своем последнем в качестве президента США послании Конгрессу о положении в стране, зачитанном в январе 2000 г., Б. Клинтон упомянул Россию и Китай в одной связке, охарактеризовав их

как страны, которые еще недавно были соперниками Америки на мировой арене, но пока не смогли полностью реализовать свой потенциал²⁷⁹. Бывший помощник Клинтона по национальной безопасности С. Берегер приблизительно в то же самое время назвал Россию и КНР «бывшими великодержавными противниками» США, угроза от которых кроется «как в их внутренней слабости или регрессе, так и в их внешней силе». Он признался, что за 8 лет своего правления демократическая администрация так и не определилась, в состоянии ли она просто регулировать «границы приемлемого внешнеполитического поведения» этих стран или должна также стремиться влиять «на развитие их внутренней жизни»²⁸⁰.

Подобные заявления, исходившие от американской администрации, однозначно истолковывались Москвой и Пекином как стремление США навязать им свою волю и во многом были причиной российско-китайских деклараций об американских гегемонизме и нацеленности на построение однополюсного мира. «Китай нисколько не принижает роль США в мире ни в экономическом, ни в научно-техническом и культурном планах, — заявлял в одном из своих интервью председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Ли Пэн, — однако Китай и большинство стран мира не могут согласиться с заявлением США о том, что они должны руководить миром. КНР не может мириться с тем, что Америка вмешивается во внутреннюю политику других стран. США всегда стремились поставить свои законы над международным правом и требуют, чтобы другие государства принимали их. В этом и состоят наши разногласия с Соединенными Штатами», — подчеркивал он.

Испытывая естественную неудовлетворенность и сожаление по поводу утраченного положения в мире и подхватывая, в противовес США, исходящую из Пекина идею продвижения к мировой многополярности, в Москве не придали серьезного значения тому, что если трактовать многополярность как антитезу глобализации, что вполне логично, то Пекин на деле не очень-то стремился к ней, отдавая предпочтение скорейшей интеграции в существующие мировые структуры, контролируемые преимущественно Западом. Рато-

вать за нее его во многом подвигли сугубо антикитайские выпады со стороны США, как, например, бомбардировки посольства КНР в Белграде, но отнюдь не агрессия против Югославии, не санкционированная ООН. Впрочем, против нее тогда открыто не смела выступать и Россия.

Последнее обострение американо-китайских отношений в период правления Б. Клинтона вызвала межпартийная борьба в США в рамках президентской кампании 2000 г. В качестве одной из главных мишеней для критики администрации демократов республиканские оппоненты избрали ее политику в отношении КНР.

В мае 1999 г. сенатской комиссией Шелби были опубликованы «Доклад по воздействию на национальную безопасность США экспорта в Китай передовых спутниковых технологий» и «Доклад об усилиях КНР по воздействию на политику США»²⁸¹. В том же месяце комиссия Кокса обнародовала в палате представителей Конгресса «Доклад об угрозах со стороны Китая военной и коммерческой безопасности США»²⁸². Все доклады, обвинявшие Китай в нанесении ущерба американской безопасности, косвенно были направлены против политики администрации Клинтона. Фактически в этих документах Китай был представлен набирающим все большую силу соперником США, а не участником «конструктивного стратегического партнерства».

Длинный список претензий, предъявлявшихся Пекину, включал агрессивные намерения в отношении Тайваня, нарушение прав человека, распространение оружия массового поражения, ядерный шпионаж, незаконные пожертвования в кассу Демократической партии и даже попытки установить контроль над судоходством по Панамскому каналу²⁸³. Часть этих обвинений отражала реальные противоречия двусторонних отношений, другая использовалась по мере необходимости: для давления на Китай или как орудие внутриполитической борьбы.

По результатам опросов американского общественного мнения Китай прочно занял место основного военного противника США. В апреле 1999 г. 39 % американцев назвали его главной военной угрозой Соединенным Штатам²⁸⁴.

* * *

Отношения с Китайской Народной Республикой стали одним из главнейших внешнеполитических приоритетов США. Стремительно развивающийся и идеологически чуждый Америке Китай выступил как сила, способная бросить реальный вызов ее положению единственной глобальной сверхдержавы. Поэтому в США с нескрываемой настороженностью и беспокойством наблюдали за неуклонным укреплением комплексной государственной мощи и национального могущества КНР.

Американцы использовали широкий арсенал средств, пытались затормозить этот процесс или, по меньшей мере, поставить его под контроль. Первым их шагом в направлении такого сдерживания после почти полутора десятков лет иллюзорных мечтаний о заключении с Пекином военно-политического союза против СССР и эйфории, связанной с бурным развитием американо-китайских военно-политических, торгово-экономических и иных связей, стало временное замораживание Соединенными Штатами контактов с КНР после известных событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь.

К осени 1991 г. связи США и Китая достигли самого низкого с начала 1980-х годов уровня. Однако в результате обоюдных усилий сторон к концу 1992 г. негативные последствия указанных событий для двусторонних отношений были в основном преодолены. В значительной мере это было обусловлено позицией Пекина, успешно сочетавшей сугубо прагматический курс на достижение частичных компромиссов с США при четком отказе от каких-либо односторонних уступок Вашингтону в сфере экономики и в политико-стратегической области.

Руководители КНР четко обозначили намерение твердо придерживаться основного стратегического курса во внутренней и внешней политике в соответствии с реальными национальными интересами страны и вопреки «давлению извне» по вопросам, затрагивающим ее независимость и государственный суверенитет. Со своей стороны США также демонстрировали заинтересованность в восстановлении достигнутого к концу 1980-х годов уровня взаимосвязей с Китаем.

Поэтому американское эмбарго, затронувшее в основном сферу военных обменов двух стран, носило недолговременный характер и формально выглядело как политическая реакция властей США на жестокость руководства КНР при подавлении студенческих протестов.

Тем самым американцы, в принципе возлагавшие в процессе распада советского блока в конце 1980-х годов надежды на модель «мирного перерождения» бывших соцстран и не исключавшие из нее Китай, который по темпам и продолжительности своих рыночных реформ тогда значительно опережал восточноевропейские государства, выразили свое недовольство его идейной непоколебимостью, явно давая ему понять, кто является в мире подлинным «хозяином». Однако Пекин не только продолжил декларировать приверженность социализму, но и на практике продемонстрировал, что не допустит такого перерождения.

Как показали последующие события, США и в дальнейшем неоднократно пытались прибегнуть к различным способам оказания давления на Китай, причем мотивами таких демаршей служили не только политико-идеологические соображения, но зачастую интересы экономической конъюнктуры и конкурентные опасения.

После распада СССР, с утверждением монополии Америки на статус мировой сверхдержавы, а Китая — в роли крупнейшей социалистической страны, в КНР активизировалось обсуждение идеи установления нового политического и экономического порядка. Первоначально — в качестве естественной реакции на жесткую изоляцию и политику «сдерживания» со стороны Запада, а затем — как обоснованное желание заявить о своих притязаниях на более весомую по сравнению с прежней глобальную роль.

Отношения Китая и США в начале первого президентства Б. Клинтона строились под воздействием двух групп факторов — центристремительных, обусловленных взаимной готовностью сторон к углублению взаимодействия, и центробежных, ведущих к расширению противоречий между ними. Негативное воздействие на развитие взаимоотношений двух стран оказывал ряд тенденций, главными из которых являлись: усиление влияния внутривосточного

ских и идеологических факторов на формирование позиции КНР в отношениях с США в новых геополитических условиях; наличие в США, особенно в Конгрессе, влиятельных сил, ратовавших за увеличение нажима на КНР и увязывание дальнейшего развития отношений с ней с изменением отдельных аспектов ее внутри- и внешнеполитического курса; сохранение торгово-экономических противоречий, прежде всего дефицита США в торговле с КНР, наличие разногласий между Китаем и США по другим спорным проблемам.

В то же время на общее состояние китайско-американских отношений усилилось влияние центростремительных факторов, среди которых основное значение, очевидно, имело определенное расширение совпадающих и параллельных внешнеполитических интересов сторон после создания принципиально новой ситуации на международной арене вследствие окончательной ликвидации двухполюсного мира и перемен в странах Восточной Европы. В результате был дан новый импульс расширению китайско-американских контактов во внешнеполитической сфере в целях сохранения стабильности на глобальном и региональном уровнях.

Готовность к укреплению сотрудничества с США во внешнеполитической и военно-стратегической сферах со стороны Китая определялась, в первую очередь, появлением «вакуума силы», связанного с ослаблением позиций России на мировой арене, в том числе в АТР, и растущим политическим и экономическим влиянием Японии в регионе.

Со своей стороны Вашингтон исходил из того, что КНР является важным фактором международной жизни и, при определенных обстоятельствах, могла бы стать одним из основных его партнеров в решении таких важнейших проблем АТР, как безопасность, экономическое развитие и т. д.

Поистине знаменательным стало решение администрации Клинтона об отказе от увязывания торгово-экономических аспектов отношений с Китаем с вопросами прав человека. Это явилось еще одним подтверждением формирования в недрах американской администрации более гибкого, прагматического подхода к разработке основ китайской политики США, опирающейся не на идеологизи-

рованные и догматизированные принципы, а на трезвое признание геополитической реальности.

Вместе с тем *до середины 1990-х годов Китай не воспринимался Соединенными Штатами как равноправный партнер на мировой арене*. Американско-китайские отношения прошли за это время через ряд кризисов, самым острым из которых стал конфликт 1996 г. в Тайваньском проливе. По мнению ряда китайских исследователей, с середины 1990-х годов стороны были заняты поисками стратегического вектора взаимоотношений при обоюдном осознании того, что перспектива «лобового столкновения» в результате взаимного недоверия выглядит угрожающе.

К этому времени в США укоренилось понимание важности для американских интересов стабильных отношений с КНР. Именно поэтому на протяжении второго срока пребывания Клинтона в Белом доме (1997—2001 гг.) руководство страны, решившее дать им «свежий старт», пыталось выработать новые рамки для долгосрочных связей и поставить на повестку дня стратегический диалог с Китаем. Усилия, которые приложили КНР и США в 1997—1998 гг., показали, что процесс установления «конструктивных отношений стратегического партнерства» задал определенные рамки их двусторонним связям, внутри которых на первый план выступали общие интересы.

На основе изучения позитивного и негативного в опыте выстраивания отношений с КНР на протяжении 1990-х годов американские аналитики четко определили, что интерес Китая к развитию двусторонних связей базируется, в первую очередь, на расширении и углублении торгово-экономического сотрудничества. В то же время сильное раздражение вызывают у него вопросы демократизации, прав человека, Тибета, Тайваня и т. п.

Однако, декларируя неотъемлемую принадлежность Тайваня Китаю, руководство КНР не ставило, например, вопрос об «идеологическом поглощении» острова и присоединении его к «анклаву коммунизма». Поэтому американской стороной был сделан вывод о том, что превалирующим в стремлении Китая взять под контроль Тайвань, наряду со стратегическими и экономическими соображе-

ниями, является национально-государственный, а вовсе не идеологический фактор.

Одновременно было отмечено, что в отличие от бывшего СССР Китай не осуществляет в мире экспансии коммунистической идеологии и, декларируя в качестве своей основной цели «строительство социализма с китайской спецификой», на деле избегает вовлечения в конфронтацию на почве идейно-классовых противоречий.

Отсюда последовали два дополнительных вывода американской стороны. Во-первых, идеологический компонент в форме «империализм-коммунизм» в американо-китайских отношениях на текущем этапе был практически сведен к нулю. Во-вторых, «собрание» Китая земель выглядело ничем иным, как попыткой воссоздания «великой китайской империи». Поэтому канувшему в прошлое идеологическому соперничеству двух государств должно в перспективе прийти на смену их геополитическое противостояние.

Одновременно обозначилось известное расхождение позиций Пекина и Вашингтона, в частности, по проблемам развития отношений с Россией. Так, в планы США явно не входило чрезмерное расширение российско-китайских контактов, особенно в военной области. КНР же, в свою очередь, была не заинтересована в сохранении «прозападного» крена во внешней политике России.

В связи с этим Пекин начал выдвигать на первый план общность интересов России и КНР в установлении нового мирового порядка, основанного на принципах мирного сосуществования и противоречащего курсу Вашингтона на сохранение за США лидирующей роли на мировой арене, а также подчеркивать важность развития межгосударственных отношений с Россией в различных областях, особенно в экономической.

Не подлежало сомнению, что «российский фактор» перманентно играл заметную роль в двусторонних отношениях КНР и США; «американский фактор» в определенных случаях оказывал известное влияние на состояние российско-китайских взаимосвязей, а «китайский» — на состояние российско-американских. В такой ситуации анализ взаимозависимости отношений России, США и Китая, выявление сфер совпадения и расхождения внешнеполитических инте-

ресов трех стран должны были, несомненно, обеспечивать российской дипломатии большую маневренность на международной арене.

К началу нынешнего века стало очевидным, что в американском обществе сформировались две основополагающие позиции по вопросу будущих взаимоотношений с Пекином. Сторонники первой утверждали, что развитие контактов с КНР во всех областях, в том числе в сферах торговли, охраны окружающей среды, науки и технологий, способствует укреплению в Китае тех сил, которые выступают за международное сотрудничество и плюрализм внутри страны, и поэтому такие контакты необходимо интенсифицировать.

Сторонники противоположной позиции предлагали рассматривать Китай как неизбежного соперника США, угрожающего сегодня Тайваню, завтра — всем странам западной части Тихого океана, а со временем — мировому балансу сил. Они готовы были относиться к Тайваню как к независимому государству и военному форпосту и, таким образом, отбросить политику «одного Китая», на которой базировались американо-китайские отношения с момента восстановления двусторонних контактов на высшем уровне в 1972 г.

Часть 3

ОТ МОНОПОЛЯРНОСТИ — К МУЛЬТИВАРИАНТНОСТИ

3.1. Региональные и глобальные аспекты отношений США, КНР и России в начале XXI века

В Восточной Азии и Тихоокеанском регионе вплоть до окончания холодной войны в целом сохранялся относительный баланс сил между СССР, КНР и США. Распад СССР в начале 1990-х годов привел не только к укреплению позиции Соединенных Штатов как единственной глобальной сверхдержавы, но и усилению роли Китая. Этот процесс проходил на фоне быстрого экономического роста КНР и других стран региона и сопровождался увеличением военных расходов и неудовлетворенными национальными амбициями.

Внешнеполитическое поведение США в регионе было обусловлено рядом факторов, объективно способствовавших усилению в начале XXI века их влияния в нем. В первую очередь, военным фактором — нахождением в регионе крупной американской военно-морской группировки на базе 7-го флота, что обеспечивало Америке эффективные инструменты влияния прежде всего на ее ближайших союзников — Японию и Южную Корею.

Мощным стабилизирующим фактором являлась экономическая взаимозависимость США и стран региона, преисполненных желания получить доступ на американский рынок, открытие которого

для них Америка делала с целью заполучить их на свою сторону в качестве лояльных партнеров или союзников.

Важным компонентом силового потенциала США стал мощный военно-промышленный комплекс, который был призван обеспечивать их доминирующие позиции в глобальном и региональном балансе сил.

Интересы собственной безопасности США стали все теснее увязывать с внутривнутриполитической ситуацией в других странах и глобальными проблемами, все отчетливее стала проявляться склонность Америки к нарушению суверенитета других стран.

В опубликованной в декабре 1998 г. американской «Стратегии национальной безопасности» открыто говорилось о том, что целью США является «руководство всем миром» и они не допустят появления государств или государственных группировок, посмеявшихся бросить вызов их «руководящему положению».

В рамках этой гегемонистской линии прослеживались две стороны: технологическое превосходство США, которые захватили и удерживали лидирующие позиции в области высоких технологий, и стремление учредить с учетом этого, в условиях краха биполярной системы, «новый мировой порядок», т. е. изменить существующую систему международных отношений таким образом, чтобы она максимально отражала американские интересы. Другими словами, под прикрытием «концепции отстаивания демократических ценностей», используя военные, экономические и политические методы принуждения, навязать другим государствам свое лидерство. При этом нельзя было игнорировать такой существенный фактор, как экономически окрепший и набирающий политический авторитет и военную силу Китай.

В январе 2001 г. к власти в Вашингтоне пришла новая администрация во главе с республиканцем Дж. Бушем-младшим, подвергшая резкой критике внешнеполитический курс своих предшественников-демократов, в том числе по отношению к КНР.

Республиканцы назвали поиск правильного баланса в американской политике по отношению к России и Китаю «самой пугающей задачей», обвинили Клинтона в неспособности выработать для этих

двух стран стратегию, подкрепленную конкретными действиями, и констатировали, что наследием политики демократов является напряженность и подозрительность в отношениях США с Китаем и Россией.

Основы курса республиканцев на российском и китайском направлениях в общих чертах были сформулированы ими еще до прихода к власти в одобренном на 37-м съезде этой партии внешнеполитическом разделе ее программы. Как об одной из основных задач говорилось о необходимости «добиваться сотрудничества России и Китая в формировании реалистичной стратегии на основе использования политических, экономических и военных средств для сдерживания и предотвращения попыток распространения оружия массового поражения, предпринимаемых другими странами».

При этом Россия, по мнению республиканцев, более не являлась серьезным противником Соединенных Штатов, а Китай они охарактеризовали как своего «стратегического конкурента, а не партнера». Практические шаги администрации Дж. Буша-младшего на российско-китайском «фланге» в первые два месяца ее нахождения у власти показали, что предпринималась попытка «расташить российско-китайскую связку». На фоне категорического отказа в тот период со стороны США от определения хотя бы приблизительных сроков встречи российского и американского президентов состоялись разнообразные китайско-американские внешнеполитические контакты, вершиной которых стал визит в Америку вице-преьера Госсовета КНР Цянь Цичэня.

Примечательно, что примерно в то же время Китай впервые выразил готовность начать переговоры с США по проблеме национальной системы противоракетной обороны (НПРО) и, соответственно, модификации советско-американского Договора по ПРО от 1972 г. До тех пор Пекин ограничивался лишь безоговорочным осуждением планов США, предоставляя Москве право «первой скрипки» в переговорах с Америкой.

Буквально накануне визита Цянь Цичэня в США состоялась встреча Председателя КНР Цзян Цзэминя с делегацией американской ассоциации «США—Китай» во главе с ветераном америка-

но-китайского сближения Генри Киссинджером, который приложил немалые личные усилия для размораживания отношений Америки и Китая. По замыслу китайских руководителей, она должна была символизировать важность отношений между двумя странами. Прием Киссинджера Цзян Цзэминем в преддверии поездки Цянь Цичэня в США был призван подчеркнуть, что именно с республиканской администрацией Китаю удавалось налаживать и поддерживать плодотворные и конструктивные связи.

Помимо переговоров с госсекретарем США К. Пауэллом Цянь Цичэнь встретился в Вашингтоне с вице-президентом Р. Чэйни, министром обороны Д. Рамсфельдом, помощником президента по национальной безопасности К. Райс и был принят президентом Дж. Бушем. Эти встречи и переговоры не привели, однако, к радикальному потеплению в двусторонних отношениях. Обнаружились существенные различия по проблемам Тайваня, ПРО, прав человека и ряду других.

Отношения двух стран резко обострил американо-китайский инцидент 1 апреля 2001 г., приведший к гибели китайского летчика и временному задержанию экипажа американского разведывательного самолета на острове Хайнань. В отличие от трагедии с бомбардировкой посольства КНР в Белграде в 1999 г., когда Китаю были принесены извинения, на этот раз американцы попытались обвинить в инциденте Китай. Одновременно США решительно отвергли требование КНР прекратить полеты своих самолетов-разведчиков вдоль китайского побережья. Проблема, не имевшая иного решения, кроме возвращения американского экипажа, в конце концов, была урегулирована благодаря серьезным обоюдным дипломатическим усилиям, которые свелись к поиску стилистически приемлемой формулировки выражения соболезнования со стороны американцев в связи с гибелью китайского пилота.

Естественной реакцией на этот инцидент стало ужесточение курса американской администрации на китайском направлении. Жесткие заявления госсекретаря К. Пауэлла и директора ЦРУ Дж. Тенета в комиссиях американского сената, подчеркивавшие, что КНР представляет в данный момент наиболее серьезную угрозу

интересам США и является ключевым фактором в развитии процессов распространения оружия массового поражения и возможным источником дестабилизации в Восточной Азии, были подкреплены обращенным к Международному олимпийскому комитету призывом американских конгрессменов отклонить заявку КНР на проведение летней Олимпиады 2008 г. в Пекине.

Новая республиканская администрация, ключевыми фигурами которой выступали патриархи, расцвет политической карьеры которых пришелся на пору холодной войны, не видя достойного соперника в экономически ослабленной России, стали акцентировать опасность, якобы исходящую от политически монолитного и экономически мощно развивающегося Китая. От ее внимания не ускользнуло и то, что после агрессии НАТО в Югославии антиамериканская направленность китайско-российского сближения стала обозначаться Пекином гораздо четче.

Аналитик китайского Центра мира и развития Хо Цзюнь, например, писал: «США, с одной стороны, выступили инициаторами стратегии глобализации НАТО, осуществили удар вне региона НАТО, а с другой стороны, также решили разместить в АТР систему ПРО ТВД. Это, безусловно, является окружением, сжатием жизненного пространства России и Китая — двух стран, которые, по мнению Америки, в наибольшей степени способны угрожать ее гегемонистскому положению».

В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанном 16 июля 2001 г. в Москве Президентом РФ В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэминем, в смягченной, но официальной форме нашло отражение позиция, которую до этого озвучивал, в частности, заведующий отделом Европы и Азии Института современных международных отношений Китая Ли Чжие: «У Китая и России есть проблемы противостояния внешнему вмешательству. Россия решает чеченскую проблему, испытывая давление со стороны Запада. Перед Китаем также стоит проблема национального раскола (имеется в виду Тайвань. — *Авт.*), и он тоже испытывает натиск Запада. Здесь мы можем говорить с Россией на общем языке»²⁸⁵.

В апреле—мае 2001 г. администрация Буша сделала несколько серьезных шагов в направлении ужесточения своей китайской политики, в том числе в связи с продажей оружия Тайваню. Самым резким из них стало заявление президента США от 25 апреля о том, что Соединенные Штаты окажут Тайваню мощную поддержку в случае нападения на него Китая и предпримут все, что потребуется, чтобы помочь острову защитить себя.

Тем самым Буш фактически заявил об отказе от проводившейся США на протяжении десятилетий «стратегии неопределенности» в отношении их возможных действий в случае нападения Китая на Тайвань. В этом же русле следовало рассматривать состоявшиеся встречи американских законодателей с президентом Тайваня Чэнь Шуйбянем во время транзитных остановок последнего в США 21—23 мая и 2—3 июня 2001 г. Тогда же, в конце мая состоялась встреча Дж. Буша с далай-ламой, что было расценено Пекином как очередное вмешательство во внутренние дела КНР. А в начале мая 2001 г. президент США отдал распоряжение пересмотреть все межправительственные программы сотрудничества с Китаем, что логично укладывалось в канву значительного охлаждения американо-китайских отношений.

В целом, опираясь на эскалацию враждебности в отношениях с Китаем в первые месяцы пребывания у власти, новая республиканская администрация США всерьез рассматривала возможность объявления КНР своим противником.

Несмотря на ужесточение американской тактики в двусторонних связях, Китай, со своей стороны, сумел в тот момент удержаться от излишне резких демаршей. Характерно, что Цзян Цзэминь не допустил вмешательства так называемого консервативного крыла партийного и военного руководства КНР в решение вопроса о дальнейшем характере отношений с США. Взвесив значение своего многомиллиардного экспорта в Америку, стремление стать членом ВТО, желание принять в 2008 г. Олимпиаду в Пекине, а также вспомнив об интересах 54 тыс. китайских студентов, обучавшихся в США, китайский лидер, очевидно, пришел к выводу, что эти факторы пере-

вешивают любые экстремальные геополитические импульсы собственных политиков и генералов.

Столь взвешенный подход вытекал также из общей позиции китайской стороны, которая с приходом в Белый дом нового президента придерживалась поначалу весьма взвешенных и корректных оценок и прогнозов относительно будущей китайской политики администрации республиканцев, поскольку в КНР весьма ревностно относились к сохранению в отношениях с США рубежей, достигнутых при демократах. Занятые политическим прогнозированием китайские аналитики высказывали мнение, что в целом у Буша нет причин отказываться от наследия Клинтона. В частности отмечалось, что замена существовавшей при прежнем президенте концепции «создания отношений стратегического партнерства» определением «стратегический конкурент» означает лишь, что американская сторона в своей двуединой политике в отношении КНР (сдерживание — вовлечение) будет несколько больше внимания уделять сдерживанию, несколько меньше контактам и вовлечению, общие же рамки двусторонних отношений останутся прежними. Китайская сторона исходила из того, что инициатива в решении вопроса о преобладании в будущих китайско-американских отношениях сотрудничества или конкуренции должна находиться в руках США, и если они будут рассматривать Китай в качестве врага, то он и станет таковым, если в качестве друга, то он станет другом Америки.

Такая несколько пассивная позиция КНР, с одной стороны, отражала стремление следовать традиционной для Китая и уходящей корнями в древность модели политического поведения, характеризующейся некоторой отстраненностью от эпицентра событий и намерением сначала понаблюдать за действиями других, а затем уже принимать решение.

С другой стороны, некоторые представители китайской политической элиты сохраняли веру в то, что основной натиск Вашингтона по-прежнему будет направлен на Москву. Отражая такую точку зрения, политолог Пекинского университета Чжу Фэн заявлял следующее: «США явно ставят Китай и Россию на одну доску, считают, что эти две страны бросают наибольший вызов будущим стратегическим

интересам Америки. Однако кроме тайваньской проблемы между США и КНР нет никакого другого соперничества в области стратегических интересов, которое трудно разрешить или которое неизбежно ведет к конфликту. В то же время стороны имеют огромный простор для масштабного стратегического сотрудничества»²⁸⁶. В целом, вектор развития американо-китайских отношений в первые 100 дней президентства Дж. Буша-младшего безусловно имел восходящую тенденцию, несмотря на некоторое ужесточение риторики, раздававшейся из Вашингтона, которая в определенной степени нивелировалась оптимизмом китайской стороны.

Предпринимая в середине 2001 г. шаги по смягчению отношений с КНР, США, безусловно, учитывали сдержанность в поведении Пекина, но одновременно приняли во внимание факт проведения в июле в Москве российско-китайского саммита, в ходе которого лидеры двух стран планировали подписать упомянутый Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. По признанию американских СМИ, урегулирование кризиса в американо-китайских отношениях произошло по инициативе Дж. Буша-старшего, отца президента США, в прошлом первого главы американской дипломатической миссии в Пекине, который впоследствии, в бытность свою американским президентом, постоянно уделял много времени и внимания отношениям с КНР.

С визита в Китай в конце июля 2001 г. госсекретаря США К. Пауэлла начался «этап улыбок» в отношениях двух стран. Итоги встреч с китайским руководством Пауэлл оценил как «весьма продуктивные», хотя признал наличие «нерешенных вопросов». Со своей стороны, китайцы пытались убедить его в том, что КНР — не враг, а друг США, и без сотрудничества с Китаем они не смогут решить вопросы смягчения ситуации в Тайваньском проливе, сохранения стабильности в АТР, нераспространения вооружений и другие важные проблемы государственной безопасности.

К. Пауэлл, в свою очередь, подтвердил, что правительство Дж. Буша-младшего, как и все предыдущие правительства США на протяжении последних 30 лет, будет придерживаться принципа признания «одного Китая» и соблюдать три совместных коммюнике.

В то же время госсекретарь выразил озабоченность США по поводу военно-технического сотрудничества КНР с Пакистаном и рядом других стран, включая Иран, Ирак и КНДР, которые Америка имела «изгоями». В связи с этим Вашингтон обвинил Китай в нарушении распространения ракетных технологий.

Военно-политические аспекты выдвинулись на первый план во всем комплексе американо-китайских отношений в конце лета — начале осени 2001 г. в связи с развернувшейся подготовкой намеченного на октябрь визита президента Дж. Буша в КНР. Вашингтон планировал провести интенсивные двусторонние консультации, в ходе которых намеревался, по признанию К. Райс, раскрыть планы испытаний и создания своего «противоракетного щита» и убедить китайцев, что американская НПРО пойдет на пользу стабильности в Азии и мире в целом. В подкрепление этих заверений США были готовы проявить «понимание» в отношении планов модернизации ядерного арсенала КНР. В то же время Вашингтон ввел санкции против ведущей китайской фирмы по производству вооружений, американским компаниям было запрещено использовать китайские ракетносители для запуска своих космических спутников. Таким образом, вместо споров по вопросу о Тайване Пекину навязывалась новая тема двустороннего диалога²⁸⁷.

Известно, что на начальном этапе деятельности нового кабинета вопрос о подходе к Китаю служил источником разногласий в администрации Буша. Вице-президент Ричард Чейни, министр обороны Дональд Рамсфельд и их аппарат, выступая за установление глобальной стабильности на основе безусловного господства США, полагали, что в отношении Китая Америка должна проводить политику если не сдерживания, то активного принуждения, которая предполагала расширение американского военного присутствия в Азии, увеличение политической и военной помощи Тайваню, укрепление политических отношений с союзными и дружественными США странами, а также подход к Китаю как к потенциальному стратегическому противнику.

Госдепартамент во главе с Колином Пауэллом хотя и поддерживал многие элементы подхода Чейни-Рамсфельда, одновременно

полагал, что Вашингтону необходимо снизить уровень недоверия и антагонизма между двумя странами. Как считали в Госдепартаменте, дальнейшее участие США в экономической и технологической модернизации Китая, растущее влияние Пекина в регионе и международных организациях, а также неопределенность политической ориентации Китая в будущем — все эти факторы указывают на необходимость наращивания двустороннего сотрудничества в решении все большего числа общих проблем.

3.1.1. 11 сентября 2001 г. и перемены во внешнем курсе США

Продолжительное сосуществование в администрации Буша двух указанных подходов к отношениям с КНР и предопределило непоследовательность, а порой и ошибочность политики в китайском вопросе. Однако после 11 сентября необходимость заручиться немедленным сотрудничеством со стороны основных держав заставила Вашингтон отвлечься от своих давних опасений по поводу подъема Китая. Таким образом, подход Пауэлла получил поддержку со стороны не только президента Буша, но и вице-президента Чейни, и в конечном итоге лег в основу республиканской политики США в отношении КНР.

Теракты 11 сентября 2001 г. стали исторической вехой, обозначившей конец переходного периода, последовавшего за завершением холодной войны. Эти события резко ускорили уже наметившуюся корректировку политики США в сфере безопасности и в результате оказали серьезное влияние на обстановку в АТР.

Одним из главных отличий новой американской стратегии безопасности стало перемещение приоритетов с «противостояния угрозам» на «противостояние силам». В вышедшем в свет в США после событий 11 сентября докладе о состоянии американской обороны выявилась одна важная особенность: США выражали решительную готовность бороться не только с источниками имеющихся угроз, но и с любыми силами, способными лишь потенциально бросить вызов

американским интересам. Это изменение имело милитаристский оттенок, декларируя обеспечение собственной неуязвимости и гарантированное превосходство в ударной мощи.

В рамках своей антитеррористической операции США создали военные базы в Узбекистане и Киргизии (база Карши-Ханабад в Узбекистане была позднее ликвидирована) и прочно обосновались в Афганистане. Параллельно был составлен список «стран-изгоев», в который вошли Иран, Ирак, Северная Корея, Сирия.

Новая стратегия США была направлена против будущих возможных противников и стала стратегией устрашения, основанного на военном превосходстве²⁸⁸.

Хотя сразу после терактов 11 сентября США явно были заинтересованы в развитии многостороннего сотрудничества, уже 3 декабря 2001 г. президент Дж. Буш официально объявил, что, несмотря на возражения России, США выходят из Договора по ПРО от 1972 г. Таким образом был ликвидирован один из важных инструментов поддержания глобальной стратегической стабильности.

Важнейшую роль в обеспечении военно-политического влияния США в АТР продолжала играть система военных союзов, созданная еще в эпоху холодной войны. После некоторого ослабления их роли в начале 1990-х годов в конце последнего десятилетия XX века они снова начали укрепляться.

Трагические события 11 сентября 2001 г., привнеся новые нюансы в отношения Америки с Китаем, как ни парадоксально, стали основой для существенного улучшения взаимоотношений двух стран.

Безусловное удовлетворение в США вызвало то, что Китай, как и Россия, единодушно и безоговорочно осудил варварские теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне и сам терроризм как таковой. Он занял практически одинаковую с большинством стран позицию по проблеме Афганистана, полагая, что последний должен стать нейтральным, неприсоединившимся и мирным по отношению к соседним странам государством, возглавляемым коалиционным правительством, сформированным с участием всех этнических групп его населения, включая пуштунов, но без представительства движения «Талибан».

Примечательно, что согласие с этим символизировало определенные изменения в подходе Китая к решению афганской проблемы, поскольку динамика развития китайско-талибских отношений на протяжении двух с половиной лет, предшествовавших событиям 11 сентября, отражала скрытую борьбу в руководстве КНР сторонников и противников сближения с режимом талибов.

Симптоматично, что в связи с американскими бомбардировками баз террористов на территории Афганистана в заявлениях внешнеполитического ведомства КНР прозвучала озабоченность политикой США, которым было предложено отказаться от «двойных стандартов» в отношении Китая и официально поддержать Пекин в его борьбе против синьцзянских террористов, а также сепаратистов Тибета и Тайваня²⁸⁹.

Оценивая антиталибскую операцию Соединенных Штатов как необходимую, КНР в то же время выступила против распространения ее без достаточно веских оснований и соответствующих санкций международных организаций, включая ООН, на другие регионы, где может пострадать мирное население. Китай категорически возразил против навешивания без убедительных доказательств ярлыков «пособников терроризма» на любые страны лишь по той причине, что кому-то не нравятся правящие в них режимы. В Пекине также выразили обеспокоенность по поводу закрепления военного присутствия США в Центральной Азии на долговременной основе, считая что борьба с терроризмом — лишь предлог для решения Вашингтоном своих экономических и геостратегических задач, в том числе и за счет ущемления в этом регионе китайских интересов.

Принятое Китаем решение снизить уровень напряженности в отношениях и пойти на сотрудничество с США в войне против террора и в других важных сферах объяснялось, по-видимому, следующими соображениями.

Прежде всего, в китайском руководстве осознали, что коренная переориентация стратегии США после 11 сентября создает для КНР новые возможности. В совместной борьбе против терроризма Китай занял положение, позволявшее ему оказывать Америке значительное содействие при относительно низких издержках. В Вашингтоне

оценили как политическую и экономическую поддержку со стороны КНР в ООН, так и полученную из Пекина ценную разведывательную информацию о террористической деятельности. Таким образом, события 11 сентября открыли Пекину значительный простор для политических маневров и в то же время заставили США больше ценить дружественные отношения с Китаем. В руководстве Китая возобладало мнение, что многие политические, экономические и, возможно, даже военные факторы развития ситуации вокруг Тайваня в долгосрочной перспективе благоприятны для Пекина. Китайцы были твердо убеждены в том, что, в конце концов, получат необходимые рычаги для решения этой проблемы на своих условиях. Однако, как прекрасно понимали в Пекине, для достижения такого результата Китай должен был, прежде всего, существенно ослабить напряженность в отношениях с США.

В Пекине исходили из того, что Вашингтон не желает никаких тайваньских акций, способных спровоцировать Китай и тем самым вызвать китайско-американский кризис, который отвлек бы внимание в самый разгар войны против терроризма. Резко негативная реакция Вашингтона на совершенно противоположные по смыслу высказывания тайваньского президента Чэнь Шуйбяня от 3 августа 2002 г. (когда он говорил о необходимости подготовить почву для общенародного референдума по вопросу о статусе Тайваня и квалифицировал отношения между Тайванем и КНР как аналогичные межгосударственным) стала примером, иллюстрирующим новые приоритеты США.

В основу изменения политики Пекина легло и осознание им того факта, что и экономическая привлекательность Китая для Тайваня, и внутренняя стабильность самого Китая все более зависели от развития связей с США в таких сферах, как торговля, инвестиции и технологии. Америка во многом стала главным локомотивом, который помогал Китаю в решении задачи по достижению высоких темпов экономического роста. Антагонизм в отношениях с США, напротив, повредил бы жизненно важным связям, ослабил китайскую экономику и сделал бы Китай менее привлекательным для внешних, в том числе и тайваньских, инвесторов.

Спокойное внешнее окружение, в центре которого находятся стабильные китайско-американские связи, позволило бы Китаю сконцентрировать усилия на решении многочисленных внутренних проблем и задач (смена поколений в руководстве, коррупция, социальные волнения, банковский кризис, экологическая деградация, реализация мер по коррекции экономики в соответствии с требованиями ВТО и успешное проведение Олимпиады-2008).

Лидеры Китая, очевидно, осознали, что постоянная конфронтация с Вашингтоном по поводу Тайваня или «американской гегемонии» не несет никаких выгод и, напротив, провоцирует жесткие ответные меры со стороны США.

Растущее политическое и экономическое влияние Китая на региональном и глобальном уровнях ослабило его давнее ощущение собственной незащищенности на международной арене. Китайское руководство начало все более уверенно взаимодействовать с другими державами и расширять возможность использования более тонких рычагов в противодействии американскому давлению. Именно поэтому Пекин стал менее склонен к открытой конфронтации с США по тем или иным вопросам.

В то же время решение о более тесном взаимодействии с США, принятое президентом России Владимиром Путиным после 11 сентября, во многом подорвало начальные усилия Китая по развитию тесного партнерства с Россией, ориентированного против Америки. Таким образом, Пекину пришлось выбирать — либо в одиночку выступать против односторонних действий США, либо занять позицию в пользу сотрудничества.

Поддержка Китаем антитеррористической борьбы США, тем не менее, не ослабила ключевых противоречий в американо-китайских отношениях. В отличие от России, Китай не объявил себя безоговорочным союзником американцев по антитеррористической коалиции и не уменьшил критики США по тем вопросам, по которым расхождения между двумя странами носили постоянный характер. В целом, в отношениях обеих стран наметилась тенденция к определенной стабилизации. Далеко не последнее место среди факторов, способствовавших ей, заняло вступление в силу с 1 января

2002 г. указа президента Дж. Буша об отмене в отношении КНР действия поправки Джексона—Вэника, которая с 1974 г. ограничивала торговые связи США с «коммунистическими государствами». В официальном заявлении Белого дома решение Буша, ставшее возможным после официального вступления Китая в 2001 г. в ВТО, было названо «последним шагом в нормализации американо-китайских отношений и приглашением КНР в международную торговую систему»²⁹⁰.

Перенесенный с октября 2001 на февраль 2002 г. в связи с сентябрьскими событиями в США визит Дж. Буша в Китай в очередной раз подтвердил, что КНР и США не просто испытывали острую нужду друг в друге, а фактически стали «заложниками» друг друга. Объем китайско-американских торгово-экономических связей, по официальным данным, превысил на тот момент 97 млрд долл., 75 % необходимых Китаю новейших высоких технологий он мог получить только в США. В свою очередь, американцы стремились значительно уменьшить дефицит в торговле с КНР после принятия последней в ВТО.

И все же основной темой переговоров лидеров двух стран стали не торгово-экономические проблемы, а поиск взаимоприемлемых подходов к реализации глобальных и региональных стратегических задач, представлявших обоюдный интерес, и выстраивание на этой основе модели двустороннего поведения, которую стороны охарактеризовали как «отношения конструктивного сотрудничества».

Дж. Буш прибыл в КНР 21 февраля 2002 г., ровно через 30 лет после того, как на китайскую землю впервые ступил тогдашний президент США Р. Никсон, буквально «расколовший» в ходе своей поездки, не без оснований названной «исторической», «лед вражды и недоверия», который до этого на протяжении двух с лишним десятилетий сковывал отношения двух стран. Однако ни символика обрамления, ни итоги самого визита Дж. Буша не сделали его, в отличие от памятного события 30-летней давности, «прорывным» или «веховым». Ожидать этого, впрочем, и не следовало.

Содержание визита определялось стремлением Белого дома заручиться поддержкой Пекина в развернутой Америкой антитерро-

ристической кампании, нацеленной на укрепление позиций США в Азии через расширение их военного и политического присутствия в тех регионах, которые ранее не входили в сферу прямых американских интересов. Со своей стороны, Китай рассчитывал закрепить позитивные тенденции в отношениях с США, наметившиеся после 11 сентября, придать в условиях экономической глобализации еще более весомый характер своим политико-стратегическим связям с Вашингтоном.

Фактически после понижения Дж. Бушем Китая из категории «партнеров США», в которую его возвела администрация Б. Клинтона, в разряд «стратегических конкурентов» относительным успехом визита могло бы считаться простое возвращение американо-китайских отношений на отметку конца 1990-х годов. Во время пребывания Дж. Буша в Пекине было отмечено желание китайской стороны глобализировать характер связей с США, перевести их из просто «региональных» на уровень «стратегически значимых» в общемировом масштабе.

В инициативах из четырех пунктов Председателя КНР Цзян Цзэминя (активизация диалогов и контактов по стратегическим вопросам на высоком государственном и ведомственном уровнях; расширение всесторонних обменов и сотрудничества; надлежащее решение спорных проблем, включая тайваньскую; рассмотрение проблем развития двусторонних отношений в глобальном формате применительно к усилиям обеих стран по обеспечению мира на планете), предложенных для поддержания активных тенденций в отношениях с США, в отличие от прежних, содержался косвенный намек на допущение некоторых уступок по спорным вопросам при условии удовлетворяющего Китай решения тайваньской проблемы. О важности соблюдения в связи с этим положений трех совместных коммюнике Председатель КНР упомянул в устной форме, не включив традиционную ссылку на них в текст официального предложения.

Со своей стороны Дж. Буш несколько смягчил собственные прежние жесткие формулировки о «защите острова любой ценой», признал приоритет мирного диалога перед военной конфронтацией

и подтвердил приверженность своей администрации политике «одного Китая», хотя и не отказался от данных ранее обязательств участвовать в военной защите Тайваня и продолжать поставки Тайбэю современных вооружений.

Отсутствие официальных итоговых документов, обтекаемые формулировки в отношении достигнутых договоренностей, перенос решения многих проблем на неопределенную перспективу — все это, по мнению наблюдателей, дало основания для оценки визита как «не принесшего реальных результатов».

За столом переговоров стороны не избегали «острых углов» в двусторонних отношениях, в климате которых, по образному выражению СМИ, «не только время от времени имели место “заморозки на почве”, но и в глубине этой почвы остались мощные пласты “вечной мерзлоты”». К первым были отнесены известные события на площади Тяньаньмэнь, многочисленные шпионские скандалы, ракетный удар США по посольству КНР в Белграде, конфликт вокруг американского самолета-разведчика, столкнувшегося с истребителем китайских ВВС. Ко вторым — проблема Тайваня, Тибет, права человека, а в потенциале — такие новые темы, как наращивание военного присутствия США в азиатском регионе, развертывание новых американских военных баз вблизи китайской границы, в частности в бывших советских республиках Средней Азии, односторонний выход США из Договора по ПРО и планы создания американской НПРО, которые в КНР расценивались как антикитайская политика.

В целом, несмотря на все разногласия, отношения КНР и США после ряда «сбоев» вышли на сносный уровень и могли рассматриваться как вполне дружественные. Состоявшиеся на протяжении 2002 г. визиты в США заместителя председателя КНР Ху Цзиньтао и председателя КНР Цзян Цзэминя закрепили дальнейшую консолидацию связей двух стран.

Накануне поездки Цзян Цзэминя в Америку Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества КНР обнародовало статистические данные о развитии китайско-американских торгово-экономических связей, которые свидетельствовали

об их продолжительном и быстром росте. С января по август 2002 г. в Китае было зарегистрировано 2086 проектов с участием американского капитала, или на 25,6 % больше, чем за соответствующий период предыдущего года. Всего же, по состоянию на конец августа, общее число проектов с участием американского капитала в Китае достигло 36 тыс., а инвестиции США в КНР составили 38,36 млрд долл. За 8 месяцев 2002 г. общий объем товарооборота между двумя странами достиг 60,22 млрд долл., увеличившись на 14,6 % по сравнению с аналогичным предшествующим периодом. США прочно оккупировали место второго по величине торгового партнера КНР, уступив лишь Японии, а Китай, в свою очередь, стал четвертым по величине торговым партнером Америки после Канады, Мексики и Японии.

При обсуждении двусторонних отношений во время пребывания Цзян Цзэминя в Вашингтоне, по оценкам наблюдателей, наметился настоящий прорыв. Во-первых, американский президент, опровергнув слухи о том, что рано или поздно Вашингтон признает независимость Тайваня, заявил, что придерживается принципа «одного Китая». Во-вторых, была достигнута договоренность о возобновлении двусторонних консультаций по военным вопросам, прерванных после инцидента с американским самолетом-разведчиком и его посадкой на территории КНР.

Основным итогом развития американо-китайских отношений в период первого президентства Дж. Буша-младшего стало то, что стороны смогли постепенно снизить обоюдный конфронтационный накал, заменив его умеренным продвижением по встречным направлениям.

Дальнейшие двусторонние контакты США и КНР на самом высоком уровне, включая встречи Дж. Буша с новым китайским лидером Ху Цзиньтао, состоявшийся в апреле 2004 г. визит вице-президента США Р. Чейни в КНР, а также посещение Пекина 8—9 июля 2004 г. советником президента США по национальной безопасности Кондолизой Райс, консолидировали эту тенденцию, обнаружив, однако, сохранение существенных разногласий между сторонами по тайваньской проблеме.

3.1.2. Гегемонизм и «обретение державности»: игра «на встречных курсах»

В целом и в течение второго президентского срока Дж. Буша-младшего отношения между США и КНР внешне развивались относительно стабильно, избегнув резких зигзагов и перепадов, столь характерных для них в первые четыре года правления в США его администрации. Но даже на фоне достижения в них определенной стабилизации в американских политикоформирующих кругах, тем не менее, не прекратились дискуссии по поводу перспектив развития американо-китайских связей и роли «фактора Китая» в глобальной внешнеполитической стратегии США в XXI веке.

В КНР получило закрепление официальное признание того, что отношения Китая с Соединенными Штатами Америки — самые важные из двусторонних отношений в мире, которые затрагивают не только интересы указанных стран, но мир и стабильность в Азии и в глобальном масштабе. В американском руководстве общая оценка отношений с Китаем выразилась в констатации их стабильного и поступательного развития.

В реальности подобные выводы, в целом не греша против истины, не отражали, однако, не только многочисленные нюансы во взаимоотношениях двух стран, но и те глобальные тенденции, которые влияли на их состояние. По емкому выражению «Нью-Йорк таймс», в американо-китайских отношениях «на поверхности все вроде бы спокойно, но в глубине накал не ослабевает».

Сохранение за Дж. Бушем-младшим в результате ноябрьских выборов 2004 г. президентского кресла еще на один срок олицетворяло продолжение Вашингтоном его прежнего китайского курса с приоритетом тайваньской тематики, вопросов ПРО и ракетно-ядерного нераспространения. В сфере глобальной политики переизбрание Дж. Буша, по утверждению некоторых экспертов, предполагало «применение Соединенными Штатами доктрины превентивной войны и упор во внешнеполитической деятельности на односторонние действия»²⁹¹. Такой подход на протяжении своего президентства Буш-младший осуществлял неоднократно. Наиболее характерными

его примерами стали кампания США против Ирака, действия в Афганистане, угрозы Ирану.

Пекин был подвергнут резкой критике за такие «провинности», как принятие на сессии ВСНП Закона о единстве нации, в котором содержались положения, наделявшие КНР правом одностороннего решения вопросов в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива и применения военной силы в случае вмешательства в них «третьей стороны», а также за военную модернизацию Китая и несоблюдение КНР режима нераспространения. Характерно, что за 4 года нахождения Дж. Буша-младшего в Белом доме Вашингтон вводил соответствующие санкции в отношении китайских компаний 62 раза, в то время как администрация Клинтон за 8 лет своей деятельности применяла подобные меры всего 8 раз²⁹².

Мысль о том, что возрастающая военная мощь Китая представляет угрозу американским интересам, стала чаще и громче артикулироваться в правящих и политических кругах США. Недовольство Америки вызвало нежелание Пекина принять радикальные меры в отношении его союзника — Северной Кореи — после объявления ею себя 10 февраля 2005 г. страной, обладающей ядерным оружием. Лишь в конце июля 2005 г. после согласия КНДР на продолжение шестисторонних переговоров стало возможным говорить о смягчении напряженности и сближении позиций КНР и США в отношении проблемы Корейского полуострова.

В начале августа 2005 г. в Пекине состоялась первая китайско-американская встреча в русле инициированного сторонами нового переговорного механизма — Стратегического диалога, предполагавшего открытый и откровенный обмен мнениями между США и Китаем по важнейшим стратегическим международным проблемам, выходящим за рамки взаимоотношений двух государств. Его второй раунд прошел 7—8 декабря в Вашингтоне.

Результатом обоих раундов стало взаимное признание совпадения интересов двух стран в вопросах борьбы с терроризмом, распространения оружия массового поражения, укрепления энергетической безопасности, сокращения риска распространения опасных за-

болеваний при наличии сохраняющихся трений и разногласий по ряду экономических и политических проблем. Обсуждались также вопросы региональной ситуации в Латинской Америке и Центральной Азии, хронический дисбаланс в торговле и финансовых отношениях КНР и США.

В процессе диалога была признана безусловная полезность использования такого регулярного механизма двусторонних встреч. Отмечалось, в частности, что не в последнюю очередь именно путем интенсификации двусторонних контактов и встреч США и Китай смогли достигнуть в ноябре 2005 г. компромиссного соглашения по торговле текстилем, которое определило масштабы китайского экспорта на 2006—2008 гг.

Делегации сторон в ходе обоих раундов диалога возглавляли соответственно глава МИД КНР Ли Чжаосин и заместитель госсекретаря США Р. Зеллик. Именно последним в его выступлении перед Национальным комитетом по американо-китайским отношениям в сентябре 2005 г. были сформулированы контуры общей стратегии администрации Дж. Буша в отношении КНР. Критикам и противникам китайского курса администрации он предложил самим ответить на вопрос, легче ли будет США справляться в одиночку, имея за спиной враждебный Китай, с широким спектром современных глобальных вызовов, начиная с борьбы с терроризмом, экстремизмом, исламским фундаментализмом и распространением оружия массового поражения и заканчивая борьбой с бедностью и болезнями.

Зеллик указал, что, несмотря на существенные идеологические различия между США и КНР, Китай, в отличие от бывшего СССР, не пытается распространять в мире радикальную антиамериканскую идеологию и не считает себя вовлеченным в борьбу «не на жизнь, а на смерть» с демократией и капитализмом. Более того, китайские лидеры полагают, что их успехи будут определяться тем, насколько они интегрируются в современную международную систему. Опираясь на это, Зеллик предложил КНР «принять на вооружение» так называемую концепцию ответственного акционера, суть которой состояла в требовании к Китаю нести ответственность за свои дейст-

вия на международной арене, объединив усилия с США с целью преодоления вызовов нового тысячелетия и формирования будущей международной системы²⁹³. По мнению американской стороны, такая модель отношений с Китаем «позволила бы расширять сотрудничество с Пекином в вопросах, где стороны демонстрируют сходство интересов, и одновременно избегать стратегического соперничества там, где интересы двух держав расходятся или даже вступают в противоречие»²⁹⁴.

В свою очередь, председатель КНР Ху Цзиньтао, принимая прибывшую с визитом в Пекин госсекретаря США К. Райс, изложил «китайское видение» проблемы взаимоотношений двух стран, подчеркнув, что «с точки зрения настоящего и будущего китайско-американские отношения имеют огромное пространство для взаимного развития и четыре соответствующих шанса, первый из которых существует благодаря тесным взаимным связям и наличию потребности в сохранении двусторонних интересов в эпоху глобализации... Если американская сторона сможет разрешить торгово-экономические проблемы на основе их деполитизации, китайско-американские торгово-экономические связи в дальнейшем получат мощное развитие. Второй шанс появляется в связи с новым подходом к безопасности в рамках сотрудничества держав из-за возникновения нетрадиционных угроз... Третий шанс — общая заинтересованность США и КНР в разрешении проблем, связанных с региональными “горячими точками”, и совместные усилия по поддержанию международного порядка... Четвертый шанс — совместное существование и сближение китайской и американской цивилизаций»²⁹⁵.

Для реализации названных шансов Ху Цзиньтао предложил США «выйти за рамки мышления времен холодной войны, основанного на разделении идеологий и общественного строя, поскольку с таким мышлением очень легко... дать ошибочную оценку “социализму с китайской спецификой” и КПК... Выйти за рамки теории “превосходства культуры”... ибо современный мир переживает новую эпоху длительного сосуществования и взаимного обогащения разнообразных культур... Выйти за рамки традиционной тео-

рии, согласно которой новоявленные державы неизбежно бросают вызовы существующим гегемонам, поскольку эта теория не в состоянии объяснить новый путь, по которому Китай осуществляет мирный подъем, и новые реалии, в частности то, что поднимающийся Китай представляет собой устойчивую силу в сохранении мира на планете»²⁹⁶.

Слова китайского лидера прозвучали своеобразным предостережением США, к которому они, однако, не пожелали прислушаться, поскольку спустя всего несколько дней Пентагон опубликовал доклад о военной мощи Китая, вызвавший крайнее возмущение и резкий протест в Пекине. От имени китайского правительства серьезное представление правительству США по дипломатическим каналам сделал заместитель министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, заявивший, что доклад, в котором содержатся необоснованные выпады против модернизации Китая в сфере обороны, наглое осуждение нормального оборонного строительства и военного развития Китая, представляет собой «грубое вмешательство во внутренние дела КНР и нацелен на то, чтобы посеять раздоры между Китаем и другими странами». Он назвал «тщетными» усилия Министерства обороны США по распространению утверждений о так называемой китайской военной угрозе²⁹⁷.

Одной из причин американской озабоченности по поводу наращивания Китаем его военно-технического потенциала были сомнения относительно достоверности сведений о военном бюджете КНР. Еще в начале июня 2005 г. министр обороны США Д. Рамсфелд заявлял, что военные расходы Китая, во-первых, превышают его реальные потребности, а во-вторых, КНР тратит на оборону намного больше официально объявленных 30 млрд долл. Эту озабоченность он повторил во время своего официального визита в Пекин в октябре.

Визит в КНР президента США Дж. Буша 19–21 ноября стал главным и первоочередным в серии китайско-американских контактов в 2005 г. Хотя его переговоры с руководством КНР в Пекине завершились, по существу, лишь заверениями о благих намерениях сторон.

Вашингтон упорно настаивал на том, что ожидает от Китая поведения «ответственного акционера» не только в политике, но и в экономике, что предполагало приведение китайской экономической системы в соответствие с общепринятыми международными стандартами. В частности, огромный дисбаланс в двусторонней торговле США связывали с недооценкой китайской национальной валюты — юаня. По данным Министерства торговли Китая, объем торговли между двумя странами на тот момент по итогам трех кварталов 2005 г. составлял 153,4 млрд долл. при профиците КНР в 81,1 млрд долл.

В КНР, в общем, признали наличие данной проблемы, но снижение напряженности в вопросе жесткого регулирования Пекином валютного курса в результате принятого китайскими властями в июле 2005 г. решения относительно его частичной либерализации имело лишь временный характер, и критика в США по поводу недооцененности юаня возобновилась к концу 2005 г.

США были обеспокоены также проблемой соблюдения в КНР прав интеллектуальной собственности, поскольку производители аудиовизуальной продукции и программного обеспечения в Америке ежегодно теряли порядка 2,5 млрд долл. в результате пиратской деятельности китайских подпольных фирм. Одновременно ущерб терпела и китайская экономика — в связи с неудовлетворительной ситуацией многие зарубежные разработчики отказывались поставлять новейшие технологии в КНР. В результате переговоров было признано, что Китай «готов принимать меры для защиты прав интеллектуальной собственности, а также расширять взаимодействие с США на этом направлении».

Хотя тайваньский вопрос не фигурировал в качестве одной из основных тем на переговорах двух лидеров, китайская сторона в очередной раз подтвердила, что не намерена мириться с «попытками некоторых сил» провозгласить так называемую независимость Тайваня, и рассчитывала на заявление Вашингтона об отказе от завуалированной поддержки тайваньского режима, включая военные поставки на остров. Китайская сторона выступила категорически против сотрудничества и любых военных обменов между Вашингтоном и Тайбэем.

Что касается американской стороны, то она, опираясь на данные своей разведки, делала вывод о том, что хотя Китай значительно активизировал запуски баллистических ракет тактического назначения и практически все они развернуты в сторону Тайваня, война материка с островом маловероятна, так как Китаю реально никто не угрожает. Вашингтон назвал тайваньский вопрос политической проблемой, которую «невозможно решить военным путем». Такой подход разительно отличался от позиции, которую Дж. Буш-мл. озвучивал в первые месяцы своего президентства в 2001 г., когда заявлял о решимости силой защищать Тайвань.

Примечательно, что мир не услышал от него ничего подобного даже тогда, когда летом 2005 г. китайский генерал Чжу Чэнху объявил во всеулышание о возможности «военного освобождения» Тайваня. На это прореагировала лишь госсекретарь К. Райс, подчеркнувшая, что в случае повторения подобного заявления китайский генерал будет объявлен в США персоной нон-грата.

Тайваньский вопрос вновь возник в повестке дня американо-китайских отношений несколько позже, в январе 2006 г., после очередных провокационных действий тогдашнего президента Тайваня Чэнь Шуйбяня, вознамерившегося упразднить Совет национального воссоединения и отменить соответствующую Программу в нарушение озвученных им в инаугурационной речи 2000 г. «пяти заверений». Осудив намерение Чэнь Шуйбяня, Пекин обратился к Вашингтону за содействием в предотвращении реализации его замысла. В результате продолжительного американо-тайваньского диалога в Америке, по существу, не удалось добиться никакого реального результата, кроме компромиссной формулировки о том, что «Совет национального воссоединения прекратит функционировать, а Программа национального воссоединения прекратит применяться», что не удовлетворило Пекин. И китайские власти «продолжали оказывать давление на Вашингтон, ожидая, что... Дж. Буш более однозначно выразит недовольство политикой Чэнь Шуйбяня»²⁹⁸.

В своем комментарии о переговорах лидеров КНР и США в Пекине на тему отношений в военной сфере госсекретарь К. Райс от-

мечала, что проблема наращивания Китаем военного потенциала и модернизации вооруженных сил — это вопрос намерений, и если они мирные, то «это очень хорошо». При этом она указала, что с точки зрения военного присутствия в регионе США «будут поддерживать необходимый баланс».

Визит американского президента в Китай в 2005 г. в целом показал, что, несмотря на отход от конфронтации первых месяцев его пребывания в Белом доме и переход к налаживанию сотрудничества и взаимодействия, многие проблемы и противоречия прошлого не только не исчезли, но в определенной степени обострились. Кроме того, в отношениях двух стран стали все более рельефно проявляться новые проблемы. Быстрый экономический рост КНР, огромное население, потребность в ресурсах, энергичная дипломатия — стали вызывать беспокойство не только у США, но и у их союзников в различных частях мира.

Развивая отношения с Пекином по ряду ключевых направлений, с учетом быстро растущего влияния КНР на международной арене и особенно в АТР, США в то же время стремились всячески ограничить этот рост, используя, в частности, союзы с другими странами. Наиболее эффективным и влиятельным в этом отношении зарекомендовал себя альянс США с Японией. Расчет при его использовании делался как на экономический потенциал самого альянса, так и на то, что отношения Токио и Пекина всегда оставались далекими от идеальных.

Представители американской администрации констатировали, что, несмотря на растущую активность Китая в Азии, он на тот момент не представлял там прямой военной угрозы для США и не бросал им вызова. И хотя тенденции, связанные с военной модернизацией Китая, позволяли ему распространять зоны своих потенциальных операций за пределы Тайваня, его способность к осуществлению долговременного силового воздействия за границами своей периферии оставалась пока весьма ограниченной.

Обнародование в начале 2006 г. ряда новых внешнеполитических документов и инициатив Вашингтона свидетельствовало о его намерении усилить противодействие росту и влиянию Китая, осо-

бенно в тех сферах, где его шаги, по мнению американцев, ущемляли их национальные и глобальные интересы. Союзники США в Азии, включая Японию, Южную Корею и Австралию, также стали все сильнее ощущать силу Китая как нового геополитического полюса. Не осталась незамеченной активизация КНР на африканском континенте. Отличный от американского подход к вопросу прав человека открыл перед китайскими компаниями двери в такие страны, как Судан, Зимбабве, а также в центральноазиатские государства — Узбекистан и Иран.

В распространенной Белым домом «Стратегии в области национальной безопасности» «озабоченность» у США вызвал ряд направлений политики КНР, включая «продолжающийся скрытый рост китайских вооруженных сил, поддержку богатыми ресурсами государств без учета ситуации внутри этих стран и их неправильного поведения на международной арене» и т. п.²⁹⁹

Совокупность внешнеполитических шагов американской администрации не оставляла сомнений в том, что приоритетность ее целей в этой области претерпевала определенную корректировку. На практике это проявилось, в частности, в количественном перераспределении дипломатических постов в заграничном аппарате Госдепартамента в пользу ближневосточных и азиатских стран при одновременном их сокращении в Европе и России. Открытие 15 дополнительных дипломатических должностей в загранучреждениях США в Китае отразило не только важность отношений с ним для самих Соединенных Штатов, но и наличие серьезных опасений относительно исходящей от КНР угрозы американским интересам в АТР.

На концептуальном уровне появилось достаточно свидетельств того, что доктрину «глобальной демократической революции» потеснила одна из апробированных американских внешнеполитических доктрин: «Азия — прежде всего», нацеленная на недопущение неблагоприятных для США крупных изменений в азиатских региональных структурах и усиление системы американских союзов в АТР с целью стратегического «сковывания» Китая.

Помимо обеспокоенности по поводу регионального возвышения Китая США не скрывали раздражения его действиями на глобаль-

ном и многостороннем уровнях. В частности, скоординированные усилия КНР и России в Совете Безопасности ООН по торможению процесса рассмотрения в нем дела по обвинению Ирана в обогащении урана и подозрениям в связи с иранской ядерной программой, отказ КНР усилить давление на Пхеньян с целью заставить последний прекратить осуществление планов создания ядерного оружия, подписание контрактов на энергетические поставки со странами, которые рассматривались Вашингтоном в качестве «изгоев» или «вызывающих тревогу», — Ираном, Бирмой, Нигерией, Суданом, Венесуэлой, Зимбабве — серьезно нервировали США.

Прекрасный шанс преодолеть накопившиеся сложности и развеять «стратегические подозрения» в американо-китайских отношениях давал саммит лидеров двух стран во время визита Ху Цзиньтао в США в конце апреля 2006 г. Помимо перечисленных выше «раздражающих факторов», Буш и Ху обсудили и другие темы. Китай задал вопрос по поводу стратегических намерений США и их военного присутствия в Азии, которое расценивал как попытку его «стратегического окружения». КНР также выразила обеспокоенность заключенным незадолго до этого «ядерным соглашением» между США и Индией. Признавая ядерный статус Индии и приветствуя ее вхождение в ряды государств, несущих обязательства по нераспространению ядерного оружия, Китай выразил беспокойство в связи с прецедентом применения двойных стандартов, допущенного фактом подписания американо-индийского соглашения, а в более широком контексте — попыткой США тем самым включить Индию в число участников «стратегического кольца» вокруг него.

По мнению КНР, США могли бы сделать больше для того, чтобы побудить Японию подойти к урегулированию «проблемы истории». Их официальное молчание по этому вопросу воспринималось в Китае как потворство японской неуступчивости. В ответ на претензии китайской стороны в отношении пассивной позиции США в тайваньском вопросе в связи с объявлением тайбэйскими властями о прекращении деятельности Совета национального воссоединения президент США подтвердил приверженность Америки идее ста-

тус-кво в Тайваньском проливе и обещал придерживаться положений трех китайско-американских совместных коммюнике, а также политики «одного Китая».

Со своей стороны, США вновь сделали акцент на проблемах, которые вызывали озабоченность в Вашингтоне — торговом дефиците, охране прав интеллектуальной собственности и защите прав человека.

С точки зрения достижения договоренностей визит вновь не был особенно примечательным за исключением «публичного одобрения Пекином выдвинутой Р. Зелликом концепции “ответственно-го акционера”»³⁰⁰. Однако стороны констатировали, что «сама возможность выслушать друг друга и скоординировать позиции по ряду чувствительных глобальных и двусторонних проблем способствовала укреплению стратегической стабильности в интересах народов обеих стран»³⁰¹.

Испытательные запуски Северной Кореей летом 2006 г. баллистических ракет, в том числе дальнего радиуса действия, и подземные ядерные испытания, проведенные Пхеньяном 9 октября, привели к интенсификации американско-китайского диалога в ООН и на двустороннем уровне с целью преодоления новой кризисной ситуации, сложившейся на Корейском полуострове. И хотя их подходы к разрешению кризиса и рецепты выхода из него были не во всем одинаковы и порою существенно различались, единодушное принятие Советом Безопасности ООН двух соответствующих резолюций (№ 1695 и 1718) свидетельствовало о том, что в результате обоюдных усилий сторон возобладал дух ответственности и взаимодействия. Подводя итог многочисленным и интенсивным американско-китайским консультациям по поискам решения данной проблемы, помощник госсекретаря по Восточной Азии К. Хилл заявил, что «в результате ужасной провокации со стороны Северной Кореи США и Китай сблизились, как никогда прежде»³⁰².

Однако практически одновременно Пекин подвергся критике и осуждению со стороны США и других западных стран за отказ поддержать ввод миротворческого контингента ООН в Судан в связи с очередным всплеском насилия в Дарфуре. В статьях западных СМИ

он обвинялся в нежелании портить отношения с местными властями из-за собственных экономических интересов в этой африканской стране и гигантских инвестиций в ее нефтяную промышленность.

Значимым событием отношений КНР и США в 2006 г. стало расширение формата их стратегического диалога и проведение первого раунда Стратегического экономического диалога, обозначившего основные направления сотрудничества и взаимные претензии сторон в этой сфере. В его русле Китай потребовал от Америки отмены запрета на продажу высокотехнологичной продукции и прекращения обвинений в демпинге китайских товаров на американский рынок. США ответили на это введением с марта 2007 г. антидотационных мер в отношении продукции китайского производства.

Несмотря на взаимные претензии, отношения США и Китая продолжали развиваться, стабилизовавшись, по определению китайской стороны, на уровне «нормальных» в сравнении с «дружескими» с Россией и «хорошими» со странами Западной Европы и Индией³⁰³. Определенный спад в их развитии был отмечен в конце июля — начале августа 2007 г. Когда за год до проведения летней Олимпиады в Пекине на Западе развернулась кампания критики Китая, связанная с опубликованием доклада организации Amnesty International о нарушениях прав человека в КНР. К ней незамедлительно подключились американские политики. Члены палаты представителей Конгресса США от обеих основных партий Дана Робахер и Максин Уотерс внесли на рассмотрение ее комитета по международным делам проекты резолюций с призывом бойкота пекинской Олимпиады, мотивируя такой шаг, помимо проблемы прав человека, поддержкой Пекином режимов Северной Кореи, Бирмы и Судана.

Учитывая огромную важность для Китая всего комплекса проблем, связанных с грядущей Олимпиадой, и его особую чувствительность к ним, были все основания констатировать, что Запад во главе с США в очередной раз прибегнул к попытке оказания давления на КНР, самостоятельная политика которой на международной арене,

во многом идущая вразрез с американской, вызывала у него все большее раздражение.

2007 год и в США, и в КНР был признан «одним из наиболее благоприятных» в плане состояния и развития двусторонних отношений, но они отнюдь не были «безоблачными». Поэтому в их характеристике, как «отношений сотрудничества и соперничества», на первое место, скорее всего, правомерно было ставить соперничество.

Неприятие Китаем стиля, методов и самой философии поведения США на международной арене нашло завуалированное отражение в Отчетном докладе ЦК КПК XVII съезду компартии Китая. И хотя в его международном разделе прямо не была названа ни одна страна, которой инкриминировались бы те или иные обвинения или действия, с которыми не согласен Китай, тезис о необратимости многополярности в сочетании с критикой гегемонизма и силовой политики, требование соблюдения Устава ООН, норм и принципов международного права и демократизации международных отношений не оставляли сомнений в том, что главным антагонистом КНР оставались США. При этом акцент на антиамериканизм по сравнению с документами XVI съезда КПК пятилетней давности заметно усилился: тогда критиковались лишь американские попытки «усиления однополярности». Это выглядело вполне естественным, поскольку за прошедшие 5 лет Китай набрал силу, укрепил комплексную мощь и ощутил себя способным бросить Америке более серьезный вызов.

В то же время в отношениях с США Китай продолжал демонстрировать готовность к компромиссам и гибкому маневрированию, отказался от первоначально выдвигавшейся концепции «мирного возвышения», заменив ее лозунгом «гармоничного мира и развития» и инициативой по «гармонизации международных отношений». Китайская сторона продолжала подчеркивать, что борьба против гегемонистских проявлений в американской политике, если они прямо не ущемляют интересов КНР, не является для нее приоритетной. В такой позиции Китая коренилось стремление по возможности избегать положения одного из участников глобального и всесторонне противостояния.

На фоне опасений Китая по поводу попыток его стратегического окружения со стороны США с помощью оборонительных альянсов и партнерских союзов, опирающихся на реальное наращивание их военной мощи в южной части Тихого и в Индийском океанах, в условиях одновременной озабоченности Вашингтона китайской программой модернизации вооруженных сил, динамичным экономическим развитием, растущим дипломатическим влиянием КНР в Азии и активизацией поиска энергетических ресурсов по всему миру, наиболее рациональным направлением во взаимоотношениях двух стран виделось расширение сотрудничества и уменьшение доли сдерживания. Самой многообещающей ареной такого сотрудничества США и Китая по-прежнему оставался Азиатско-Тихоокеанский регион.

Поддержка Пекином Вашингтона по ключевым региональным вопросам позитивно сказывалась на развитии их двусторонних отношений, несмотря на сохранявшиеся противоречия. Так, принятие в феврале 2007 г., на третьем этапе 5-го раунда шестисторонних переговоров по корейской ядерной проблеме совместного документа, которое стало значительным шагом в направлении замораживания военной ядерной программы КНДР, было бы невозможным без взаимодействия Китая и США.

Более того, факты свидетельствовали, что обязательным условием для дальнейшей стабилизации ситуации на Корейском полуострове и установления там прочного мира являлось продолжение активного сотрудничества на этом направлении Пекина и Вашингтона.

В марте КНР проголосовала за резолюцию Совета Безопасности ООН № 1747 о введении новых санкций в отношении Ирана, не выполнившего требований СБ о немедленном прекращении деятельности по обогащению урана. В результате наметились признаки улучшения американо-китайского сотрудничества в сфере региональной и глобальной безопасности. Этому способствовал также мартовский визит в Китай председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерала П. Пейса, завершившийся заключением договоренности о расширении двусторонних и многосторонних военных обменов.

К сфере безопасности, безусловно, относился также деликатный и чувствительный для обеих стран тайваньский вопрос. Координация Пекином и Вашингтоном позиций по сдерживанию порывов Чэнь Шуйбяня к независимости в целях стабилизации ситуации в Тайваньском проливе осуществлялась сторонами с 2003 г., но, по сути, ожидаемого эффекта не возымела. Прогнозы дальнейшего развития событий оказались также весьма затрудненными. Во-первых, следовало принимать во внимание грядущие изменения в правящих структурах США и Тайваня, а, во-вторых, сохраняющуюся у КНР решимость «не затягивая, обеспечить мирное присоединение острова». Как заявляли представители силовых ведомств в Пекине, Китай «не остановится перед применением силы, если действия тайваньских сепаратистов зайдут слишком далеко».

Отдельную проблему в китайско-американских отношениях составил комплекс вопросов энергетической безопасности. Хотя и у США, и у Китая вектор основных политико-экономических интересов был ориентирован на обеспечение доступа к мировым ресурсам, свои энергетические интересы они понимали по-разному. Занимая 1-е место в мире по запасам угля, Китай в 2007 г. стал его нетто-импортером. Та расточительная модель, которая легла в основу модернизации страны, была способна не только обрушить китайскую экономику, но и истощить мировые запасы ресурсов. На исключительной серьезности энергетических и экологических проблем для самого Китая и его отношений с США заострил внимание авторитетный знаток Китая Г. Киссинджер, который отметил, что их нерешенность «может привести к возникновению войны, аналогичной войне в начале XX века»³⁰⁴.

Потребности КНР в нефти с 1990 г. росли среднегодовыми темпами в 47 %. При сохранении такого роста к 2022 г. ему ежедневно требовалось бы 21 млн баррелей нефти, т.е. столько, сколько в 2007 г. потребляли сами США. Поэтому Китай нацелился на заключение соглашений о закупках энергоресурсов по ценам, зачастую выше рыночных, но на тех рынках, где конкуренция не столь интенсивна, включая страны, режимы которых числились у США в «изгоях». Именно в этом коренились истинные причины конфликта: США

стремились к изоляции таких режимов, а Китай фактически оказывал им финансовую и экономическую поддержку.

Важным шагом в расширении взаимодействия двух стран в области энергетики стало подписание в 2007 г. в Сан-Франциско китайско-американского меморандума о взаимопонимании по проблемам сотрудничества в этой сфере. В документе предусматривались активизация сотрудничества США и КНР в повышении потребления энергоносителей в китайской экономике, расширение возможности американских компаний в области экспорта в Китай оборудования и технологий, не наносящих ущерба окружающей среде.

Относительная стабильность американо-китайских отношений опиралась на прочный фундамент двусторонней торговли, солидную «подушку» американских инвестиций в Китае и заинтересованность последнего в экономических и технологических дивидендах, которые он получал в Америке для нужд собственного развития. Однако в этой сфере усугублялись проблемы, главной из которых стал огромный и постоянно увеличивавшийся торговый дефицит США, превысивший в 2006 г. 260 млрд долл. Согласно заявлениям американского Конгресса производственных профсоюзов, дешевый импорт из КНР представлял угрозу сотням тысяч рабочих мест в Америке. Постоянные скандалы в США, связанные с низким качеством импортируемой из Китая различной продукции, явились причиной там 5 антидемпинговых и антидотационных расследований с ноября 2006 по август 2007 г., непосредственно затронувших китайский экспорт на сумму 860 млн долл. и трудоустройство 70 тыс. человек на 500 с лишним предприятиях. Со своей стороны тогдашний министр коммерции КНР Бо Силай указал, что в критике американской стороной китайской продукции «наметилась определенная тенденция... Некоторые американские чиновники и СМИ хотят использовать сомнения в отношении качества китайских товаров в целях проведения в жизнь политики узкого торгового протекционизма».

Целый ряд других конфликтных ситуаций, как правило, не выходил за рамки предъявления протестов и обменов словесными колкостями. Так, 13 июля 2007 г. МИД КНР выразил «серьезное не-

удовлетворение и решительный протест» по поводу строительства в США мемориала жертвам коммунизма и его посещения 12 июня президентом Дж. Бушем, который, открывая его, приравнял коммунистическую идеологию к терроризму, упомянув о «миллионах людей, ставших жертвами коммунизма» в бывшем СССР и Китае.

18 октября власти КНР заявили протест против вручения золотой медали Конгресса США далай-ламе. По словам МИД Китая, это событие «серьезно подорвало» двусторонние отношения, и США должны компенсировать «ужасные последствия» происшедшего.

Следует также упомянуть неоднократные обвинения Вашингтона в адрес Пекина по поводу атак «хакеров» на компьютерную сеть Пентагона, исходивших якобы от НОАК КНР. В ответе представителя МИД Китая эти обвинения были названы беспричинными и охарактеризованы как «проявление менталитета холодной войны».

Наиболее значимым в отношениях обеих стран из числа мероприятий, подводивших итоги 2007 г., стал ноябрьский визит в КНР министра обороны США Роберта Гейтса, главным результатом которого явилось достижение договоренности об открытии «горячей линии» между военными министерствами обоих государств. В ходе визита Р. Гейтс имел переговоры с руководством Министерства обороны и МИД КНР и был принят председателем КНР Ху Цзиньтао, который во время беседы призвал «подходить к общему делу развития отношений между двумя странами со стратегической высоты и с точки зрения перспективных интересов». Именно такой подход, по мнению китайской стороны, и должен был стать определяющим в интересах дальнейшего укрепления отношений между Пекином и Вашингтоном.

На протяжении 2008 г. — последнего года президентства Дж. Буша-мл. — отношения между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки подверглись воздействию таких глобальных по своему характеру тенденций и процессов, как борьба за становление многополярности, неуклонное возрастание в мировой экономике и политике роли и влияния группы государств, переживающих этап бурного развития (так называемых стран

БРИК — Бразилии, России, Индии, Китая), а также общемировой финансово-экономический кризис. Кроме того, на состоянии китайско-американских отношений не могли не сказаться важнейшие события, происходившие в самих этих странах, включая проведение XXIX Олимпийских летних игр в Пекине и президентские выборы в США. С учетом влияния вышеуказанных факторов отношения двух стран в целом продолжали развиваться по восходящей, преодолев на своем пути ряд спадов и кризисных ситуаций.

Начало 2008 г. ознаменовалось пессимистическими прогнозами американских СМИ, предрекавшими дальнейшее ухудшение экономического положения в самих Соединенных Штатах на фоне продолжавшегося укрепления комплексной мощи и мирового авторитета Китая. При этом аналитики в США не скрывали опасений по поводу «усиления агрессивности китайского национализма», в случае «прорыва наружу» которого экономика КНР могла, по их утверждению, «дать сбой», что негативно отразилось бы на глобальной ситуации³⁰⁵.

Как показывали тогда опросы общественного мнения, треть американцев считала, что Китай «скоро будет господствовать в мире». При этом почти половина опрошенных рассматривала подъем Китая как «угрозу миру во всем мире». В свою очередь многие в КНР опасались, что Соединенные Штаты не допустят «мирного подъема» Китая³⁰⁶.

Среди американских политологов вновь нашло подтверждение признание того факта, что на пути экономического восхождения и совершенствования основ рыночных отношений Китай опроверг прогноз, будто становление капитализма и народное прослойки его отечественной буржуазии неизбежно приведет к политической либерализации.

Не оправдывались и возлагавшиеся Западом надежды на то, что предоставление Китаю права на осуществление такого крупного глобального проекта, как организация и проведение пекинской Олимпиады, может в определенной степени создать предпосылки для демократизации внутренней жизни в стране. Напротив, западные СМИ с сожалением констатировали, что именно богатый сред-

ний класс Китая, «подкупаемый обещаниями еще больших богатств, надеется на сохранение существующего политического строя». Более того, «китайская модель процветания в обмен на политическое повиновение» находит сторонников не только среди «автократов во всем мире», но и начинает «казаться все более привлекательной на Западе, поскольку где еще, как ни в Китае, можно найти лучшее место для бизнеса, строительства стадионов и небоскребов, продажи информационных технологий и медиасетей, если в стране отсутствуют независимые профсоюзы и вообще любые формы организованного протеста, способного помешать бизнесу?»³⁰⁷.

На почве таких умозаключений в американское общественное сознание привносились идеи о том, что Китай хочет лишиться США влияния в мире и создать собственную сферу влияния, «нечто вроде китайской доктрины Монро для стран Юго-Восточной Азии, которые будут подчинять свои интересы интересам Китая и которым придется серьезно задуматься над тем, стоит ли поддерживать Соединенные Штаты»³⁰⁸.

Неудивительно, что подобные настроения не способствовали стабильности в американо-китайских отношениях. Наибольший потенциал их дестабилизации в первом квартале 2008 г. заключался в осложнившейся ситуации вокруг Тайваньского пролива. Накануне президентских выборов на Тайване, которые состоялись 22 марта, наметилась резкая поляризация политических платформ противостоявших друг другу кандидатов — сторонника партии Гоминьдан, бывшего мэра Тайбэя Ма Инцзю, приверженца умеренной позиции поиска взаимоприемлемых договоренностей с Пекином — и представителя правящей Демократической прогрессивной партии Фрэнка Се, настаивавшего на немедленном провозглашении независимости и проведении референдума по вопросу вступления Тайваня в ООН, что Китай считал «вызывающим».

И хотя госсекретарь США Кондолиза Райс заявила по этому поводу на пресс-конференции, что «тайваньский референдум по вопросу подачи заявления в ООН от имени “Тайваня” является провокационной политикой... и не принесет никакой реальной пользы для народа Тайваня на международной арене», она вновь подтверди-

ла позицию администрации США, выступавшей против «односторонних угроз с любой стороны с целью изменения статус-кво».

Одновременно глава Пентагона Роберт Гейтс раскритиковал Китай за ограничение на заходы американских судов в китайские порты из-за продаж американского оружия Тайваню, заявив, что «до тех пор, пока КНР будет продолжать наращивать силы на своей стороне Тайваньского пролива, США продолжат обеспечивать остров ресурсами, необходимыми для его защиты»³⁰⁹.

Учитывая опасность инцидентов, к которым могло бы привести политическое соперничество на Тайване или растущее раздражение материкового Китая, США воспользовались возможностью поддержания более активных двусторонних связей на уровне военных и внешнеполитических ведомств. 13 января в Пекин с 4-дневным визитом прибыл глава Тихоокеанского командования ВС США адмирал Тимоти Киттинг, который в ходе своих встреч с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Го Босюном, начальником генштаба НОАК Чэнь Биндэ и министром иностранных дел Ян Цзечи отметил «наличие благоприятных шансов для расширения американо-китайских военных связей» и выдвинул ряд предложений относительно плана такого сотрудничества.

Обсуждая тайваньский вопрос, он подчеркнул, что американская сторона отстаивает политику «одного Китая» и серьезно подходит к факторам, которые могут привести к нарушению стабильности в районе пролива. В ответ китайская сторона потребовала строгого соблюдения Соединенными Штатами принципов трех совместных китайско-американских коммюнике, прекращения продажи оружия Тайваню и военных связей с ним в интересах совместного поддержания мира и стабильности в районе Тайваньского пролива³¹⁰.

В ходе встречи во второй половине января главы МИД КНР Ян Цзечи с государственным секретарем США К. Райс и ее заместителем Д. Негропonte стороны вновь подчеркнули обоюдную приверженность политике «одного Китая», высказались против любых сепаратистских действий тайваньских властей, в частности, прове-

дения референдума по вопросу «вступления Тайваня в ООН», согласились с необходимостью и дальше активизировать контакты и взаимодействие, укреплять взаимопонимание и взаимодоверие.

Однако уже в феврале этот позитивный настрой был омрачен очередным «шпионским скандалом», когда власти США объявили о задержании четырех человек, работавших, по их утверждению, на китайскую разведку. Арест обвиненных в шпионаже в пользу КНР вновь всколыхнул в США настроения, созвучные утверждениям некоторых высокопоставленных представителей администрации Буша о том, что Китай «наряду с “Аль-Каидой”, Ираном, Ираком и Россией числится среди основных источников внешней угрозы для Америки»³¹¹.

Важным итогом визита госсекретаря США К. Райс в Пекин 26—27 февраля 2008 г., который давал возможность определенного упорядочения все более усложнявшихся китайско-американских отношений, стала договоренность о возобновлении двустороннего диалога по проблеме соблюдения прав человека — одной из самых острых тем дискуссий и главных отправных точек затяжного конфликта обеих стран.

Однако наблюдателями это некоторое потепление было воспринято лишь как «временное перемирие» и охарактеризовано как «имиджевый ход» Вашингтона с целью «расположить к себе китайские элиты». Готовность же Пекина начать диалог по непростой для него теме была расценена как «нежелание подрыва экономического сотрудничества с США»³¹².

События в Тибете, начавшиеся 10 марта 2008 г. как мирная демонстрация и переросшие затем в волнения и акты неповиновения, резко изменили характер американо-китайской полемики вокруг прав человека: она стала более конкретизированной. США устами заместителя руководителя пресс-службы Госдепартамента Т. Кейси призвали Пекин «начать диалог с далай-ламой, чтобы урегулировать проблемы, связанные с Тибетом». Китай, со своей стороны, в качестве предварительного условия потребовал, чтобы далай-лама заявил об отказе от стремлений к независимости региона³¹³. Одновременно он выразил решительный протест против

принятия палатой представителей Конгресса США проекта антикитайской резолюции о Тибете, выдвинутого ее спикером Нэнси Пелоси.

Частичному «снятию напряжения» в китайско-американских отношениях в связи с разногласиями по вопросам прав человека был призван способствовать диалог по этой проблеме между двумя сторонами, который проходил с 24 по 28 мая в Пекине.

В ходе его стороны ознакомили друг друга с «новыми достижениями в развитии ситуации с правами человека в своих странах» и пришли к единому мнению, что состоявшийся диалог способствовал «укреплению взаимопонимания, уменьшению имеющихся разногласий, а также устойчивому, здоровому и стабильному развитию китайско-американских отношений в целом»³¹⁴.

Очень важную роль в отношениях КНР и США по-прежнему продолжал играть комплекс проблем, связанных с развитием двустороннего политико-стратегического и торгово-экономического взаимодействия. 12 мая 2008 г. в Пекине состоялись переговоры заместителя министра иностранных дел КНР Ван И и заместителя госсекретаря США Дж. Негропonte, в ходе которых стороны обсудили вопросы стратегического диалога двух стран, денуклеаризацию Корейского полуострова, помощь Мьянме и другие международные проблемы.

Исторические успехи в развитии китайско-американских отношений, увеличение общей ответственности и общих интересов КНР и США как двух влиятельных мировых держав, необходимость усиления сотрудничества между ними, расширения диалога и обменов были подтверждены в ходе состоявшихся встреч Дж. Негропonte с министром иностранных дел КНР Ян Цзечи и заместителем председателя КНР Си Цзиньпином. Заместитель госсекретаря США заверил китайских партнеров в том, что его страна будет и дальше «всеми силами продвигать развитие американо-китайских отношений независимо от того, какая политическая партия придет в США к власти в результате грядущих президентских выборов»³¹⁵.

17—18 июня 2008 г. в Аннаполисе (штат Мэриленд) состоялся 4-й раунд китайско-американского стратегического диалога в сфере

экономики, главными участниками которого в качестве спецпредставителей глав двух государств стали вице-премьер Госсовета КНР Ван Цишань и министр финансов США Генри Полсон.

Накануне диалога ситуация в мировой экономике в преддверии разразившегося позднее осенью глобального финансово-экономического кризиса выглядела достаточно серьезной, что было обусловлено повышением цен на энергоносители и продовольствие. Поэтому реальной пользой от диалога, в сравнении с каким-либо конкретным результатом, было бы, по мнению сторон, улучшение координации в макроэкономической политике, преодоление торгового протекционизма, уменьшение помех, связанных с политизацией торгово-экономических проблем.

В то же время диалог происходил на фоне усиления трений в торгово-экономической сфере между его участниками в связи с огромным негативным салдо США в торговле с Китаем (163,3 млрд долл. в 2007 г., по китайским данным, а по данным Статистического управления США — 256,2 млрд долл. при экспорте Китая в 321,4 млрд долл. и импорте из США в 65,2 млрд долл.)³¹⁶ и продолжавшимся давлением США на КНР по ряду финансовых проблем (ревальвация юаня, либерализация банковской системы Китая и пр.).

В ходе диалога Китай подчеркнул, что в действительности не курс юаня является причиной отрицательного американского салдо. Мерами, позволяющими решить эту проблему, по мнению китайской стороны, могли бы стать снятие ограничений на экспорт американской продукции в Китай, снижение торговых и инвестиционных барьеров.

По итогам диалога состоялось подписание китайско-американского рамочного соглашения о сотрудничестве в области энергетики и охраны окружающей среды сроком на 10 лет. Стороны согласились также провести переговоры по вопросам защиты взаимных инвестиций.

В конце июня с визитом в КНР побывала госсекретарь США К. Райс. Традиционно в повестке руководителей внешнеполитических ведомств двух стран значились темы денуклеаризации Корей-

ского полуострова, иранской ядерной проблемы, гуманитарной ситуации в суданском районе Дарфур, а также положение в Зимбабве. Подводя итоги переговоров, К. Райс выразила готовность американской стороны укреплять диалог и сотрудничество с Китаем и надежду посетить Пекин во время Олимпиады-2008, сопровождая президента США Дж. Буша.

Примечательно, что США в свое время возглавили группу стран, которые на протяжении длительного времени постоянно «ставили палки в колеса» пекинской Олимпиаде.

Как известно, современные Олимпийские игры давно превратились в мерило не просто спортивной, а международно-политической значимости того или иного государства, его положения, авторитета и престижа в мировой иерархии. Лидерство страны в олимпийском движении в течение долгих лет, как правило, ассоциировалось со значимостью ее и в глобальной политике. Не менее почетным знаком всемирного признания успехов и заслуг определенной страны считалось завоевание ее национальным олимпийским комитетом права на организацию и проведение очередной Олимпиады. И в этом смысле пекинские Игры не стали исключением.

Китаю удалось, как известно, пригласить к себе Олимпиаду лишь со второй попытки. Первая в 1993 г. была безуспешной не только из-за коррупционного скандала среди членов МОК, но прежде всего по причине давления со стороны Конгресса США, принявшего специальную резолюцию о недопустимости проведения Игр в стране, «нарушающей права человека». Однако, продолжая рассматривать право на проведение Олимпийских игр в качестве одного из важных символов дальнейшего укрепления собственных позиций в мире, Китай в 2001 г. предпринял еще одну попытку завоевать его, и сессия МОК, проходившая в Москве, на этот раз поддержала заявку Пекина.

Казалось, официальное решение МОК, принятию которого США больше не препятствовали, сняло все вопросы, и движению олимпийского факела в столицу Поднебесной был дан «зеленый свет». Но не тут-то было. Ровно за год до открытия пекинских Игр — в августе 2007 г. — конгрессмены Д. Рорабахер и М. Уотерс внесли в

палату представителей Конгресса США проекты резолюции с призывом к их бойкоту. Вслед за этим в СМИ Соединенных Штатов и ряда европейских стран развернулась не прекращавшаяся практически целый год кампания осуждения и критики различных аспектов внешней и внутренней политики КНР с привязкой к грядущей Олимпиаде, которую начали сравнивать с Играми 1936 г. в столице гитлеровской Германии.

Ответ на вопрос: «Кому и зачем все это понадобилось?» выходит далеко за рамки спортивной тематики и уводит в сферу политики. Вспомним, что накануне московской Олимпиады 1980 г. США фактически «подставили» СССР под Афганистан. По аргументированному утверждению генерала армии М. Гареева, исполнявшего в то время обязанности военного советника СССР в этой стране, соответствующие спецслужбы стран НАТО путем внедрения своих людей и публикации дезинформации, которая искусно подбрасывалась и советскому руководству, фактически подтолкнули Советский Союз к втягиванию в афганскую авантюру³¹⁷. Советское вторжение в Афганистан, как известно, не только привело к широкому бойкоту московских Игр, но, что гораздо более значимо и трагично, внесло последствием свою лепту в распад СССР.

Поэтому лишь наивные и недальновидные не заметили очевидной связи между выдвигавшимися в августе 2007 г. в американском Конгрессе призывами к бойкоту Олимпийских игр в Пекине, практически постоянными вылазками уйгурских сепаратистов, событиями марта 2008 г. в Тибете и последовавшими за ними многочисленными попытками сорвать эстафету олимпийского огня в различных районах мира.

Последовательность, очередность и четко прослеживавшаяся скоординированность антиолимпийских акций по сути не позволяли допустить мысли об их стихийном характере. Все происходившие события в их совокупности выглядели как единая, цельная операция, разработанная в недрах спецслужб. Это представлялось тем более достоверным, поскольку организация и синхронизация устроенных провокаций требовали не только централизованного руководства, но и немалых финансовых затрат.

В беседе с автором этих строк в ноябре 2007 г. в Пекине представители Оргкомитета китайской Олимпиады называли конкретные «внутренние и внешние силы», нацеленные на срыв Игр. К первым были причислены «уйгурские сепаратисты, силы, группирующиеся вокруг далай-ламы и члены организации “Фалуныгун”». Ко вторым — «те на Западе, кто недоволен активной внешней политикой Китая» с акцентом на «серьезную озабоченность деятельностью против КНР силовых структур США».

Американские спецслужбы, действительно, давно и плотно работали против КНР, делая основной упор на китайских мусульман — уйгуров, ведущих против Пекина подрывную террористическую войну. Не исключалось американское участие и в организации волнений в Тибете. И хотя духовный лидер буддистов далай-лама выступил, в конце концов, против бойкота Игр в Пекине и призвал к ненасильственным формам борьбы, за его спиной, по утверждению ряда наблюдателей, действовали поощряемые извне силы, заинтересованные в дальнейшей эскалации тибетского конфликта.

Особняком в ряду акций, носивших антикитайский характер, стояла предпринятая незадолго до открытия Игр в Пекине попытка оппозиционных сил разыграть сценарий очередной «цветной революции» в Монголии. Американский «след» в этих событиях выглядел вполне реальным, что подтверждал характер освещения антиправительственных выступлений в Улан-Баторе в электронных и печатных СМИ США.

По оценкам независимых экспертов, среди скрытых причин монгольских событий — попытка дестабилизации ситуации в регионе накануне все той же Олимпиады; укоренение в стране, расположенной между КНР и РФ, политического режима, ориентирующегося на Вашингтон, с целью обеспечения плацдарма для усиления влияния Америки в этом стратегически важном для нее районе; и, наконец, особый интерес, проявляемый США к сырьевым ресурсам Монголии, в частности, запасам урана. Реализация американского сценария тогда не удалась, причем не только благодаря решительным действиям монгольских органов правопорядка, но и по причи-

не определенных концептуальных расхождений между Госдепартаментом и спецслужбами США.

Это не исключало, однако, последующих американских попыток приблизить Монголию к себе, сделав ее своим региональным военно-политическим союзником.

В целом, анализ событий вокруг пекинской Олимпиады с проекцией на отношения между США и КНР наводил на мысль о том, что американцы готовились к ней как к репетиции будущего глобального поединка двух сверхдержав — нынешней и нарождающейся. А у Китая после объявления так называемыми внутренними и внешними силами холодной войны Играм-2008 по существу оставался единственный выбор — победить «на всех фронтах»: необходимо было не только сделать все для того, чтобы Олимпиада прошла успешно, но и одержать на ней убедительную спортивную победу, с чем КНР прекрасно справилась.

Завоевав первенство по количеству золотых олимпийских наград, Китай одержал не только спортивную, но, что гораздо значимее, весомую моральную победу, осознал что ему по плечу бремя лидерства, причем не только в спорте, проявил бойцовские качества, продемонстрировал силу, укрепил национальный дух, доказал, что по праву претендует на ведущую глобальную роль, приобрел уверенность, необходимую для будущих побед. В итоге им был сделан важный шаг на пути окончательного утверждения собственного сверхдержавного статуса. Таким образом, в августе 2008 г. скрытое противоборство КНР и США в определенном смысле достигло кульминации, одновременно дав старт качественно новому этапу во взаимоотношениях этих государств.

Анализируя итоги пекинской Олимпиады не столько в спортивном, сколько в более широком политическом контексте, некоторые российские китаеведы пришли к выводу, что она «показала смену мирового лидера по духовному потенциалу и стала стимулом для геоэкономического рывка КНР с целью ее превращения в полного глобального лидера»³¹⁸.

Наиболее примечательным событием в китайско-американских отношениях на этом фоне сразу после окончания Игр в Пекине ста-

ло прекращение Китаем военных связей с США, мотивированное планами Пентагона продать Тайваню партию современных вооружений на сумму 6,5 млрд долл., а также отмена или отсрочивание по инициативе Китая взаимных визитов высокопоставленных руководителей Пентагона и НОАК, намеченных на ноябрь, и отработки совместных мероприятий по ликвидации последствий стихийных бедствий в КНР и США.

Одновременно Пекином была поставлена под сомнение целесообразность содействия американцам в преодолении финансового кризиса и заблокированы попытки США созвать конференцию по Ирану для принятия новых санкций в отношении его ядерной программы. Все это выглядело как явное подтверждение факта осознания Китаем своего окрепшего и обретшего новое качество глобального статуса и демонстрация потенциально возможной будущей «жесткости» в случае возобновления усилий Америки вновь «выстраивать мир под себя», не считаясь с Поднебесной.

3.1.3. Россия — сателлит или враг?

Эволюция подходов администрации Дж. Буша к отношениям с Китаем осуществлялась в рамках общей корректировки и переориентации американской внешней политики. После краха двухполюсной архитектоники, которая была относительно целостной и стабильной системой мироустройства, базировавшейся на принципах «сдержек» и «противовесов», Соединенные Штаты, оказавшиеся в положении единственной сверхдержавы, неоспоримого мирового гегемона и опьяненные избытком самодовольства, стали постепенно утрачивать ощущение реальности, терять глобальный обзор и ориентировку в происходящих в мире процессах.

Справедливости ради следует отметить, что разнuzданность поведения США на международной арене в тот период во многом стала возможной из-за внешнеполитической пассивности России, которая в силу тогдашней слабости и возлагавшихся ею, но несбывшихся, надежд на «дружбу с Америкой», не предприняла решитель-

ных шагов с целью воспрепятствовать американо-натовскому пиратству.

Трагедия 11 сентября 2001 г., к сожалению, не стала предостережением для пришедшей на смену Клинтону администрации Буша и Чейни. Не сделав принципиальных выводов из опыта своего предшественника о недопустимости, а главное, неэффективности упования исключительно на силовой фактор, она повысила агрессивность, избрав месть главным мотивом своего внешнего поведения.

Другим его мотивом оставалась перманентно (на протяжении десятилетий) присущая исключительно Америке своеобразная «болезнь», которую многие именуют синдромом мессианства. Иными словами, речь идет о тупом в своей неукротимости стремлении всеми праведными, а чаще несправедными путями насаждать «демократию по-американски», т. е. в том виде, как ее понимают в Америке, всюду, где только возможно, невзирая на то, готова в данном месте для этого почва или нет. Правда, приоритет при этом, как правило, отдается все же тем странам или районам, к которым у США есть особый, чисто меркантильный интерес, как, например, Ирак с его нефтью.

Особенно примечательно в связи с этим прозвучало заявление известного американского политолога Д. Саймса, который провозгласил, что «демократическая страна не может чувствовать себя в безопасности, если находится в недемократическом окружении»³¹⁹. Географически и геополитически это выглядит полным абсурдом, поскольку и Канада, и Мексика — страны, «окружающие» США, по американским меркам абсолютно демократичны.

Ныне многие американские политики стали все отчетливее осознавать, что слишком завышенная самооценка Соединенными Штатами собственных сил и возможностей и явная недооценка степени сопротивляемости остального мира их «добрым» намерениям «просветить и облагородить» всех подряд, наставив на «цивилизованный демократический путь», привели к тому, что в мире, где еще в начале 1990-х годов образ Америки почти обожествлялся, а ее авторитет котировался очень высоко, возникли иные ценностные ориентиры, другие примеры для подражания. И Китай прочно занял

место в их ряду как образец стремительного социально-экономического взлета и форсированного пути от бедности к достатку.

Кроме того, постепенно стали складываться зачаточные контуры нового миропорядка. Произошло то, чего США боялись больше всего: по мере усиления Евросоюза, крайне раздраженного подрывом американцами авторитета международных организаций, и прежде всего ООН, экономического укрепления Китая, Индии и Бразилии, роста недовольства в Латинской Америке политикой ее северного соседа и «подъема с колен» России мир начал все решительнее консолидироваться в направлении многополярности.

В такой ситуации США были вынуждены пересмотреть и частично переориентировать свои основные внешнеполитические векторы. Выступая в январе 2006 г. в Джорджтаунском университете, бывшая тогда госсекретарем США Кондолиза Райс недвусмысленно подчеркнула, что «в XXI веке растущие нации, подобные Индии, Китаю, Бразилии, Египту, Индонезии и Южной Африке, во все большей степени будут определять ход исторического развития».

Таким образом, Америка начала учитывать влияние подъема Китая на геополитическую обстановку в мире. Из «стратегических конкурентов» он был перемещен в категорию потенциальных американских партнеров. Начались регулярные взаимные консультации по самому широкому кругу проблем — от вопросов сотрудничества в области энергетики и коррекции обменных курсов до ядерной программы КНДР, Дарфура, Дохи и т. п. США стали поощрять участие КНР в деятельности «восьмерки», в работе международных финансовых и экономических институтов.

Этапным в американо-китайских отношениях стало уже упоминавшееся заявление в сентябре 2007 г. тогдашнего заместителя госсекретаря США Роберта Зеллика, который призвал выйти за пределы политики подталкивания КНР в международные организации и сделать Китай опорой, «ответственным акционером» мирового сообщества, заинтересованным в поддержании существующей системы, который «сотрудничал бы с США ради ее поддержки»³²⁰. В устах высокопоставленного представителя американской администрации

это прозвучало как признание того, что жить в мире старых союзов больше нельзя, поскольку развитие исторического процесса встало на новые рельсы.

Выступление Президента РФ В.В. Путина на конференции в Мюнхене в феврале 2007 г. стало своеобразным «поворотным пунктом» в отношениях России и Запада. Резкая критика российского лидера в адрес США за бесконтрольное применение силы в международных делах, односторонние, нелегитимные действия американцев, приводящие к возникновению все большего числа войн и конфликтов на нашей планете, имела мощный и широкий международный резонанс.

Даже западные эксперты-международники, укоряя США за эгоцентризм, отмечали тогда, что «американская политика является излишне настойчивой, самососредоточенной, нечувствительной к интересам других»³²¹. В конечном счете, это и стало одной из причин резкого тона мюнхенского заявления Путина, который твердо дал понять, что Россия была и остается великой державой со своими собственными национальными интересами, не нуждающейся в чьих-либо указаниях или понуканиях.

Еще в 1793 г. один из американских отцов-основателей Томас Джефферсон высказал мудрую мысль: «Мы, разумеется, не можем отрицать за каким-либо народом то право, на котором основана наша собственная форма правления, будучи уверены в том, что *каждый народ может выбирать для себя ту форму правления, которая ему нравится*» (Курсив наш. — Авт.), и изменять ее по своей воле; а также вести дела с другими народами посредством того органа, который считает для себя подходящим <...>. Воля народа есть единственно важная вещь, о которой стоит беспокоиться»³²².

Есть основания полагать, что сегодня эти слова преданы забвению на родине их автора, как, впрочем, и завет для США Джорджа Вашингтона — быть «городом на холме, на который направлены взоры всех тех, кто желает следовать американскому примеру, *но не более того*». Не сбылись и надежды Джона Куинси Адамса на то, что «Америка не пойдет за океан, чтобы отыскивать и уничтожать монстров». Словно в насмешку над своими великими предшественника-

ми и вопреки их наставлениям ее нынешнее руководство занялось как раз противоположным.

Еще один видный американец, уже современный политик, в одной из своих недавних книг писал: «...Уже можно сделать некоторые выводы из нашего пребывания в Ираке. Трудности возникают там не просто из-за плохого исполнения. Они отражают ошибочность концепции. ...У Соединенных Штатов по-прежнему нет последовательной политики обеспечения национальной безопасности. Вместо руководящих принципов у нас есть нечто похожее на серии специальных решений с сомнительными результатами. ...Без ясно изложенной стратегии, которую общественность поддерживает и мир понимает, у Америки будет не хватать легитимности — и в конечном счете силы, — необходимой ей для того, чтобы сделать мир безопаснее, чем он есть сегодня»³²³. И еще: «...чем больше укреплено норм международного права и чем больше Америка проявляет готовность сдерживать применение своей силы, тем меньше будет возникать конфликтов и тем более легитимными будут казаться наши действия в глазах мира...»³²⁴. Эти слова, как ни парадоксально, принадлежат президенту Б. Обаме, который, как показали действия его администрации, весьма своеобразно воспринял на практике значение легитимности и предназначения силы в политике.

Курс Соединенных Штатов на обострение американо-российских отношений по любому поводу и без такового не имеет разумного оправдания, но объяснению поддается вполне. Прежде всего, у Америки до сих пор не изжит «синдром победителя», хотя с момента окончания холодной войны прошло более 20 лет. В Вашингтоне и поныне считают, что ее выигрыш на долгие времена обеспечил США мандат на всемирное единовластие.

Быстро привыкнув к беспредельной уступчивости советского руководства в лице Горбачева—Шеварднадзе, а затем к заискиваниям и соглашательству российских властей, персонифицированных тандемом Ельцин—Козырев, США поначалу с недоумением, а затем со все более усиливающимся неприятием стали воспринимать самостоятельное поведение России на международной арене, проявившееся в курсе Путина—Лаврова на «многовекторность и твердое, но

неконфронтационное отстаивание национальных интересов во внешних делах»³²⁵.

Это неприятие усугубилось еще одной привычкой Америки — не только отрешиваться от необходимости поиска компромиссов, присущей временам биполярного противостояния, но и игнорировать собственные некогда данные обещания, начиная с нарушения Соединенными Штатами договоренности о нерасширении НАТО на Восток по окончании холодной войны и заканчивая отходом США от стратегической линии, выраженной в свое время в договорах СНВ-1 и СНВ-2.

Инициативные попытки России наладить подлинно партнерские отношения с США не увенчались успехом, натолкнувшись на менторское высокомерие Америки, посчитавшей, что Россия не годится ей в равноправные партнеры и должна сделать выбор между ролью ее саттелита либо врага.

В последнее десятилетие, с резким ростом комплексной мощи Китая, США стали воспринимать Россию лишь как партнера по взаимодействию в ограниченных сферах (стратегические вооружения, борьба с терроризмом, ядерное нераспространение). Непосредственный интерес США к России в азиатском контексте также прослеживался через призму «китайского фактора» и сводился к оценке возможности ее использования в качестве союзника Америки в борьбе с угрозой усиления КНР (что при нынешних обстоятельствах совсем нереально) либо к восприятию в качестве стороны КНР, представляющей опасность для США. Целесообразность более широкого сотрудничества с ней оценивалась ими прагматически.

В то же время геополитически Америка старалась окружить Россию, усиливая свое присутствие в зонах коренных российских интересов (Центральная Азия, Дальний Восток, СНГ). «Политика США и НАТО на российском направлении обрела форму силового нажима, экспансии в зоны интересов России и вытеснения ее оттуда, подрыва ее безопасности и противодействия подъему»³²⁶. В случае Украины американцы, по выражению В. Путина, «перешли красную линию».

3.2. КНР: от регионального лидерства к сверхдержавному статусу

События в мире в конце 2008 — начале 2009 г., в особенности мировой финансовый кризис, не только совпали с резким выдвиганием КНР из категории региональных лидеров на позиции ведущих глобальных держав, но в определенной степени способствовали качественному «скачку» Китая вверх по всемирной «иерархической лестнице». Помимо выдвигания на место сначала третьей, а затем и второй экономики мира он серьезно укрепил свои стратегические позиции в АТР и регионе Восточной Азии.

В отличие от потенциального стратегического конкурента и соперника в регионе — Японии — Китай имел в своем распоряжении собственные природные ресурсы, достаточные для того, чтобы самостоятельно поддерживать устойчивый экономический рост, обеспечивать свою независимость и оказывать влияние на формирование стратегии безопасности в рамках АТР. Получая огромные доходы от внешней торговли, КНР направляла их в том числе и на укрепление своего военного потенциала.

Ключевым элементом стратегии национальной безопасности КНР стало стремление поддерживать отношения взаимодействия с ведущими мировыми державами, создавая системы международных гарантий, которые предохраняли бы Китай от потенциальных военных конфликтов, давая ему возможность сосредоточиться на решении внутренних задач развития и модернизации страны.

В условиях укрепляющегося единства стратегических интересов КНР и России сотрудничество в области безопасности между ними становилось все теснее. А с возвращением В.В. Путина на пост президента РФ и усилением приоритета азиатского направления в российской внешней политике усилия двух стран по противодействию гегемонизму США на региональном и глобальном уровнях стали более скоординированными и консолидированными.

Тем не менее, американская сторона изначально прилагала определенные усилия в попытке разорвать китайско-российский «тан-

дем», предложив Китаю концепцию «мира на двоих», которая предполагала подключение его в качестве младшего партнера США к управлению глобальными экономическими и политическими процессами. По срокам это практически совпало со сменой власти в Вашингтоне.

Победа Б. Обамы на президентских выборах в США была воспринята в КНР двояко. С одной стороны, на уровне общественного сознания имидж Америки стал более позитивным. Для многих китайцев стереотипный образ США как близкого к расистскому государства, где правит исключительно белая элита, был развеян окончательно, а приход к власти чернокожего политика расценивался как знаковое явление, имеющее важное значение не только для афроамериканцев, но и для других проживающих в США этнических меньшинств, в том числе китайского.

С другой стороны, на государственном уровне вызывали беспокойство настойчиво повторявшиеся Обамой в ходе избирательной кампании обещания перемен. Настораживала, прежде всего, потенциальная возможность у президента-демократа договориться с контролируемым его же партией Конгрессом о введении протекционистских мер, обвинив Китай во всех постигших Америку экономических бедах. К счастью для Китая, в реальности этого не произошло, а он, своевременно подстраховавшись и обойдя Японию, стал главным мировым держателем долговых американских обязательств и крупнейшим внешним кредитором правительства и экономики США. Китай приобрел на мировом рынке на сумму в 43,6 млрд долл. наибольшее количество увеличенных американским министерством финансов долговых облигаций, доведя их общий объем в своем владении до 585 млрд долл.

На конец 2008 г. в Китае насчитывалось 17 тыс. предприятий с участием американских инвестиций, годовые доходы от продаж у которых превысили 1 млрд долл. Численность занятых на них составляла около 2,2 млн человек. Общий объем американских инвестиций в экономику Китая достиг почти 60 млрд долл.³²⁷

12 января 2009 г. в Пекине открылся двухдневный симпозиум, посвященный 30-летию установления дипломатических отношений

между КНР и США, на котором присутствовали более 250 политиков, дипломатов и ученых обеих стран, многие из которых лично участвовали в процессе формирования и развития двусторонних связей, включая Цянь Цичэня, Тан Цзясюаня, Дж. Картера, Г. Киссинджера, З. Бжезинского и др. В США праздничная церемония по поводу юбилейной даты прошла 5 января на нью-йоркской Фондовой бирже.

При подведении итогов развития отношений КНР и США за прошедшие 30 лет было отмечено, что объем торговли между ними за этот период вырос более чем в 120 раз — с 2,5 млрд долл. в 1979 г. до более 300 млрд долл. на конец 2007 г. Между сторонами было подписано свыше 30 соглашений о межправительственном сотрудничестве, создан механизм диалога более чем по 60 вопросам, продолжал углубляться культурный обмен. В последние годы свыше 2 млн граждан КНР и США ежегодно пересекали границы двух государств³²⁸.

Тем не менее, пришедшая буквально через несколько дней на смену республиканцам новая администрация демократов во главе с Б. Обамой поначалу проявляла определенную сдержанность в оценке перспектив отношений США с КНР.

Выступая на сенатских слушаниях по утверждению ее на пост государственного секретаря, Хиллари Клинтон заявляла, что хотя Китай имеет исключительное значение для Америки «как один из важных субъектов, который изменит картину мира, ...но большая часть того, что мы собираемся сделать, зависит от выбора им своей внутренней и внешней политики»³²⁹. Утвержденный сенатским комитетом на пост министра финансов Тимоти Гайтнер указал, что американо-китайские отношения стоят одновременно перед лицом очевидных вызовов и большого количества возможностей.

В то же время на переходном этапе смены персоналий в американской политической элите США столкнулись с серьезной дилеммой при выработке будущего курса в отношении Китая.

Как совместить в нем практически несовместимое? С одной стороны, продолжать укреплять отношения с Пекином, все шире и активнее вовлекая его в контролируруемую Западом международную систему политических, экономических и финансовых институтов и

одновременно способствуя тем самым усилению веса, авторитета и влияния, а в конечном итоге — и государственной мощи КНР. А с другой — стремиться сдерживать галопирующий китайский рост в попытке сохранить свое лидерство в мире.

Отыскание Соединенными Штатами грани шаткого баланса между этими двумя по существу взаимоисключающими политическими подходами оказалось гораздо более сложной и тонкой работой, нежели прямое и откровенное завлечение Китая в «друзья против СССР» в 1970—1980-е годы или его фронтальное «сдерживание и ограничение» после тяньаньмэньских событий.

Согласно некоторым оценкам, уже в 2011 г. на так называемый «большой Китай» должно было приходиться 24 % всего американского экспорта. Прогнозы накануне мирового финансового кризиса говорили о том, что до 2010 г. ежегодный общий рост стран БРИК (Бразилии, России, Индии и Китая) превосходил совокупный рост США, Японии, Германии и Великобритании.

Что касается внутренних планов Китая, то к 2011 г. он рассчитывал завершить процесс перехода из статуса индустриальной державы в статус державы технологической (как Япония или Германия). На этой основе, а также за счет активного и ускоренного расширения связей с внешним миром КНР планировала обеспечить себе к 2012 г. господствующее положение в АТР. Повышая на протяжении последующих 5—7 лет свой державный статус с технологического до инновационного, Китай стремился к началу 2020-х годов добиться реализации программы «сяокан» — достижения уровня среднего достатка — символа народного благосостояния. К 2049 г. (100-летию КНР) Китай намеревался завершить процесс модернизации, воплотить в реальность идею собственного национального величия и продемонстрировав тем самым все преимущества избранного им пути «социализма с китайской спецификой».

В США прекрасно понимали, что открыто идти против Китая означало враждовать с самым могучим и многочисленным мировым этносом, в который входят Гонконг, Тайвань, Сингапур и многие анклавы в странах ЮВА. С другой стороны, американцы были обеспокоены стремлением КНР приобрести статус супердержавы.

Поэтому «торможение» ускоренной китайской поступи при последних американских администрациях, как демократов, так и республиканцев, осуществлялось преимущественно закамуфлировано с целью создания предпосылок для дестабилизации экономической и общественно-политической ситуации в КНР.

В ходе предвыборной кампании Б. Обама заявлял, что будет «подталкивать» Пекин к «более ответственной роли» в оказании содействия американскому лидерству в решении общих проблем XXI века, но при этом США будут не только сотрудничать с Китаем, но и «состязаться с ним»³³⁰. Это могло означать, что в условиях ускоренного Китая в роли азиатского регионального лидера и повышения его глобального статуса Вашингтон будет стремиться к расширению вокруг КНР числа стран, разделяющих отстаиваемую им модель демократии.

Политическое «сдерживание» Китая, по замыслу Обамы, должно было происходить за счет ограничения влияния КНР путем распространения тезиса о превосходстве демократических ценностей над национальными интересами. Соединенные Штаты объективно не способны были помешать подъему Китая и видели свою основную цель в содействии тому, чтобы у КНР не осталось иного выбора, кроме как стать полноценной участницей международной системы правил и институтов, созданных США и их союзниками, а также добиваться того, чтобы комплексная мощь Китая не выходила за рамки этой системы. Они желали оставаться ее лидером и рассчитывали на способность сохранить свою доминирующую роль в XXI веке.

Активным приверженцем идеи тесного американо-китайского партнерства в окружении нового президента США поначалу позиционировал себя бывший советник по национальной безопасности в администрации Дж. Картера З. Бжезинский, который в статье, опубликованной 14 января 2009 г. в лондонской *Financial Times*, подчеркивал, что развивая стратегическое взаимодействие, США и Китай должны создать «большую двойку», которая «сможет значительно изменить ситуацию в мире»³³¹.

Политолог утверждал, что Пекину и Вашингтону не следует забывать о своей взаимозависимости. По его мнению, непосредствен-

ное участие Китая в решении проблем в ряде стратегических регионов мира давно назрело и стало необходимым³³².

Статья в ведущей британской газете по существу не стала открытием, поскольку тема о возможности формирования геополитического альянса между США и КНР, идея создания Вашингтоном и Пекином коалиции в виде «большой двойки», или «мира на двоих» (G-2), экономического и политического блокирования двух стран в формате так называемой кимерики постоянно присутствовала на протяжении нескольких предыдущих лет в мировых СМИ.

В результате усилий ряда видных представителей западной политологии и синологии на свет появилась концепция будущего мироустройства, призванного опираться на «единство интересов», или «общую судьбу» США и Китая. Она не являлась их коллективным «детисем», но известные американские и другие западные эксперты в области международной политики внесли в нее свою лепту.

В итоге «кимерика» как таковая составила лишь часть идеи «большой двойки», олицетворяя экономическую «смычку» США с Китаем с целью взаимодействия для преодоления, прежде всего, трудностей разразившегося в конце 2008 г. финансово-экономического кризиса, а конкретнее — привлечения Америкой китайских ресурсов для поиска путей выхода из катастрофической ситуации, в которой очутилась в тот момент ее экономика.

Свое видение проблемы представил Г. Киссинджер, который считал, что новый мировой порядок должен строиться прежде всего на системе совместных приоритетов, альтернативой которой являлся хаос. По Киссинджеру, наряду с уже имеющимися глобальными органами финансового управления необходимо было создать политические наднациональные органы с США и КНР в качестве «ядра», поскольку им было «важно сотрудничать и не замыкаться в своих регионах, чтобы совместно преодолеть последствия кризиса»³³³.

Схожие мысли высказал и известный американский синолог Дэвид Лэмптон, директор Центра по изучению Китая при университете им. Дж. Хопкинса, который, однако, больше ратовал за взаимодействие вышеупомянутой «двойки» прежде всего в области так на-

зываемой мягкой силы и особенно в интеллектуально-технической сфере³³⁴.

Подход 3. Бжезинского отличался особым акцентом на общность стратегических интересов США и КНР и тесное взаимодействие двух стран в целях их реализации.

То, что статья в Financial Times была опубликована менее чем за неделю до прихода к власти нового президента-демократа и вышла из-под пера одного из его ключевых на тот момент внешнеполитических консультантов, давало основания предположить, что для «встающей за штурвал» администрации она носила программный характер.

Таким образом, реагируя на стремление подавляющего большинства стран, включая Китай и Россию, к формированию многополярного мира, американские теоретики от геополитики предприняли очередную попытку навязать лидерам США и КНР новую концепцию мироустройства — «проект общей судьбы», или «кимерику». Очевидно, что в тактическом плане расчет американской стороны при его выдвижении состоял, главным образом, в привлечении ресурсов Китая для поиска путей выхода Америки из кризиса, в то время как стратегически этот проект был нацелен на развязывание новой крупной геополитической игры, результатом которой в перспективе должны были стать очередное глобальное возвышение США и ослабление их главных соперников — Китая и России.

Следует отметить, что в целом идея «кимерики» не вызвала большого энтузиазма в Пекине, где откровенно заявили о том, что она «не только идет вразрез со стратегическим курсом на политическую многополярность в мире, но может породить обеспокоенность среди большинства стран и нанести вред отношениям КНР с основными стратегическими партнерами». Действительно, трудно было представить, что Китай, проводящий «независимую и самостоятельную внешнюю политику», вдруг выразил бы согласие на «дуополюсность» с США в роли младшего партнера, поскольку «партию первой скрипки» Вашингтон безоговорочно оставлял за собой.

В то же время сдвиг в пользу более прагматичных подходов для решения актуальных проблем в ходе осуществления Соединенными Штатами своей внешней политики неизбежно приводил к их более тесному сотрудничеству с Китаем. И в этом отношении Пекин уже заменил Москву в качестве привилегированного партнера Вашингтона. Именно поэтому первый зарубежный визит нового государственного секретаря США Х. Клинтон в феврале 2009 г. состоялся в четыре азиатские страны, главной из которых, по общему признанию, стала КНР.

В ходе переговоров в Пекине стороны условились расширить двусторонний стратегический диалог по экономическим вопросам, включив в него проблемы безопасности. Было также объявлено о планах начать дискуссии по глобальному климатическому потеплению. Высказав заинтересованность работать совместно с Китаем по целому ряду важных проблем, Х. Клинтон явно приглушила правозащитную тематику, прямо заявив еще накануне визита, что «давление в области прав человека не должно помешать переговорам по экономическому кризису, глобальному потеплению и северокорейской проблеме»³³⁵.

Однако, несмотря на стремление руководства двух стран установить тесные партнерские отношения, даже при новой вашингтонской администрации китайско-американские противоречия отнюдь не стали достоянием прошлого. В марте в Южно-Китайском море произошел инцидент с участием судов двух стран. По заявлению представителя Министерства обороны КНР от 11 марта 2009 г., военный корабль США без согласия китайской стороны вел незаконную изыскательскую деятельность в эксклюзивной экономической зоне Китая и тем самым нарушил положения Конвенции ООН по морскому праву и Закона КНР о государственной границе специальных экономических зон и континентального шельфа.

25 марта 2009 г. МИД КНР выразил «крайнее неудовлетворение» в связи с принятием палатой представителей Конгресса США резолюции, посвященной 30-летию так называемого Закона об отношениях с Тайванем, назвав это «вмешательством во внутренние дела Китая за счет проблемы Тайваня»³³⁶.

Новый всплеск полемики между США и КНР возник после публикации в конце марта 2009 г. ежегодного доклада Пентагона Конгрессу США, посвященного военной мощи Китая, в котором говорилось, что эта быстро растущая мощь ведет к изменению соотношения сил в регионе, что сказывается, в первую очередь, на положении в Тайваньском проливе. НОАК превращается в силу, которая способна выиграть короткие интенсивные конфликты против врага, оснащенного высокотехнологичным оружием, а КНР совершенствует ядерные ракеты дальнего действия, которые позволяют ей усилить свою роль как глобальной военной державы, утверждал Пентагон.

Одной из главных претензий авторов доклада стало то, что военное строительство в Китае окутано завесой секретности. Пентагон призвал китайскую сторону перестать скрывать свои планы и расширить военные контакты с США. Пекин в ответ заявил, что обвинения американцев беспочвенны и отражают «менталитет холодной войны», а подготовка таких докладов наносит ущерб американо-китайским отношениям.

Главным событием во взаимоотношениях двух стран в первой половине 2009 г. стала встреча Председателя КНР Ху Цзиньтао и Президента США Б. Обамы 1 апреля на саммите 20 ведущих мировых держав в Лондоне, основным итогом которой был «активный и важный импульс», данный главами обоих государств в целях содействия, по выражению «Жэньминь жибао», «новому рейсу» китайско-американских отношений³³⁷.

На встрече была достигнута договоренность об американо-китайском стратегическом и экономическом диалоге, охватывавшем практически все сферы сотрудничества двух стран в мировых делах — от укрепления режима нераспространения ядерного оружия, урегулирования национальных конфликтов, улучшения связей военных ведомств США и Китая до «преодоления мирового кризиса»³³⁸.

Американская администрация в ходе переговоров обещала Китаю вдвое сократить свой финансовый дефицит после улучшения экономической ситуации. Китай, со своей стороны, заявил о наме-

рении усилить макрорегулирование и расширить сферу внутреннего потребления. Как отмечали наблюдатели, в отличие от смены предыдущих американских администраций, когда в отношениях между Пекином и Вашингтоном обычно наблюдался процесс «от трений к сотрудничеству», на этот раз после инаугурации президента Б. Обамы благодаря общим усилиям в межгосударственных отношениях США и Китая был осуществлен «плавный переход».

Межгосударственные отношения двух стран, исходя из стратегических и долгосрочных интересов и перспектив, были оценены ими не только как приоритетные, но «крайне конструктивные и активные, необходимые для будущего мира».

Примечательно, что во время пресс-конференции в Лондоне, отвечая на вопрос китайского журналиста, американский президент отказался охарактеризовать одним словом характер отношений США и Китая. «Я не сторонник ярких клише и не буду искать их для нынешних отношений между США и КНР, но если вы имеете предложения по их характеристике, то сообщите мне», — предложил он.

При этом в ходе личной встречи лидеры обеих стран договорились возобновить обмены по линии своих оборонных ведомств. В опубликованном по итогам переговоров заявлении Белого дома отмечалось, что они «разделяют приверженность налаживанию отношений в военной области и продолжают работу в направлении их дальнейшего развития и совершенствования»³³⁹.

В результате Китай подтвердил свое приоритетное внимание развитию связей с Америкой, а американская сторона заявила о том, что двусторонние контакты с КНР стали «крайне конструктивными» и активные связи с ней «необходимы для будущего мира, прогресса и процветания США». Встреча в Лондоне была охарактеризована как «открытие новой эпохи (Курсив наш. — Авт.) в истории здорового и стабильного развития китайско-американских отношений»³⁴⁰.

Провозгласив после прихода в Белый дом «новый курс» на китайском направлении, Б. Обама не сумел, однако, поначалу адекватно оценить и осмыслить цели и намерения КНР, вытекавшие из

процесса обретения ею статуса второй державы мира в результате трансформаций, сопутствовавших глобальному финансово-экономическому кризису. Эта недооценка привела к стагнации и даже некоторому откату в отношениях обеих стран, что, впрочем, не оказало существенного влияния на характер и объем, в первую очередь, их торгово-экономических связей.

Логично предположить, что как раз после лондонской встречи в умах ряда ведущих специалистов в области внешней политики и в США, и в КНР начали вызревать мысли о гипотетической реальности некоего альянса сторон на почве взаимной заинтересованности в возможностях друг друга, но при этом исключительно на условиях, которые каждая из них сочла бы для нее самой единственно приемлемыми.

Не в последнюю очередь это ощущение должно было подкрепляться впечатлением относительной мягкости, плавности и безболезненности «переходного периода» в отношениях двух стран по сравнению с предыдущими сменами Вашингтонских администраций.

Что касается соображений, на которые опиралась каждая из сторон, то США исходили из того, что Китай, официально не отвергавший в тот момент зондажа идеей «большой двойки», не станет оспаривать американское глобальное лидерство при условии согласия Америки на усиление его региональной роли и дальнейшее укрепление позиции ведущей развивающейся державы мира.

От внимания в США не ускользнуло, что со второй половины первого десятилетия нынешнего века Китай начал постепенное замещение своей прежней внешнеполитической концепции «мирного возвышения» более мягкой по формулировкам концепцией «гармоничного мира». Американская сторона восприняла его лояльное поведение по отношению к ней как партнеру по экономической «связке» в период глобального кризиса в качестве практического результата этих изменений. Знаковым для нее стало также согласие Китая после прихода во власть Обамы на возобновление военных связей, замороженных в конце президентства Буша из-за его решения о военных поставках Тайваню.

И, наконец, определенную роль, видимо, сыграли замеченные Америкой попытки представителей некоторых внешнеполитических ведомств КНР, прежде всего китайского МИДа, определенным образом «подыграть» ее идее «G-2». Характерно, что после встречи в Лондоне на протяжении почти 10 месяцев вплоть до визита Обамы в Китай представителям экспертного сообщества и СМИ КНР в дискуссионно-пропагандистских целях не возбранялось обсуждать в печати, на ТВ и в специальных изданиях как саму эту идею, так плюсы и минусы предложенного США формата³⁴¹.

Со своей стороны руководство Китая, анализируя предложенную США инициативу, не могло не учитывать, что смена власти там совпала с началом качественной трансформации мировой архитектуры — постепенным демонтажом монополярной системы, связанным с ослаблением глобальных позиций и роли Америки в мире. Его причины носили комплексный характер и были обусловлены как внешнеполитическими неудачами предыдущей администрации, так и ее внутренней политикой, приведшей США, а за ними всю мировую экономическую систему к глубочайшему финансовому кризису.

Экономическое «недомогание» сказалось на военно-политической мощи США и существенно ограничило их способность силового реагирования, возможности диктовать более слабым и зависимым странам линию поведения. На таком фоне вес, авторитет и влияние Китая в мире, подкрепленные усилением его комплексной мощи, значительно возросли.

Унаследовав в политике по отношению к КНР сочетание подходов своих предшественников Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего, Б. Обама взял курс на дальнейшую активизацию попыток вовлечения Китая в глобальные экономические и политические процессы при одновременном ограничении возможностей его независимой контригры.

Переосмысление его администрацией итогов китайской политики Буша привело к выводу о том, что заставить Пекин скорректировать его курс (как политический, так и валютный) в пользу США вряд ли реально. Отсюда возникла мысль предложить ему некий большой проект, в рамках которого необходимые Вашингтону дей-

ствия могли бы трактоваться не как уступки, а как шаги по построению совместного мирового порядка.

Таким образом, в стратегическом плане предложенный Обамой Пекину вариант «двойки», в отличие от «бушевской», был направлен на развязывание новой крупномасштабной геополитической игры, результатом которой должно было стать очередное глобальное возвышение несколько «сникшей» на тот момент Америки на фундаменте провоцировавшегося ею одновременно китайско-российского разлада. (Китаю демонстративно, но ненавязчиво был сделан намек на то, чтобы занять место России в качестве главного американского визави.)

Со своей стороны Пекин желал, чтобы курс США на китайском направлении был более предсказуемым. По мнению китайцев, американцам было необходимо осознать, что Китай, скупивший облигации Министерства финансов США на сумму свыше 700 млрд долл., являлся главным гарантом огромного долга Америки и, обладая самыми большими валютными резервами в мире, мог помочь восстановить ее национальную экономику.

Поскольку приход к власти администрации Б. Обамы совпал с наиболее острой фазой развития глобального финансово-экономического кризиса, на первый план в китайско-американских отношениях выдвинулись проблемы, связанные с его преодолением. Американцы приглушили правозащитную тематику. В качестве первого шага Обама предложил Китаю повысить курс юаня и тем самым помочь устранению дисбаланса в мировой торговле, а заодно и уменьшению торгового дефицита самих США. Американская администрация высказала также заинтересованность в том, чтобы Китай продолжал покупку облигаций Министерства финансов США.

«На руку» Китаю сыграло также то обстоятельство, что впервые со времен Ф. Рузвельта к власти в США пришла администрация, нацеленная в силу сложившихся внутренних условий на определенную социализацию американского государства, воссоздание ориентированных соответствующим образом институтов, что потребовало от нее принципиально иных подходов и к международной политике, сокращения ресурсов для внешней экспансии.

Внутреннее «полевение» порождало необходимость внешнеполитических коррективов, смягчения прежнего, агрессивного курса. А стремление выпутаться из иракского и афганского «тупиков» заставляло притушить накал в отношениях с КНР и Россией, приведя к идеям американско-российской «перезагрузки» и «нового курса» на китайском направлении.

Эти коррективы нашли отражение в новых доктринах администрации Обамы — внешнеполитической и ядерной, но в итоге не стали определяющими в ее действиях. По существу внешнеполитическая программа кандидата в президенты Б. Обамы так и не была полностью реализована в международной политике администрации Обамы-президента, поскольку Соединенные Штаты, вопреки его предвыборным обещаниям, вознамерились сохранить за собою прерогативу глобального доминирования, не пожелав переуступить ее кому-либо или хотя бы поделиться с кем-то этой привилегией.

В Китае это отчетливо осознали в ходе визита туда президента США в ноябре 2009 г. Поэтому на привезенное Обамой предложение Пекину о дуумвирате с Америкой, в котором «партию первой скрипки» Вашингтон безоговорочно оставлял за собою, а Китаю отводил роль «младшего партнера», последовал решительный отказ.

На встрече с американским президентом 18 ноября 2009 г. в Пекине премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао без обиняков заявил, что с идеей так называемой «большой двойки» Китай не согласен. Он подчеркнул, что его страна «все еще остается развивающейся... с огромным населением, и ей предстоит пройти долгий путь для того, чтобы превратиться в модернизированное государство». «Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику и не намерен вступать в союз с другой страной или группой стран. Глобальные проблемы должны решаться всеми государствами мира, а не одной или двумя странами», — отметил премьер³⁴².

Как показали последующие события, помимо перечисленных им причин отказа в тот момент от «двойки», Китай исходил и из соображения о том, что качественные трансформации, происходившие в международной архитектонике и системе современного ми-

ропорядка на фоне разразившегося глобального кризиса, должны гарантировать ему основание и право претендовать не на вспомогательную роль в двустороннем альянсе, а на паритетную позицию второй державы мира. Тем более что по экономическим показателям он справлялся с кризисом увереннее многих других и уже тогда достигал Японию, которую затем превзошел по итогам 2010 г.

На фоне полученной Обамой отповеди значение опубликованного за день до этого, 17 ноября 2009 г., его совместного заявления с Ху Цзиньтао по итогам «углубленных, конструктивных и откровенных консультаций о состоянии и перспективах китайско-американского сотрудничества на пяти главных направлениях» было фактически девальвировано до уровня рядовой декларации. Критики президента внутри США не упустили своего шанса, укоряя его за «излишние реверансы» в адрес Пекина. «Америка предстала в роли просителя и дала понять китайцам, что заинтересована в них намного больше, чем они в ней», утверждал Д. Лэмптон³⁴³.

Главным результатом поездки Обамы в КНР осенью 2009 г. стало, как ни парадоксально, гораздо более глубокое и четкое осознание американской политической элитой характера, целей и устремлений Китая на текущем этапе, который, будучи на подъеме, демонстрировал твердость, бескомпромиссность и неуступчивость, уважая и признавая только силу, действуя исключительно в собственных интересах с явным намерением трансформации его укрепляющейся мощи в желание закрепить за собой статус ведущей глобальной державы.

Это обнаружило несостоятельность разработанной Госдепартаментом и Советом национальной безопасности США в отношении КНР новой формулы — «стратегического заверения» (strategic reassurance), суть и главное отличие которой от зелликовского «ответственного акционера» (responsible stockholder) состояли в том, что Китаю, помимо принятия на себя ответственности за глобальное развитие, необходимо было убедить остальное международное сообщество, что в качестве глобальной державы он не будет угрожать его безопасности и благополучию. Но таких гарантий Пекин давать не собирался. Напротив, Соединенным Штатам в ответ было предло-

жено самим предоставить Китаю гарантии невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Выводы и реакция американской администрации на обозначившуюся позицию Пекина были соответствующими. От осторожности и сдержанности она перешла к планомерному процессу подкрепления своих принципиальных позиций по самым чувствительным проблемам взаимоотношений с КНР.

Характерно, что серьезные разногласия и конфликты сторон в политической сфере практически не отразились на их поведении в области двусторонних торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, продолжавших расти и шириться. Активизировался ставший регулярным стратегический и экономический диалог. В 2010 г. товарооборот Китая и США достиг 385,34 млрд долл., уступив только торговле КНР с ЕС (479,71 млрд долл.). При этом американский экспорт в Китай, который в 2009 г. не превышал 100 млрд долл., составил год спустя 110 млрд долл. и рос на 50 % быстрее, чем экспорт в другие страны мира.

Примечательно, что, выйдя в 2010 г. по объему ВВП (6,48 трлн долл., по официальным китайским данным) на 2-е место в мире, КНР еще до этого на протяжении ряда лет никому не уступала лидирующих позиций по общему объему экспорта и величине золотовалютных запасов (в 2010 г. — 1,578 трлн долл. и свыше 3 трлн долл. соответственно).

В актив Китая, оценивая темпы его развития в «погоне» за США, следует занести также 2-е после них место по сумме привлеченных в 2010 г. в страну прямых иностранных инвестиций (109 млрд долл.). Его мощный рывок в научно-технической области, в сферах разработки передовых технологий и фундаментальных исследований по многим показателям приблизил КНР к уровню США. В вузах Америки в тот период обучалось более 128 тыс. китайских студентов, и перед нею встала задача довести до 100 тыс. количество своих студентов в КНР.

Несмотря на постоянно декларируемое недовольство Вашингтона экономической экспансией Китая, растущим в торговле с ним дефицитом и заниженным курсом его национальной валюты, ки-

тайским товарным демпингом и государственным протекционизмом, по-прежнему налицо было стремление США удерживать быстро растущий Китай в орбите своего экономического притяжения, привязав к себе еще крепче. Это стремление породило попытки мифологизации Америкой якобы «неразрывной экономической взаимозависимости США и КНР», выразившейся в утверждении, что «резкий шаг одной из сторон по выходу из статус-кво неизбежно повлечет неприемлемый взаимный ущерб: китайский рынок потрясет обвальное падение спроса на товары, а американский — отказ Пекина финансировать дефицит США». Спорным представлялось и заявление о том, что «китайская сторона не имеет никакой другой стратегии, кроме покупки долларов и экспорта собственных товаров в США».

Факты свидетельствовали об ином. В утвержденном в марте 2011 г. 4-й сессией ВСНП 11-го созыва «Плане экономического и социального развития КНР на XII пятилетку» было закреплено последовательное усиление в модели экономического роста страны упора на увеличение внутреннего потребления вместо стимулирования экспорта. Таким образом, стартовавший с началом глобального кризиса курс на расширение собственных внутренних рынков создал альтернативу стимулирующим «инъекциям» Китая на рынках США. Кризис показал также, что, во-первых, американо-китайская взаимозависимость внесла немалый вклад в «надувание» спровоцировавшего его так называемого пузыря, а, во-вторых, обе стороны тяготились неразрывностью этой связи, ограничивающей пространство для маневра в остальных вопросах.

Но одновременно КНР превратилась в главного кредитора Америки: ей принадлежали ценные бумаги казначейства США на сумму свыше 900 млрд долл. (а по некоторым оценкам — более 1 трлн долл.) и активы американских компаний на аналогичную сумму.

В мировой экономике Китай постепенно превратился в главного международного банкира и кредитора, оттесняя США. Он раздал больше кредитов, чем Всемирный банк, открывая новые рынки для своих товаров и уменьшая зависимость от американского, усиливая влияние в Европе.

В то же время Китай продолжал сохранять за собой титул «главного производственного цеха» американских корпораций и поддерживать ключевую связь с внешним рынком США. От производства в Китае Америка также выигрывала: его рабочая сила была значительно дешевле, а экология страдала в КНР, а не в США.

По существу Китай выступал в качестве «основного мотора» глобальной экономики и играл ведущую роль в удержании ее «в рабочем состоянии». Рост Китая стал важнейшей опорой эмиссионным усилиям Федеральной резервной системы США, позволяя доллару «держаться на плаву», покрывая американский бюджетный дефицит.

Таким образом, экономическая и валютно-финансовая «смычка» между США и КНР стала не только гарантией от разрушения связей двух стран вне зависимости от того, какие политические «тучи» омрачали горизонты их отношений, но и залогом сохранения на обозримую перспективу функционирующей глобальной экономической системы.

Обоюдное настроение выправить наметившийся в отношениях двух стран на протяжении 2010 г. крен к «тупику» возобладало в Вашингтоне и в Пекине накануне официального государственного визита Ху Цзиньтао в США (18—21 января 2011 г.), который был призван способствовать упорядочению и «переналаживанию» китайско-американских контактов.

Этот визит должен был обозначить «переломную точку» во взаимоотношениях Америки и Китая, поворот к их существенному улучшению в силу неприемлемости для обеих сторон дальнейшего их регресса или даже стагнации. Значимость встречи усиливало то, что она была последней для обоих лидеров, поскольку в КНР в 2012 г. была запланирована смена руководства, а в США — новые президентские выборы.

Для Китая визит представлял реальную возможность достигнуть договоренности с Америкой о реформатировании двусторонних связей таким образом, чтобы, с одной стороны, не усугублять существующие разногласия, разрушая уже достигнутое, а с другой — придать своим отношениям с США более сбалансированную и приемлемую для него конфигурацию.

Это нашло отражение в итоговом заявлении сторон, где было зафиксировано, что «планка» взаимоотношений поднята ими с уровня «всестороннего конструктивного сотрудничества» до категории отношений сотрудничества и партнерства, в основу которых закладывались взаимоуважение, взаимная выгода и обоюдный выигрыш³⁴⁴. Примечательно, что Пекин сохранил за собою право самому определять круг и степень своей вовлеченности и ответственности за решение глобальных проблем.

В ходе переговоров лидеры двух стран обозначили готовность к взаимодействию и сотрудничеству по всему спектру двусторонних отношений и актуальных международных проблем, включая экономику и торговлю, энергетику, охрану окружающей среды, борьбу с терроризмом и противодействие распространению оружия массового уничтожения, ситуацию на Корейском полуострове, иранскую и иные острые региональные проблемы, климатические изменения, развитие «Группы 20» и другие вопросы глобальной значимости.

Во время визита китайская сторона стремилась, прежде всего, решить свои экономические задачи и хотя бы частично урегулировать противоречия в торгово-экономической сфере. В ответ на выдвинутые Америкой требования по вопросам ревальвации китайского юаня, защиты интеллектуальной собственности и экономической трансформации власти КНР пошли на максимальное за последние 17 лет повышение курса своей национальной валюты, а также объявили, что за последний год около 40 тыс. человек были арестованы в Китае за нарушения прав на интеллектуальную собственность.

Одновременно Китай объявил о «серьезном препятствии», которое, по его мнению, мешало развитию двусторонних торгово-экономических отношений», отметив, что, будучи третьей по размерам американского экспорта страной, он остался вне списка государств, на которые США распространяют упрощенные торговые процедуры.

Несмотря на намеченный в итоговом заявлении комплекс детальных мер с целью расширения экономического взаимодействия, Соединенным Штатам так и не удалось заручиться конкретным обе-

шанием Китая о приведении курса юаня в соответствие с желательными для них параметрами. Пекин лишь обещал «усиливать его гибкость». Однако, судя по высказываниям китайских экспертов, он и не намеревался ревальвировать юань в том диапазоне, на котором настаивал Вашингтон.

Вопрос валютного курса в китайско-американских отношениях по существу давно перестал быть чисто финансовой и экономической проблемой и приобрел политический характер. Так же, как США в прошлом фактически «раздели» и обанкротили бывший СССР гонкой вооружений, Китай попросту «задавил» Америку дешевым товарным экспортом, лишив многие из ее промышленных отраслей возможности сохранить производство.

Он настоятельно предложил США пойти на изменение глобальных финансовых условий и международного финансового климата, дав понять, что не собирается до бесконечности сохранять систему перманентного финансирования им американского дефицита, а хочет заручиться финансовой ответственностью и с их стороны.

В ходе двустороннего форума по торгово-экономическому сотрудничеству, состоявшегося в рамках визита 21 января 2011 г. в Чикаго, был подписан ряд соглашений в области импорта и экспорта, по взаимным инвестициям и сотрудничеству в сферах энергетики, технологий и высокоскоростных железных дорог. Обсуждался контракт на прокладку китайскими компаниями первого участка суперскоростной железнодорожной магистрали в Калифорнии на сумму в 45 млрд долл.

Во время визита Ху Цзиньтао было объявлено также о закупках Китаем американской продукции на сумму свыше 60 млрд долл., включая 200 самолетов «Боинг» стоимостью 19 млрд долл. Тем самым аннулировалось действие эмбарго на продукцию американских компаний, вооружающих Тайвань. Другими словами, углубление и расширение торговых связей двух стран параллельно затронуло аспект снижения напряженности в военно-стратегической сфере. В Пекине, видимо, посчитали, что ее эскалация может создать для КНР лишние препятствия. Перевод отношений с США в силовую плоскость обнаружил бы, что Китай пока не столь силен в военном

отношении, чтобы быть готовым к полномасштабному противостоянию с Америкой.

В документе по итогам визита наряду с суммированием позитивных результатов, достигнутых сторонами по широкому кругу вопросов — от двустороннего сотрудничества в отдельных областях до взаимодействия в соответствующих широких сферах их общих стратегических глобальных и региональных интересов — тем не менее, выявилось наличие сохраняющихся противоречий по целому комплексу проблем. Среди них — беспокойство Вашингтона по поводу усиления позиций Китая в АТР, вытекающего из продолжающегося стремительного роста его экономической и совокупной мощи, включая военный потенциал.

В Восточной и Юго-Восточной Азии, где Китай существенно потеснил США как в экономическом, так и в политическом плане, образовались группировки с его сильным влиянием и без американского участия: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (КНР, Япония, Южная Корея), АСЕАН+6 (Восточноазиатский саммит: Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), «треугольник» в СВА (Китай, Япония, Южная Корея).

Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, Тайваня, многих стран АСЕАН. Этому, в частности, способствовало создание зоны свободной торговли между АСЕАН и КНР. Планы выхода военно-морских сил Китая в Мировой океан, претензии на острова и акватории в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях — все говорило о том, что острота борьбы между Америкой и Китаем за влияние в регионе будет сохраняться.

Вместе с тем из итогового документа явствовало, что, по-видимому, наметилось определенное сближение подходов обеих сторон к решению корейской ядерной проблемы. Однако замедление прогресса в преодолении тайваньского тупика, которому сознательно способствовали США сохранением и укреплением военных связей с островом, ослабляло пока едва обозначившиеся потенциальные контуры шаткого фундамента снижения напряженности в СВА.

Визит Председателя КНР в США окончательно продемонстрировал неспособность американской стороны влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Китае и оказывать давление на Пекин в вопросах демократии и прав человека. Разногласия в этой области продолжали сохраняться.

Определенным «подарком» американцам со стороны КНР можно было считать лишь зафиксированную в документе договоренность о проведении очередного раунда диалога по этой тематике и возобновлении ее обсуждения юристами обеих стран. Китайский лидер, тем не менее, фактически впервые открыто признал универсальность прав человека и демократических норм, подчеркнув, что в этой области КНР «еще много предстоит сделать».

Не осталось без внимания отсутствие в документе по итогам визита упоминания о принципах будущего мироустройства. Это могло свидетельствовать либо о том, что разногласия в концептуальных подходах сторон к проблеме однополярного или многополярного мира бескомпромиссны и непреодолимы, либо о том, что стороны умышленно по взаимному согласию «затенили» эту тематику, исходя из каких-то собственных соображений. Россия в документе вообще не фигурировала. Из него также следовало, что Китай намерен оставаться самостоятельным центром силы, а ту или иную степень региональной и глобальной ответственности будет брать на себя, исходя из имеющихся возможностей.

Хотя **сближения** КНР и США в смысле «упрочения их дружественных связей» в январе 2011 г. не произошло, однако в попытках реконструкции порушенного былыми ссорами сторонам удалось четче, чем в прошлом, определить контуры взаимоприемлемой конфигурации их глобальных устремлений, нарушая которые каждая из них рисковала навлечь недовольство визави.

Ключевым в совместном заявлении руководителей двух стран по итогам январской поездки Ху Цзиньтао стало признание того, что КНР и США договорились прилагать «усилия по установлению отношений сотрудничества и партнерства, основывающихся на взаимовыигрывании, взаимной пользе и взаимовыигрывании».

В комментарии на сайте «Жэньминь жибао он-лайн» констатировалось, что «антагонистические игры и мысли о конфронтации» более неприемлемы, а общей ответственностью лидеров обоих государств становится *«разумное урегулирование проблем в американо-китайских отношениях в целях реализации обоюдной выгоды»* (Выделено нами. — Авт.).

Судя по некоторым признакам, в Пекине воцарилась эйфория от осознания того факта, что КНР практически достигла с США «равенства статусов». Однако это равенство, как подчеркивал ряд западных СМИ, если и проглядывалось, то обеспечивалось не за счет силового паритета двух держав, как это имело место во времена противостояния США и СССР, а исходя из потенциала Китая и тенденций его развития. Именно поэтому некоторые наблюдатели справедливо отмечали, что если китайско-американским отношениям периода президентства Дж. Буша-мл. был присущ экономический крен, то при Обаме они «дрейфуют» в военно-стратегическом направлении.

Усиление Пекином внимания к укреплению военной мощи страны, участвовавшие территориальные притязания КНР к некоторым странам-соседям, заявленная устами китайского руководства «необходимость всемерного усиления и модернизации НОАК», которая должна «уметь побеждать в локальных войнах, идущих в условиях информатизации»³⁴⁵, свидетельствовали о том, что у руководителей Китая, наряду с осмыслением преимуществ от реализации проекта китайско-американского альянса, существовали и другие настроения — не исключать вероятности силового противостояния. Прежде всего, в ключевом для отношений с США тайваньском вопросе.

Оценки визита Председателя КНР в США в СМИ обеих стран отличались нюансами и тональностью, но совпадали в главном — их двусторонние отношения вступили в длительный период формирования модели глобального партнерства с элементами соперничества.

В ходе переговоров китайская сторона сбалансировала сочетание жесткости и гибкости и продемонстрировала готовность к компромиссам. США обнаружили большую восприимчивость к озабо-

ченностям КНР, согласившись, в частности, обсуждать проблемы обустройства АТР, участвовать в выработке программ обеспечения безопасности, отвечающей интересам всех стран региона.

Развитие отношений КНР и США после визита подтвердило вывод о том, что после года «охлаждения» они не только вернулись на нормальные рельсы, но и обрели большую предсказуемость, стабильность и даже определенную доверительность.

В ходе состоявшегося 9—10 мая 2011 г. в Вашингтоне 3-го раунда стратегического и экономического диалога двух стран был впервые запланирован и проведен китайско-американский стратегический диалог по безопасности. В своем выступлении в ходе диалога госсекретарь США Х. Клинтон подчеркнула, что «для поддержания отношений в позитивном русле США и КНР должны быть честными в плане разногласий и устранять их твердо и решительно». Х. Клинтон сообщила о создании новой американо-китайской «консультационной группы по вопросам Азиатско-Тихоокеанского региона», где у двух стран имеется широкий круг общих интересов и вызовов.

Оценивая итоги диалога, американская газета «Вашингтон пост» назвала достигнутые на нем договоренности «значительными вехами», позволившими «оставить в стороне продолжавшиеся в течение года трения»³⁴⁶.

События в отношениях КНР и США на протяжении первого десятилетия XXI века дали основания для некоторых выводов.

В результате «проб и ошибок», совершавшихся обеими сторонами в течение этого периода, им, по-видимому, удалось «нащупать» некую парадигму взаимного поведения, которая призвана была удерживать их от перехода «граней допустимого» в отношении друг друга. На основании этого они рассчитывали при необходимости договариваться о том, как «сообща мастерить в будущем лекало для последующей совместной перекройки мира».

Монополярный мир под эгидой США априори оказался неприемлем для Китая, так же, как неприемлемы для него были любые формы китайско-американского альянса, в котором Америке отводилось бы главенствующее, а КНР вспомогательное, подчиненное

место. Китай, как и США, всегда руководствовался исторически укоренившимся в национальном сознании постулатом предопределенности его роли как ведущей мировой цивилизации.

При этом и Китай, и США исходили из того, что их отношения — «самые важные двусторонние отношения в мире» и играют определяющую роль, прежде всего, для глобальных процессов в сфере экономики и торговли.

В силу складывавшихся в мире обстоятельств экономики двух стран оказались переплетены настолько тесно, что лучшим стимулом для их конструктивного диалога стали как обоюдная выгода, так и взаимная боязнь ущерба в случае ухудшения взаимоотношений.

Дальнейшее сохранение зависимости КНР от экспорта и внешних инвестиций, однако, при определенных условиях могло сыграть и негативную для нее роль, отрицательно повлияв на внутривнутриполитическую стабильность.

В то же время расширение рамок китайско-американского диалога увеличивало вероятность пересечения и столкновения сфер интересов двух стран. Между США и Китаем продолжали сохраняться серьезные разногласия, которые не позволяли им создать политический альянс. Противоречия между ними затрагивали различные сферы взаимоотношений: политику, экономику, торговлю, экологию, военную и гуманитарную области, подходы к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем.

Существенно укрепив позиции во всех стратегически значимых регионах мира, Китай фактически стал мировым политическим полюсом. Быстрый экономический рост заставил его искать дополнительные источники технологических новаций, ресурсов и инвестиций и одновременно защищать свои интересы на этом поприще путем в том числе военного усиления. Это не говорило, однако, о том, что он готовился к внешней экспансии и открытому конфликту с США. Хотя некоторые аналитики предрекали Китаю через несколько десятилетий статус глобальной супердержавы, нынешнему и следующему поколениям китайских руководителей, похоже, предстояло сосредоточиться на решении стоявших перед страной серьезных внутренних проблем — экологических, климатических, социальных.

Необходимо было перенастраивать экономику с экстенсивного на интенсивный путь развития с переориентацией ее с экспортно ориентированной модели на модель внутреннего потребления.

Вот почему даже фундаментальные и трудно устранимые противоречия между КНР и США, такие, как идеологемные различия по проблемам демократии, прав человека или соперничество в сфере потребления энергоресурсов, скорее всего не способны были спровоцировать острую конфронтацию между ними.

К самым застарелым, заостренным, но преодолимым относилось несколько затененное в последние годы противоречие по тайваньскому вопросу, выступающему одновременно и как часть комплексной проблемы соперничества США и Китая за влияние в Восточной и Северо-Восточной Азии. Пути решения тайваньской проблемы следовало, видимо, искать на основе взаимных шагов сторон навстречу друг другу, нацеленных в первую очередь на разрядку напряженности в этих регионах с одновременным осуществлением определенных внутривосточных коррекций как на материке, так и на острове.

До середины 2013 г. характер отношений КНР и США продолжал определяться результатами той эволюции, которую они проделали за половину первого президентства Б. Обамы — от его попыток вовлечь Китай в двустороннюю связку в качестве младшего партнера Америки для участия в «урегулировании мировых дел» до признания в нем серьезного регионального и даже глобального конкурента.

Именно осознав неприемлемость для Китая исполнения им «в дуэте с США партии второй скрипки», американская администрация в своей политике на китайском направлении преодолела свойственную ей на первых порах импульсивность и сделала ее более сбалансированной и уравновешенной.

С одной стороны, в Белом доме окончательно удостоверились в стремлении Китая возвыситься в статус глобальной державы, путь к которому он недвусмысленно обозначил как самостоятельный и не допускающий его подчиненности кому-либо или покровительства извне. С другой стороны, реально подтвердилось действие в китайско-американских отношениях двух разнонаправленных

линий — соперничества и противоборства на региональном и глобальном уровнях параллельно с упрочением финансовой и торгово-экономической взаимозависимости между двумя странами.

Иными словами, в китайско-американских отношениях продолжала сохраняться выработанная и уже устоявшаяся парадигма, основой которой являлась их базовая стабильность с тенденцией углубления, покоившаяся на обоюдном понимании важности и глобальной значимости этих отношений при чередовании в них подъемов, порождаемых экономической конъюнктурой и обоюдной заинтересованностью, и спадов на почве периодически возникающих кризисных ситуаций.

Эта модель отношений, получившая оформление и закрепление в ходе визита Ху Цзиньтао в США в январе 2011 г., могла быть поколеблена в обозримом будущем только в результате статусных трансформаций или внутренней дестабилизации в обеих державах.

Что касается реакции США на геополитические замыслы Китая, то она выразилась в укреплении их регионального влияния за счет политико-экономических рычагов при некотором сокращении (но не ослаблении) военно-силового компонента. Тем не менее, во второй половине 2011 г. имел место ряд событий, омрачивших развитие двусторонних китайско-американских отношений.

В июле президент США Б. Обама встретился в Белом доме с лидером буддистов Далай-ламой XIV. Китай выразил в связи с этим протест в заявлении МИД КНР. Аналогичное представление американской стороне сделал посол КНР в США Чжан Есуй.

В сентябре американская администрация объявила о плане продажи Тайваню вооружений на 5,85 млрд долл. В октябре сенат США, игнорируя решительные возражения со стороны Китая, принял законопроект о надзоре за валютным курсом, способствующий ускорению ревальвации китайской валюты, что политизировало торговые проблемы, существующие между США и КНР.

Кроме того, Вашингтон обвинил китайское руководство в наращивании военного потенциала, особенно военно-морского компонента в составе вооруженных сил КНР. В ежегодном докладе Пентагона Конгрессу, посвященном развитию китайской армии, отмеча-

лось, что Китай увеличивает финансирование военной отрасли, закупает новые виды оружия, постоянно обновляет свои военные технологии: так, в стадии разработки находится корабль-вертолетоносец, не определяемый радарными истребителями и система ПВО.

Начало 2012 г. в отношениях Америки и Китая ознаменовалось знаковым событием, каковым стал состоявшийся с 13 по 17 февраля по приглашению вице-президента Дж. Байдена официальный визит в США заместителя председателя КНР Си Цзиньпина. На фоне перипетий во взаимоотношениях двух стран за время пребывания Б. Обамы на посту американского президента он приобрел значение особого, выходящего далеко за рамки чисто протокольного или «ознакомительного», каковым его нарекли поначалу в СМИ некоторые внешнеполитические аналитики.

В преддверии перехода власти в Китае в руки так называемого пятого поколения его руководителей представление будущего лидера этой страны верхам американской государственной и деловой элиты стало важной, но не единственной целью, которую он преследовал.

Несмотря на упорные взаимные усилия КНР и США по поискам путей взаимодействия, которые исключали или хотя бы сводили к минимуму элемент конфронтации, устранять серьезные разногласия между ними зачастую не удавалось, а вместо, казалось бы, уже урегулированных проблем постоянно возникали новые, требовавшие неотложных действий.

Именно ими, наряду с сохранявшимися «старыми» разногласиями, и предстояло заняться в будущем, после обретения высшей государственной власти, Си Цзиньпину и тем, кто приходил вместе с ним. Те же задачи вставали перед новой администрацией США после президентских выборов в Америке в ноябре 2012 г.

То, что сроки поездки Си Цзиньпина в США оказались очень близки по времени к 40-летию исторического визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г., свидетельствовало о желательности и актуальности для сторон сохранения духа преемственности в их взаимоотношениях, опирающихся на положения трех заключенных между ними двусторонних коммюнике.

В письменном интервью газете «Вашингтон пост» накануне поездки Си Цзиньпин прямо заявил, что «Китай и США являются великими странами, ...жаждут проведения обменов, обучения друг друга, укрепления дружбы в целях общего развития. *У Китая и Соединенных Штатов нет мотивов не дружить и не осуществлять сотрудничество*» (Курсив наш. — Авт.).

Из других его заявлений привлекло внимание подтверждение цели визита как шага по реализации договоренностей между Ху Цзиньтао и Обамой годичной давности, когда стороны объявили о «новом качестве» своих отношений — повышении их «планки» с «всестороннего конструктивного сотрудничества» до уровня «сотрудничества и партнерства на основе взаимоуважения, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша».

В ходе визита смысл понятия «нового качества» в отношениях КНР и США был дополнен и уточнен Си Цзиньпином как необходимость установления «*беспрецедентных в мировой истории отношений партнерства и сотрудничества нового типа между крупнейшими в мире развивающейся и развитой странами*», обретающими все больше общих интересов, что, в свою очередь, означает «рост взаимной ответственности».

На встрече с бывшим госсекретарем Г. Киссинджером и другими высокопоставленными политическими деятелями США Си Цзиньпин выдвинул **четыре принципа** выстраивания таких отношений, которые, по предложению китайской стороны, должны были включать:

- необходимость извлечения опыта и уроков из прошлого;
- расширение «границ мышления» для лучшей оценки перспектив;
- важность взаимного уважения и доверия, объективное и рациональное отношение друг к другу;
- получение взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, активное и конструктивное разрешение разногласий и трений.

В ходе переговоров и встреч Си Цзиньпина с руководящими деятелями США, включая президента Б. Обаму, не были обойдены

вниманием множество проблем и противоречий, имевшихся в отношениях двух стран.

В торгово-экономической сфере Америка была недовольна, в первую очередь, собственным огромным торговым дефицитом с КНР и искусственно заниженным, по ее убеждению, курсом юаня. Китай, в свою очередь, считал, что значительному сокращению американского дефицита и выравниванию торгового баланса могло бы способствовать разрешение властей США на продажу ему наукоемкой высокотехнологичной продукции так называемого двойного назначения, на что не согласна Америка. Ревальвации юаня сопротивлялся уже Китай, который резонно полагал, что в условиях растущей инфляции, вызванной раздуванием антикризисных программ, снижение экспортных показателей ему ни к чему.

Будучи крупнейшим держателем американских государственных облигаций и пытаясь частично избавиться от них, Китай одновременно признавал, что в случае его полного отказа от их покупки возникновение проблем в экономике США может вызвать очередной виток кризиса, который «другим концом» ударит и по ориентированной на экспорт экономике КНР.

Очевидность *высокой степени экономической взаимозависимости двух стран*, влияющей на общее состояние их отношений, получила фактическое подтверждение в обнародованном после встречи Си Цзиньпина с Обамой «Совместном разъяснении по китайско-американским экономическим отношениям».

Судя по отчетам о визите, Си Цзиньпин пытался несколько сменить акценты в оценках степени этой взаимозависимости, сделав упор на то, что *Америка якобы получает все-таки больше от экономических отношений с Китаем, чем он от США, и фактически Китай нужнее ей, чем она Китаю*.

Другими словами, он попросту намекнул американской стороне, что даже в рамках тех взаимных обязательств, коими они «повязаны», Китай не только должен располагать правом на самостоятельность и свободу действий, но рассчитывает, что США благодарно не будут препятствовать ему в этом. На дипломатическом

языке это прозвучало, как «надежда на *уважение*» американской стороной «*на практике* исконных интересов Китая».

Такой подход, по мнению китайской стороны, должен был стать универсальным и распространяться не только на экономическую сферу, но на весь спектр отношений с США. Очевидно, отчасти этим объяснялась жесткость и неуступчивость Пекина по главным пунктам двусторонних отношений: от прав человека до стратегических проблем и вопросов региональной безопасности, включая Тайвань, Корейский полуостров и Южно-Китайское море.

Признав наличие разногласий **по проблеме защиты прав человека** в Китае, Си Цзиньпин категорично констатировал, что *ситуацию* в этой области *невозможно сделать идеальной, а можно лишь улучшить*. При этом он недвусмысленно заявил, что, даже придерживаясь позиции «*человек превыше всего*», китайское правительство будет по-прежнему принимать во внимание желания и требования **народа КНР**.

Аналогичным образом заместитель председателя КНР предостерег США от **вмешательства** в вопросы Тайваня и Тибета, *равносильного посягательству на коренные интересы Китая*.

Сторонам не удалось сблизить позиции ни по одной из актуальных международных проблем — сирийскому кризису, иранской ядерной программе, ситуации на Корейском полуострове, разногласиям по Южно-Китайскому морю и американскому «возвращению» в АТР, где Китай предложил США «уважать его интересы и озабоченности».

В то же время в **безусловный актив** имевших место контактов можно было занести, по словам министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, тот «*сильный импульс*», который поездка Си Цзиньпина придала *планам распространения сотрудничества между КНР и США на региональный и местный уровни*. Главы ряда китайских провинций и автономных районов и губернаторы нескольких американских штатов приняли участие во встрече в Лос-Анджелесе, где состоялись обмены мнениями и консультации по укреплению сотрудничества на уровне регионов в торгово-экономической, культурной, туристической, образовательной и других сферах.

Общим выводом сторон по результатам состоявшихся встреч стало признание *необходимости продолжения поиска консенсуса* по всем обсуждавшимся на них темам.

С визитом Си Цзиньпина у Америки были связаны определенные ожидания. Во-первых, наряду с важностью взаимного личного знакомства, необходимо было ознакомить его самого с внутренней ситуацией в США накануне президентских выборов, с диапазоном взглядов на Китай и нюансами позиций в отношении него у американской политической элиты. Во-вторых, целесообразно было выслушать ответы Си Цзиньпина на возникающие у американцев острые вопросы в связи с Китаем, чтобы ликвидировать недопонимание, развеять имеющиеся сомнения и по возможности смягчить отношение к нему. И, в-третьих, на фоне изменения международных стратегий обеих стран американцы нацелились на попытку убедить Китай в том, что их «возвращение» в АТР и присутствие в регионе будет содействовать, а не препятствовать мирному усилению КНР, поскольку позволит консолидировать усилия для борьбы с общими вызовами и угрозами.

Знаковой, с точки зрения подведения итогов развития китайско-американских отношений за 40 лет, прошедших с момента исторического визита Никсона в Китай, явилась встреча в Пекине в конце октября 2012 г. накануне XVIII съезда КПК тогда еще вице-премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна с бывшими высокопоставленными представителями администрации США Стивеном Хэдди, Джеймсом Стейнбергом, Ричардом Армитиджем и Джозефом Наем. На ней Ли Кэцян отметил необходимость помнить о том, что, несмотря на все разногласия и противоречия, в основе дружественных контактов двух стран лежит воля их народов. Американские политические деятели, со своей стороны, подтвердили, что в партийно-политической элите США нет разногласий между республиканцами и демократами относительно важности «поддержки развития сильных американско-китайских отношений»³⁴⁷.

Примечательными оказались результаты социологического опроса, проведенного в Китае одним из ведущих американских центров изучения общественного мнения Pew Research Center в середи-

не октября 2012 г. — в преддверии открытия XVIII съезда КПК в КНР и президентских выборов в США. По сравнению с аналогичным опросом двухлетней давности в отношении китайского народа к США усилилась отрицательная тенденция. Количество полагающих, что между Китаем и Америкой налажены партнерские отношения, снизилось с 68 до 39 %, а тех, кто считал отношения двух стран враждебными, увеличилось с 8 до 26 %. За годы первого президентства Обамы уровень одобрения в Китае его международной политики упал с 57 до 27 %. В то же время доля китайского населения, симпатизирующего американской системе демократии, выросла, хотя и незначительно — с 48 до 52 %³⁴⁸.

В ноябре на XVIII съезде КПК ее Генеральным секретарем, как и ожидалось, стал 59-летний Си Цзиньпин, утвержденный затем на сессии ВСНП в марте 2013 г. Председателем КНР. А в США, где все, казалось бы, сохранилось по-старому и смены лидера в результате ноябрьских президентских выборов не произошло, на верхних этажах администрации, тем не менее, появились новые фигуры. На главный внешнеполитический пост вместо Х. Клинтон был мобилизован сенатор Д. Кэрри. Обновилось руководство Пентагона, ЦРУ и ряда других ведомств, включая министерства торговли и финансов, активно влияющих на выработку ориентиров курса Америки в отношении ее главного глобального оппонента — КНР.

После изменений в руководстве обеих стран усилилась востребованность «нового качества» в отношениях Китая и США. Следуя, в определенном смысле, западной традиции и нормам ее политтехнологий, КНР на этот раз предприняла попытку отказа от «обезличенности власти», характерной для двух предыдущих поколений ее лидеров, и вступила на путь «взрачивания» харизматичного вождя. Среди важных составляющих имиджа нового китайского руководителя не последнее место было отведено выдвижению им концептуальных новаций. Так, наряду с доктринами «китайской мечты» и «экономического пояса Шелкового пути», возникла идея **«выстраивания»** между великими державами **отношений нового типа»**.

По счастливому совпадению эта инициатива нашла позитивные отклики и у американской стороны, озабоченной потерей рейтинга

в результате множества «проколов» в первый срок пребывания Обамы у власти, одним из наиболее серьезных среди которых на внешнеполитическом поприще стала неспособность наладить эффективные, но мягкие отношения с КНР.

Конечно, обоюдное желание сторон улучшить качество взаимоотношений мотивировалось не только этим. Одним из главных побудителей было стремление отодвинуть их от края обрыва, на котором они балансировали на протяжении нескольких последних месяцев 2012 — начала 2013 г. из-за обострения ряда двусторонних и региональных конфликтов (кибер-шпионаж, Сирия, территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и др.).

Не исключалось также, что инициатива со стороны КНР одновременно была нацелена отчасти и на нейтрализацию «американской перебалансировки в АТР». Оценив слабости Обамы во внешнеполитической сфере, китайцы вполне могли затеять собственную «перебалансировку», смысл которой состоял бы в том, чтобы не отвечать «грубостью на грубость», а начать с Америкой более тонкую игру, активнее привлекая ее к взаимодействию. Тем более, что основные «козыри» для такой игры находились в руках у КНР — зависимость США от Китая в торгово-экономической, валютно-финансовой и ряде других областей.

Весомым аргументом в пользу усиления позиции Китая в противостоянии с США могло стать и чисто внутреннее обстоятельство: ряд признаков указывал на то, что Си Цзиньпину удалось отладить отношения с военными, которые, судя по всему, не вполне складывались у Ху Цзиньтао.

У китайской стороны предтечей выдвижения идеи выстраивания «отношений нового типа» стал официально провозглашенный в Отчетном докладе XVIII съезду КПК подход к установлению «нового соотношения сил» между двумя странами. И хотя в партийном документе постулировалось, что этот подход имеет универсальный характер и распространяется на отношения КНР и с другими основными государствами, в фокусе оказались прежде всего США.

Подразумевалось, что в отличие от прошлого, когда вследствие асимметричности сил в отношениях с Америкой Китай играл пре-

имущественно пассивную роль, теперь этот разрыв сократился, и его роль становилась более активной, что придавало китайско-американским отношениям форму более сбалансированного сотрудничества.

В то же время Китай ясно обозначил намерение воздерживаться от борьбы за гегемонию и избегать сценария холодной войны времен советско-американского противостояния. Он фактически солидаризировался с мнением о том, что во взаимосвязанном мире обоюдодовыгодные решения дают больше преимуществ, чем «игра на выбывание», и при столкновении с транснациональными проблемами и глобальными угрозами у всех стран существует общность интересов.

Что касается США, то у них в качестве ответа на китайскую инициативу, а по существу — выбора пути дальнейших взаимоотношений с КНР, по мнению авторитетных международных экспертов, имелось три основные возможности:

- а) усиление стратегического соперничества;
- б) сохранение существовавшего положения;
- в) переход к созданию нового механизма сотрудничества, в котором, наряду с признанием стратегического соперничества двух государств, были бы определены ключевые области общих интересов, совместная работа над которыми «сужала бы зияющую пропасть недоверия» между ними³⁴⁹.

11 марта 2013 г. советник президента США по вопросам национальной безопасности Т. Донилен, выступая на собрании Азиатского общества в Нью-Йорке, официально объявил об идеях построения новых отношений между США и Китаем. Он сказал, что США приветствуют подъем мирного и процветающего Китая, **отказываются от концепции «столкновения двух держав»** и намерены по-прежнему расширять сотрудничество, корректировать различия, прикладывая усилия для создания отношений нового типа между двумя странами. **Углубленный диалог по военным вопросам** является необходимой составляющей процесса поиска таких отношений³⁵⁰.

В апреле 2013 г., спустя месяц после завершения сессии ВСНП, на которой Си Цзиньпин был утвержден Председателем КНР, Ки-

тай и США подали совместный сигнал об определенных сдвигах в развитии взаимоотношений. На приеме в Вашингтоне по поводу прибытия в США нового посла КНР Цуй Тянькай заместитель госсекретаря Уильям Бернс заявил о начале «решающего этапа» в истории развития американско-китайских отношений, в ходе которого «американская сторона намерена совместно с китайской установить открытую, инклюзивную международную систему, основывающуюся на совместной безопасности и общем процветании».

В ответном слове Цуй Тянькай, подчеркнув «начало новой стадии в развитии китайско-американских связей», объявил о готовности китайской стороны «прилагать усилия к непрерывному углублению и расширению диалога, обменов и сотрудничества между двумя странами, надлежащим образом урегулировать болезненные проблемы и учесть сложные факторы в двусторонних отношениях, а также продолжать содействовать созданию китайско-американских отношений сотрудничества и партнерства, основывающихся на взаимном уважении, взаимной выгоде и обоюдном выигрыше, способствуя установлению **отношений нового типа** (Выделено нами. — *Авт.*) между державами»³⁵¹.

После вступления на пост госсекретаря США свой первый визит в КНР Дж. Керри совершил 13—14 апреля 2013 г. Цель его состояла в определении и уточнении повестки нового этапа взаимоотношений, о котором говорилось ранее. Повышенное внимание к визиту объяснялось тем, что Керри прибыл в Пекин как ключевая дипломатическая фигура в правительстве США, являясь одновременно выразителем мнения президента Обамы относительно дальнейшего развития американско-китайских связей.

Определяющей для подготовки намеченной в США встречи американского президента с председателем КНР стала поездка в Китай в мае 2013 г. вице-президента США Дж. Байдена, встретившегося с Си Цзиньпином.

Стороны подтвердили договоренность о совместном формировании отношений нового типа, характеризующихся отказом от конфронтации и противостояния, взаимным уважением, сотрудничеством и обоюдным выигрышем. Они констатировали общую ответствен-

ность за сохранение мира и стабильности, важность поддержания стратегических контактов. Большое внимание было уделено проблемам торгово-экономического сотрудничества, укреплению межрегионального взаимодействия, форсированию переговоров по соглашению о двусторонних инвестициях, улучшению координации макроэкономической политики.

Американская сторона констатировала, что дальнейшее развитие Китая в полной мере соответствует интересам США. Была достигнута договоренность об укреплении контактов и усилении координации позиций обеих стран.

Запланированная на 7—8 июня 2013 г. встреча лидеров США и КНР в усадьбе Анненберг в Калифорнии предоставляла им шанс «подтянуть» политические отношения между Америкой и Китаем, приблизив их к экономическим, которые выглядели впечатляюще. По некоторым их параметрам у Пекина имелись все основания почувствовать себя равным Вашингтону.

В 2012 г. КНР вышла на 1-е место в мире по объему международной торговли. Суммарный объем импорта и экспорта США составил 3,8 трлн долл., а Китая — почти 3,9 трлн долл. В том же году общий объем американско-китайской торговли достиг 484,6 млрд долл. В апреле 2013 г. дефицит торгового баланса США с Китаем вырос на 34,8 % — с 17,9 млрд до 24,1 млрд долл.

Дисбаланс в американско-китайской торговле постоянно был одним из главных разногласий во взаимоотношениях двух стран. Когда экспорт КНР в США в 2011 г. превысил американский экспорт в Китай почти втрое, а дефицит США в торговле с КНР в октябре 2012 г. составил 42 млрд долл., американская сторона потребовала от Пекина снятия барьеров на пути американского экспорта сельскохозяйственной продукции. Китай, в свою очередь, в очередной раз посоветовал США снять запрет на экспорт передовых технологий.

Не только абсолютные цифры прироста внешней торговли КНР, но и качество этого прироста, в том числе на американско-китайском направлении, выглядело весьма внушительно. Доля высокотехнологичной продукции в импорте США из Китая стремительно росла. Согласно американским официальным статистическим

данным, импорт высокотехнологичных товаров из КНР в 2010 г. составил 115,7 млрд долл. (31,3 % общего объема импорта из Китая) по сравнению с 19,2 % (29,4 млрд долл.) в 2003 г. По прогнозам Всемирного банка, в следующем десятилетии Китай должен был опередить США по уровню сбережений³⁵².

В конце 2012 г. из доклада Всемирной организации по охране интеллектуальной собственности стало очевидно, что Китай впервые обошел США по числу патентных заявок (526,4 тыс. по сравнению с 503,6 тыс. в США). Это явилось свидетельством существенного прогресса в инновационной деятельности КНР на общем фоне неблагоприятной экономической конъюнктуры.

Диапазон и тон комментариев наблюдателей и экспертов в преддверии встречи Обамы и Си Цзиньпина был широк и разнообразен. Официальный представитель МИД КНР Хун Лэй разъяснял, что «с точки зрения стратегической высоты и долгосрочной перспективы» встреча будет представлять собой всеобъемлющий углубленный обмен мнениями по внешней и внутренней политике, развитию долгосрочных отношений, затронет основные стратегические вопросы, интересующие обе страны, а также общие мировые и региональные проблемы.

Заместитель директора Института международных отношений Народного университета Китая Цзинь Цаньжун отмечал, что она, в первую очередь, призвана решить проблему позиционирования двусторонних отношений. Поскольку китайско-американские отношения в XXI веке будут определять характер международных связей в целом, то именно от их состояния будет зависеть весь мировой климат³⁵³.

Главную интригу в двусторонних отношениях раньше многих сформулировала Х. Клинтон, заявив, что США и Китай пытаются сделать то, чего история еще не знала: найти новый ответ на извечный вопрос: «Что происходит, когда на мировой арене устоявшаяся сверхдержава встречается с восходящей?».

Немецкий политолог Эрхард Зандшнайдер высказал мнение о необходимости привыкнуть к тому, что «Китай будет шаг за шагом, в присущей ему прагматичной манере играть на мировой арене все

более активную роль», поскольку «трансформация большого экономического резерва государства в политическое, а также военное влияние логична. В такой момент оно обретает глобальные интересы»³⁵⁴. В ответ прозвучал вопрос американского исследователя М. Ричардсона: «Не великоваты ли стали “коренные интересы” у Китая? Когда-то среди таковых был лишь Тайвань, а сегодня это и Южно-Китайское море, и другие соседние моря...»³⁵⁵.

В итоге китайская сторона резюмировала, что для выстраивания с США двусторонних отношений нового типа Китаю предстоит выдержать три крупных испытания:

- 1) установление геостратегического баланса между КНР и США в АТР;
- 2) состязание за рынки и право выработки правил международной торговли;
- 3) разработку соответствующих норм поведения в киберпространстве³⁵⁶.

Основным политическим итогом состоявшейся встречи, по мнению российских и зарубежных наблюдателей, стало повышение уровня доверия между руководителями США и Китая. Стремление нового китайского лидера поддерживать отношения с США в «нормальном и правильном русле» вылилось в его важное заявление о том, что в Тихом океане «достаточно места для таких двух больших стран, как Китай и США». Одновременно это означало, что по мере роста своей комплексной мощи КНР стремится к большей сбалансированности отношений с Америкой, намерена играть роль мировой державы, но совместно с другими странами «работать над решением общемировых проблем».

Сторонам в целом удалось договориться о необходимости укрепления сотрудничества в военной сфере путем обновления модели взаимоотношений между вооруженными силами двух государств, улучшения координации их экономической политики. Важным достижением при обсуждении вопросов региональной безопасности стали максимальное сближение их позиций и подходов по денуклеаризации Корейского полуострова и согласие в том, что добиваться урегулирования территориальных разногласий, в том числе по ост-

ровам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, следует «исключительно политико-дипломатическими методами».

В числе сохранившихся противоречий остались сирийский вопрос, проблема прав человека в Китае и экономические расхождения в связи с курсом юаня, торговым дефицитом США и пр., «подслащенные» заявлением, что здоровая конкуренция между крупнейшими экономикami мира будет все же превалировать. К успехам саммита можно было отнести также две договоренности — о сокращении взаимных выбросов в атмосферу парниковых газов и совместной борьбе против кибер-угроз.

Встреча логически подытожила усилия Китая с целью убедить США в целесообразности перевода сложного комплекса взаимоотношений двух стран от движения к конфронтации или взаимодействия под американским доминированием на рельсы конкурентного сосуществования, но при взаимном учете ключевых интересов каждого визави.

Чтобы уменьшить беспокойство США по поводу своей растущей мощи, Китай декларировал отсутствие у него намерения разрушить существующую международную систему под американским патронатом. Более того, он предложил создание некой двусторонней структуры, «выходящей за рамки традиционных способов появления новых мировых держав».

КНР фактически поддержала США в вопросе о предоставлении большей ответственности странам, которые приобретают статус мировых держав, что по существу означает формальное «закрытие Китаем глаз» на действия американцев в обход коллективных международных органов при условии, что такая возможность будет зарезервирована и за ним самим. К ней Китай, видимо, рассчитывает прибегнуть при необходимости, поскольку считает, что новое соотношение сил вовсе не значит, что обе стороны по всем вопросам будут придерживаться одинаковых позиций.

Таким образом, в ответ на прежние американские предложения о форматах взаимоотношений с КНР в виде «большой двойки» или «кимерики» Пекин представил свой план разграничения сфер мирового влияния, вокруг которого, очевидно, и должны разворачивать-

ся поиски приемлемой для обеих сторон модели китайско-американского сосуществования и взаимодействия.

10—11 июля 2013 г. в Вашингтоне состоялся 5-й раунд американо-китайского стратегического и экономического диалога с участием высокопоставленных представителей двух стран. В ходе диалога руководители 20 министерств и отраслевых ведомств с обеих сторон обсудили в двустороннем, региональном и глобальном аспектах вопросы безопасности, политики, экономики и финансов. По оценкам международных аналитиков, именно этот форум стал отправным в закладывании правительствами двух стран фундамента тех самых «отношений нового типа», о необходимости которых договорились за месяц до этого лидеры США и КНР.

Выстраивание таких отношений предполагало, в первую очередь, устранение препятствий в торгово-экономической области, в сферах сетевой безопасности и интеллектуальной собственности, в вопросах вооружения Америкой Тайваня, денуклеаризации Корейского полуострова, территориальных споров в регионе Восточной Азии. И хотя очевидно, что данный форум не смог снять всех существующих противоречий, по оценкам аналитиков и общему признанию сторон, после состоявшейся в июне встречи Обамы и Си Цзиньпина отношения двух стран продолжили более сбалансированное развитие.

В целом 2013 год был признан годом активных обменов между двумя странами. По мнению агентства Синьхуа, «два пика взаимодействия Китая и США были отмечены весной и зимой. Первый начался после сессий ВСНП и ВК НПКСК с телефонных переговоров между главами государств, после которых визиты в Китай нанесли министр финансов, госсекретарь и другие политические деятели США. Зимний «пик обменов» начался после 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва с визита министра финансов США в статусе специального представителя президента, прибывшего на этот раз для углубления понимания китайских реформ. Затем в США состоялись двусторонние консультации по гуманитарным обменам. Визит в КНР нанес вице-президент Д. Байден, а в конце года прошло 24-е заседание китайско-американской совместной торговой комиссии.

На нем были достигнуты подвижки в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, в области государственных закупок, торговли сельскохозяйственной продукцией и пр. По словам Синьхуа, «это ежегодное заседание открыло новые сферы совпадения интересов двух стран и стало блестящим завершением контактов Китая и США на высоком уровне в 2013 году»³⁵⁷.

В сфере безопасности обе стороны поддерживали контакты по вопросам Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Сотрудничество двух стран охватывало вопросы, касающиеся ядерной проблемы Ирана и Корейского полуострова, сирийского кризиса, почти все важные международные и региональные темы.

Интенсивность контактов между США и КНР не ослабла и в 2014 г. 24 марта в Гааге в рамках саммита по ядерной безопасности состоялась встреча Обамы и Си Цзиньпина, которую «Жэньминь жибао» охарактеризовала как «сверку часов» по важным вопросам китайско-американских отношений после последней встречи двух лидеров в усадьбе Анненберг в связи с крупными изменениями в международной обстановке. Наряду с констатацией благоприятных тенденций в развитии двусторонних связей в ходе встречи была отмечена сложность современной международной обстановки, воздействие на нее кризиса вокруг Украины и ряда других негативных факторов.

В целом, была констатирована стабилизация отношений двух стран, признание того, что, несмотря на некоторые расхождения, они способны открыто выразить свое мнение, налаживая конструктивное сотрудничество при урегулировании актуальных проблем.

Тем не менее, в апреле 2014 г. обозначились резкие расхождения в позициях США и Китая по проблемам, к которым на протяжении последних месяцев было приковано мировое внимание. Прибывшему с визитом в КНР министру обороны США Чаку Хэйгелу было прямо заявлено, что его взгляды по ряду вопросов развития ситуации в азиатском регионе являются неприемлемыми для Пекина. Хэйгел, который перед приездом в КНР, будучи в Японии, критиковал Китай за создание опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море, одновременно заявил, что США поддерживают Япо-

нию по поводу территориальной принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку). Недоумение по поводу заявления Хэйгела выразил заместитель председателя Центрального военного совета КНР Фань Чанлун, отметивший, что «люди Китая... были очень недовольны» позицией главы Пентагона.

Кроме того, КНР решительно отмежевалась от намерений Запада относительно введения санкций против России в связи с ситуацией вокруг Украины, чем вызвала недовольство в том числе и в США, объявивших в ответ устами того же Хэйгела, что «события наподобие аннексии Крыма Россией предсказуемо могут резонировать в других частях мира, включая Азию». МИД КНР в своем заявлении указал, что санкции не способствуют разрешению проблемы и могут привести лишь к усилению напряженности.

Очевидно, что даже в обновленном виде китайско-американские отношения не застрахованы от резких перепадов. Провозглашение установления отношений «нового типа» между двумя странами несколько разрядило атмосферу, накалившуюся между ними, но в долгосрочном плане не должно никого вводить в заблуждение. Реальная разрядка между США и КНР станет возможной лишь тогда, когда в результате геополитических маневров, которыми обе стороны заняты постоянно, они «нащупают» такую парадигму разграничения зон и сфер влияния, которая безоговорочно устроит обоих.

Как видим, рост могущества КНР напрямую отразился на ее внешнеполитическом поведении, претерпевшем качественные изменения.

Его прежняя модель, обусловленная «заветами Дэн Сяопина» периода 1980-х годов, суть которых сводилась к необходимости «накопления сил и сокрытия (до определенного момента) своих возможностей и потенциала», уступила место открытому, активному и прагматичному внешнему курсу, направленному исключительно на отстаивание своих экономических завоеваний и защиту любыми средствами, вплоть до военных, собственных региональных и глобальных политических интересов.

Его реализация не могла не столкнуться с целым рядом препятствий. При этом еще рельефнее обозначились те из них, которые с

самого начала были присущи отношениям Китая с его главным партнером и одновременным соперником — США.

1. **Финансовые и торгово-экономические разногласия:** соотношение курсов доллара и юаня и проблема дефицита США в торговле с КНР; ограничения в Америке на передачу Китаю технологий «двойного назначения» и инновационных наукоемких производств; конкуренция за энергоресурсы.

2. **Политико-идеологические различия:** призывы США к демократизации политической системы КНР, реальной многопартийности, свободным выборам и т. п.; расхождения во взглядах на модель будущего мироустройства.

3. **Геополитическое соперничество:** перераспределение сфер глобальных интересов и регионального влияния в АТР, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке; создание конкурирующих региональных и трансрегиональных объединений; борьба за влияние в АСЕАН.

4. **Стратегические и военные противоречия:** разница в подходах к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем; вопросы Тайваня и Корейского полуострова; противостояние в территориальных спорах, вызванных борьбой за стратегическую инициативу и экономическое влияние в Восточной и Юго-Восточной Азии; проистекающие из нее элементы военного соперничества в АТР, которые одновременно обозначают реакцию КНР на расширение американского присутствия в регионе; разногласия на Ближнем Востоке, которые в Китае рассматриваются как вызов его интересам в нефтяной сфере; азиатский сегмент ПРО США как угроза безопасности КНР; расхождения по проблеме стратегических и ядерных вооружений, включая нежелание Пекина присоединиться к соответствующим международным договоренностям.

5. **Дипломатические расхождения:** разногласия в ООН и других международных организациях по ряду ключевых проблем поддержания мира и безопасности; обоюдное стремление не допустить присоединения визави к региональным и глобальным структурам, членом которых он пока не является, или ограничить его влияние в тех, где состоят обе стороны.

6. **Другие области разногласий,** включая сферу экологии и гуманитарную область — права человека, охрана интеллектуальной собственности, в том числе противоборство в кибер-пространстве, культурные и ментальные нестыковки и т. п.

Но в ряду перечисленных препятствий **ключевым фактором** явилось, в первую очередь, **отсутствие доверия** сторон друг к другу. Эскалация взаимного недоверия привела к тому, что администрация Обамы, начавшая свой китайский курс с реверансов в адрес Пекина и вроде бы заманчивых предложений ему о «совместном управлении миром», объявила об экономическом и военно-политическом «возвращении США в тихоокеанскую Азию», провозгласив ее приоритетной сферой своих интересов.

На это заявление Китай прореагировал нервно. Последовал ряд шагов со стороны Пекина по укреплению собственных позиций в Северо-Восточной Азии и АТР в целом, причем не только торгово-экономических и политических, но и военных. Особое внимание было уделено наращиванию и модернизации военно-морского флота и военно-воздушных сил НОАК.

В совокупности с усилением американского военного присутствия в регионе в виде переброски туда дополнительных армейских контингентов и достижения новых договоренностей с бывшими союзниками о принципах взаимодействия на случай чрезвычайных обстоятельств ситуация в нем стала угрожающе накаляться.

И все же в конечном итоге возобладал обоюдный разум. **Сдерживающими факторами** в данном случае выступили: взаимная боязнь непоправимого ущерба в случае доведения взаимоотношений до роковой черты; обоюдное тяготение к приоритетному решению возникающих проблем мирными средствами; общее понимание того, что силовые методы в таких случаях являются нежелательным и крайним способом; стремление, несмотря на минимум склонности у обеих сторон к уступкам и компромиссам, искать и достигать договоренностей по ключевым разногласиям во избежание еще большего обострения отношений.

Мотивировка этой сдержанности коренится во взаимозависимости и обоюдновыгодной заинтересованности сторон в поддержании,

несмотря ни на что, нормальных отношений, обусловленных переплетением торгово-экономических уз, производственно-технологическим взаимодействием и тесными валютно-финансовыми связями — т. е. накопленным совместным «багажом», который на данный момент «перевешивает» все существующие между ними раздоры и конфликты.

Важную роль играют механизмы, обеспечивающие поддержание стабильности в китайско-американских отношениях, которые включают: а) диалоговые форматы разных видов; б) разнообразные консультации и другие совместные акции, в том числе контакты на уровне военных, и в) постоянные обмены визитами на всех уровнях. Их эффективность неизменно проверяется на практике и признается стабильно высокой, что находит подтверждение в документах всех последних китайско-американских саммитов.

3.3. Россия: проблема самоидентификации в глобализующемся мире

За два с лишним десятилетия после распада СССР Россия проделала довольно долгий и извилистый путь в поисках собственного места в трансформирующейся структуре вновь формирующегося миропорядка.

Отказ нового российского руководства от прежних советских идеологических и экономических постулатов и принципов повлек обращение к новым концептуальным ценностям, главенствующими среди которых стали свобода рыночных отношений и внедрение в социум основ западной демократии.

Результатом этого во внутренней жизни страны в 1990-е годы стало разрушение существовавшего хозяйственного механизма, сопровождавшееся падением производства, ростом безработицы, забастовками, накоплением внутреннего и внешнего долга, распадом связей между экономическими субъектами, оттоком собственности и капиталов из России на Запад и, наконец, фактическим крахом

финансовой системы государства. Все это неизбежно привело к превращению России в западного должника, поставило ее в тесную зависимость от Международного валютного фонда, Всемирного банка и других финансовых организаций, за спиной которых маячила тень США.

Помимо того, сближению с Западом и усилению зависимости от него способствовала международная политика тогдашнего российского президента Б. Ельцина, руководства МИД и прочих внешнеполитических институтов, ратовавших за «укрепление отношений с западным миром», вплоть до присоединения к его военно-политическим альянсам.

Такая однобокая позиция российского руководства явилась, в частности, одной из причин ускоренного становления и последующего усиления монополярности, поскольку в условиях всемирной глобализации исчезли силы, способные воспрепятствовать росту американского гегемонизма и выступить в качестве альтернативы укоренению его тотального доминирования.

Начавший оправляться после тяньаньмэньских событий Китай был занят исключительно внутренними делами, поиском путей экономического развития и углублением хозяйственного строительства. Следуя завету Дэн Сяопина «не высовываться и копить силы», он не выступал еще тогда в качестве весомого антигегемонистского фактора на международной арене. Даже на американские якобы «случайные» авиаудары по посольству КНР в Белграде во время варварских бомбардировок силами НАТО Югославии Пекин отреагировал сравнительно вяло. Это, видимо, объяснялось, в первую очередь, нараставшей из года в год экономической взаимозависимостью КНР и США и стремлением Китая, несмотря ни на что, опереться на «американское плечо» при решении своих внутренних проблем.

Правительство Б. Ельцина, со своей стороны, приняло агрессию Запада против Югославии почти как должное и не пыталось серьезно протестовать против нее даже на вербальном уровне. Робкие попытки выразить несогласие с действиями НАТО и США, включая запомнившийся «бросок» российских десантников в Приштину или ставший знаменитым «разворот» самолета Е. Примакова над Атлан-

тикой в конце 1990-х годов, были ничем иным, как символическими жестами, не имевшими никакого реального эффекта.

Во взаимоотношениях России и Китая, несмотря на казавшуюся естественной для обеих стран притягательность друг друга, прежде всего, в экономическом плане, по крайней мере до середины 1990-х годов, не наблюдалось каких-либо серьезных встречных подвижек. Китай с опаской следил за «расцветом российского либерализма», опасаясь, как бы веяния из соседней страны не спровоцировали в нем «новый Тяньаньмэнь». Российское руководство, возлагавшее основные надежды на Запад, до поры до времени остерегалось иметь дело с «апологетами коммунистической ортодоксии», утверждая, что китайский путь постепенных рыночных преобразований под руководством компартии для «демократической» России совершенно неприемлем.

Фактически лишь после визита Ельцина в Китай в апреле 1996 г. было принято решение приступить к углублению отношений с КНР. Тем не менее, еще довольно длительное время западный вектор в российской внешней политике продолжал оставаться доминирующим. И это несмотря на поправки всех достигнутых ранее договоренностей между Россией и западными партнерами о «нерасширении НАТО на Восток», на приближение сферы деятельности этого блока к российским границам. Не очень способствовала поначалу укреплению политических отношений КНР и РФ декларировавшаяся ими совместная заинтересованность в глобальной многополярности и неприемлемости гегемонизма и диктата. Каждая из сторон обеспечивала, в первую очередь, свои собственные интересы: КНР изыскивала любые возможности углубления модернизации своей экономики с помощью западных технологий и расширения выходов на внешние рынки; Россия, преследуя аналогичные цели, одновременно стремилась сохранять баланс между стремлением сочетать налаживание экономического взаимодействия с Западом и Востоком с избавлением от внешних угроз со стороны обоих.

В то же время распад СССР, приведший к краху двухполюсной системы, фактически не предоставил никакой альтернативной модели мироустройства. Если полюсом в мировой архитектонике, по

определению, считается обладатель совокупности или средоточия таких политических, экономических, идеологических, военно-силовых и прочих характеристик, которые не только обеспечивают способность проведения угодной ему линии в международных делах, заставляя считаться с ней соперничающих с ним субъектов международного права, но и позволяют формировать ключевые направления мирового развития, то очевидно, что в сегодняшнем мире сохраняется наличие двух разновекторных «противоречивых тенденций развития — к многополярности и однополярности»³⁵⁸, способных сосуществовать в течение некоторого времени.

При этом ни та, ни другая модель не являются идеальными. Желанная для многих стран многополярность пока больше декларативна, хотя некоторые шаги в ее направлении уже сделаны. А монополярность в виде откровенно силового навязывания Соединенными Штатами остальному миру своих, порою достаточно сомнительных, политико-жизнейских установок и рецептов периодически вызывает у многих государств приступы тотальной аллергии. Пример тому — курс на насильственную демократизацию так называемых отсталых стран, оказавшийся попросту контрпродуктивным.

Неумение или нежелание американских руководителей вовремя осознать это оказалось чреватой эскалацией напряженности в отношениях США с Россией и, как следствие, материализацией фантомов «холода» из недалекого и незабытого прошлого. А как показывает накопленный опыт, разругаться — легко, восстановить отношения — гораздо труднее.

США, базируясь на уверенности в тотальной пригодности и приемлемости для всех остальных своих принципов и интересов, были нацелены на сохранение однополюсного мира под собственным руководством, в то время как Россия и Китай выразили желание добиваться многополярности. Чтобы укоренить однополюсность и уверенно главенствовать в этой системе, Соединенные Штаты нуждались в достижении решающего преимущества в ходе соперничества с ними. Однако при неуклонном и бескомпромиссном стремлении каждой из сторон к реализации поставленной ею задачи потенциальный антагонизм, гнездящийся в разновекторности их целей, легко

трансформировался в реальный. А это, в свою очередь, неизбежно вело к изменению баланса сил и внутри «треугольника», и на глобальном уровне.

Во-первых, стала более очевидной неспособность Америки оказывать решающее влияние на ход мирового развития. Во-вторых, в результате военных неудач, в частности, в иракской и других аналогичных авантюрах, способность Пентагона вести крупномасштабные войны в обозримом будущем значительно ослабла. В-третьих, стало сходить на нет лидерство США в глобальной экономике, и у них возникли явные признаки опасения того, что для выполнения функций единственной супердержавы при всей экономической, финансовой, технической, технологической и военной мощи у Америки просто не хватит сил.

Такие перспективы, безусловно, не могли устроить американцев, хотя ретроспективный анализ давал основание предполагать, что все происходившее было закономерным и носило объективный характер. Ибо все государства, выступавшие когда-либо в роли мировых лидеров, неизбежно проходили через стадии подъема, расцвета и заката. И все явственнее проявлялись характерные приметы того, что «веку Америки» может наступить естественный конец.

В самих Соединенных Штатах этому сопротивлялись отчаянно. Продление американского «золотого века» — основная забота любой действующей администрации. Помимо установления чисто внутренних причин надвигающегося кризиса американские политики и политтехнологи традиционно занялись поисками ответственных за это «вовне», за пределами США, предлагая рецепты противодействия потенциальным «виновникам ступающих над Америкой туч» — Китаю и России.

Грозную картину нарисовал бывший сенатор Фред Томпсон: «мы увидим, как Китай и Россия будут наращивать военную мощь. Мы уже видим, как обе страны ведут опасную, агрессивную международную энергетическую политику. И в это время наши союзники и НАТО позволяют себе урезать оборонные расходы, которых им не хватит, даже чтобы защитить себя»³⁵⁹. Сенатор-республиканец Джон Маккейн на официальном уровне впервые признал, что создаваемая

в США система ПРО обладает антироссийской направленностью: «Эффективная система ПРО имеет решающее значение, чтобы защитить Америку от режимов-изгоев, подобных Северной Корее, преступных государств, например, Ирана, и чтобы подстраховаться от потенциальных угроз со стороны возможных стратегических соперников — России и Китая»³⁶⁰. Из демократов наиболее критично в адрес России высказывался бывший сенатор от Северной Каролины Джон Эдвардс, который неоднократно подчеркивал, что «ее направление движения, хотя и имеет важнейшее значение для национальной безопасности Америки, но, к сожалению, с точки зрения США, является неверным»³⁶¹.

Но не все, однако, рисовалось в мрачных тонах.

Начальный период президентства Б. Обамы, когда высший пост в России занимал еще Д. Медведев, породил определенные надежды у российской стороны на улучшение отношений с США. Для подготовки почвы к «реанимации» российско-американских отношений в первые месяцы пребывания Обамы в Белом доме в Москву зачастили делегации высокопоставленных экспертов из США, результатом поездок которых стал доклад «комиссии Харта—Хэйгела» под заголовком «Какой должна быть направленность американской политики в отношении России». Комиссия рекомендовала правительству США:

1. Наладить партнерство с Россией по иранскому вопросу.
2. Сотрудничать с ней для укрепления международного режима нераспространения ядерного оружия.
3. Заново проанализировать планы размещения системы ПРО в Польше и Чехии и предпринять усилия по выработке совместных действий в отношении общей для США и России угрозы со стороны иранских ракет.
4. Признать, что Украина и Грузия не готовы к членству в НАТО, и в тесном взаимодействии с союзниками США определить альтернативные форматы, позволяющие продемонстрировать приверженность Вашингтона обеспечению суверенитета обоих государств.
5. Начать серьезный диалог в сфере контроля над вооружениями, в том числе о продлении срока действия Договора о сокращении

стратегических наступательных вооружений (СНВ), а также о дальнейшем сокращении ядерных вооружений, как тактических, так и стратегических.

В результате наметился ряд серьезных подвижек. Россия позитивно прореагировала на предложение США о «перезагрузке» двусторонних отношений. США и НАТО была предоставлена возможность доступа к авиа- и железнодорожной инфраструктуре России для транспортировки военных грузов в целях их группировки в Афганистане. Кульминацией перезагрузки стало подписание нового двустороннего договора по СНВ, а также отмена поправки Джексона—Вэника и принятие России в ВТО.

В то же время голосование в Совете Безопасности ООН по резолюции № 1973 по вопросу о Ливии, которую Россия фактически поддержала, привело к кровавым событиям в этой стране, вызвав среди политиков и политологов дискуссию о том, не лучше ли ей было бы наложить вето.

Вялой оказалась реакция российского МИДа на планы США развернуть часть системы ПРО в Румынии. А ведь условием подписания договора по СНВ было сохранение за РФ права одностороннего выхода из него в случае новых американских инициатив по ПРО. Не было никакой реакции на попрание американцами суверенитета Пакистана в результате секретной переброски туда спецназа США для ликвидации Бен Ладена.

Отношения застопорились, когда стало очевидно, что следующим российским президентом станет В. Путин, независимость, самостоятельность и напористость которого очень раздражают американцев. Его идея формирования экономического, а затем и политического Евразийского пространства вызвала у них резкое отторжение. Вновь началось пропагандистское противостояние, резко выросло взаимное недоверие. Взамен исчерпавшей себя «перезагрузки» не удалось выработать новую повестку дня. В результате диалог по стратегическим вопросам зашел в тупик. Возникли новые проблемы: список Магницкого, закон Димы Яковлева, закон об НКО и, наконец, Сноуден. Отсутствовал прогресс в торгово-экономических отношениях.

Трансформации в российской внешней политике с приходом Путина, выразившиеся в ее переориентации на Восток, стремлении «поймать китайский ветер в российские паруса», создании Евразийского таможенного союза с последующим формированием Евразийского сообщества, по убеждению США, наносили прямой удар по их целям и интересам в Центральной Азии и европейской части бывшего СССР.

Не вызывало энтузиазма у них и стремление российского руководства отстаивать свои позиции в Восточной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Примечательно, что США не рассматривали прежде Россию как значимый фактор военно-стратегической безопасности в СВА и АТР в целом. Для них она являлась всего лишь партнером по взаимодействию в ограниченных сферах, таких, как стратегические вооружения, борьба с терроризмом, ядерное нераспространение.

Таким образом, рельефно обозначилось реальное столкновение американских интересов, заключающихся в сохранении мирового доминирования США и упрочении их статуса глобальной сверхдержавы, с интересами России, которая увидела свою цель в усилении роли «связующего моста» между Европой и Азией, Востоком и Западом. Безусловной ее слабостью в этой ситуации стал разрыв между глобальными претензиями и замыслами, с одной стороны, и нынешним региональным статусом, с другой.

В то же время продолжалось стратегическое окружение России со стороны США, которые неуклонно усиливали свое присутствие в зоне ее приоритетного влияния, включавшей, наряду с Центральной Азией, Дальний Восток и некоторые европейские регионы СНГ, в том числе и Украину.

Тем не менее, ухудшение отношений США и России, начавшееся гораздо раньше украинских событий, имеет, на наш взгляд, и другие, более фундаментальные причины. Прежде всего, «стратегическое партнерство», продекларированное после 11 сентября 2001 г., реализовать фактически не удалось, поскольку не был создан соответствующий механизм взаимодействия двух стран, и оно не получило правового и институционального оформления. Таким образом, не

сложилась постоянная структура для обсуждения и урегулирования целого ряда ключевых проблем, по которым у Москвы и Вашингтона имелись серьезные расхождения. В их число входили Ирак, Иран, КНДР, Косово, расширение НАТО, развертывание ПРО и др.

Помимо этого, в российско-американских отношениях, в отличие от взаимоотношений США и КНР, так и не была создана экономическая база, способная играть роль стабилизатора при обострении политических разногласий. Напротив, дестабилизирующим фактором в них оставалась психология взаимного ядерного устрашения, по-прежнему присущая концептуальным построениям политиков и политологов в обеих странах. А это, в свою очередь, обусловило сохранение российско-американского военно-стратегического соперничества. Новый импульс ему придало решение США о размещении объектов ПРО в Польше и Чехии. Как подчеркивал директор Института США и Канады академик С. Рогов, «даже в период холодной войны стороны вели переговоры об ограничении гонки вооружений. Сегодня переговоры о контроле над вооружениями прекращены. Между тем гонка вооружений “без правил” возобновилась и приобрела многосторонний характер»³⁶².

И, наконец, ситуация усугублялась тем, что на базе критики внутренней и внешней политики России в самих США сформировался своеобразный «единый фронт» из видных представителей обеих ведущих партий, что при определенных обстоятельствах облегчало естественный переход Соединенных Штатов к политике «сдерживания России». И если к концу 2013 г. новый период холодной войны между двумя державами еще не наступил, то былой оттепели в их отношениях уже не было — ее «выстудило» установление между ними «холодного мира».

Итоги прошедшего с начала 1990-х годов периода свидетельствовали о том, что Россия не только не стала равноправным членом западного сообщества, но и не имела для этого абсолютно никаких шансов. Хотя в первые 10—15 лет после распада СССР Москва усиленно демонстрировала желание и готовность установить с Западом самые дружеские отношения, ей это не удалось. По мнению российского исследователя А.Г. Ларина, «надежды России стать для Запада “своей” и

обрести гармоничное сосуществование с ним в духе “нового мышления” строились на глубоких политических заблуждениях»³⁶³.

Вашингтон не только отверг предложение Москвы о «стратегическом партнерстве», но не отреагировал и на ее инициативы по сокращению в одностороннем порядке российского военного потенциала в начале 2000-х годов ниже предела, предполагавшегося по Договору ОСВ-3, а также по отказу от военных объектов на Кубе и во Вьетнаме. «Политика США и НАТО на российском направлении обрела форму силового нажима, экспансии в зоны интересов России и вытеснения ее оттуда, подрыва безопасности России, противодействия ее подъему»³⁶⁴.

О начале нового этапа холодной войны между Россией, с одной стороны, и США и Западом, с другой, в мире стали все активнее поговаривать с весны 2014 г. после известных событий на Украине. Можно по-разному трактовать их причины, но вполне очевидно, что все произошедшее в этой стране в 2013—2014 гг. США и большинство их сателлитов в Европе не преминули использовать в антироссийских целях.

Помимо желания приобрести прямые геополитические выгоды, которое оказалось трудновыполнимым в связи с присоединением Крыма к России, США через провоцирование украинского кризиса стремились использовать сложившуюся ситуацию для снижения авторитета и веса России в мире, уменьшения той солидной внешнеполитической капитализации, которую она сумела аккумулировать за последние годы благодаря более рациональной международной политике.

Беспокойство западного истеблишмента усиливали ее активное поведение в БРИКС и ШОС, вступление в ВТО, образование ЕврАзЭС, последовательная и независимая позиция в Совете Безопасности ООН. США и Евросоюзу сильная Россия была не нужна, поэтому Вашингтон и Брюссель сосредоточились на задаче ослабления экономического, политического и военного потенциала Москвы.

Курс Белого дома на Украине был связан также с попыткой администрации Обамы отыграть в «погоне за утраченным» те внутри-

и внешнеполитические провалы, которые она претерпела в первый срок пребывания во власти. Отклонив на словах подозрения в стремлении к глобальной гегемонии, но не в силах отказаться на деле от притязаний на всемирное доминирование, Америка продолжила свои попытки руководства мировыми процессами. Вновь звучали ноты менторства и претензии на исключительность.

Поскольку в ситуации вокруг Украины Россия отказалась играть по западным правилам, то простое ее «сдерживание» Соединенным Штатам показалось уже недостаточным. Конечной целью политики санкций стало осуществление смены режима в Российской Федерации, отстранение от власти В. Путина, так как при нем, по мнению большинства лиц, задающих тон американской внешней политики, улучшение американо-российских отношений стало якобы нереальным. По существу это явилось курсом на подрыв страны, ибо политика президента получила поддержку большинства населения РФ, а российская государственность сохранялась в виде препятствия на пути транснациональных корпораций к контролю над ее минерально-сырьевой базой.

При этом США выстраивали свои планы дестабилизации российской ситуации в условиях серьезного ослабления, по признанию самих американских экспертов, и даже определенной деградации в собственном политическом и политологическом сегменте, вовлеченном в теоретическое изучение и практическое осуществление политики в отношении восточноевропейских стран и России. Многие решения по этим регионам стали приниматься правящими кругами в Вашингтоне не на основе скрупулезных аналитических экспертных оценок, как бывало прежде, а по прихоти или наитию отдельных конкретных личностей.

Что касается европейских политиков, то для них украинский кризис предоставил возможность продемонстрировать, что на фоне неурядиц в этой стране единая Европа не деградирует, а развивается и по-прежнему остается привлекательным проектом, несмотря на ее экономические проблемы, а также всплески агрессивности и недовольства среди населения, порожденные тягой европейских лидеров к мультикультурализму и избыточной толерантности.

Концентрируясь на европейском регионе как зоне украинского кризиса, не следует забывать о его влиянии на общемировые глобальные процессы. Резкое охлаждение отношений РФ с США и Европой не отменило стабилизации и даже определенного потепления взаимоотношений КНР и США и отразилось на взаимосвязях Китая и России.

Словесные перепалки Америки и Китая отнюдь не означали готовности к замораживанию отношений между этими двумя соперничающими в Азии силами до степени нагромождения ледяных глыб, готовых в одночасье превратиться в свою противоположность — пожар конфликта, затушить который было бы уже никому не под силу.

В реальности, несмотря на продолжавшиеся территориальные споры между КНР и целым рядом стран Азии, отношения между ключевыми игроками в ней — США и Китаем — за время, прошедшее после встречи в Калифорнии Б. Обамы и Си Цзиньпина, в целом улучшились и закрепили свою положительную динамику. Свидетельством этого явилось то, что за указанный период между Вашингтоном и Пекином не возникло ни одной серьезной конфликтной ситуации, а разнообразные механизмы китайско-американского взаимодействия продолжали консолидироваться, укрепляться и совершенствоваться.

Отношения «нового типа» стали не просто «фигурой речи». За этим определением обозначился качественный сдвиг во взаимодействии двух стран. При всех сохранившихся между ними расхождениях стороны продолжили поиски такой равнодействующей, которая удовлетворила бы обоих партнеров. В очередном обострении отношений ни одна из них не была заинтересована.

По существу Китай смирился с «возвращением» США в АТР, осознавая, что место Америке в нем принадлежало и раньше, а, следовательно, она претендует на него по праву и фактически оттуда никуда не уходила. В Азии был начат беспрецедентный «торг» за условия будущего сосуществования США и Китая на глобальном уровне. И пока, на фоне постоянно крепнущих китайско-американских финансово-экономических и торговых связей, Америка сохра-

няет и в обозримом будущем сохранит ведущие стратегические позиции в мире.

Попытки КНР достигнуть в ближайшее десятилетие статуса первой мировой экономики могли бы быть успешными, но при условии, что: 1) не разразится глубочайший кризис в самом Китае, который по законам давно практикуемой им рыночной экономики является неизбежностью, но пока по счастливой случайности миновал КНР; и 2) США не совершат в течение предстоящих 10—15 лет качественного экономического рывка, подготовка которого была объявлена одним из главных приоритетов внутренней политики Обамы.

В любом случае, военно-политическое и стратегическое лидерство США поколебать Китаю в одиночку еще не под силу. Качественно его нынешняя разновидность отличается от прежней тем, что вместо подчинения воле Америки ее союзников и тотального диктата по отношению к ним она строится на разделении ответственности и затрат на «регулирование мировых процессов». Поэтому Китаю в условиях поисков компромиссов и основ взаимодоверия с США так или иначе тоже придется создавать систему собственных альянсов и группировок, или, как минимум, заручаться поддержкой единомышленников.

И все же на практике налицо пока не только различие в подходах США и Китая к урегулированию потенциально крупных региональных конфликтов, но и их неготовность к выработке общего критерия оценки факторов, подрывающих глобальную стабильность и устойчивое развитие.

Китай традиционно надеется на поддержку со стороны России. Из набросков ее внешнеполитического курса в одной из программных статей президента В. Путина четко следует, что развивающиеся на протяжении многих лет в здоровом направлении российско-китайские отношения составляют одну из его главных основ. Россию не пугает и ей не угрожает стремительный рост китайской экономики, который она рассматривает как «колоссальный потенциал делового сотрудничества», как возможный шанс для подъема Сибири и своих дальневосточных регионов.

России импонировало и то, что, в отличие от США, поведение Китая на мировой арене не давало повода говорить о его претензиях на доминирование. КНР разделила ее видение формирующегося равноправного миропорядка, многие позиции по острым международным и региональным проблемам, позволяющие наращивать российско-китайское взаимодействие в различных международных организациях и многосторонних форматах.

И, наконец, у России и КНР были закрыты все крупные политические вопросы в отношениях, включая пограничный. Был выстроен прочный, оформленный юридически механизм двусторонних связей.

Однако до последнего времени партнерские отношения РФ и КНР были парадоксальны тем, что при исключительно хороших доверительных связях на уровне политического руководства их экономическая составляющая по объемам и насыщенности намного отставала от политической, не говоря уже о том, что катастрофически уступала китайско-американской.

Подписание в ходе визита В. Путина в КНР в 2014 г. газового контракта и целого ряда других соглашений было нацелено на преодоление существующего разрыва. Сбалансирование политических и экономических отношений между РФ и КНР — в случае его достижения — стало бы важным шагом для еще большего укрепления политической основы российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства. Это особенно актуально, поскольку в нем пока сохраняются и, к сожалению, увеличиваются труднопреодолимые разрывы.

Стратегически Россия для КНР — не только безопасный тыл, но и сторонница в процессе формирования давно искомого и вожделенного обеими нового мирового и регионального порядка на основе полицентричности. Однако в Китае в последнее время стали, как будто, забывать об этом, увлекшись выстраиванием различных иных геополитических комбинаций. Двойственная позиция Китая по вопросу Крыма точно так же, как лавирование в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, не вполне созвучна принципам и духу «стратегического партнерства».

В то же время формирование некоего альянса двух стран не отвечает их интересам и не нужно ни Китаю, ни России. Во-первых, такие отношения, по резонному утверждению В. Путина, «лишают участников альянса части их суверенитета». И очевидно, что КНР не будет действовать вопреки курсу на самостоятельность и углубление отношений с США.

У России, в свою очередь, в случае гипотетического союза с Китаем, непременно возникнут сложности с укреплением связей с другими азиатскими странами и ее влияния в СВА и АТР, где у КНР сегодня достаточно недоброжелателей. При этом сама идея союза отнюдь не является ни актуальной, ни целесообразной. Одни китайские эксперты полагают, в частности, что союзы необходимы лишь на случай войны. Другие считают, что в них вообще нет никакой нужды.

«Союз, прежде всего, должен служить национальным интересам страны. Коренные интересы Китая и России, хотя и имеют много общего, но также имеют большие различия. Китайско-российский союз может принести в международном плане много вреда. В конце концов, союз между Китаем и Россией сейчас невозможен, в нем нет нужды, еще более нет надежды на полный, всесторонний союз. Самым оптимальным, самым правильным в отношениях двух стран является всестороннее углубление стратегического сотрудничества и партнерства»³⁶⁵.

Последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР, безусловно, отвечает интересам России. Это особенно важно не только в силу «самоценности», но и как страховка от неприятной и потенциально не исключенной полностью перспективы оказаться на обочине каких-либо китайско-американских проектов за счет интересов РФ. Например, договоренностей США и КНР о совместных шагах по поддержанию низких цен на углеводороды, что выгодно им обоим, но невыгодно России. Интересно, что намеки на возможность такого сговора уже появились в СМИ³⁶⁶.

Объективно существующие у КНР и РФ встречные интересы, связанные с взаимной поддержкой в противодействии гегемонистским импульсам американской политики не утрачивают своего зна-

чения в качестве стимула для укрепления российско-китайских отношений. Однако в сложившейся сегодня ситуации формула «всеобъемлющего стратегического партнерства» перестала, на наш взгляд, адекватно отражать степень взаимосоприкосновения российско-китайских интересов и парадигму взаимодействия двух стран. Укрепление связей по военной линии, постоянные продажи современных российских вооружений в КНР, а также регулярные совместные военные и морские учения несколько вышли за рамки этой расплывчатой формулы, универсально применяемой китайцами и к характеристике их отношений с целым рядом других стран мира. Ее трансформация применительно к российско-китайским связям в «отношения всеобъемлющего взаимодействия в рамках полного геополитического согласия и стратегического единства» была бы более точной качественной характеристикой их состояния в диапазоне между альянсом и действующей ныне формулой. В то же время не стоит забывать о жесткости и бескомпромиссности Китая в отстаивании им своих интересов на любом уровне, включая двусторонние связи.

Обострение отношений США и РФ по поводу Украины и Крыма с большой долей вероятности негативно отразится на российско-американском взаимодействии в АТР. В связи с кризисом на Украине **геополитическая ситуация в мире претерпела существенные коррективы.**

- По мнению ряда экспертов, эти события обозначили реальный конец однополярности, поскольку ошибка Обамы состояла в том, что он скинул Россию со счетов как глобальную державу и стал рассматривать ее в качестве региональной. И хотя однополярность пока не рухнула окончательно, ее лихорадочные попытки к «выживанию» происходят параллельно консолидации новых структур, реально претендующих на роль фундамента будущей полицентричности.
- Прекращение существования «восьмерки» одновременно обозначило размежевание антироссийских, пророссийских и нейтральных сил, которых, как показало голосование в ООН по «крымскому вопросу», было не так уж мало. Однако осторож-

ность российской стороны во время «антитеррористической» операции Киева практически аннулировала позитивное восприятие крымского успеха и склонила «чашу весов» в пользу антироссийских настроений.

- Возведение России в ранг «главного врага» несколько смягчило напряженность в отношении Запада к Китаю, фактически занявшему излюбленную позицию лавирования. Все это может способствовать дальнейшей стабилизации китайско-американских отношений.
- Одновременно не исключено укрепление позиций КНР как «амортизатора» между про- и антироссийским глобальными сегментами.
- И, наконец, положение России в СВА и АТР будет существенно зависеть от того, сможет ли она реально опереться на «китайское плечо» в случае еще более серьезных западных санкций.

В связи с этим Китаю следует ясно осознавать, как бы парадоксально это ни звучало, что все антироссийские выпады США своей конечной целью имеют направленность и против их главного глобального оппонента — КНР. Ключевая задача сохранения доминирования и гегемонизма Америки в мире, о которой Обама заявлял многократно, в условиях реального ослабления американского экономического и военно-политического могущества, при противостоящих США и не желающих подчиняться их диктату Китае и России, может быть реализована лишь путем сраживания их друг с другом за счет использования в отношении каждой из этих стран стратегий поочередного «сдерживания и перебалансировок».

Заявление госсекретаря США Дж. Кэрри летом 2014 г. об отсутствии у США намерения «сдерживать Китай» наглядно подтвердило это. Одновременно Вашингтон намеренно продемонстрировал, что если не накажет Москву за Крым, это может побудить Китай по примеру России отобрать у Японии острова Дяоюйдао, а затем «захватиться» и на Тайвань. Как бы это ни было маловероятно, но нет сомнений в том, что если и как только в украинском вопросе США удалось бы «разделаться с Россией» путем смены власти в ней или

возвращения Киеву Крыма, последовало бы резкое ужесточение их антикитайского курса.

Реакция Запада на украинский кризис значительно усугубила и без того сложное положение России в мире, в котором она оказалась во второй половине 2014 — начале 2015 г. Падение мировых цен на нефть резко сократило ее бюджетные доходы и нарушило сбалансированность отношений с производителями углеводородов на Ближнем Востоке.

Западные санкции и российские контрсанкции не только затормозили торгово-экономическое сотрудничество сторон, но негативно сказались на уровне жизни населения России. Антироссийская риторика Запада эхом отозвалась в ряде стран АТР, снизив шансы РФ на рост экономического сотрудничества с этим регионом, не говоря о расширении и укреплении в нем политического влияния. Существовавшая до кризиса на Украине возможность выбора у России наиболее целесообразного варианта подключения к его интеграционным форматам (АСЕАН—Китай, «АСЕАН плюс» или Транстихоокеанское партнерство (ТТП)) поставлена под вопрос, что ограничивает инвестиционное участие крупных доноров региона в ее программах развития Сибири и Дальнего Востока.

В важном и необходимом для всех трех сторон стратегическом партнерстве РФ с КНР и Индией, как на двусторонней основе, так и в рамках БРИКС, появилась задача обходить «острые углы» в связи с осторожной позицией последних в отношении американо-российского конфликта. Возникновение аналогичной проблемы было не исключено и в отношениях с некоторыми странами-членами ШОС. Все это значительно затруднило для России ее самоидентификацию и позиционирование в современном мире в качестве связующего «моста» между Востоком и Западом.

К позитивным сторонам ее глобальной позиции можно было бы отнести расширение и усиление российского влияния в Латинской и Южной Америке, заставившее США после более чем полувекового перерыва возобновить дипломатические отношения с Кубой. К тому же, даже несмотря на более чем скромную по сравнению с США и Китаем долю в мировом ВВП, Россия по-прежнему обладает

немалыми преимуществами, позволяющими ей сохранять положение одной из ведущих держав мира. Она располагает огромной территорией, уникальными природными ресурсами, мощным и все усиливающимся стратегическим и военным потенциалом. Особо значимо ее геостратегическое положение в центре евразийского континента в окружении стран и регионов с сохраняющимся российским влиянием.

Но чтобы эти преимущества были использованы с максимальной рациональностью, для российского истеблишмента важно окончательно осознать, что Запад никогда не примет Россию в равноправные члены своего сообщества. Во-первых, потому, что большинство западных стран боятся ее масштабности и могущества, а, во-вторых — поскольку всегда рассматривали и хотели использовать Россию, прежде всего, как изобильную кладовую минеральных ресурсов.

На примере СССР история уже научила пониманию того, что в качестве весомого контраргумента своим притязаниям американцы реально воспринимают только экономическую мощь и военную силу. Если в придачу к решительным заявлениям о самостоятельности и независимости своей политической линии России удастся нарастить их до необходимых пределов, США начнут с этим считаться.

3.4. Формулы грядущего мироустройства: прогнозы и перспективы

Прогнозы, как известно, дело рискованное и неблагодарное. Тем не менее, предпринимаются активные попытки выстраивать на основе существующих реальностей схемы дальнейшего развития геополитической ситуации в мире на предстоящие 10—15 лет.

По экспертным оценкам, «нынешний мир вступил в этап глубочайших перемен, канула в вечность биполярная система, не выдерживают испытания временем претензии на единоличное управление мировыми делами, не без трудностей, но идет процесс становления новой полицентричной системы международных отношений»³⁶⁷.

В ее основе — появление целой группы так называемых возвышающихся государств, характеризующихся сравнительно высокими темпами экономического роста, нежеланием мириться с существующей, несправедливой, по их мнению, глобальной финансово-экономической системой, которая постоянно генерирует кризисы. Формирование более рационального и справедливого миропорядка на принципах многополярности, без гегемонии или диктата, считают они, способно обеспечивать интересы всего мирового сообщества, а не отдельных его субъектов.

В первую очередь к таким государствам относятся страны-члены группы БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка, — представляющие основные континенты мира, охватывающие до 30 % территории земного шара, около половины мирового населения, производящие более четверти ВВП и обеспечивающие свыше 50 % прироста мировой экономики³⁶⁸.

Другим фактором, подкрепляющим тенденцию продвижения мира в направлении полицентричности, является возникновение и укрепление региональных механизмов, которые, наряду с регулированием ситуации в зонах своих действий, принимают участие в решении глобальных проблем. К ним относятся ЕС, АТЭС, АСЕАН, ШОС и ряд других аналогичных структур. Они не стремятся к созданию замкнутых группировок или союзов, направленных против третьих стран, а, напротив, в сотрудничестве с развитыми и развивающимися государствами всех континентов действуют «в направлении совместных поисков коллективных решений злободневных проблем современности, выработки конструктивной программы действий по стабилизации мировой экономики, созданию гармоничного мирового порядка»³⁶⁹.

Россией уже сделаны первые шаги по реализации инициативы, нацеленной на создание Евразийского сообщества. Идеи формирования сухопутного и морского «Шелковых путей» продвигает Китай.

Важно отметить, что с крахом биполярности в условиях глобализации в мире диаметрально изменился характер противоречий и противоборств: на смену идеологической вражде, существовавшей между двумя блоками — Востоком и Западом — пришли новые не-

традиционные вызовы в облики международного терроризма, исламского фундаментализма, религиозно-этнических и территориальных конфликтов, киберугроз и т. п.

Закономерным результатом глобального развития в последние десятилетия стало смещение вектора мировой политики и экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион³⁷⁰. Одновременно он продолжает сохранять за собой характеристику «зоны повышенной турбулентности». В АТР все острее ощущается отсутствие универсального механизма обеспечения безопасности и стабильности, комплексно урегулирования политических и экономических проблем.

Корейский полуостров, территориальные споры с участием КНР, Японии, ряда стран ЮВА, обеспокоенность по поводу усиления китайско-американского противоборства — таков далеко не полный перечень наиболее острых, требующих скорейшего решения вопросов, связанных с поддержанием устойчивости и равновесия в регионе.

Отношения КНР и США, безусловно, играют важнейшую роль для обеспечения мира и стабильности не только в Азии, но и на глобальном уровне. Прогнозы вероятного состояния китайско-американских отношений на ближайшее десятилетие в свете развития военно-политической ситуации в Восточной, Северо-Восточной Азии и АТР исходят в основном из гипотетических версий относительно будущего статуса этих стран, их внутривнутриполитического и социально-экономического положения и стратегических позиций. Как правило, они основываются на глобальных ситуационных прогнозах более общего характера.

Так, известный российский китаевед Я. Бергер полагает, к примеру, что «внешнеполитический курс Пекина в предстоящие 5—10 лет скорее всего будет носить не жестко агрессивный, но умеренно наступательный характер. Тем не менее, не исключено дальнейшее противоборство сторонников различных ориентаций». Важным доводом Китая в пользу такого курса он считает «наращивание усилий по обеспечению территориальной целостности государства... по воссоединению с Тайванем и отстаиванию суверенитета над спорными территориями в Восточно-Китайском и Южно-Китайском

морях. Поступательное наращивание совокупной национальной мощи страны делает такой курс теоретически и практически возможным. С другой стороны, недостаточность этой мощи — в сравнении с США, главным внешнеполитическим соперником Китая, и наличие серьезной внутренней нестабильности накладывают на него существенные ограничения»³⁷¹.

Интересными в связи с этим представляются мнения американских экспертов. Например, профессор Стэнфордского университета и Гуверовского института Эллис Миллер исходит из того, что «в силу трений между Пекином и Вашингтоном по поводу региональных и двусторонних проблем их отношения будут носить неровный, “ухабистый” характер, но эти неровности будут сглаживаться глубокой экономической взаимозависимостью и общей заинтересованностью в сохранении стабильности»³⁷².

Другой американский эксперт, профессор Университета Беркли (Калифорния) Лоуэлл Диттмер, рассматривая американо-китайские отношения в более широком контексте, предполагает: «Похоже, мы продвигаемся к формированию структуры согласованных действий, известной как “концерт держав”, при относительном ослаблении старых развитых “полюсов” (ЕС, США) и подъеме таких растущих стран, как Бразилия, Южная Африка, Индия, Турция и т. д. Китай хотел бы стать лидером данной группы стран, но не вполне ясно, вызывает ли такое стремление единодушный восторг остальных. Создается новый мир, более гибкий, но в то же время более изменчивый и нестабильный, чем прежняя биполярная структура»³⁷³.

Его коллега Джун Дрейер, профессор Университета Майами уверяет, что «между США и КНР будет сохраняться высокая степень взаимозависимости. Столь большой объем долговых обязательств США, находящихся в руках Китая, ставит КНР и США в одинаково уязвимое положение. Аналогичной экономической взаимозависимости нет и, по всей видимости, не будет в отношениях между США и Россией». Однако, считает эксперт, «китайско-российские экономические отношения... создают для Китая преимущество в “треугольных” отношениях, ибо его торговые связи с Россией и США более прочны, чем торговые связи между США и Россией. Поэтому

Китай находится в более выгодной позиции, позволяющей ему играть на американо-российских противоречиях более успешно, чем Россия или США могут использовать друг друга в качестве противовеса подъему Китая. При сохранении этих факторов отношения между тремя державами будут тяготеть к асимметричности»³⁷⁴. «Три страны будут не формировать “триумвират”, а преследовать свои интересы и сотрудничать в тех случаях, когда они совпадают. В случаях их расхождения они едва ли будут корректировать свою политику в целях координации,.. не следует исходить из треугольной конфигурации сил. ...Если Индия и/или Бразилия сохранят свои нынешние темпы роста,.. то “треугольник” может превратиться в четырехугольник или пятиугольник. ...Японии, возможно, удастся вылезти из трясины, в которой она находится уже два десятка лет, и начать движение к более сильной и независимой позиции. Что касается Европейского союза, чрезмерно расширившего свою политическую орбиту и превысившего собственные экономические возможности, то остается все меньше оснований предполагать вероятность углубления его интеграции до такой степени, чтобы Европа могла выступать в качестве единого субъекта. Африка и Латинская Америка также едва ли сумеют обрести подобную возможность»³⁷⁵.

Грегори Мур, доцент факультета политических наук Университета провинции Чжэцзян (Ханчжоу, КНР) увязывает будущее американо-китайских и китайско-российских отношений с внутривнутриполитическими тенденциями в самих США и считает, что «если США вернутся к исторически более характерной для них либеральной интернационалистической внешней политике (в противовес одностороннему вмешательству, продемонстрированному при Буше-младшем), это будет хорошим предзнаменованием для всех трех стран [США, КНР и России]. Если же США, руководствуясь мотивировками, исходящими слева или справа, в своей внешней политике вновь станут двигаться более интервенционистским, проактивным курсом, то они тем самым осложнят и затруднят отношения между тремя странами. Более агрессивная позиция США повышает вероятность стратегического сближения России и Китая, но это предполагает способность Пекина и Москвы отодвинуть на

задний план множество своих разногласий и сомнений, что отнюдь не бесспорно»³⁷⁶.

Еще в самом начале нынешнего века обращал на себя внимание скептицизм оценок в отношении возможностей Китая достигнуть в течение обозримого периода статуса мировой державы. По мнению З. Бжезинского, для сохранения на протяжении двух грядущих десятилетий бурных темпов экономического роста, которые могли бы гарантировать Китаю указанный статус, требовалось «необычно удачное сочетание эффективного национального руководства, политической стабильности, социальной дисциплины внутри страны, высокого уровня накоплений, сохранения очень высокого уровня иностранных вложений и региональной стабильности», что в комплексе он рассматривал как проблематичное³⁷⁷.

К негативным факторам, препятствовавшим превращению КНР в ближайшие 20 лет в ведущую мировую державу, З. Бжезинский относил также зависимость от импорта сырья и продовольствия, отсутствие возможности оказания военного влияния за пределами азиатского региона; влияние неравномерности развития отдельных районов КНР на политическую стабильность в стране, отсутствие признаков осуществления политических реформ, которые должны [были] соответствовать «социальным императивам» реформируемой экономики; отсутствие демократии в китайском обществе и, наконец, реальную бедность значительной части гигантского населения страны³⁷⁸.

Одновременно американские политологи исходили из того, что за указанный период КНР вполне в состоянии стать доминирующей региональной державой Восточной Азии и наиболее влиятельным в геополитическом плане государством на азиатском материке.

Но существуют и иные прогнозы, в том числе китайские, согласно которым КНР в ближайшие десятилетия не только догонит, но и обойдет Америку по многим важнейшим экономическим параметрам, причем по отдельным из них китайское преимущество будет чуть ли не трехкратным. И это якобы может дать в «руки» Поднебесной рычаги мирового влияния, аналогичные тем, которыми располагают США. Подобную точку зрения отстаивает и пропаган-

дирует, например, известный китайский экономист профессор Ху Аньган.

Представляется, что слабость таких прогнозов состоит в выстраивании их чисто арифметически, исходя из неких идеальных условий и без учета наличия целого ряда негативных факторов, способных замедлить или вовсе затормозить развитие КНР. К внутренним можно отнести нехватку ресурсов, вероятность природных и экологических катаклизмов в самом Китае и другие объективные и субъективные обстоятельства, включая возможность возникновения внутривнутриполитических проблем. Одновременно недооценивается или игнорируется влияние или воздействие разнообразных внешних сил. Не секрет, что многие страны, мягко говоря, не в восторге от стремительного возвышения и выхода Китая на позицию второй экономики мира. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов периодические глобальные кризисы, а также то, что резерв роста экономики КНР за пределами темпами не бесконечен. В экстенсивном формате он себя уже практически исчерпал. К тому же растет и будет расти не только догоняющая китайская экономика, но и догоняемая американская.

«Большие скачки» — специфика чисто китайская. Уже на протяжении почти четырех десятилетий Китай совершает свой длительный «большой скачок». Но даже если уступающий пока американскому ВВП КНР завтра превзойдет его по объему, для того, чтобы сравняться с США по его показателю на душу населения, Китаю, по самым минимальным оценкам, потребуется более века. Поскольку его ресурсы ограничены уже сегодня, для обеспечения искомого роста ему необходимы резервы извне, причем в таких количествах и объемах, что продолжение роста КНР планируемыми темпами активно ставит барьер на пути развития остального мира.

Стоит ли упоминать о том, что сталкивать Китай с поступательного продвижения по пути реформ на его обочину будут сохраняющиеся негативные факторы: удручающее состояние экологии и громадное количество сельской бедноты, которая так и не вкусила даже доли тех плодов модернизации, которые за 30 с лишним лет реформ достались городским жителям.

Понятие паритета включает, помимо экономической, и другие составляющие. В военном отношении догнать США Китаю будет намного труднее, чем в экономике. Важными показателями являются уровни развития науки и техники, образования и культуры. Прогресс в этих сферах в КНР налицо. В стране действует большое количество университетов и других вузов высокого уровня. С каждым годом все больше китайских студентов и аспирантов получают возможность обучаться и стажироваться за границей, преимущественно на Западе. Многие из них остаются жить и работать за рубежом. Те, кто возвращается, усиливают научный и технологический потенциал КНР.

Рост авторитета и влияния страны на мировой арене напрямую связан с повышением ее научно-технического потенциала и уровня образования, глобальной притягательностью национальной культуры. Китай прилагает для этого особые усилия, но их эффект, к сожалению, пока не вполне соизмерим с масштабами затрат. Славившийся в древности великими изобретениями, сегодня он мало что может предложить остальному миру в плане технологических новаций, оставаясь по преимуществу лишь «фабрикой-имитатором» высокотехнологичной продукции зарубежных фирм и непревзойденным изготовителем промышленного и бытового контрафакта.

Социально-культурная экспансия Китая в мире до сих пор ограничивается распространением ресторанов китайской кухни и методов традиционной медицины, преимущественно акупунктуры. Другие сферы из арсенала его культурного влияния значительно отстают. Тому есть и объективные причины. Важнейшим инструментом такого влияния является язык. Хотя по распространенности китайский находится на 2-м месте в мире, в силу его специфики (иероглифическая письменность, тона и пр.) им труднее овладеть, чем английским или другими европейскими языками.

Как средство коммуникации, китайский язык, еще не в столь отдаленном прошлом являвшийся предметом гордости его носителей, создавая у них иллюзию интеллектуального превосходства над окружающими «варварами», которым он был недоступен, стал те-

перь неким тормозом на пути вхождения страны в глобальную информационную среду, присоединения к мировым коммуникационным системам. Лингвистические и ментальные особенности, свойственные китайцам и отличающие их от представителей западной цивилизации, вносят свою лепту и в значительное отставание произведений китайской литературы, музыки и кинематографа в рейтинге мировой популярности от культурной продукции европейцев и американцев.

Осмыслив огромное значение веса и влияния в современном мире фактора так называемой мягкой силы, Китай прилагает ныне активные усилия по сокращению своего отрыва в этой сфере от передовых стран. Тратятся огромные средства на распространение по миру институтов Конфуция — центров обучения китайскому языку и ознакомления с культурными традициями Поднебесной. Однако рассчитывать на стремительный рывок в области «поголовной китаизации» остального мира Китаю пока преждевременно, и нет достаточных оснований полагать, что его культурно-лингвистическая экспансия принесет столь же обильные плоды, как экономическая модернизация и реформы.

Мировое будущее будет определяться не только состоянием отношений между Китаем и США, но не в последнюю очередь тем, как будет складываться взаимодействие КНР и России. Наряду с огромным положительным «совместным багажом», накопленным двумя странами, у них до сих пор сохраняется немало вопросов по отношению друг к другу.

До украинского кризиса обе стороны настроенно, в некотором смысле даже ревниво наблюдали за диалогом друг друга с Западом, прежде всего с США. В России не забывали об отношениях в «треугольнике» США—КНР—СССР 1970-х годов, поскольку затрудненность в прогнозировании современных внешнеполитических целей Китая не позволяла ее наблюдателям относиться к фактам того периода как к полностью отжившим стереотипам или «реликтам прошлого». Тем более, что в КНР история советско-китайских, да и российско-китайских отношений по сей день трактуется своеобразно: южные Курилы, например, обозначаются на многих китайских

картах как «оккупированная Россией территория Японии», а в исторических изданиях отсутствует официальная оценка «единой линии Пекина и Вашингтона» в сдерживании СССР.

Экспертное сообщество Китая выражало озабоченность по поводу высказанных в 2010 г. намерений Москвы создавать «специальные модернизационные альянсы» с крупными развитыми странами мира, в чем усматривало признаки корректировки провозглашенной РФ многовекторной внешней политики в направлении возврата к либеральным «атлантическим» ценностям и односторонней ориентации на Запад. Диалог Россия—НАТО также воспринимался многими китайскими политиками и политологами как потенциальный вызов КНР.

Объективная ситуация сужения влияния РФ в Центральной Азии при одновременном усилении китайского влияния создавала почву для неафишируемых, однако подспудно существующих российско-китайских разногласий, которые могли обостряться в будущем. Свою лепту в это вносила и политика лавирования самих центральноазиатских государств между этими двумя основными силами. На таком фоне признаки конфликта интересов проявлялись в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в базовой стратегии которой Россия отдавала приоритет вопросам политики и безопасности, а КНР — экономическим проблемам.

Определенная разнонаправленность интересов прослеживалась в отдельных сегментах политики обоих государств в Восточной Азии. Так, наличие у Китая территориальных проблем с Японией, рядом стран Южной Азии и ЮВА объективно ставило российскую дипломатию в деликатное положение, вынуждая искать выход в максимальном дистанцировании от этих проблем и позиционировании их как вопросов сугубо двусторонних отношений, решаемых мирным путем, на справедливой и рациональной основе.

Раздражителем для китайской стороны зачастую служил характер российско-индийских отношений. КНР упрекала Россию, в частности, в том, что в сфере военно-технического сотрудничества «РФ отдает большее предпочтение Индии, поставляя ей те виды вооружений, в которых отказывает Китаю».

Еще более усилился конфликтный потенциал в российско-китайской двусторонней торговле, связанный со значительным падением доли машин и оборудования в российском экспорте в КНР после завершения массовых поставок военной техники в 2006 г. при наращивании этой доли в экспорте Китая в Россию, которая уже воспринималась им не как источник инноваций, высоких технологий и современного оборудования, а как поставщик сырья и рынок сбыта готовых изделий.

Другой проблемой двусторонней торговли стал нарастающий разрыв значения взаимной торговли для каждой из стран. По мнению китайской стороны, невысокая степень экономической взаимозависимости между ними не благоприятствовала долговременной стабильности их отношений. Сложившиеся доминирующие тенденции двусторонней торговли не позволяли в полной мере считать ее полноценным фактором соразвития двух стран.

В отношениях Китая и России была очевидна также проблема взаимодоверия на уровне широких общественных слоев. В СМИ обеих стран продолжал генерироваться ряд тезисов, основанных на прямой подозрительности в адрес партнера. Темы «неравноправных договоров и утраченных территорий» в китайской печати откликнулись тезисами о «китайской угрозе и демографической экспансии» в периодике РФ. С обеих сторон на общественном и бытовом уровне обнаружился элемент высокомерия: в России срабатывали стереотипы прежних представлений о Китае как о «младшем брате», а в КНР стал заметен синдром эйфории от успехов, на фоне которого отношение к ослабевшей России выглядело пренебрежительным.

События на Украине способствовали некоторой корректировке позиций обеих сторон в плане проблемных моментов их взаимоотношений. Так, в Россию пришло понимание того, что ее надежды решить все свои проблемы с участием западных партнеров не оправдались, и их придется решать с участием других сил, включая страны БРИКС. Одновременно, доверие к России в Китае существенно окрепло, поскольку стало очевидным, что она подверглась со стороны США и Запада гораздо более сильному сдерживанию и прессингу, чем сам Китай.

Прорехи в торгово-экономическом сотрудничестве КНР и Россия решили отчасти компенсировать своей мировоззренческой близостью, совместным поиском конструктивных политических инициатив, среди которых — возможность превращения БРИКС со временем в некую параллельную «семерке» структуру.

БРИКС, будучи менее стесненной жесткими организационными условиями, чем ЕС, НАТО и другие подобные образования, являя пример справедливых и равноправных отношений государств, принадлежащих к различным цивилизациям и выступающих в качестве лидеров своих регионов, предположительно сможет гибче реагировать на вызовы и быстро меняющуюся ситуацию и предложить остальному миру новый порядок, установление которого произойдет без демонтажа уже существующих структур.

Что касается так называемой китайской угрозы и проблемы демографической экспансии КНР, то некоторые отечественные эксперты полагают, что ныне «угрозы со стороны Китая нет, и чем дальше, тем менее она вероятна»³⁷⁹. Опасения относительно китайской экспансии связаны с представлениями о перенаселенности Китая, которые сегодня устаревают в связи с его политикой ограничения рождаемости, и уже через 10 лет КНР сама будет испытывать «острый дефицит трудовых ресурсов». Кроме того, несколько лет назад средняя зарплата в городах Китая превысила российские показатели, что делает невыгодным трудовую миграцию из КНР в Россию³⁸⁰.

И, наконец, в рамках механизма межгосударственного диалога двух стран должны занять свое место специальные консультации относительно проблематики их взаимоотношений с крупными державами, и в первую очередь с США. В целом интересам России безусловно отвечала бы реализация идеи трехстороннего диалога в формате РФ—КНР—США. Поэтому не исключена ситуация, при которой три страны окажутся на пути к воссозданию некой новой геополитической трехсторонней конфигурации, роль основного «разводящего» в которой на этот раз будет исполнять Китай. При этом следует учитывать позицию США в отношении России, которую они давно уже не рассматривают как значимый фактор воен-

но-стратегической безопасности ни в регионе Восточной Азии, ни в АТР в целом.

Сложившееся в них положение заставляет сделать несколько следующих выводов.

1. В развитии геополитической ситуации в целом и взаимоотношениях России, Китая и США в частности возобладало сочетание позитивных и негативных «перекрестных» тенденций. К первым относятся попытки наполнения российско-китайских связей реальным экономическим содержанием и смягчение отношений между КНР и США. Ко вторым — резкое обострение российско-американских отношений, которое в условиях действия принципов глобализма не может не отразиться негативно не только на взаимодействии двух стран «по всем азимутам», но и на общей обстановке в мире.

2. В Северо-Восточной Азии, которая из-за отсутствия постоянно действующего механизма безопасности и неурегулированности ряда региональных проблем взрывоопасна сама по себе, в результате ухудшения отношений между ведущими державами — гарантами ее равновесия и стабильности не исключено возникновение реальных предпосылок к развязыванию конфликтов на почве территориальных притязаний и проблем суверенитета. Положение в СВА может ухудшиться до угрожающего в случае реального размежевания на альянсы (например, США—Япония—Южная Корея и РФ—КНР—КНДР).

3. В то же время отсутствие ныне на этом региональном пространстве фундаментальных, непримиримых или непреодолимых противоречий между КНР и США, а также конфронтационных разногласий между США и Россией и их совместная заинтересованность в мирном разрешении его главных проблем внушают осторожный оптимизм в отношении сохранения консенсусных подходов к преодолению существующих там вызовов.

4. Сохранение статуса РФ как основного паритетного оппонента США в военно-стратегической сфере обеспечивает возможность ее участия в качестве одной из ведущих сил в решении ключевых проблем обеспечения безопасности в АТР, денуклеаризации в СВА, создания соответствующих механизмов для урегулирования

споров относительно территорий и акваторий Восточно-Китайского моря.

5. При сохранении тенденции смягчения отношений между КНР и США, которые еще в первой половине 2013 г. обострились до крайности, будет существовать надежда на улучшение регионального климата в СВА и АТР в целом.

6. Новое качество китайско-американского взаимодействия только усиливает необходимость российско-китайского диалога о роли и месте США в мире и в его отдельных, важных для КНР и РФ регионах (АТР, СВА, Центральная Азия, Ближний Восток и др.), а также вовлечения Китая в обсуждение проблем ядерной безопасности.

7. Исходя из насущной необходимости преодоления острых глобальных и региональных разногласий путем конструктивных дискуссий и поиска консенсусных подходов к решению ключевых стратегических и военно-политических проблем, настала пора, как отмечалось выше, подумать о создании постоянного консультативного формата трех стран — КНР, США и России, — позволяющегокрепить согласованность и взаимодействие между ними и препятствующего превращению этой «большой тройки» в остроугольный треугольник.

Индивидуально, в рамках самостоятельного исследования очень трудно, почти не под силу дать реальный прогноз развития военно-политической обстановки в АТР или Северо-Восточной Азии на полтора-два десятилетия вперед. Он окажется субъективным и с большим коэффициентом погрешности. Подобные прогнозы — задача коллективов аналитиков, включая политиков, политологов, экономистов, социологов, экологов и, наконец, военных экспертов и представителей разведсообщества.

Одним из самых примечательных в ряду подобных прогнозов региональных и общемировых тенденций к концу первой трети XXI века стал подготовленный в декабре 2012 г. доклад Американского национального совета по разведке (НСР), объединяющего представителей 16 разведорганов США, под названием «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры». В нем, согласно

предположениям аналитиков ЦРУ, Пентагона, Агентства национальной безопасности (АБН) и других американских ведомств, выявлены мегатенденции развития ситуации в мире, а также ключевые факторы, определяющие ход событий. Опираясь на результаты этих прогнозов, легче выстраивать ситуационные парадигмы в отношении более частных вопросов, таких, например, как перспективы китайско-американских отношений в заданных геополитических условиях.

По мнению американских разведчиков, в 2030 г. мир будет кардинально отличаться от сегодняшнего, и ни одна страна, включая США и Китай, «не будет мировым гегемоном».

Население Земли составит 8,3 млрд человек, усилятся такие демографические тенденции, как урбанизация и миграция населения, вырастет продолжительность жизни, что будет способствовать старению населения, особенно в развитых странах.

К 2030 г. на 35 % увеличится спрос на продукты питания, почти вдвое — на воду и на энергоносители. Так называемая сланцевая революция в США окончательно избавит Америку от энергетической зависимости и поможет полностью выровнять американский торговый баланс, который сильно перекошен в сторону импорта, особенно китайского. Новые технологии добычи углеводородов подорвут контроль ОПЕК за ценами на нефть, что самым негативным образом повлияет на экономики, зависимые от ее экспорта.

Колоссальное воздействие на рост экономической производительности и улучшение качества жизни продолжит оказывать развитие информационных технологий. Относительный спад будет характеризовать экономические потенциалы Европы, Японии и, в меньшей степени, России на фоне неуклонного роста доли в мировой экономике Китая, Индии, Южной Африки, Индонезии и Нигерии. Именно в развивающихся странах будет происходить совершенствование новых технологий, так как преимущественно в них сосредоточатся международные компании. Развитие технологий приведет к тому, что власть и мировое господство больше не будут концентрироваться в руках одной страны, но появится многогранная и аморфная структура, которая будет влиять на мировую политику.

К 2030 г. Китай станет крупнейшей экономикой мира, а США будут терять роль единственной супердержавы. Роль Америки в системе международных отношений будет «неизбежно снижаться» по сравнению с развивающимися странами, но к 2030 г. она все же сохранит место «первой среди равных» благодаря экономической мощи и доступу к продвинутым технологиям «жесткой и мягкой силы». Упадок доллара в качестве глобальной валюты и его замена другой валютой или корзиной валют станет наиболее явным индикатором ослабления глобальных экономических позиций Соединенных Штатов, что существенно подорвет и политическое влияние Вашингтона.

Волна исламского терроризма сойдет на нет. Появятся новые виды оружия — кибер- и биологическое. Вероятна гонка кибервооружений. Но неизвестно, в какой степени киберарсеналы и киберинструменты будут определять характер грядущих войн. Во время будущих войн в Азии и на Ближнем Востоке в ход может пойти ядерное оружие.

На этом общем фоне прогнозируется четыре сценария развития мировой ситуации, три из которых, где отсутствует рост международного взаимодействия Америки, Европы и Китая, не предполагают ничего хорошего для США и их западных союзников. Наилучшим обстоятельством с точки зрения мировой безопасности до 2030 г. стали бы развивающиеся партнерские отношения между США и КНР. В худшем случае ситуация обернется остановкой экономической глобализации.

Что касается региона СВА, то суть прогнозов состоит в том, что в грядущие два—три десятилетия ему предстоит пережить глубокие и серьезные изменения. Важнейшей тенденцией здесь станет усиление Китая и ослабление США на фоне общего сужения диапазона американского доминирования. Прогнозируется воссоединение Тайваня с КНР и объединение Кореи.

С исчезновением двух самых опасных «горячих точек», с превращением Китая в богатую и развитую страну, проводящую более жесткую по сравнению с нынешней политику в стремлении занять в Азии и мире подобающее ей место великой державы, в регионе

сформируется биполярное равновесие сил между так называемым **континентальным блоком** во главе с КНР и **морским блоком** во главе с США и Японией, которые останутся друг для друга жизненно важными союзниками в рамках региона. При этом их взаимная зависимость в вопросах безопасности еще больше возрастет.

Попытки объединенной Кореи остаться нейтральным связующим звеном между основными силами в СВА, видимо, окажутся безуспешными, и она «будет неизбежно втянута в сферу влияния Китая, если США не примут активных мер, чтобы удержать ее в своем лагере». В то же время для США объединенная Корея останется важной, но «не сверхценной территорией».

В интересы США будет входить создание «тройного» военно-политического союза с участием Японии и Кореи, но это потребует от них большого труда для улаживания отношений между этими странами. Предполагается, что изменения в системе региональной безопасности в перспективе вынудят США пересмотреть концепцию присутствия их войск в Японии и Республике Корея. Одновременно они должны быть способны принять американо-китайское равновесие сил как приемлемую схему поддержания мира и стабильности не только в Северо-Восточной, но и во всей Восточной Азии.

Американскими аналитиками выстроен также прогностический ряд, касающийся влияния на ситуацию в регионе его отдельных стран.

КИТАЙ

Предполагается, что объединившись с Тайванем, став еще более богатым, развитым и мощным государством, он будет еще решительнее отстаивать свои интересы, определяющие внешнюю и оборонную политику, которые по-прежнему будут сталкиваться с интересами многих других держав, особенно США.

По мнению известного американского политолога Д. Шамбо, сущностью нового китайско-американского стратегического соперничества будет «столкновение разных мировоззренческих взглядов на структуру и природу международных отношений и безопасности», а также «результат усиливающегося стратегического противо-

борства по поводу равновесия сил и структуры безопасности в Восточной Азии». Другими словами — противопоставление идеи нового многополярного мира стремлению к глобальному лидерству.

При этом примечательно то, что, как полагают американские эксперты, даже внутренняя демократизация в самом Китае вовсе не означает, что он станет мягче действовать на международной арене, и велика вероятность, что во внешней политике он останется таким же напористым, как раньше. Ведь жизнь показывает, что государства в ходе усиления обычно становятся агрессивнее. Реалистичным вариантом американо-китайских отношений, по мнению того же Шамбо, могло бы быть «сосуществование, основанное на соревновании с элементами сотрудничества».

КОРЕЯ

Ее объединение прогнозируется к середине 2020-х годов. Объединенная Корея станет государством «среднего звена», будет играть важную роль в регионе, но может оказаться перед перспективой существования в окружении «великанов», соперничающих за влияние и даже контроль над нею.

Четыре возможных варианта стратегии поведения объединенной Кореи в области безопасности включают:

- 1) сохранение союза с США;
- 2) нейтралитет по образцу Швейцарии;
- 3) стратегическую независимость;
- 4) китайско-корейское соглашение.

Эксперты считают, что в любом случае она обречена проводить политику балансирования, стараясь соблюсти стратегический нейтралитет и одновременно сохранить хорошие отношения с США и соседними странами.

Потребности Кореи в больших финансовых вливаниях на переходном этапе во время объединения могут повлечь сотрудничество и взаимодействие со стороны Японии, США и Китая, но она должна сделать все, чтобы исключить свою вовлеченность в соперничество за влияние в регионе или в американо-китайскую конфронтацию.

ЯПОНИЯ

Ее перспективы рисуются в наиболее мрачных тонах. По мнению ряда экспертов, самая большая долговременная опасность для японской нации коренится в демографических тенденциях. Темпы старения населения, регрессивная модель его репродуктивного поведения, а также мононациональная идентичность, косность устоявшихся традиций, сохраняющиеся социокультурные предрасположения, включая иммиграционные барьеры — все это может привести к ослаблению экономики, сокращению вооруженных сил и общему упадку национальной мощи.

Американский политолог Роберт Росс предсказывает неизбежность превращения Японии во второразрядное государство — «крупную державу, но не из числа ведущих». Свой прогноз он основывает на ее «уязвимости в силу недостаточной стратегической глубины, близости к континентальной Азии, нехватке природных ресурсов, экономической зависимости от торговли и факторе усиливающегося Китая».

В своих работах Р. Росс доказывает также, что в СВА не формируется, а уже существует **биполярное равновесие между США и Китаем**. По его утверждению, региональное биполярное равновесие сил в рамках Восточной Азии между США и КНР сохранится и будет стабильным по своей сути. При этом он исходит из того, что США останутся в регионе «активным и важным актором», а Китай со всей решительностью будет и дальше утверждать в мире свое положение великой державы, бросая вызов США и оспаривая их статус. Образовавшееся биполярное равновесие будет устойчивым, считает он, несмотря на обостренную взаимную подозрительность, напряженность в отношениях и дорогостоящую оборонную политику. Факторы, обеспечивающие устойчивость, преобладают, поскольку оборонные интересы обоих государств являются взаимоисключающими: одно из них — материковое (Китай), а другое (США) воздействует на ситуацию в СВА в основном с территории Японии или с моря.

Китайские исследователи, в свою очередь, предполагают, что многополярный мир все же возникнет, что не исключает, однако, существования биполярного равновесия сил между США и Китаем

в рамках Северо-Восточной и, по всей вероятности, Юго-Восточной Азии.

Таким образом, суммарным итогом соперничества за конфигурацию будущего мироустройства могло бы в перспективе стать появление «новой устойчивой биполярности»³⁸¹. Некоторые называют ее достаточно нестабильной и шаткой конструкцией, но многие аналитики, тем не менее, считают ее устойчивее многополярности, когда поле возникновения конфликтующих интересов гораздо шире, чем при биполярном противостоянии. К тому же, биполярность со всеми ее плюсами и минусами на протяжении многих лет уже реально существовала в современном мире, и рычаги регулирования конфликтных состояний в ее условиях достаточно хорошо известны и опробованы. Чего нельзя сказать о многополярности, конфликтность которой пока практически не изучена.

Не исключается также возможность образования сильного и самодостаточного экономического блока материковых государств СВА с участием Китая, Кореи и России, которых могут объединить географическая непрерывность территории, обилие природных ресурсов, включая российские нефть и газ, резервы рабочей силы и культурно-этнические факторы (в частности, наличие в Китае и России корейской диаспоры).

К роли и перспективам **России** в СВА отношение американских экспертов в целом выдержано в весьма пессимистических тонах, и они оценивают их как «печальные» даже на середину нынешнего столетия. Тот же Р. Росс отмечает, что «хотя часть территории России находится в Северо-Восточной Азии, ей лишь изредка и не очень успешно удавалось играть роль одного из полюсов этого региона, главным образом, по вине негостеприимных просторов, отрезающих русский Дальний Восток от западной части России». Он пришел к выводу, что «даже если... экономика страны значительно улучшится, Россия не станет тратить столько средств, сколько нужно, чтобы стать одним из полюсов в Восточной Азии».

Такие прогнозы высказывались задолго до украинского кризиса, который, по понятным причинам, лишь усугубил оценки, сделав их еще жестче и категоричнее. Преобладающее большинство западных

аналитиков поспешили заклеить Россию как противника или соперника, заявив, что ее отношения с Западом никогда не восстановятся до уровня тех нормальных деловых связей, которые сложились после российско-грузинского конфликта 2008 г., и что стороны находятся по существу на пороге «новой холодной войны». При этом они утверждали, что поскольку биполярной системы в мире более не существует, то его значимые регионы и ключевые мировые «игроки», такие, как Индия и Китай, избегнут участия в ней.

Но, отмечая, что кризис повлек определенное геополитическое «переформатирование» в Европе, где наряду с приближением НАТО к западным границам России он способствовал превращению Беларуси, Молдовы и самой Украины в государства «буферной зоны», западные эксперты в то же время указывают, например, на озабоченность Токио тем, что нынешнее повышенное внимание США к европейскому континенту повлечет «сокращение обязательств Вашингтона в Азии». Другими словами, высказываются опасения, что он обнажит незащитность Японии перед Китаем. В связи с этим у западных политологов возникают обоснованные сомнения в том, что выгоднее: конфликтовать с Россией, углубляя кризис еще больше, или заручиться ее поддержкой и сотрудничеством как в оказании влияния на Китай, так и в нейтрализации других источников глобальных угроз — терроризма, распространения ядерного оружия, кибератак, климатических катаклизмов и т. п.³⁸²

Поэтому не стоит, на наш взгляд, оценивать ситуацию с Россией и ее потенциальные возможности в АТР и СВА в слишком мрачных тонах. Несмотря на временные внутренние и внешние трудности России, ее международное положение и геополитический статус выглядят сегодня более весомо, чем два десятилетия назад. И хотя перед ней возникают определенные вызовы, важно не упустить те шансы, которые сосредоточены в ее руках.

В условиях соперничества КНР и США в АТР и СВА, даже при резко ухудшившихся отношениях России с Америкой, ей очень важно не дать втянуть себя в их противостояние. Гипотетическая угроза для нее может возникнуть в случае обострения американо-китайских отношений исключительно вследствие эскалации между ними

цивилизационного конфликта. Поэтому России необходимо выработать варианты стратегии с учетом возможности такого «экстремального» сценария.

Они могут сводиться к следующему:

- избегать втягивания в конфликт на чьей-либо стороне, чтобы не оказаться в результате «между молотом и наковальней»;
- не допускать действий, которые могли бы одновременно расцениваться каждой из противоборствующих сторон как направленные против нее;
- будучи заинтересованной в сохранении мира и стабильности в СВА, АТР и на глобальном уровне, быть готовой в случае, если китайско-американские разногласия зайдут слишком далеко, подключаться к посредничеству для урегулирования возникшей конфронтации;

Другой, так называемый умеренный сценарий существования России в условиях мирного неконфликтного соразвития и стремительного роста двух гигантов — КНР и США — предполагает, что ей придется мобилизовать все силы и ресурсы для сохранения своих экономических и политических позиций в регионе и мире, обеспечения самостоятельного и стабильного развития. Поэтому взаимоотношения в тройственной конфигурации РФ—США—Китай будут иметь ключевое значение для России и ее позиционирования в региональном и глобальном форматах.

Хотя по сравнению с Америкой и Китаем Россия сейчас более слабый «игрок», перед двумя сильнейшими у нее есть преимущества, которыми она может и должна воспользоваться. Но при этом ей пора окончательно свыкнуться с утратой, как правопреемницы СССР, сверхдержавного глобального статуса и, опираясь на сохраняющийся ракетно-ядерный потенциал, начать отход от восприятия парадигмы сосуществования с Америкой только в категориях противостояния, по сей день подменяющего нашей стране способность к реальной конкуренции. Важнейшим направлением, требующим первостепенного внимания, должно стать наполнение российско-американских отношений весомым экономическим содержанием. Пока, в условиях действия санкций, это нереально, но санкции не вечны. Смена ад-

министрации в Белом доме может повлечь смену курса, и необходимо смотреть в будущее.

США и Россия — энергетические сверхдержавы, которые в состоянии самостоятельно обеспечивать собственные ресурсные потребности, в отличие от Китая. Это тоже может стать платформой для их сближения, причем не только в плане мирной состязательности, но и сотрудничества.

Маневры Китая на протяжении последних лет наглядно свидетельствуют о его прагматизме, расчетливости, экономической и политической гибкости, если речь идет об обеспечении доступа к мировым ресурсам. Поскольку наибольшим потенциалом природного газа в мире, помимо России, обладают Катар и Иран, нетрудно спрогнозировать сохранение долговременного интереса КНР к ближневосточному региону. Однако при этом Китаю придется постоянно принимать в расчет американский фактор.

Потребность в новых энергетических источниках заставляет Китай также добиваться лидирующих позиций в области эксплуатации месторождений прибрежного шельфа в Южно-Китайском море, обеспечивать доступ к ресурсам стран Центральной Азии и российского Дальнего Востока. Соперничество с США в этой сфере является частью более широкого экономического и политического противоборства двух стран, природные ресурсы России давно привлекают внимание и той, и другой. Поэтому в будущем борьба за них между Америкой и Китаем может обостриться.

Если накопление Китаем силы и обострение противоречий в его отношениях с США выведет стороны на грань противостояния, сверхзадачей Америки станет недопущение возможности для КНР прирастить свою мощь за счет ресурсов Сибири и Дальнего Востока. А для Китая главной задачей будет получение любыми путями доступа к этим ресурсам для опережающего рывка в экономическом соперничестве с США.

Среди множества прогнозов и сценариев будущего развития геополитической ситуации в мире имеются как крайне неблагоприятные для России варианты, при которых США предположительно могут объединиться с Китаем за ее спиной, так и выигрышные, когда

Россия позиционируется в роли объединяющей силы в случае возникновения межрасовой конфронтации. Однако, памятуя о неблагодарности прогнозов, уместнее всего сослаться на слова Г. Киссинджера, который справедливо отмечал: «Те, кто изучал историю, понимают, что нет никакого метода прогнозирования того, что случится через 20 лет. ...Нет американца, который знает [это], так же как нет [такого] китайца. Однако мы не должны рассматривать другую страну в качестве своего противника... мы должны понять, что наше будущее зависит от нашего сотрудничества. Наше будущее опирается на то, сможем ли мы создать такую международную систему, которой не было прежде»³⁸³.

Хотелось бы надеяться, что, несмотря на все противоречия, имеющиеся у России, США и Китая, они при всех особенностях нынешних взаимоотношений будут совместно находить мирные ответы на любые вызовы и угрозы, ставя во главу угла обоюдный учет порою противоречивых и взаимоисключающих интересов каждой из сторон.

Россия не хочет никакой серьезной конфронтации ни в СВА, ни в АТР в целом, где у нее есть свои интересы. Как утверждают некоторые исследователи, для нее «лучший результат американо-китайского диалога в том, чтобы отношения Москвы с Пекином и Вашингтоном были лучше, чем двусторонние отношения Пекина и Вашингтона».

В то же время, благоприятные, дружественные китайско-американские отношения не только отвечают коренным интересам народов этих стран, но создают предпосылки для мира, стабильности и процветания в АТР и мире в целом. Их ненаправленность против России цементирует основу трехстороннего партнерства.

Можно активизировать участие России в качестве одной из ведущих глобальных сил в решении проблем обеспечения безопасности в АТР и СВА. Участие, наряду с Китаем и во взаимодействии с США, в создании системы международной безопасности вокруг Корейского полуострова и в зоне спорных территорий и морских акваторий Северо-Восточной и Восточной Азии — посильная для нее задача. По силам ей также, постепенно наращивая поставки в Ки-

тай энергоресурсов, стать для него альтернативным источником нефти и газа.

России, безусловно, не стоит вмешиваться в американо-китайскую полемику по проблемам демократии и прав человека, но она может и должна поддерживать КНР, хотя бы морально, в приближении решения тайваньского вопроса.

Интересы России, США и Китая сегодня связаны неразрывно. Поэтому налицо обоюдная заинтересованность в согласовании национальных приоритетов и позиций внутри этой «тройки». Отношения в ней ни при каких обстоятельствах не должны выливаться в жесткое противостояние, поскольку от позиций трех стран по кардинальным международным вопросам зависит не только региональная, но и будущая глобальная структура нового мирового порядка и безопасности.

Заключение

Все изложенное выше дает, на наш взгляд, веские основания утверждать, что мировая архитектура второй половины XX и начала XXI века, динамика изменений глобальной геополитической ситуации в рассматриваемый период во многом определялись взаимоотношениями трех государств: самой мощной в экономическом и военно-технологическом отношении страны мира — США, наиболее густонаселенной и постоянно демонстрирующей на протяжении трех последних десятилетий наивысшие темпы экономического роста — Китайской Народной Республики и обладающей самой обширной территорией и богатейшими природными ресурсами мировой державы — Советского Союза, правопреемницей которого с 1992 года стала Российская Федерация.

Результатом глобальных процессов, частью которых являются эти взаимоотношения, стали возникновение и последующий распад биполярной системы мира, сложившейся после Второй мировой войны на основе ялтинских договоренностей, развал СССР и появление ряда новых независимых суверенных государств в Восточной Европе и Центральной Азии, отход от классово-идеологических принципов, изначально закладывавшихся в фундамент формирования альянсов, и замена их прагматизмом и геополитической целесобразностью, противостояние в выборе концептуальных основ будущего мироустройства — монополярности или полицентричности.

Взаимоотношения Китая, США и СССР в тройственном формате начали складываться еще во времена Второй мировой войны в ходе их общей борьбы против гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Уже тогда осознание обоими союзниками Китая, отличавшимися друг от друга своими общественно-политическими

системами, его веса и геополитической значимости в будущей конфигурации глобального мироустройства заставляло их конкурировать в соперничестве за упрочение собственного влияния в этой стране в надежде «перетянуть» ее впоследствии на свою сторону.

Задача обоих союзников осложнялась острой и непримиримой внутренней борьбой в самом Китае между сторонниками компартии, руководимой Мао Цзэдуном, и приверженцами правившей там буржуазной партии Гоминьдан во главе с президентом китайского государства Чан Кайши. При этом в целях объединения усилий противоборствовавших партий для их совместного отпора Японии как СССР, так и США, «закрыв глаза» на свои идейно-классовые предпочтения, тесно контактировали с обеими главными силами в стране. А Гоминьдан и КПК, со своей стороны, отодвинув в «тень» идеологические предпочтения, были заняты не только поиском компромиссных условий, позволявших взаимодействовать друг с другом в антияпонской борьбе, но и выбором оптимальной, с точки зрения этих соперничающих сил, опоры в лице Америки либо Советского Союза для обеспечения господства того режима, который после победы каждая из них намеревалась установить в Китае.

Победа КПК в гражданской войне и образование 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики, которую возглавил Мао Цзэдун, казалось бы, дали окончательный ответ на вопрос, на чьей стороне оказался Китай в рамках сложившейся к тому времени системы противоборства двух «лагерей», разделенных по принципу господствовавшего в их странах общественно-политического строя. И у СССР были все основания радоваться этой победе.

Ошибки, приведшие десятилетие спустя к советско-китайскому конфликту и расколу в мировом коммунистическом движении, обнаружались позже и были впоследствии многократно и подробно проанализированы. Поэтому не имеет смысла перечислять их все. Стоит упомянуть лишь о двух принципиальных моментах.

Для Китая, страны с древнейшими цивилизационными корнями и богатейшими традициями, давшей миру в прошлом великие изобретения и достижения культуры, XIX и первая половина XX века были периодом изоляции и тягчайшего унижения со сторо-

ны западных государств. Находясь в таком положении, он не мог не мечтать об освобождении от иностранного гнета и вмешательства.

То же самое было главной целью борьбы всех патриотов страны в рядах КПК и Гоминьдана против японских захватчиков в 1930-е — 1940-е годы. Однако став после победы коммунистов в 1949 г. членом так называемого социалистического лагеря, КНР обнаружила, что ее зависимость и вмешательство в ее дела сохранились, хотя и в измененном виде, приобретя вид «посткоминтерновского патернализма» со стороны «старшего брата» — КПСС.

В свою очередь, советское руководство, всегда отдававшее приоритет классово-идеологическим ценностям и считавшее, что все остальные коммунистические лидеры прежде всего должны руководствоваться ими же, недопонимало или не учитывало, что в отличие от культивирования в СССР принципов «пролетарского интернационализма», в КНР, где не было почвы для диктатуры пролетариата, на щит возносятся иные идеи — прагматизм и национализм.

Впоследствии интернационалистские побуждения Москвы стали интерпретироваться Пекином как проявление «социал-империализма», «сверхдержавного гегемонизма» и «неоколониальной экспансии». Такие обвинения привели к первым трещинам в монолите социалистического содружества. Ввод советских войск в Чехословакию летом 1968 г. расшатал его еще основательнее. Вооруженные столкновения советских и китайских частей на Даманском и на границе с Казахстаном в 1969 г. стали примерами открытого военного противостояния двух стран, придерживавшихся одинаковой идеологической ориентации, наглядно продемонстрировав и подтвердив наличие раскола в стане приверженцев социализма.

Нокаутирующими ударами, добившими его окончательно, явились вторжение СССР в Афганистан в декабре 1979 г. и последовавшее через несколько лет, после прихода М. Горбачева к власти в СССР, признание приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми и верха прагматизма над идеологией.

Соединенные Штаты постарались использовать сполна ситуацию, сложившуюся в соцлагере. Еще в начале 1960-х годов, когда на мировой арене возникло множество новых государств, большая

часть которых встала на позиции неприсоединения, США начали понемногу дистанцироваться от концепции «биполярного мира», объявив себя «сторонником плюрализма в международных делах». Весной 1962 г. профессор А. Шлезингер, советник тогдашнего президента США Дж. Кеннеди, докладывал ему: «Плюрализм разрывает оба блока и размывает старые четкие грани: разделение сил в “холодной войне”... Однако основное различие (между блоками) остается, и оно всегда будет выгодно нам: плюрализм несовместим с коммунистической системой и полностью соответствует нашей»³⁸⁴.

Сам Кеннеди внимательно следил за противоречиями, возникшими в социалистической системе. В телеинтервью 17 декабря 1962 г. на вопрос о необходимости влияния со стороны США на растущий раскол в коммунистическом блоке он недвусмысленно заявил: «Эти распри, которые усиливаются, являются таким делом, что если мы... уделим внимание значительной части мира, живущей в ужасающих условиях,.. если мы выполним свою задачу укрепления свободного мира, тогда мы создадим давление, контрдавление наступлению коммунизма и внутренне под таким давлением судьба коммунизма окажется хуже»³⁸⁵.

Очутившись в конце 1960-х годов в военно-политическом тупике во Вьетнаме, но руководствуясь при этом уже ставшей тогда их излюбленной теорией «баланса сил» и умело играя на советско-китайских противоречиях, прагматизме и национализме Мао Цзэдуна, США постарались с наименьшими возможными потерями выбраться из «болота» той войны и одновременно нормализовать отношения с КНР, превратив ее в своеобразный «рычаг» контрсилы против разрастания советского глобального влияния.

Запущенный ими параллельно с этим процесс разрядки с Советским Союзом, завершившийся Хельсинкскими соглашениями, объективно способствовал не только уменьшению международной напряженности, но и дальнейшему ослаблению уже утратившего к тому времени монолитность и единство социалистического содружества.

В результате в международной архитектонике возникли серьезные изменения, приведшие затем к краху сохранявшейся на протяжении свыше 40 лет биполярной системы мира.

Таким образом, среди многих причин и факторов, способствовавших возникновению упомянутых геополитических трансформаций, следует выделить такие:

- идеологическая косность и экономическая несостоятельность практиковавшейся в СССР модели общественного устройства, усугублявшиеся внутренним и внешним авантюризмом его руководителей. Особенностью ее функционирования, унаследованной Россией, стала неизбежность исправления очередным руководством страны несуразностей, ошибок, а порою — последствий преступлений, совершенных его предшественниками;
- великодержавные амбиции китайского руководства во главе с Мао Цзэдуном;
- обострение конфликтов внутри социалистической системы в связи с практической реализацией Советским Союзом так называемой доктрины Брежнева;
- постоянное появление новых и углубление существующих противоречий между «полюсами» биполярной системы мира — от Берлинского и Карибского кризисов до войн во Вьетнаме и Афганистане;
- извлечение выгод Соединенными Штатами Америки из практического применения концепции «баланса сил» для расшатывания сохранявшейся глобальной биполярности;
- уступки советского руководства Западу в угоду достижению общих геополитических целей за счет игнорирования идеологических и военно-политических расхождений с ним.

Ускорению демонтажа мировой биполярной системы способствовали также:

- внутреннее и внешнее стимулирование роста и укрепления оппозиционных сил внутри СССР и европейских социалистических стран;
- неспособность справиться с усугубляющимися в них внутренними проблемами (фактический отказ от реформирования экономики, продовольственный и потребительский дефицит, приоритет программ вооружения по отношению к социаль-

но-экономическим задачам повышения жизненного уровня населения, техногенные и экологические катастрофы);

- советско-китайский раскол, переросший в вооруженный конфликт;
- трещины в монолите социалистического содружества и «особые позиции» некоторых его членов (Румыния, Югославия, Польша и т. п.);
- поддержка ряда сомнительных и одиозных режимов в развивающихся странах.

За 10 с лишним лет до краха биполярной системы в Китае начались реформы, нацеленные на вывод страны из состояния отсталости на путь модернизации, развития и экономического процветания. Перевод экономики КНР на рыночные рельсы и достигнутые в результате этого первые успехи нанесли серьезный удар по ортодоксальным приверженцам планового хозяйства и «чистоты социализма». Китайский опыт продемонстрировал другим странам, еще следовавшим старым курсом, преимущества новых экономических моделей и форм.

За три с половиной десятилетия развития по пути реформ и модернизации Китай добился впечатляющего прогресса, став второй, а по некоторым параметрам — первой экономикой мира, успешно адаптировался к мировой рыночной системе и американской модели глобализации. При этом справедливости ради следует отметить, что значимой составляющей этого успеха стало расширение внешних торгово-экономических связей страны, в первую очередь с США. Однако становление КНР в качестве мировой глобальной державы, даже без нарушения сложившегося в мире экономического порядка, тем не менее, несло определенные политические вызовы, и прежде всего интересам той же Америки, которая, развалив четверть века назад биполярный мир, стала считать себя вправе единолично контролировать все рычаги глобального управления.

Суть нынешнего противостояния США и Китая сводится к противоборству концепций будущего мироустройства — монополярности и полицентричности. В рамках этой борьбы США преследуют две цели: препятствование любым интеграционным процессам, в ко-

торых они не заинтересованы или не участвуют (включая, например, зону свободной торговли АСЕАН—Китай или формирование Евразийского сообщества), и подтягивание к границам как Китая, так и России своих военных структур и баз. Последние примеры таких действий — украинский кризис, запущенный в том числе с целью приближения НАТО к территории России через контроль над Киевом, или «возвращение США в Азию», сильно обеспокоившее Пекин. Все это делается для сохранения ими в мире главенства монополярности.

Этого не скрывала, например, бывшая госсекретарь США Х. Клинтон, которая, заверяя китайских лидеров, что политика «возвращения Вашингтона в АТР» не представляет угрозы для КНР и не имеет никакого отношения к политике сдерживания, тем не менее, признавалась, что ее «цель заключается в том, чтобы в АТР установился **основанный на определенных правилах порядок** (Выделено нами. — *Авт.*), который на протяжении многих десятилетий будет способствовать миру и процветанию»³⁸⁶.

Россия солидарна с Китаем в стремлении бороться за построение полицентричного мира. Эту идею Москва и Пекин отстаивали еще с середины 1990-х годов, несмотря на некоторые различия в ее интерпретации. Если в трактовке России она на определенном этапе выглядела в основном как путь к восстановлению былых ее позиций одного из двух мировых лидеров прошлых лет за счет сдерживания вырвавшегося вперед конкурента — США, то «многополярность по-пекински» интерпретировалась в виде становления нового центра силы путем превращения Китая в супердержаву или его блокирования с группой стран-единомышленниц.

И то, и другое было тогда по сути нереальным в силу ряда причин, включая сохранявшееся существенное отставание на тот момент обоих государств от Америки в экономическом и военном отношениях. Дальнейший ход событий подвинул их к мысли о том, что одной из возможных антитез американской монополярности могло бы стать групповое объединение крупных держав, признанных региональных лидеров, на принципах экономической взаимной заинтересованности и политико-мировоззренческой близости.

Одним из таких объединений стала группа БРИКС, две из пяти участниц которой — крупнейшие государства Азии, а среди трех остальных — великая евразийская держава и самые крупные и мощные в экономическом отношении страны Африки и Латинской Америки. Слабость БРИКС виделась в отсутствии у нее четких организационных, функциональных и финансовых структур, в случае формирования которых экономическая и особенно политическая значимость этой связки резко возрастала.

Не исключалась возможность препятствования со стороны США консолидации БРИКС путем «разрыва связки» за счет налаживания особых отношений с одними ее участниками при одновременном блокировании других или «натравливании» их друг против друга. Нечто подобное уже имело место в связи с попытками США убедить Индию в агрессивности КНР на их общей границе, в Индийском океане и в АТР в целом. Отсюда вытекала необходимость:

- настаивать на ускорении процесса трансформации БРИКС в самостоятельную и независимую организацию;
- углублять и расширять торгово-экономические и стратегические связи между странами-участницами группы на базе собственных возможностей и преимуществ;
- инициировать меры по экономической и политической консолидации БРИКС, развитию всесторонних отношений между участниками формата;
- прилагать усилия к сглаживанию конфликтов и противоречий между ними;
- заняться изысканием форм взаимодействия с США в контексте формирующегося многополярного мира.

Еще одной опорой грядущей полицентричности могла бы стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), реально претендующая на роль наиболее влиятельной международной структуры в регионе Центральной Азии. Ее вес в борьбе с радикальным исламизмом, подпитывающим экстремистские и сепаратистские движения и стимулирующим большинство террористических организаций в мире, мог бы быть определяющим, а взаимодействие двух крупнейших членов ШОС — РФ и КНР — ключевым залогом ее успехов.

* * *

Трансформация мировой архитектоники — процесс объективный и неизбежный, связанный с ростом и развитием. Он протекает под воздействием многообразных факторов, среди которых есть, однако, и такие, которые носят порою субъективный характер. К ним относится, к примеру, стремление отдельных государств обеспечить себе более привилегированные условия и благоприятную среду для собственного существования или развития за счет ущемления интересов других стран. В этом случае «пусковым механизмом» процесса трансформации будет конфликт интересов на почве политических, экономических, географических, геополитических и иных противоречий.

Изменения в глобальной архитектонике напрямую увязаны с изменениями на мировых полюсах, которые, в свою очередь, происходят в результате различных «перебалансировок». Одна из таких «перебалансировок» произошла в 1972 г. в результате визита Р. Никсона в КНР, положившего начало построению новых американо-китайских отношений. Повлияв и на отношения США с СССР, она привела к крупным политическим сдвигам в современном мире, не только негативным, но и позитивным. В частности, запустила механизм разрядки в отношениях Советского Союза с Западом. При этом противостоять враждебным вызовам той «перебалансировки» СССР было легче, чем нынешней России справляться с последствиями затеваемых против нее Западом санкционных мер. Противоборство двух систем в те времена уравнивалось ядерным и военным паритетом сторон.

Еще одна «перебалансировка», которую реализуют в последнее время США, анонсируя свое «возвращение» в АТР, планировалась фактически как формирование в этом регионе антикитайского полюса за счет: а) усиления экономических и военных связей со своими «старыми союзниками» (Японией, Австралией и др.); б) создания новых двусторонних и многосторонних коалиций (например, с Мьянмой и Вьетнамом) и в) выстраивания многосторонних структур без участия КНР или в попытках вытеснить ее «на обочину» —

таких, как Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Цель «перебалансировки», инициированных США — сохранение их глобального доминирования и, соответственно, монополярного мира. Отсутствие альтернативного полюса как фактора сдерживания приводит к тому, что международное право, уставы и статуты международных организаций Америка часто подменяет собственной мощью и лояльностью ближайших союзников.

В настоящее время мы находимся на промежуточном этапе пути к построению одной из конфигураций будущего мира — однополярной, «новой биполярной» или полицентричной. Если рассматривать его через призму взаимоотношений КНР, США и России, то становится очевидным, что они играют в этом процессе ключевую роль. Победа США в холодной войне была обусловлена развалом социалистического блока, крахом идей марксизма-ленинизма и «пролетарского интернационализма», неэффективностью экономической системы социализма. Однако предложенные американцами взамен этой идеи и ценности не приобрели характера универсальных.

Из трех основополагающих американских «ценностей» — рыночной экономики, демократии и главенства права, в том числе прав человека, — всеобщее распространение получила лишь первая. Как оказалось на практике, рынок в экономике можно выстраивать без демократии и уж тем более без соблюдения прав человека (яркой иллюстрацией такого подхода стал, например, Сингапур). Однако США продолжали упорно навязывать остальному миру свою либеральную триединую идеологию некоего нового «рыночного интернационализма», хотя отнюдь не все крупные ведущие мировые державы согласились с ней.

Китай, к примеру, приняв рыночную экономическую систему, отверг две другие американские ценности. На этапе перехода от маоизма к модернизации и реформам он формально не отказался от социалистических идей, за исключением замены в них принципа пролетарского интернационализма, т. е. распространения коммунистической идеологии за пределы территории КНР, идеей своеобразного «панкитаизма» — возрождения, подъема и воссоздания былого величия китайской нации, которая позволяет Пекину расширять

зону ее внедрения и собственного экономического и идейно-политического влияния путем включения в нее не только Сянган, Аомэнь и Тайваня, но практически всех азиатских стран, имеющих среди населения представителей китайского этноса.

Из трех указанных стран Россия оказалась в самой сложной ситуации: не только экономически, из-за неудачно осуществленных реформ, превративших ее в оплот государственно-олигархического капитализма в условиях политического авторитаризма, но и идеологически, не восприняв в качестве государственной никакой вразумительной идеологии взамен коммунистической. Попытка подмены ее лозунгом построения «социального государства» на фоне сохраняющихся экономических неурядиц выглядит не очень убедительно как цель внутренней политики. А метания «с Запада на Восток» во внешней существенно умаляют доверие к ней со стороны обеих этих частей света. Соглашаясь в принципе с важностью построения демократического общества на правовой основе, на практике Россия пока очень далека от реализации данной задачи.

Таким образом, общим объединителем для США, КНР и России остается лишь рыночная система, имеющая к тому же у каждой из трех сторон собственную специфику. Поскольку любая разновидность рыночных отношений связана с конкуренцией, опираться исключительно на них как основу попытки создания фундамента будущего мироустройства вряд ли целесообразно. При этом крепнувший на базе растущей экономической мощи китайский национализм, который подкрепляет эту мощь распространением своей «мягкой силы» за пределы «великоханьского ареала» (в том числе с помощью Интернета, СМИ, институтов Конфуция и других подобных средств), может в обозримом будущем вступить в противостояние с «ценностной» системой Америки, которая консолидирует собственные глобальные позиции способом, аналогичным китайскому, — потворствуя национальному фактору, но с преобладанием шовинизма и ксенофобии, путем инициирования так называемых цветных революций типа украинской.

Россия, сохраняющая пока «безыдейность», вынуждена будет существовать, либо лавируя в пространстве между двумя соперника-

ми, Америкой и Китаем, либо примыкая к одному из них. Но примкнуть к отвергнувшему ее западному сообществу она сегодня не имеет возможности. Однако это вовсе не значит, что ей будет просто встать «под китайский зонтик». Прежде всего, в силу отсутствия принадлежности к тому ареалу, который патронирует Китай, а главное — из-за несоответствия реальности мифа о том, что КНР и РФ «взаимно дополняют друг друга в экономике и в политике».

В то же время Китай, даже будучи уже по некоторым показателям первой экономикой мира, не сопротивляется глобальному господству нынешней экономической системы во главе с США. Но при этом не намерен подчиняться Америке и ее интересам в других мировых делах, продолжая упорно преследовать собственные цели. Все это, на фоне ярких демонстраций улучшения китайско-американских отношений, чревато усилением «подковерной» борьбы между двумя странами, тем более, с учетом их экономической взаимозависимости и ключевого влияния КНР на финансово-экономическую ситуацию в США. Не следует забывать и о сохраняющейся тайваньской проблеме — потенциальном «спусковом крючке» отложенного и неурегулированного конфликта двух стран.

Америка не в состоянии одновременно «воевать на два фронта» — и против Китая, и против России. Несколько ужесточив в недавнем прошлом политику в отношении КНР, она вынуждена была почти одновременно объявить «перезагрузку» в отношениях с Россией. Ныне ситуация поменялась на диаметрально противоположную. Но это не значит, что она сохранится в таком виде на неопределенный срок. Как только произойдет очередное усиление напряженности в американо-китайских отношениях, в отношениях России и США может наметиться смягчение. Для продвижения будущего мироустройства в желательном для России и Китая направлении им следует научиться рациональному использованию этого фактора.

Ответ на вопрос о том, насколько реально построение полицентричного мира в принципе, во многом зависит от ответов на два других вопроса: стремится ли Китай действительно обрести статус мировой супердержавы, подобный статусу США? И не возникнет ли в этом случае конфронтационных противоречий между ним и Росси-

ей? Если оба они будут отрицательными, велика вероятность того, что полицентричность — не пустой звук.

Реальным залогом ее будет тогда направленный в одну сторону потенциальный вектор интересов и взаимодействия России и Китая, который одновременно сможет страховать мир от возникновения новой биполярности. В противном случае позиции США в качестве доминирующей мировой державы сохранятся на ближайшие десятилетия.

Пока же формирование основ новой глобальной архитектуры характеризуется следующими особенностями:

- приоритетом экономической мощи и технологического лидерства в целях укрепления и расширения политического влияния;
- распространением и навязыванием посредством этой мощи и технического превосходства соответствующих экономических и идеологических доктрин (демократии, свободного рынка и т. п.);
- отстаиванием монополярности как инструмента мирового доминирования;
- параллельным стремлением антагонистически настроенных против нее сил к превращению региональных объединений и группировок в опоры будущей глобальной полицентричности на принципах нового и принципиально иного качества и «содержания» полюсов этой системы (отсутствие диктата и единообразия, свобода конкуренции и т. п.);
- соперничеством между приверженцами различных моделей мироустройства за расширение глобального влияния.

Конкретная роль каждой из трех основных стран — США, КНР и России — в формировании модели будущего мироустройства определяется теми целями, которые они перед собой поставили и которых будут стремиться достигнуть.

Целью США на нынешнем этапе является установление ими такого глобального контроля, который, в силу их уменьшившихся возможностей осуществления тотальной гегемонии, тем не менее, обеспечивал бы Америке условия для мирового доминирования за счет

«продавливания» американских интересов в наиболее существенных для нее регионах, в первую очередь в Азии и на европейском континенте. Основным способом такого «продавливания» становятся, как уже показала практика, «цветные революции». Кроме того, США стремятся создавать условия для того, чтобы любое сконструированное ими или совершенное по их замыслам событие регионального масштаба приобретало глобальный резонанс и влияло на геополитическую ситуацию в мире.

Приблизившаяся, по некоторым оценкам, к статусу «экономической державы № 1» КНР пока не ставит перед собой цели доминировать глобально, а ограничивается задачей регионального возвышения и усиления своего влияния в мире.

Борьба за источники внешних ресурсов для внутреннего развития подвигает Китай к поиску способов увеличения возможностей экономического и политического взаимодействия с соседними и более отдаленными регионами. Сложность для КНР заключается в наличии значительного числа конфликтов и противоречий с соседями по АТР, не позволяющих плавно двигаться к намеченным целям. Кроме того, недовольство «китайской экспансией» выражают и некоторые страны в других районах развивающегося мира, например, в Африке.

На наш взгляд, Китай лучше и четче России понимает, формулирует и артикулирует свои национальные интересы. Ее колебания в недавнем прошлом между выделением европейского или азиатского векторов своей политики в качестве главного свидетельствуют именно об этом. К тому же нынешний антироссийский курс США и политика западных санкций ставят под угрозу ее мечту о роли «звезды, связующей Азию с Европой».

С явной опаской Россия восприняла и китайскую идею «новых Шелковых путей», не без основания усматривая в ней возможность ущемления ее собственных планов относительно исполнения этой ключевой роли и, одновременно, препятствие интенсификации использования Транссиба и других своих транспортных коридоров для ускорения развития отдаленных сибирских и дальневосточных районов.

В то же время возвращение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, к которому в Китае отнеслись неоднозначно, стало весомой и важной заявкой не только на укрепление ее стратегических позиций в южной части Европы, но и на усиление российского влияния на процесс продвижения мировой архитектуры в направлении многополярности.

Очевидно, что при столь разнонаправленных интересах и целях трех стран ни о каких совместных действиях по формированию основ будущего мироустройства в рамках «тройственного формата» речи сегодня идти не может. Возможны лишь совместные шаги по отдельным направлениям частично совпадающих интересов, таким, как разработка и освоение новых технологий и ресурсов, борьба с экстремизмом, международным терроризмом, нарко- и киберугрозами и т. п.

Тем не менее, характер взаимоотношений между странами «тройки» ключевым образом повлияет на процесс формирования нового миропорядка. Важное значение при этом будут иметь конкретные ролевые функции, которые эти государства возьмут на себя в период взаимной адаптации к условиям искомого геополитического равновесия.

Среди возможных моделей будущего полицентричного мироустройства наиболее сбалансированной и малоконфликтной представляется та из них, при которой у каждой из трех стран эти функции будут разными, но переплетающимися и естественным образом дополняющими одна другую. Например, в случае функционирования США в качестве технологического, Китая — производственного, а России — ресурсного центров. При подобном «распределении обязанностей» добиться гармонизации взаимоотношений легче и проще. Однако реальная ситуация вряд ли будет близка к идеальной, и тогда на первый план неизбежно выдвинутся амбициозные стремления, открывая дорогу к конфликтным ситуациям, новым вариантам биполярности или открытому противоборству.

России в этом случае сложно будет «устоять на нейтральной полосе» и, вероятно, придется примыкать к одной из сторон. При выработке парадигмы взаимоотношений между ней, США и Китаем в

условиях формирования нового миропорядка важно иметь в виду, что определяющими факторами будут:

- внутренняя ситуация в каждой из этих стран;
- изменения в их комплексной мощи;
- изменения в соотношении сил между ними;
- изменения в общем балансе сил.

Еще недавно казалось, что столкновение между Россией и США невозможно. Но ныне теоретическая возможность такого конфликта возникла вновь. По данным соцопроса компании «Гэллуп», отношение к России в США резко ухудшилось: в рейтинге враждебности она вышла у американцев на 1-е место, потеснив Китай, Иран и Северную Корею. Злейшим врагом Америки ее называют сейчас 18 % американцев по сравнению с 9 % в 2014 г. и лишь с 2 % в 2013 г. В то же время число американцев, считающих врагом Китай, за год уменьшилось с 20 до 12 %, а Иран — с 16 до 9 %³⁸⁷.

И хотя Россия не бомбит по своему усмотрению другие страны, как это делали США в отношении Югославии, Ирака или Ливии, не свергает правительства в соседних с Америкой государствах, не строит на американских границах своих баз и не продвигает к этим границам свои военные союзы, для США она становится главной угрозой.

Это происходит потому, что поколение американцев, выросшее после холодной войны, было воспитано в том духе, что основной гарантией безопасности их страны является в худшем случае военный паритет, а в лучшем — американское военное доминирование. И для них нетерпимо, что Россия включила в свою ядерную доктрину положение о возможности применения ядерного оружия первой. Тем более, оставаясь единственной страной, которая способна уничтожить США. Сыграли роль и диаметрально противоположные взгляды на ситуацию в горячих точках, прежде всего вокруг Украины, где опасность втягивания обеих стран в конфликт существует реально.

Украина является сегодня, безусловно, центральным, но не единственным пунктом в противостоянии между Россией и Западом. Она лишь эпизод общей и более масштабной конфронтации в

отношениях между ними. Некоторые западные эксперты полагают, что хотя нынешний кризис пока не следует отождествлять с новой холодной войной, тем не менее, отношения России с Западом уже не вернуть в то состояние, в котором они находились даже после российско-грузинского конфликта в 2008 г., поскольку Запад и Россия теперь противники³⁸⁸.

В то же время они утверждают, что нынешняя конфронтация России с Западом не носит характера глобальной и не распространяется на весь остальной мир подобно периоду реальной холодной войны во второй половине XX века, так как «мир уже не является биполярным», и в конфликте не участвуют нынешние ключевые международные игроки и ведущие мировые державы, такие, как Китай и Индия. Однако его усугубляет то, что каждая из сторон винит в его разжигании противоположную, но ни та, ни другая не ожидают сегодня многого от отношений друг с другом.

И все же, оценивая характер конфронтации России с США и Западом как локальный конфликт, западные аналитики признают, однако, что он сопровождается нарушениями баланса сил не только в Европе, но и в других регионах, в частности в Восточной Азии и АТР в целом. Отмечается, что с продвижением НАТО на Восток конфликтоспособность в Восточной Европе усиливается, напряженность растет, а такие государства, как Беларусь, Молдова и та же Украина, становятся «промежуточными зонами» этой конфронтации.

Одновременно новый курс США в Европе вызывает у их азиатских союзников, особенно у Японии, опасения по поводу того, что в АТР может произойти «разбалансировка», так как пользующийся переключением внимания Америки на Европу Китай усиливает свое региональное влияние и ужесточает нажим на своих соседей.

Российское видение характера и динамики развития конфликта с Западом, повлекшего возникновение текущей ситуации, можно кратко суммировать в следующих четырех пунктах:

1. Начавшая после ельцинского развала 1990-х годов возрождаться и укрепляться под руководством В. Путина Россия попыталась реанимировать на международной арене свой статус ведущей мировой державы. Это стремление впервые прозвучало в речи рос-

сийского президента в Мюнхене в 2007 г. Но в то время нас не захотели услышать, сделав вид, что не поняли.

2. В дальнейшем в ходе налаживания обоюдновыгодного сотрудничества с Западом российское руководство неоднократно напоминало ему, что с нами следует считаться как с одной из крупных глобальных держав. Однако это проигнорировали, полагая, видимо, что поскольку Россия больше заинтересована в экономической и технологической помощи со стороны Запада, чем он в ней, то она должна постоянно выказывать сервильность перед ним, постепенно превращаясь в его вассала.

3. Россия постаралась обозначить свои интересы и дала понять, что будет их отстаивать. Те из них, которые, по разумению Запада, вступили в противоречие с его интересами, были отвергнуты им как неприемлемые.

4. Очевидным в итоге стало то, что главной целью всех западных демаршей оказалось устранение В. Путина с поста Президента Российской Федерации, поскольку он является наиболее серьезной помехой к установлению над Россией такого контроля, который Запад считает необходимым, — по существу лишаящим ее самостоятельности и ущемляющим суверенитет.

Западные политологи, в отличие от некоторых западных политиков, ищут подходы к постепенному преодолению конфликтного тупика в отношениях с Россией. Они предложили, в частности, хотя бы:

- согласиться с тем, что недоверие друг к другу часто искажает представление одной стороны о намерениях другой, а это, в свою очередь, является наиболее серьезным препятствием на пути к сотрудничеству;
- прекратить взаимные обвинения и проанализировать, что именно в собственном поведении каждой стороны могло привести к подрыву отношений, поскольку такие действия являются, как правило, не односторонними, а обоюдными;
- и, наконец, не принуждать соперника менять его поведение, а создавать условия для того, чтобы он сам пересмотрел свои взгляды и характер действий.

Отказ России «играть по западным правилам» в ситуации вокруг Украины высветил еще одну существенную тенденцию: в мире становится все больше стран, которые отказываются этим правилам подчиняться. За спиной России, открыто бросившей вызов западным странам, стоят новые крупные, крепнущие державы, призванные составлять опору нарождающегося многополярного мира. Монополярность уже обнаружила свою взрывоопасность и неустойчивость. «Новая биполярность» с участием США и Китая неустойчива и неэффективна. И только многополярность, полицентричность способны обеспечить надежную основу грядущего мироустройства.

Примечания

- ¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 2000. С. 11—12.
- ² См.: Занегин Б.Н. Китайская революция на геополитических весах // США-Канада: экономика, политика, культура. № 1. 2000.
- ³ Место Китая в глобальной политике США. — М.: Наука, 1987. С. 9.
- ⁴ Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2009. С. 9.
- ⁵ Там же. С. 9—10.
- ⁶ Поздняков Э.А. Философия политики. Т.2. — М.: Палея, 1994. С. 256—266.
- ⁷ Плешаков К.В. Геополитика и идеология в отношениях между СССР, США и КНР в Восточной Азии (1949—1991): автореф. дис. ... докт. полит. наук. М.: ИСКРАН, 1994. С. 13.
- ⁸ Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970—90-е гг. — М., 1996. С. 7.
- ⁹ Одним из основоположников подобного «географического» подхода был известный британский историк Арнольд Тойнби, считавший, что все мировые цивилизации развиваются и приобретают свои особенности в борьбе с окружающей средой.
- ¹⁰ См.: H. Sprout, M. Sprout. The Ecological Perspective on Human Affairs with Special Reference to International Politics. — Princeton, 1965.
- ¹¹ См.: Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. — М.: АСТ-Астрель, 2006. С. 505.
- ¹² Место Китая в глобальной политике США. С. 10.
- ¹³ Проблемы Дальнего Востока. № 2. 2012. С. 81.
- ¹⁴ G. Moseley. China Since 1911. — N.Y.: Harpers and Row, 1970. P. 84—85.
- ¹⁵ J.S. Service. Lost Chance in China. — N.Y.: Random House, 1975. P. 335.
- ¹⁶ Foreign Relations of the United States (далее FRUS), 1943. China. P. 193—194.
- ¹⁷ Tang Tsou. America's Failure in China, 1941—1950. — Chicago: Phoenix Books, 1967. Vol. 1. P.140.

- ¹⁸ См.: B. Porter. Britain and the Rise of Communist China. — London-New York-Toronto, 1967. P.16. Цит. по: Воронцов В.Б. Дело «Амерэйша». М.: Международные отношения, 1974. С. 13.
- ¹⁹ H. Forman. Report from the Red China. — N.Y., 1945. P. 177—178.
- ²⁰ Цит. по: Панцов А. Мао Цзэдун. — М.: Молодая гвардия, 2007. С. 460.
- ²¹ FRUS, 1943. China. P. 258—266.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ J.S. Service. Lost Chance in China. — N.Y.: Random House, 1975. P. 128.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Ibid. P. 129.
- ²⁸ FRUS, 1943. China. P. 263.
- ²⁹ J.S. Service. The Amerasia Papers: Some Problems in the History of US-China Relations. — Berkely: Center for Chinese Studies, University of California, 1971. P.179—180.
- ³⁰ The Amerasia Papers: A Clue to the Catastrophe of China. Vol. 1—2, prepared by the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary. United States Senate. — Wash., GPO, 1970. Vol.1. P. 91—101.
- ³¹ J.S. Service. Lost Chance... P. 306.
- ³² FRUS, 1944. Vol.6. China. P. 537—538.
- ³³ Ibid. P. 636—640.
- ³⁴ J.S. Service. Lost Chance... P. 291.
- ³⁵ B. Tuchman. If Mao Had Come to Washington // Foreign Affairs. № 1. October 1972.
- ³⁶ J.P. Davies. Dragon by the Tail. American, British, Japanese and Russian Encounters with China and One Another. N.Y.: Norton, 1972. P.321.
- ³⁷ Владимиров П.П. Особый район Китая, 1942—1945. — М.: АПН, 1973. С.299.
- ³⁸ Там же. С. 302.
- ³⁹ Там же. С. 302—303.
- ⁴⁰ Там же. С. 306—307.
- ⁴¹ См.: U.S. Department of State. United States Relations with China, with Special Reference to the Period 1944—1949. — Wash.: GPO, 1949. P. 569.
- ⁴² Новейшая история Китая. — М.: Наука, 1984. С. 222.
- ⁴³ FRUS, 1944. Vol.6. China. P. 696.
- ⁴⁴ H.S. Truman. Memoirs: Years of Trail and Hope. — N.Y.: Doubleday, 1956. Vol. 2. P. 72.

- ⁴⁵ *J. Grew*. Turbulent Era: a Diplomatic Record of Forty Years. 1904—1945. — London, 1962. P.1456—1457.
- ⁴⁶ *W. Mills*, ed. Forrester Diaries. — N.Y.: Viking Press, 1951. P.53.
- ⁴⁷ *A. Harriman*. Peace with Russia. — N.Y., 1960. P.4—5.
- ⁴⁸ U.S. Congressional Record, 79th Congress. 1st session, 1945. Vol. XCI. Part 2. P. 2137—2138; part 4. P. 4476—4481; part 6. P. 7300—7302, 7384; part 11. P. A2258. — Wash.: GPO, 1945.
- ⁴⁹ U.S. Congressional Record, 79th Congress, 1st session, 1945. Vol. XCI. Part 8. P. 10995, 11150. — Wash.: GPO, 1945.
- ⁵⁰ FRUS. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (Potsdam Conference). — Wash.: GPO, 1960. Vol.1. P.906.
- ⁵¹ *H.S. Truman*. Op. cit. P. 111, 113.
- ⁵² *W. Millis*, ed. Op. cit. P.109.
- ⁵³ «United States Relations with China...». Annex 71 (a). P. 627—628.
- ⁵⁴ Ibid. Annex 64—68. P. 610—621.
- ⁵⁵ *Павляк С.* Политика США по отношению к Китаю, 1941—1955. — М.: Прогресс, 1976. С.187.
- ⁵⁶ United States Relations with China.... P. 150—152.
- ⁵⁷ *Tang Tsou*. America's Failure in China, 1941—1950. — Chicago: Phoenix Books, 1967. Vol.2. P.426.
- ⁵⁸ Цит. по: *Воронцов В.Б.* Дело «Амерэйша»... С. 80.
- ⁵⁹ Там же. С. 7—9.
- ⁶⁰ International Herald Tribune. August 14, 1978.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² U.S. Congressional Record, 79th Congress, 2nd session, 1946. Vol.XC11, part 12. P.A4726. — Wash.: GPO, 1946.
- ⁶³ *D. Borg, W. Heinrichs*, ed. Uncertain Years. Chinese-American Relations, 1947—1950. — N.Y.:Columbia University Press, 1980. P.4, 10.
- ⁶⁴ *A. Vandenberg Jr.* ed. The Private Papers of Senator Vandenberg. — Boston: Houghton, Mifflin, 1952. P. 522.
- ⁶⁵ *J.A. Fetzer*. Congress and China, 1941—1950. Michigan State University, Ph. D, 1969. P. 88.
- ⁶⁶ U.S. Congressional Record, 80th Cong., 1st session, 1947. Vol. XCIII. Part 13. P. A4452-A4453; 80th Cong., 2nd session, 1948. Vol. XCIV. Part 2. P. 1873; 81st Cong., 1st session, 1949. Vol. XCV. Part 1. P. 15. — Wash.: GPO, 1947, 1948, 1949.
- ⁶⁷ New York Times. November 25, 1947.
- ⁶⁸ «United States Relations with China...». P. 212—255.
- ⁶⁹ *H.S. Truman*. Memoirs... V.2. P. 62.
- ⁷⁰ «United States Relations with China...». P. 766—775.
- ⁷¹ Ibid.

- ⁷² Новое время. № 4. 1987. С. 18.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. С. 19.
- ⁷⁵ Там же. С. 20.
- ⁷⁶ *Жемчугов А.* Шпион в окружении Андропова. — М.: Вече, 2004. С. 154.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 282—283.
- ⁷⁹ U.S. Department of State. United States Relations with China, with Special Reference to the Period 1944—1949. — Wash.: GPO, 1949. P. 174.
- ⁸⁰ U.S. Congress. Senate. Committee on Judiciary. Institute of Pacific Relations. Hearings. 82nd Congress, 1st and 2nd sessions. — Wash.: GPO, 1951—1952. P. 1714.
- ⁸¹ U.S. Department of State. United States Relations with China, with Special Reference to the Period 1944—1949. — Wash.: GPO, 1949. P. 271—272.
- ⁸² Ibid. P. 279.
- ⁸³ Ibid. P. 280.
- ⁸⁴ *Картунова А.* Китайский вопрос на VII пленуме ИККИ: дискуссия в Китайской комиссии (декабрь 1926 г.) // См.: Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2012. С. 128.
- ⁸⁵ Там же. С. 131.
- ⁸⁶ *Сталин И.* Сочинения. Т. 8. — М., 1948. С. 366.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же. С. 367.
- ⁸⁹ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937—1944. — М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 42.
- ⁹⁰ См.: *Панцов А.* Мао Цзэдун. С. 420.
- ⁹¹ *Мясников В.С., Ледовский А.М.* Отношения СССР с Китаем в период японо-китайской войны (1937—1945). С. 8—9. Подробнее об этом см.: *Сотникова И.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937—1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. № 3. 2011. С. 124.
- ⁹² Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 270—271. Цит. по: *Панцов А.* Мао Цзэдун. С. 429.
- ⁹³ Личное дело Мао Цзэдуна //РГАСПИ. Ф.495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 242—243. Цит. по: *Панцов А.* Мао Цзэдун. С. 413.
- ⁹⁴ Запись из дневника Г. Димитрова. Цит. по: *Панцов А.* Мао Цзэдун. С. 449—450.
- ⁹⁵ Там же. С. 450.
- ⁹⁶ *Лавренов С., Попов И.* Советский союз в локальных войнах и конфликтах. — М.: Астрель, 2005. С. 45—46.
- ⁹⁷ Там же. С. 46.
- ⁹⁸ URL: <http://nvo.ng.ru/printed/244379>

- ⁹⁹ Мясников В.С., Ледовский А.М. Отношения СССР с Китаем... С. 199.
- ¹⁰⁰ Сотникова И. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937—1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. № 3. 2011. С. 123.
- ¹⁰¹ Подробнее о Гао Гане, его взаимоотношениях со Сталиным и руководством КПК, а также о перипетиях его судьбы см.: Ковалев И.В. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном // Проблемы Дальнего Востока. № 6. 1991. С. 88—91.
- ¹⁰² Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Два вождя. М., 2009. С. 85.
- ¹⁰³ Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942—1945. С. 413.
- ¹⁰⁴ Галенович Ю.М. Сталин и Мао... С. 332.
- ¹⁰⁵ Лавренов С., Попов И. Советский Союз в локальных войнах... С. 46—47.
- ¹⁰⁶ Галенович Ю.М. Сталин и Мао... С. 332—333.
- ¹⁰⁷ Итоги. 05.10.2004. С. 72—74.
- ¹⁰⁸ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937—1952. — М. 1999. С. 183.
- ¹⁰⁹ Галенович Ю.М. Сталин и Мао... С. 383.
- ¹¹⁰ Там же. С. 382.
- ¹¹¹ См.: Uncertain Years. Chinese-American Relations, 1947—1950 / Ed. by D. Borg & W. Heinrichs. Columbia University Press, N.Y. — 1980. P. 295—297.
- ¹¹² Ковалев И.В. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном // Проблемы Дальнего Востока. № 6. 1991. С. 84.
- ¹¹³ Проблемы Дальнего Востока. № 1. 1992. С. 77.
- ¹¹⁴ Проблемы Дальнего Востока. № 6. 1991. С. 84.
- ¹¹⁵ Там же. С. 86.
- ¹¹⁶ Там же. С. 88.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Проблемы Дальнего Востока. № 1. 1992. С. 81.
- ¹¹⁹ Там же. С. 82.
- ¹²⁰ Галенович Ю.М. Сталин и Мао... С. 38.
- ¹²¹ Цит. по: Мао Tse-tung. Selected Works. — Peking: Foreign Language Press. P. 443.
- ¹²² Современная внешняя политика США. Т. 2. — М.: Наука, 1984 С. 307.
- ¹²³ FRUS. 1949. Vol. 8. Far East and China. P.4.
- ¹²⁴ Ibid. P. 62—63.
- ¹²⁵ Ibid. P. 16—18.
- ¹²⁶ D.S. Zagoria. Ideology and Chinese Foreign Policy // Ideology and Foreign Policy: A Global Perspective. — N.Y., L., 1978. P. 103—116.
- ¹²⁷ Ibid.
- ¹²⁸ Ibid.

- ¹²⁹ Павляк С. Политика США по отношению к Китаю, 1941—1955. — М.: Прогресс, 1976. С. 268.
- ¹³⁰ Хунци. № 6. 1988. С. 27—28.
- ¹³¹ Шэн Чжухуа. Сулянь чжуанця цзай чжунго, 1948—1960 : [Советские специалисты в Китае, 1948—1960 гг.]. — Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо чубаньшэ, 2003. С. 42—44.
- ¹³² Там же. С. 58—60.
- ¹³³ Там же. С. 62—75.
- ¹³⁴ Dwight D. Eisenhower. The White House Years. Vol. II. Waging Peace (1956—1961). — N.Y.: Doubleday, 1965. P. 292—304.
- ¹³⁵ Ibid.
- ¹³⁶ Дубинин Ю.А. Китайско-американские отношения. 1955—1972 гг.: дис. ... канд. ист. наук / МГИМО МИД СССР. М., 1975. С. 78.
- ¹³⁷ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. — М., 1959. С. 219—220.
- ¹³⁸ Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945—1970 гг. Краткий очерк. — М.: Мысль, 1972. С. 172—173.
- ¹³⁹ См.: Место Китая в глобальной политике США. — М.: Наука, 1987. С. 20, сноска 25.
- ¹⁴⁰ R. Strausz-Hupe, W. Kintner, S. Possony. International Relations: In the Age of the Conflict Between Democracy and Dictatorship. — N.Y., 1950. P. 279.
- ¹⁴¹ Кеннеди Р. Обрести новый мир. Цит. по: Яковлев Н.Н. Преступившие грань. — М.: Международные отношения, 1970. С. 305.
- ¹⁴² E. Neazo, S. Hess. Nixon. A Political Portrait. — N.Y., 1968. P. 312.
- ¹⁴³ H.J. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States. — N.Y., Wash-L., 1969. P. 9, 99.
- ¹⁴⁴ См.: Orbis. Spring 1962. P. 37.
- ¹⁴⁵ Галенович Ю.М. Один строй — два государства (1949—1991 гг.). — М., 2011. С. 26.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 27.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 27.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 28.
- ¹⁵¹ Там же. С. 29.
- ¹⁵² Сергейчук С. США и Китай. — М.: Международные отношения, 1969. С. 92.
- ¹⁵³ См. напр.: Кузьмин В.В. Китай в стратегии американского империализма. — М.: Международные отношения, 1978. С. 31.
- ¹⁵⁴ The New York Times. December 30, 1963.

- ¹⁵⁵ Department of State Bulletin, January 6, 1964. P. 11—17.
- ¹⁵⁶ The New York Herald Tribune. February 13, 1964.
- ¹⁵⁷ *F.R. Dulles. American Policy Toward Communist China. The Historical Record: 1949—1969.* — N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1972. P. 188—210.
- ¹⁵⁸ Ibid.
- ¹⁵⁹ *Каница М.С. Три десятилетия — три политики.* — М.: Издательство политической литературы, 1979. С. 210.
- ¹⁶⁰ *F.R. Dulles. American Policy...* P. 204.
- ¹⁶¹ См.: *The Pentagon Papers.* — N.Y.: The New York Times Company, 1971.
- ¹⁶² *Background Information Relating to South—East Asia and Vietnam (2nd Revised Edition) / Committee on Foreign Relations. U.S. Senate.* — Washington, 1965. P. 136.
- ¹⁶³ *Сергейчук С. США и Китай.* С. 143.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 142—144.
- ¹⁶⁵ *Кузьмин В.В. Указ. соч.* С. 29.
- ¹⁶⁶ *A.D. Barnett, E.O. Reischauer, (eds.) The United States and China: The Next Decade.* — N.Y.: Praeger Publishers, 1970.
- ¹⁶⁷ Ibid. P. 47.
- ¹⁶⁸ Ibid. P. 154—158.
- ¹⁶⁹ Ibid. P. 114.
- ¹⁷⁰ Цит. по: *K.T. Young. Negotiating with the Chinese Communists: the United States Experience, 1953—1967.* — New York — Toronto — London, Sydney, 1968. P. 237—238.
- ¹⁷¹ The Times. March 1, 1964.
- ¹⁷² *Дубинин Ю.А. Китайско-американские отношения...* С. 159.
- ¹⁷³ *A.D. Barnett. Uncertain Passage. China's Transition to the Post-Mao Era.* — Wash.: Brookings, 1974. P. 283.
- ¹⁷⁴ Ibid. P. 274.
- ¹⁷⁵ Ibid. P. 248.
- ¹⁷⁶ См.: *H.J. Morgenthau. A New Foreign Policy...* P. 97—195; *H.J. Morgenthau. Truth and Power, Essays of a Decade 1960—1970.* — N.Y.- Wash.-L., 1970. P. 320—395.
- ¹⁷⁷ См.: *Richard Moorsteen and Morton Abramowitz. Remaking China Policy. U.S. — China Relations and Governmental Decisionmaking.* — Cambridge (Mass.), 1971. P. 52; *A.D. Barnett. A New U.S. Policy Toward China.* — Wash.: Brookings, 1971. P. 124.
- ¹⁷⁸ См.: *Foreign Affairs.* October 1967. P. 122—124.
- ¹⁷⁹ Иногда высказывания руководящих деятелей США о стремлении использовать «китайский фактор» для усиления позиций Америки по отношению к СССР становились достоянием общественности. Так, в июле 1970 г. в беседе с

- комментатором канала ABC. Р. Никсон говорил: «Контрмера (против СССР. — *А.Д.*) состояла бы в том, чтобы урегулировать отношения с его соседом-противником. Никто не знает, какая информация и какие преимущества могут быть получены, как только каналы будут открыты». См.: *Washington Post.* April 25, 1971.
- ¹⁸⁰ См. напр.: *The New York Times,* August 21, September 14, 1969; *The New York Post,* December 20, 1969; *United States Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by Ricard Nixon, President of the United States,* February 18, 1970, Wash., 1970.
- ¹⁸¹ См. напр.: *H. Kissinger. My Years in the White House.* — N.Y., 1979.
- ¹⁸² Цит. по *A.D. Barnett. A New Policy Toward China.* — Wash.: Brookings, 1971. P. 16.
- ¹⁸³ *R. MacFarquhair (ed.) Sino-American Relations, 1949—1971.* — N.Y.: Praeger Publishers, 1972. P. 7.
- ¹⁸⁴ В контексте дипломатии «малых шагов» в ноябре 1969 г. США провели «успокоительную» передислокацию 7-го американского флота, контролировавшего с 1970 г. Тайваньский пролив. Его непрерывное состояние боевой готовности было заменено патрулированием «по мере надобности». Одновременно численность флота была сокращена на 25 %. 15 декабря 1969 г. США объявили о намерении вывезти с Окинавы ядерное оружие, что было обусловлено предстоящей передачей острова под юрисдикцию Японии и распространением на него конституционного запрета на размещение ядерного оружия. При этом они отказались от первоначальной идеи размещения этого оружия на Тайване. В июле 1971 г. американское правительство заявило о прекращении полетов над территорией КНР пилотируемых и беспилотных разведывательных самолетов.
- ¹⁸⁵ *Кузьмин В.В. Указ. соч.* С. 130, 131.
- ¹⁸⁶ *Киссинджер Г. О Китае.* М., 2013. С. 290.
- ¹⁸⁷ Место Китая в глобальной политике США. — М.: Наука, 1987. С. 24—25.
- ¹⁸⁸ *Time.* October 1, 1979.
- ¹⁸⁹ *H.J. Morgenthau. A New Foreign Policy...* P. 243.
- ¹⁹⁰ См.: *Цянь Даюн. Никсон юй мэйгоды дуйвай гуаньси : [Никсон и внешняя политика] // Гоцзи вэньти яньцзю.* 1983. № 3. С. 9—14.
- ¹⁹¹ *Лавренов С., Попов И. Советский Союз в локальных конфликтах.* — М.: Астрель, 2005. С. 368—369.
- ¹⁹² *US News and World Report.* December 22, 1975.
- ¹⁹³ Ibid. December 8, 1975.
- ¹⁹⁴ Ibid.
- ¹⁹⁵ См.: «Basket Three: Implementation of the Helsinki Accords». *Hearings before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Vol. II. Wash., 1977.* P. 274—287.

- ¹⁹⁶ *Z. Brzezinski*. Power and Principle: Memoirs of National Security Adviser, 1977—1981. — N.Y.: Farrar, Straus, Girous, 1983. P. 150.
- ¹⁹⁷ Ibid. P. 542.
- ¹⁹⁸ Цит. по: США: экономика, политика, идеология. № 8, 1979. С. 86.
- ¹⁹⁹ *Z. Brzezinski*. Power and Principle... P. 54.
- ²⁰⁰ Ibid.
- ²⁰¹ *J. Carter*. Keeping Gait: Memoirs of a President. — Toronto etc.: Bantam Books, 1982. P. 195.
- ²⁰² *Z. Brzezinski*. Power and Principle... P. 197.
- ²⁰³ *C. Vance*. Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy. — N.Y.: Simon and Schuster, 1983. P. 76.
- ²⁰⁴ *H. Brown*. Thinking about National Security: Defense and Foreign Policy in Dangerous World. — Boulder (Col.): Westview Press, 1983. P. 120.
- ²⁰⁵ Ibid. P. 128.
- ²⁰⁶ Ibid. P. 134.
- ²⁰⁷ Ibid. P. 136.
- ²⁰⁸ *Z. Brzezinski*. Power and Principle... P. 201.
- ²⁰⁹ *C. Vance*. Hard Choices... P. 78.
- ²¹⁰ Ibid. P. 113.
- ²¹¹ *J. Carter*. Keeping Gait... P. 193.
- ²¹² *H. Brown*. Thinking about National Security... P. 125.
- ²¹³ *Z. Brzezinski*. Power and Principle... P. 201—202.
- ²¹⁴ Ibid. P. 207—208.
- ²¹⁵ *H. Brown*. Thinking about National Security... P. 133.
- ²¹⁶ Ibid. P. 134.
- ²¹⁷ Ibid. P. 217.
- ²¹⁸ Los Angeles Times. January 14, 1980.
- ²¹⁹ Asian Survey. August 1977.
- ²²⁰ *T.W. Robinson*. Choice and Consequence in Sino—American Relations. — Orbis. Philadelphia, 1981. Vol. 25. № 1. P. 29—51.
- ²²¹ Christian Science Monitor. March 30, 1982.
- ²²² См.: Проблемы Дальнего Востока. № 4. 1981. С. 7.
- ²²³ Newsweek. March 1, 1982.
- ²²⁴ Ibid.
- ²²⁵ The New York Times. February 2, 1982.
- ²²⁶ Шицзе чжиши. № 19. 1984.
- ²²⁷ Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2004. С. 168.
- ²²⁸ *Цянь Цичэнь*. Вайцзяо шицзи : [Десять очерков по проблемам внешней политики]. — Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003. С. 16—17.

- ²²⁹ U.S. News and World Report. February 21, 1983.
- ²³⁰ Newsweek. May 24, 1982.
- ²³¹ Ibid.
- ²³² The Washington Post. September 25, 1983.
- ²³³ См.: China Policy for the Next Decade. Report of the Atlantic Council's Committee on China Policy. — Wash. October 1983.
- ²³⁴ Проблемы Дальнего Востока. № 1, 1984. С. 132.
- ²³⁵ The Chicago Tribune. April 25, 1984.
- ²³⁶ Жэньминь жибао. 18.01.1984.
- ²³⁷ См.: США: экономика, политика, идеология. № 8, 1984. С. 18.
- ²³⁸ Newsweek. April 30, 1984.
- ²³⁹ U.S. News and World Report. May 7, 1984.
- ²⁴⁰ *Gaston J. Sigur*. U.S. Policy in East Asia and the Pacific. Introductory Remarks. 4-th Joint Conference on Peace and Security in Asia, June 25—28. Moscow. P. 8.
- ²⁴¹ См.: *Занегин Б.Н.* Америко-китайские отношения // Соединенные Штаты Америки и Канада. Научно-информационный бюллетень. ДСП. 1986. № 1(51). С. 53.
- ²⁴² Economist. August-September, 1985.
- ²⁴³ *Richard H. Solomon*. China Seeks «Independence». A New Phase in the Strategic Triangle. 4-th Joint Conference on Peace and Security in Asia, June 25—28, 1985. P. 2.
- ²⁴⁴ Такие оценки высказывались, в частности, в выступлениях некоторых представителей Шанхайского института международных отношений на встрече в МГИМО МИД РФ 25 сентября 2001 года.
- ²⁴⁵ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 2002. С. 205.
- ²⁴⁶ Christian Science Monitor. 09.04.1993.
- ²⁴⁷ Подробнее о взаимных уступках и ходе их нормализации см.: *Григорьева Е.А.* Отношения Китая и США на современном этапе // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: Тезисы докладов IV Международной научной конференции. Ч. 1. — М., 1993.
- ²⁴⁸ Washington Post. 15.02.1990.
- ²⁴⁹ Жэньминь жибао. 26.06.1990; Peking Review. 1990. № 22.
- ²⁵⁰ См.: Фактор Китая во взаимоотношениях РФ и США. «Заочный» круглый стол российских и американских китаеведов // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 97.
- Уточним при этом, что днем прекращения существования СССР официально считается 26 декабря 1991 г., хотя некоторые учреждения и организации СССР еще продолжали функционировать в течение 1992 г.
- ²⁵¹ Там же. С. 99.

- ²⁵² Там же. С. 98.
²⁵³ Там же.
²⁵⁴ Там же. С. 97.
²⁵⁵ Там же. С. 99.
²⁵⁶ Там же.
²⁵⁷ Там же.
²⁵⁸ *Gregory J. Moore*. Constructing Cooperation in Northeast Asia: Historical Northeast Asian Dyadic Cultures and the Potential for Greater Regional Cooperation // *Beyond History: Reconciliation, Cooperation and Social Integration in Northeast Asia at Zhejiang University, Hangzhou, China, December 3, 2011*.
²⁵⁹ Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 90.
²⁶⁰ Там же. С. 91.
²⁶¹ Там же. С. 92.
²⁶² Там же.
²⁶³ Там же. С. 93.
²⁶⁴ Там же.
²⁶⁵ Там же. С. 94.
²⁶⁶ Там же.
²⁶⁷ Там же. С. 94—95.
²⁶⁸ См.: США—Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 7. С. 4.
²⁶⁹ *Дин Куйсун, Нью Синьчунь*. Развитие китайско-американских отношений: поиск сотрудничества // Сяндай гоцзи гуаньси. 1999. № 1—2. С. 79—83.
²⁷⁰ *Xi Laiwang*. Toward a 21st Century-Oriented Sino-US Strategic Partnership // *Contemporary International Relations*. Vol. 7. № 11. November, 1997. P. 1—11.
²⁷¹ Ibid.
²⁷² Ibid.
²⁷³ Компас. № 45 / ИТАР-ТАСС. 06.11.97.
²⁷⁴ Непризнание суверенитета острова, непризнание концепции «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня», непризнание участия Тайваня в ООН и других международных организациях, членство в которых требует государственного статуса.
²⁷⁵ *K. Holsti*. *International Politics: A Framework for Analysis*, 4th ed. — Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall Inc., 1983. P. 97.
²⁷⁶ Ibid.
²⁷⁷ *Zbigniew Brzezinski*; *Living with China* // *National Interest*. Spring 2000. Issue 59. P. 5—21.
²⁷⁸ Цит. по: *Дин Куйсун, Нью Синьчунь*. Развитие китайско-американских отношений... С. 79—83.
²⁷⁹ Компас. № 6 / ИТАР-ТАСС. 10.02.2000.

- ²⁸⁰ Там же.
²⁸¹ *U.S. Senate*. Select Committee on Intelligence. Report on Impacts on U.S. National Security of Advanced Satellite Technology Exports to the People's Republic of China (PRC); Report on the PRC's Efforts to Influence U.S. Policy. — Wash., May 1999.
²⁸² Report of the Select Committee on U.S. National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China. — Wash., 1999.
²⁸³ Лидер большинства в сенате Трент Лотт заявил в 1999 г., что гонконгская компания «Хатчинсон Вампоа лимитед», имеющая подряд на проводку судов через Панамский канал и их обслуживание, на самом деле контролируется НОАК.
²⁸⁴ Polling Report. com. URL: www.pollingreport.com/china.htm
²⁸⁵ Московские новости. № 15. 2001.
²⁸⁶ Шицзе цзинци юй чжэнчжи. № 2. 2001. С. 61.
²⁸⁷ Независимая газета. 05.09.2001.
²⁸⁸ Цанькао сяоси. 13.03.2002.
²⁸⁹ Из заявления представителя МИД КНР на пресс-брифинге в Пекине 22 ноября 2001 г.
²⁹⁰ URL: www.strana.ru, 28.12.2001.
²⁹¹ См., в частности: *Лексютина Я.В.* США и Китай: линии соперничества и противоречий. — СПб., 2011. С.172.
²⁹² Там же. С. 173—174.
²⁹³ *R. Zoellick*. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S.-China Relations. 21.09.2005. P. 1. URL: http://www.ncuscr.org/files/2005Gala_RobertZoellick_Whither_China1.pdf
²⁹⁴ *Лексютина Я.В.* Указ. соч. С. 176.
²⁹⁵ Жэньминь жибао. 12.07.2005.
²⁹⁶ Там же.
²⁹⁷ Жэньминь жибао. 21.07.2005.
²⁹⁸ *Лексютина Я.В.* Указ. соч. С. 177.
²⁹⁹ Компас. 2006. № 12. С. 17.
³⁰⁰ *Лексютина Я.В.* Указ. соч. С. 177.
³⁰¹ Китайская Народная Республика в 2006 г. Политика, экономика, культура. — М., 2007. С. 264.
³⁰² DPRK Warns South against Sanctions // *China Daily.com*. 26.10.2006. URL: http://www2.chinadaily.com.cn/world/2006-10/26/content_717342.htm
³⁰³ Сяндай гоцзи гуаньси. № 10. 2007.
³⁰⁴ Жэньминь жибао он-лайн. 04.04.2007.
³⁰⁵ URL: <http://www.inosmi.ru/print/238892.html>
³⁰⁶ URL: <http://www.rambler.ru/news/press/americanpress/554533210.html?print=1>

- ³⁰⁷ URL: <http://www.inosmi.ru/print/238892.html>
- ³⁰⁸ URL: <http://www.inosmi.ru/print/238975.html>
- ³⁰⁹ URL: <http://www.rambler.ru/news/press/americanpress/554533210.html?print=1>
- ³¹⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6339387.html>
- ³¹¹ Давыдов А. США—КНР: партнерство или соперничество? // Азия и Африка сегодня. № 6. 2008. С. 8.
- ³¹² URL: <http://www.vz.ru/politics/2008/2/26/147678.print.html>
- ³¹³ URL: http://www.newsru.com/world/18mar2008/pekintibet_print.html
- ³¹⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6420083.html>
- ³¹⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6410273.html>
- ³¹⁶ URL: www.census.gov/foreign-trade 14.07/2008
- ³¹⁷ Гареев М.А. Афганская страда. М., 1999. С. 34.
- ³¹⁸ См.: Девятков А. Политические итоги Олимпиады-2008 в Пекине, или «Что такое гармония мира по-китайски?» // Союз военных китаеведов России. Интернет. 03.09.2008.
- ³¹⁹ Цит. по материалам ТВ-программы «Постскриптум», июль 2008 г.
- ³²⁰ URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/25/7288.html>
- ³²¹ J.L. Gaddis. And Now This: Lessons from the Old Era for the New One. Oxford: The Persues Press, 2001. P.13.
- ³²² Цит. по: Фоменко А. Американская защита // Московские новости. № 15. 2007.
- ³²³ Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. — СПб.: ИД «Азбука-классика», 2008. С.336—337.
- ³²⁴ Там же. С.317.
- ³²⁵ Выступление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 17 марта 2007 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf
- ³²⁶ Проблемы Дальнего Востока. № 2. 2012. С. 99.
- ³²⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6549122.html>
- ³²⁸ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6573014.html>, 13/01/2009.
- ³²⁹ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=241884>
- ³³⁰ Давыдов А. «Китайская головоломка» администрации Б. Обамы // Азия и Африка сегодня. № 4. 2010. С. 5.
- ³³¹ URL: <http://www.inosmi.ru/print/246645.html>
- ³³² Financial Times. 14.01.2009. URL: <http://www.inosmi.ru/print/246645.html>.
- ³³³ URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/26/usachina2wchi/>
- ³³⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6564984.html>
- ³³⁵ Лукин А. Мир после кризиса: тень «большой двойки» // Ведомости — Ежедневная деловая газета. 05.03.2009. № 39 (2309).

- ³³⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6622760.html>
- ³³⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6627761.html>
- ³³⁸ The White House Press Office. Statement on Bilateral Meeting with President Hu of China. 01.04.2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/>
- ³³⁹ URL: <http://www.izvestia.ru/news/news201292?print>
- ³⁴⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6630406.html>
- ³⁴¹ См., напр.: Шицзе чжиши. № 22. 2009.
- ³⁴² URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6817249.html>
- ³⁴³ URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_10971/
- ³⁴⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7268074.html>
- ³⁴⁵ См.: доклад Вэнь Цзябао «О работе правительства», представленный 4-й сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2011 г.
- ³⁴⁶ Ibid.
- ³⁴⁷ Синьхуа. 23.10.2012.
- ³⁴⁸ URL: www.mignews.com/print/181012_161507_35796.html
- ³⁴⁹ URL: <http://kyrgyztoday.kg/ru/analitika/item/22384>
- ³⁵⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8263012.html>
- ³⁵¹ URL: <http://russian.cri.cn/841/2013/04/18/1s465258.htm>
- ³⁵² URL: <http://www.politcom.ru/print.php?id=15874>
- ³⁵³ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8261615.html>
- ³⁵⁴ URL: <http://www.dw.de/>
- ³⁵⁵ URL: <http://ria.ru/analytics/20130607/942013915.html>
- ³⁵⁶ China Daily. 07.06.2013.
- ³⁵⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8491545.html>
- ³⁵⁸ Бажанов Е.П. Китай от срединной империи до сверхдержавы XXI века. — М., 2007. С. 341.
- ³⁵⁹ URL: http://www.ng.ru/world/2007-08-08/7_russia.html
- ³⁶⁰ Там же.
- ³⁶¹ Там же.
- ³⁶² URL: <http://nvo.ng.ru/printed/7005>
- ³⁶³ Проблемы Дальнего Востока. № 2. 2012. С. 98.
- ³⁶⁴ Там же. С. 99.
- ³⁶⁵ Шэн Шилан. Китайско-российское сотрудничество в новой ситуации // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения / ИДВ РАН; Университет Цинхуа. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 197.
- ³⁶⁶ Аргументы и факты. № 5. 2015. С. 13. URL: www.aif.ru
- ³⁶⁷ Проблемы Дальнего Востока. № 2. 2012. С. 107.
- ³⁶⁸ Там же. С. 107—108.

- ³⁶⁹ Там же. С. 108.
³⁷⁰ Там же. С. 109.
³⁷¹ Проблемы Дальнего Востока. № 1. 2011. С. 53—54.
³⁷² Проблемы Дальнего Востока. № 2. 2012. С. 112.
³⁷³ Там же. С. 111.
³⁷⁴ Там же. С. 112.
³⁷⁵ Там же. С. 118.
³⁷⁶ Там же. С. 114.
³⁷⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 191.
³⁷⁸ Там же. С. 192—194.
³⁷⁹ См.: Виноградов А. Россия и Китай в условиях противостояния с Западом: союзники, партнеры или соперники? URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/09/08/rossiya-i-kitay-v-usloviyakh-protivostoyaniya-s...>
³⁸⁰ Там же.
³⁸¹ См.: Давыдов А.С. США—КНР: реальна ли «новая биполярность // Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее): Тезисы докладов XVI международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25—27 октября 2006 г.). Часть 1. С. 161—166.
³⁸² См.: R. Legvold. Managing the New Cold War // Foreign Affairs, Jul/Aug 2014. Vol. 93. Issue 4.
³⁸³ Жэньминь жибао он-лайн. 04.04.2007.
³⁸⁴ Яковлев Н.Н. Преступившие грань. С. 195—196.
³⁸⁵ Там же. С. 198.
³⁸⁶ URL: <http://www.golos-ameriki.ru/articleprintview/1555683.html>
³⁸⁷ Аргументы и факты. № 9. 2015. URL: www.aif.ru
³⁸⁸ R. Legvold. Managing the New Cold War // Foreign Affairs. Jul/Aug 2014. Vol. 93. Issue 4.

SUMMARY

**PEKING, WASHINGTON, MOSCOW:
THE RELATIONSHIP IN THE CONTEXT
OF TRANSFORMATION
OF THE GLOBAL ARCHITECTONICS**

Key words: China, the USA, Russia, strategic triangle, Chinese-American relations, the relationship between USA and Russia.

In the world, as we know, nothing is forever frozen and unchanged. Therefore, world architecture representing, by definition, “organic compound forming the modern world of individual countries, regions, continents in composite integral world space”, is also in the process of constant transformation. This phenomenon is objective, though some driving forces of it, of course, reflect subjective impulses or actions of its individual participants.

Over the past three quarters of a century the most important participants and, in a sense, the driving forces of this process were China, the USA and the USSR (later — Russia). Their steps on the world stage and the relationships between them gave rise to a series of events witnesses of which we had a chance to become.

China is not accidentally calling itself the “Middle State”, the actual center of the world. And the point is not so much the glorification of its own exceptionalism, due to alleged civilizational superiority and achievements of five millennia of its existence, but the geopolitical position which it occupied and continues to occupy in the world today, making the other subjects of contemporary international relations unable to ignore it. That is why the struggle for China, for the influence on it and the conquest of its favorable attitude became an integral element of the foreign policies of two age-old rivals on the world stage — Russia and the United States.

At the turn of the 1980s-90s the collapse of the world system of socialism, the most serious political and economic crisis in the USSR, actually leading to its destruction, have deprived our country of the status of “leading global player”. The Soviet leadership was unable to defend the position of a superpower. A strategic retreat, “surrendering” former friends and allies, the loss of coordinates and vectors of geopolitical development were external manifestations of the heavy defeat of the USSR in the cold war.

At the same time the end of the XX century was marked by the end of the era of ideological confrontation in the field of international relations, and in the com-

ing new century ideological and class factors lost their leading roles in foreign policy, giving priority to other significant factors — economic, geopolitical, environmental, religious and military.

However, the first signs of the impending changes in the global architectonics became apparent still at the turn of the 1970s, when the Sino-Soviet split and the rapprochement between China and the United States emerged as the beginning of a new configuration in the global “balance of power”. Relying upon anti-Soviet tendencies inherent in foreign policy of the PRC in that period America tried to turn China into a long-term effect of “containment” of the USSR not only in regional but also in global scale. To the extent that American leaders felt the “counter-reaction” on the part of Peking, these attempts became even more obvious as the U.S. — China rapprochement, down to the elements of strategic interaction on the world stage, seriously shook the foundations and stability of the then bipolar world order.

The collapse of the USSR — the main military-strategic rival of the USA — marked the accession of the world in the early 1990s in a qualitatively different stage. United States of America, which appeared after the collapse of the world system of socialism in the position of sole global superpower, took over the functions of “World Cop” and initiated the reorganization and restructuring of world geostrategic space for the purpose of preserving and consolidating its own hegemony. Using, and often designing a variety of conflict situations, the U.S. began to push the modern world in the direction of single polarity, skillfully hiding behind the idea of “globalization” and the need to combat international terrorism.

In the six decades since the founding of the PRC Sino-U.S. relations have undergone a very difficult and thorny path. Undergoing sharp bends, experiencing the “ups and downs”, they showed unusual zigzag nature. This is largely due to the fact that in US policy towards the PRC ever-present ideological and geopolitical components sometimes dictate to Americans mixed and not always compatible strategic decisions. Those were the considerations of pragmatism that, as a rule, forced Washington to seek and achieve understanding with ideologically alien leaders of the Communist China.

Despite significant zigzags in building the U.S.—China relations, the USA has not refused completely, under certain conditions, from intentions to re-engage in a particular embodiment the “Chinese factor” for their own political and globalist goals, because in practical terms America often refers to the use of various modifications of its favorite concept of “balance of power”.

2009 — the year of the 60th anniversary of the founding of the PRC, largely became the key turning point in the development of global political and economic processes. The global financial and economic crisis and purely internal turmoil

(collapses in the stock markets, rising unemployment, weakening of national currencies in several countries, Iraq, Afghanistan and other syndromes) launched the process of destruction of a unipolar world headed by the USA.

During these same years a powerful force scored China, actually turning from a regional leader into a global superpower that became now the main contender for the role of “country # 2” in the world.

The proposed study aims to identify the nature of the causes and factors leading to changes in relationship between the US, China and the USSR at the turn of the 1970s, which contributed to the subsequent global geopolitical transformations. Its objectives are the definition of the degree of impact of these changes on the process of dismantling of the bipolar world system; the establishment of patterns of folding in new geopolitical conditions of the foundations of the emerging global architectonics; clarifying the specific role of each of three countries and their combined “triple format” in the forming of the model of the future world order; an understanding of how the nature of the relationship between the US, China, and Russia in the format of so-called “triangle”, as well as at regional and global levels can affect the formation of a new world economic and political order.

The chronological framework of the study covers the period of nearly seven decades — from the mid 1940s to 2013. The work analyzes in detail the time period of the 1940s — the start, according to the author, of the process of folding later so-called “triple size” relationship between China, the USA and the USSR — when the first official contacts of American military representatives with the leadership of the CPC in Yenan had started, interpreted in the 1970s by some historians and political scientists as “lost chance” to establish relations with those Communists who came to power in China in 1949, in order to achieve the subsequent political consensus, which would prevent the formation of an alliance between China and the USSR.

Another important period was the end of the 1960s, which became a kind of a milestone in the relationship of China with the USSR (the events on the island of Damansky in March, 1969), and the USA (coming in the White House of Richard Nixon in January 1969 along with the early developments of the so-called “new Chinese policy”).

The conclusion of the study up to 2013 is due to the fact that this year also outlined a “frontier” — the time of changes in power structures of the USA, China and Russia and the starting point of building the relations between them in a new geopolitical situation, when America began gradually lose its status as global hegemon, and China started transforming itself from a regional to one of the world's leading global powers.

Научное издание

Давыдов Андрей Сергеевич

**Пекин, Вашингтон, Москва:
взаимоотношения в контексте трансформации
глобальной тектоники**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректоры *Н.Б. Потапова, Л.С. Лаврова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 19.10.2015
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 25,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ № 19

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.